Г. В. МЕЛИХОВ

МАНЬЧЖУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

(XVII в.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. В. Мелихов

МАНЬЧЖУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ (XVII в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

9(М)1 (Китай)
М47

Ответственные редакторы
Л. И. Думан и В. С. Мясников

В книге на китайских документах раскрывается захватническая политика Маньчжурского государства на Дальнем Востоке в конце XVI—XVII в., история консолидации маньчжурских племен и характер взаимоотношений маньчжуров и народностей Приамурья и Приморья, система управления Северо-Востоком и хозяйственное освоение этого района цинскими властями, а также описывается агрессия Цинской империи в 80-х годах XVII в. против русских владений в Приамурье.

М $\frac{\text{10603-141}}{\text{013(02)-74}}$ **74-95**

©Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

Жене и другу
Таисии Васильевне Мелиховой
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Выяснение вопроса о территории, на которой происходила консолидация маньчжурской народности, о характере маньчжурских военных походов на Дальнем Востоке в первой половине XVII в., история присоединения и колонизации Цинской империей земель на Северо-Востоке (в Дунбэе) * представляют большой научный интерес.

С этими основными проблемами тесно связаны и история вооруженного вторжения Цинской империи в Приамурье в 80-х годах XVII в., и заключение первого русско-китайского Нерчинского договора 1689 г.

Только в XVII в. стремление цинских правителей к дальнейшим захватам на Северо-Востоке и вторжение за его пределы привели к столкновению с интересами Русского государства, успешно осуществившего к тому времени хозяйственное освоение Приамурья и включившего его в состав своей страны. Экспансия цинского Китая в указанном районе с этого времени превратилась в одну из серьезнейших проблем межгосударственных отношений на Дальнем Востоке, наложив глубокий отпечаток на всю историю русско-китайских отношений в последующий период.

Некоторые из указанных выше проблем были до сих пор чрезвычайно слабо освещены в специальной литературе, фактически впервые стали объектом научного изучения и поэтому, естественно, не могли получить в работе окончательного и исчерпывающего решения.

Вместе с тем такие проблемы, как консолидация маньчжурской народности, становление у маньчжуров своей государственности и присущих ей институтов, история русско-китайских отношений в XVII в., требующие специального

---

* Под Северо-Востоком (Дунбэем) имеется в виду территория трех современных северо-восточных провинций Китайской Народной Республики (Ляонин, Гирин и Хэйлунцзян), а также часть территории Автономного округа Внутренняя Монголия. Однако в условиях XVII в. эти районы еще не являлись частью Китая. Для XVII в. нельзя применять к данному району термин «Маньчжурия», ибо собственно маньчжурские племена занимали только небольшую часть указанной территории, а появление самого обозначения этого района как «Маньчжурия» относится только к концу XIX — началу XX в. Все эти соображения заставляют нас в дальнейшем применять термин «Северо-Восток» как географическое понятие, но в более узком смысле, чем современное название «Дунбэй».

исследования, не освещаются в настоящей работе, рассматривающей лишь одну сторону данного комплекса проблем, а именно исключительно аспект территориальный.

Работа построена в основном на маньчжуро-китайских документах и материалах, дополняющих материалы русских архивных документов, использованных в работах наших предшественников. Источники взяты нами в их китайском эквиваленте. Китайский язык являлся одним из трех официальных языков Цинской империи (наряду с маньчжурским и монгольским), и на нем обязательно дублировался каждый официальный труд, издававшийся в Цинской империи.

Именно материалы маньчжуро-китайских источников позволяют с наибольшей убедительностью и полнотой показать действительную картину распространения политического влияния Цинской империи на Дальнем Востоке. Эти новые, впервые введенные в научный оборот исторические материалы и документы являются ценными источниками для дальнейшего изучения как истории русско-китайских отношений (где уже давно назрела необходимость более широкого привлечения китайских документов и материалов), так и различных проблем политической истории стран и народностей Дальнего Востока в XVII в.

* * *

Основные китайские источники, использованные в работе, можно разделить на три группы: к первой, важнейшей группе следует отнести официальные правительственные хроники — «шилу» — маньчжуро-цинских государей с 1583 по 1689 г. включительно, а также официальные издания документов в трудах «Баци тунчжи чуцзи» и «Пиндин лоча фанлюе» [1].

Вторую группу источников составляют официальные географо-статистические описания, посвященные Северо-Востоку, — «Шэнцзин тунчжи» и «Цзилинь тунчжи».

В третью группу входят неофициальные, частные географические описания, в первую очередь «Любянь цзилюе» Ян Биня и «Нингута цзилюе» У Чжэнь-чэня, а также «Цзилинь вайцзи» Саинъэ и «Хэйлунцзян вайцзи» Сицина.

Из первой группы источников в работе использованы: «Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу», «Цин Тайцзу Ухуанди Нурхаци шилу», «Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу», «Да Цин Шицзу Чжанхуанди шилу», «Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу». Эти записи, объединенные в единый свод «Да Цин личао шилу», представляют собой собрание разнообразных архивных материалов и документов, воспроизводящих фотолитографическим способом в четверть натуральной величины одну из рукописных копий этого труда, хранившуюся в импе-

раторском дворце в г. Мукдене (Шэньяне). Изданы они были в Японии в 1937 г. по специальному заказу Государственного совета марионеточного правительства «империи Маньчжоу-го» тиражом 300 экземпляров. Отбор материалов для «шилу» в Цинской империи производился специально назначенными комиссиями. Этот факт свидетельствует о целенаправленной официально-тенденциозной методике составления этого источника. Вместе с тем его колоссальный объем и использование в «шилу» подлинных делопроизводственных актов позволяют говорить о наличии в нем достаточного количества объективной информации. Так, например, за одной лаконичной строчкой в перечне источников, использованных для составления «шилу»: «Записи о походах и триумфальных возвращениях войска и преподнесении [захваченных] пленных», скрывается обширный и богатейший материал о военных походах, предпринимавшихся при Нурхаци и Абахае[2], на северные, западные и восточные племена вокруг владения Маньчжоу и на Китай.

В «шилу» о правлении Абахая, несмотря на то что именно при нем получили дальнейшее развитие все основы маньчжурских социальных и политических институтов, все же наибольший удельный вес занимают сведения военного характера. Военная деятельность, разработка вопросов стратегии и тактики, войны с соседними народами — все это составляло основное содержание деятельности второго маньчжурского хана.

При использовании источника следует иметь в виду то важное обстоятельство, что на формирование центральных органов власти Маньчжурского государства, еще до вторжения маньчжуров в Китай, огромное влияние оказала структура минского государственного аппарата. Наряду с заимствованием этого аппарата маньчжурами были восприняты и некоторые китайские политические концепции и институты, и в том числе институт дани. Для Китая этот институт дани, как единственная форма внешнеполитических связей с сопредельными и отдаленными народами, в свою очередь являлся порождением определенных политических концепций. Среди них важнейшее место занимала концепция об универсальном характере власти китайского императора над соседними народами, оценка окружающего мира как своеобразного мира хуа и, т. е. собственно Китая и якобы окружающих его варваров, о своеобразной «варварской» периферии. Маньчжуры тоже стали претендовать на универсальность господства их ханов над соседними народами; так называемый китаецентризм был заменен маньчжуроцентризмом. Вместе с этим нужно отметить, что «Тайцзун шилу» создавались уже после утверждения маньчжурской династии Цин на китайском престоле, когда маньчжуро-цинами была воспринята вся китай-

ская официальная и дипломатическая терминология. Эта терминология нашла свое отражение в указанном источнике. Взаимоотношения с северо-восточными племенами в китайском официальном делопроизводстве стали обозначаться как «даннические», а подарки из числа местных продуктов, которые ими приносились, как «дань» от этих племен маньчжурскому правителю.

Эта новая терминология, внесенная в маньчжурские документы значительно позднее, находится в очевидном противоречии с духом той политики всемерного привлечения к маньчжурам этих народностей, которая была столь характерна для первых маньчжурских императоров. Собственно говоря, те «даннические» отношения, о которых говорится в «Тайцзун шилу», могли являться одной-единственной формой выражения внешней политики малых народов и племен по отношению к государству маньчжуров. Поэтому к свидетельству маньчжуро-цинских источников следует относиться с большой осторожностью.

«Шилу» более поздних периодов — правления Шуньчжи и Канси — содержат чрезвычайно ценные материалы, в особенности по истории внешних сношений Цинской империи в XVII — первой половине XVIII в. Здесь исследователь может найти огромный исключительно ценный материал о подготовке маньчжуров к военным действиям против русских поселений на Амуре и о событиях, связанных с заключением Нерчинского договора. Богатейшая подборка материалов о взаимоотношениях с русскими позволяет проследить все этапы маньчжурской агрессии против Албазина.

Большой интерес представляют также материалы о дипломатических отношениях различных народов Северо-Востока, Приамурья и Приморья с маньчжуро-цинами, разнообразные сведения об этих народах. Можно утверждать, что в «шилу» нашли отражение все важнейшие документы внешней политики маньчжуров и цинского Китая.

Наряду с положительными сторонами «Да Цин личао шилу», позволяющими говорить о нем как о весьма ценном историческом источнике, следует указать и на некоторые присущие ему недостатки. При отборе архивных документов для «шилу» несомненно имела место определенная официальная тенденциозность, что, безусловно, искажало подлинное освещение того или иного исторического события. Эта тенденциозность источника выразилась и в его перегруженности второстепенными материалами, в то время как некоторые ценные для исследователя документы, в том числе и императорские указы, не вошли в него. Следует отметить также и то обстоятельство, что сведения «шилу» не систематизированы по тематическому признаку, а расположены в хронологической последовательности [3].

Все эти обстоятельства следует иметь в виду при использовании материалов источника.

Важнейшим из известных в настоящее время источников, освещающих историю восьми маньчжурских знамен, является «Баци тунчжи чуцзи». Наряду с компилятивными материалами источник содержит разделы, построенные на оригинальном материале, не обнаруженном ни в одном из известных в настоящее время исторических источников. В этом отношении он является чрезвычайно ценным дополнением к «шилу».

Большой интерес представляют цзюани III—X о времени формирования нюру (кит. «цзолин» — «рота») восьми знамен и об этническом составе каждой из этих нюру, цзюани XI—XII о восьми монгольских знаменах и цзюани XIII—XVI о восьми китайских знаменах.

Однако, пожалуй, наибольшую ценность источника представляет исключительно полный раздел биографий маньчжурских, китайских и монгольских военных и политических деятелей различных рангов (около 5 тыс. биографий), занимающий по объему около трех четвертей источника (цзюани CXXIX—CCL). Эти биографии приводятся в «Баци тунчжи чуцзи» более подробно, чем в других официальных и неофициальных цинских источниках и биографической литературе. Включение в эти биографии императорских указов, донесений и докладов с мест, которые не включены в соответствующие разделы «шилу», имеет немаловажное значение для дополнительной характеристики ряда аспектов внешней и внутренней политики маньчжурских правителей.

Биографические сведения приведены в источнике по состоянию на 8 октября 1735 г. (23-й день 8-й луны 13-го года Юнчжэна) [4].

Таким образом, «Баци тунчжи чуцзи» — чрезвычайно ценный источник для нашей темы [5].

Интересным источником является «Пиндин лоча фанлюе» (в 4 цзюанях). Во всех изданиях не указывались выходные данные, и он преподносился как анонимная работа. В настоящее время представилась возможность установить составителя этого труда и уточнить годы его создания. По сведениям «Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу», автором «Пиндин лоча фанлюе» является чжанъюань сюеши (президент) академии Ханьлинь — Чан Шу; составление труда было высочайше разрешено Канси 8 октября 1685 г. [см. 12, цз. 122, 4а]. Последние события, встречающиеся в тексте, относятся к концу января 1690 г.

Таким образом, труд составлялся непосредственно во время событий, которые в нем описывались, т. е. в конце 80-х годов XVII в., и раньше компиляции соответствующих разделов «Шэнцзу шилу». Это заставляет отнестись к данным, приводимым источником, с большим вниманием.

Изложение событий в нем начинается с 16 сентября 1682 г. — даты засылки под Албазин маньчжурских разведчиков Лантаня и Пэнчуня. Материал источника представляет собой подборку архивных документов, относящихся к военным действиям на Амуре и в подавляющей своей части позднее вошедших в «Шэнцзу шилу». Вместе с тем транскрипция имен собственных и географических названий не унифицирована, как это сделано в «шилу»; ряд документов преподносится в редакции, несколько отличающейся от редакции аналогичного документа в «шилу». События изложены не в строгой хронологической последовательности. Эти моменты также косвенно подтверждают приоритет «Пиндин лоча фанлюе» перед «Шэнцзу шилу» и позволяют использовать сведения этого ценного источника на равных основаниях с указанным официальным собранием документов и материалов.

Следует отметить, что хотя в этом памятнике материал представлен значительно у́же, чем в «шилу», однако в нем встречаются документы и даже указы Канси, отсутствующие в «шилу». Именно эти материалы дополняют историю маньчжуро-цинской агрессии на Амуре некоторыми весьма важными подробностями [6].

Вторую группу использованных нами источников составляют официальные географические описания Северо-Восточного Китая. Одним из наиболее ранних дошедших до нас описаний Северо-Востока является «Шэнцзин тунчжи», первое издание которого относится к 1684 г. Несмотря на свое название, этот официальный источник сообщает сведения не только о собственно мукденских землях, но также и о всех соседних землях, известных его составителям в данном регионе. Здесь имеются специальные разделы, посвященные землям Нингуты и Гирина (цзюань 8). Однако характерно, что аналогичный раздел по Хэйлунцзяну в издании 1684 г. еще отсутствовал и имелось лишь краткое упоминание о крепости Айхунь.

В последующий период «Шэнцзин тунчжи» многократно переиздавался, причем в переработанном виде и со значительными дополнениями. В настоящее время мы располагаем изданиями 1736, 1770, 1776 и 1782 гг. Последнее издание было «высочайше утвержденным» и было значительно расширено по сравнению с предшествующими. Оно состояло из 45 цзюаней, в том числе в него впервые был включен специальный цзюань по Хэйлунцзяну.

Наиболее ценные сведения этого источника содержатся в разделе о государственных границах Цинской империи на Северо-Востоке (цзюань 8). Сведения труда по исторической географии были широко использованы нами для идентификации различных географических названий Северо-Востока XVII в. с современными.

Определенный интерес представляют и географические карты, которыми снабжалось каждое издание этого труда, в особенности для сравнения карт разных изданий в целях выяснения эволюции географических представлений маньчжуров и китайцев о землях Северо-Востока.

Первая попытка перевода выборочных сведений из «Шэнцзин тунчжи» принадлежит русскому синологу профессору В. П. Васильеву [см. 63, 1—77]. Все приведенные в работе В. П. Васильева данные снабжены авторским комментарием. Благодаря тщательному отбору сведений эта небольшая работа насыщена огромным фактическим материалом. К сожалению, перевод В. П. Васильева не снабжен какими-либо отсылками на страницы и цзюани оригинала.

Для идентификации географических названий Северо-Востока, а также для извлечения данных о населении этого района нами был использован источник «Цзилинь тунчжи», компиляция и выпуск в свет которого относятся к концу 90-х годов прошлого века. Первая общая оценка и библиографические данные об этом труде, а также перевод нескольких его глав на русский язык принадлежат перу известного русского китаеведа профессора А. В. Рудакова [168, т. 1].

Переходя к третьей группе использованных нами источников — частных географических описаний — следует прежде всего остановиться на «Любянь цзилюе» Ян Биня. Это сочинение принадлежит к числу весьма немногочисленных дошедших до нас трудов о Северо-Востоке, созданных непосредственно на месте китайцами-ссыльнопоселенцами.

Материал источника представляет собой собрание разнообразнейших сведений о землях северо-восточной окраины Цинской империи, относящихся к различным историческим эпохам (как Мин, так и Цин). Источник является своеобразной небольшой энциклопедией по истории и быту северо-восточного района Китая в конце XVII — первой половине XVIII в., что позволяет поставить его в один ряд с «Шэнцзин тунчжи».

Несмотря на всю его важность и ценность для науки, источник до настоящего времени использовался в специальной литературе значительно меньше, чем «Нингута цзилюе» У Чжэнь-чэня, оставаясь почти вне поля зрения исследователей истории и исторической географии Северо-Востока КНР.

«Любянь цзилюе» не только в ряде случаев подтверждает и дополняет те отрывочные сведения, которые можно найти в «шилу», но и систематизирует их, снабжая ценным для современного исследователя авторским комментарием. Сведения этого источника, безусловно, отражают фактическое положение дел на Северо-Востоке в тот период, очевидцем которого был автор. Несмотря на ограниченность исторического источника, его четкие свидетельства по некоторым вопросам при-

обретают в ряде случаев важное значение и могут послужить основанием для принципиальных выводов [7].

Редким и интересным свидетельством о Нингуте является сочинение другого китайского ссыльного поселенца на Северо-Востоке, У Чжэнь-чэня, «Нингута цзилюе». Так же как и «Любянь цзилюе», источник сообщает нам много интересных подробностей и деталей. Впервые русским синологам этот источник стал известен благодаря переводу его на русский язык, сделанному В. П. Васильевым [см. 1].

Труд У Чжэнь-чэня содержит разнообразные сведения о Нингуте, ее природных условиях, населении, его нравах и обычаях. В этом источнике до нас дошло одно из первых в китайской литературе известий о появлении в Приамурье русских людей. «Нингута цзилюе» сообщает нам наиболее ценные сведения о приезжающих сюда представителях различных местных племен для «преподнесения соболей». Исследование этого вопроса позволило сделать вывод о приезде в Нингуту хурха, хэйцзинь и фэйяка главным образом с целью меновой торговли. Сообщаемые источником сведения этнографического характера об этих племенах также представляют большой интерес и использованы в работах русских этнографов.

Единственным ощутимым «недостатком» труда является его краткость. По объему сообщаемых сведений «Нингута цзилюе» значительно уступает рассмотренной нами выше работе современника У Чжэнь-чэня — Ян Биня, но имеет перед нею то преимущество, что в ряде случаев освещает вопросы, которые оставил без внимания автор «Любянь цзилюе».

«Хэйлунцзян вайцзи» Сицина составлен в 1810 г., впервые напечатан в 1894 г.; «Цзилинь вайцзи» Саинъэ издан около 1895 г. Оба источника интересны некоторыми архивными материалами, относящимися к XVII в. и отсутствующими в официальных изданиях аналогичного типа. Однако вместе с тем они не свободны от ошибок. Так, например, в «Цзилинь вайцзи» получила неверное освещение история Нингуты.

* * *

Если, как мы указали выше, источники представляют в наше распоряжение богатейший и исчерпывающий материал по исследуемым вопросам, то научная литература по данной теме чрезвычайно немногочисленна. Большинство имеющихся работ затрагивают лишь отдельные аспекты истории колонизации Цинской империей территории Северо-Востока или ограничиваются общими положениями. Отсутствуют какие-либо специальные монографические исследования.

Русская и советская литература. Изучению различных проблем исторического прошлого народностей и

племен, проживавших в XVI—XVII вв. на территории современного Северо-Востока КНР, советского Приамурья и Приморья, в том числе и маньчжуров, русские и советские ученые уделяли сравнительно мало внимания. Несравненно более широко изучалась этнография этих народностей, причем наибольший вклад в этой области внесен именно советскими учеными, среди которых следует прежде всего отметить В. К. Арсеньева, Б. О. Долгих, Ч. М. Таксами и других [43; 93; 94; 184].

В одной из наиболее ранних работ, связанных с некоторыми аспектами нашего исследования, — работе В. Горского «Начало и первые дела Маньчжурского дома», многочисленные военные набеги маньчжуров на север и северо-восток совершенно правильно оцениваются как кратковременные экспедиции, ставившие своей целью в первую очередь захват живой силы соседних племен и увод ее на территорию государства Маньчжоу, а также захват военной добычи и мехов [см. 79].

Работы советских историков 20—30-х годов внесли огромный вклад в вопросы популяризации истории проникновения русских на Амур и начального этапа русско-китайских отношений. К их числу относятся прежде всего работы С. В. Бахрушина «Казаки на Амуре» и «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» и К. В. Базилевича «В гостях у богдыхана (Путешествия русских в Китай в XVII в.)». Вместе с тем следует отметить, что эти работы несколько переоценивают маньчжурское влияние в Приамурье.

Из советских историков, затрагивавших в своих работах вопросы продвижения Русского государства на восток и начального периода русско-китайских отношений, крайне нигилистические позиции занимал К. А. Харнский [см. 192].

Однако уже в 1938 г. в работе Л. И. Думана была высказана точная оценка как территориального аспекта Нерчинского договора 1689 г., так и роли этого договора в дальнейшем развитии русско-китайских отношений. Л. И. Думан писал: «По этому договору устанавливалось, правда временное, соглашение о границах между Китаем и Россией, причем из владений России исключалась Амурская область... Русское правительство, не желая обострять отношения с Китаем и терять выгоды взаимной торговли, пошло на значительные уступки, передав Маньчжурской империи земли, ей, по существу, не принадлежавшие. Амурская область была заселена независимыми племенами, и Россия, завоевав эту область, вовсе не захватывала территорию Цинской империи» [97, ч. II, 2].

В трудах русских и советских ученых из всего комплекса рассматриваемых нами проблем больше всего внимания уделялось расселению народностей Дальнего Востока в XVII—

XVIII вв. Среди этих работ следует в первую очередь отметить труды академика Л. И. Шренка, В. И. Огородникова и Б. О. Долгих [202; 153; 93; 94].

Л. И. Шренк в своем труде «Об инородцах Амурского края» по существу впервые воссоздал в основном верную картину расселения народов Приамурья и Приморья в XVII в.

У В. И. Огородникова в его работах «Очерк истории Сибири до начала XIX столетия» и «Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в.» расселение этих народностей дано исключительно на основании опубликованных русских архивных материалов («Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»).

Большой заслугой Б. О. Долгих является введение им в научный оборот в своем капитальном труде «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» такого важного и не использованного ранее источника, как «Ясачная книга даурские и дючерские и гилятцкие земли 163 года» Онуфрия Степанова, представляющая ясные доказательства степени распространения русского влияния на приамурские народы в 50-х годах XVII в. Вместе с тем Б. О. Долгих вслед за Л. И. Шренком говорит о дючерах как об «этнографической группе маньчжуров» [94, 557, 558; 202, т. 1, 154—155], с чем, безусловно, никак нельзя согласиться.

Статья Е. П. Лебедевой «Расселение маньчжурских родов в конце XVI — начале XVII в.», посвященная проблеме расселения народов Дальнего Востока на рубеже XVI—XVII вв., представляет собой краткое изложение сведений из маньчжурского источника 1744 г. «Чжакунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ» (в китайском эквиваленте этот источник известен как «Баци маньчжоу шицзу тунпу»). Однако при более внимательном изучении этого труда, составленного в период цяньлуновской литературной инквизиции, его сведения оказываются в значительной степени фальсифицированными. Е. П. Лебедеву можно серьезно упрекнуть в том, что она совершенно некритически восприняла эти позднейшие маньчжурские фальсификации как подлинные данные о расселении маньчжурских родов в XVI—XVII вв. Определенным недостатком работы Е. П. Лебедевой является также полное отсутствие попыток связать приводимые в статье названия местностей с современными географическими названиями Северо-Востока Китая.

Из многочисленных работ А. В. Гребенщикова полезной для нас оказалась его книга «Маньчжуры, их язык и письменность». Работа представляет собой краткий очерк истории консолидации маньчжурской народности, построенный на русской и западноевропейской литературе.

В последние годы со стороны советских историков наблюдается большой интерес к вопросам истории раннего периода

русско-китайских отношений, причем появляются и удачные монографические исследования по отдельным аспектам данной темы. К ним можно отнести книги М. И. Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем», Н. И. Рябова и М. Г. Штейна «Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII — начало XX в.», П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.», П. И. Кабанова «Амурский вопрос», Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова «Первые русские дипломаты в Китае („Рукопись" И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова)», В. А. Александрова «Россия на Дальневосточных рубежах», «Русско-китайские отношения в XVII в.» (тт. 1—2), а также статьи Г. Рабича «К вопросу о русско-китайских отношениях XIII—XVII вв.», В. А. Александрова «Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г.», Р. В. Вяткина и В. С. Мясникова «Документы по истории русско-китайских отношений», В. С. Мясникова «Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина», Л. А. Дербова «Начало дипломатических и торговых отношений России с Китаем», Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова «О датировке грамот императоров минской династии царю Михаилу Федоровичу», П. Т. Яковлевой «Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.)» и др.

Работа П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.» построена на широком круге русских источников и архивных документов, значительная часть которых публикуется впервые. Для нашей темы в этой книге ценно то, что в ней освещаются помимо собственно истории Нерчинского договора также история русской колонизации Даурии и Приамурья и основные этапы русско-китайских отношений до 1689 г., приводится по этим вопросам огромный фактический материал.

Удачное освещение в работе всех основных вопросов темы является безусловно заслугой автора, отмеченной еще первыми рецензентами книги — А. Н. Копыловым и В. С. Мясниковым [см. 118, 177].

Вместе с тем следует отметить, что даже в такой специальной работе история агрессии Цинской империи на Амуре, а также история нерчинских переговоров дана очень кратко. Это, безусловно, явилось следствием отсутствия в распоряжении автора материалов маньчжуро-китайской стороны, равно как и данных о степени колонизации маньчжурами территории Северо-Востока к моменту заключения Нерчинского договора.

Так, автор высказывает даже сомнение в существовании у цинских послов на нерчинских переговорах какого-либо специального наказа. Между тем маньчжурские и китайские

материалы, не использованные автором, сообщают много нового для лучшего уяснения хода нерчинских переговоров и изменения позиции маньчжуро-цинской стороны, которая в освещении этих документов предстает гораздо более логичной и последовательной, хотя и не меняет своего глубоко враждебного России и захватнического, агрессивного характера.

В 1969 г. было опубликовано ценное исследование В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)», воссоздающее целостную, исторически наиболее полную и точную картину продвижения Русского государства на восток, хозяйственного освоения русскими поселенцами Приамурья и Забайкалья и — в самом широком плане — политики России на Дальнем Востоке на протяжении 60—90-х годов XVII в.

В 1969 и 1972 гг. вышел в свет фундаментальный труд «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы» в двух томах. Археографическая обработка текста проведена Н. Ф. Демидовой. Исторические введения, принадлежащие перу В. С. Мясникова, представляют собой глубокое исследование по истории русско-китайских отношений в XVII в., в котором изложена научная концепция этих отношений.

Таким образом, очевидно, что, несмотря на отдельные неудачи, русская и советская историография проблем раннего периода русско-китайских отношений накопила огромный фактический материал и дала в основном правильное освещение поставленной темы.

Китайская литература. Значительное внимание рассматриваемым нами проблемам, и в этой связи русско-китайским отношениям, уделяли также и китайские авторы. Среди ранних китайских сочинений заметное место занимают работы Хэ Цю-тао [240; 241]. Содержание его основного труда «Шофан бэйчэн» и основные данные о нем впервые приведены на русском языке в работе Н. В. Кюнера [см. 125, 287—290]. Н. В. Кюнер указывает, что сочинение это «по полноте и обстоятельности изложения занимает особое место в китайской литературе, представляя специальный интерес для исследования истории Сибири с ранних времен до 40-х годов XIX в.» [125, 287]. Эта оценка является, на наш взгляд, завышенной и не может быть принята безоговорочно. «Шофан бэйчэн» — это прежде всего компиляция сведений из различных ранних исторических источников и лишь в очень незначительной степени — самостоятельное исследование автора. Вместе с тем даже первые попытки анализа цитируемых автором документов и материалов отнюдь не позволяют судить о Хэ Цю-тао как о беспристрастном и даже просто добросовестном ученом или компиляторе.

По рассматриваемым нами вопросам особый интерес пред-

ставляют следующие цзюани: 1 — о племенах Восточного моря, 2 — о племенах солонов, 14 — об Албазине и 15 — о Нерчинске. Весь фактический материал для первого цзюаня автор заимствовал из соответствующих разделов «шилу» Нурхаци и Абахая. Бессистемно приводя отдельные отрывочные цитаты из указанных источников, он часто не указывает даже дату того или иного события. В своей работе Хэ Цю-тао делает неправильный вывод о том, что в результате перечисленных им эпизодических маньчжурских набегов все племена Восточного моря к 1642 г. (после похода Шархуды на Сунгари) были завоеваны маньчжурами, а территория их проживания включена в территорию Маньчжурского государства [см. 241, цз. 1 (основной), 6б].

В цзюане 2 все населяющие верхний и средний Амур народности, упоминаемые в источниках селения, род Бомбогора и некоторые другие роды автор неточно относит только к различным родам солонов и солонским поселениям, даже не упоминая коренного и наиболее стойкого этнически населения этих мест — дауров. В этом цзюане автор делает поспешный вывод о том, что все эти «солонские» племена были покорены маньчжурами и восприняли все маньчжурские институты [см. 241, цз. 2 (основной), 1а—1б, 6б].

Материал второго раздела цзюаня 14, посвященного истории подготовки маньчжурами нападения на Албазин, представлен автором исключительно в виде цитат из различных источников (главным образом «шилу»), иногда — краткого пересказа материала источников, но в том и другом случаях— без кавычек и без единой строчки авторского комментария. Материалы цзюаня приводятся автором по сравнению с «шилу» весьма неполно. Пропущены важные события, а иногда даже искажен текст источника. В разделе использована только небольшая часть материалов «шилу» о кампании 80-х годов против русских поселений на Амуре. Отбор автором этих материалов тенденциозен: как правило, приводятся лишь те документы, которые позитивно излагают политические либо военные успехи маньчжуров. О характере и методах компиляции, используемых Хэ Цю-тао, дают представление следующие факты. Как показала произведенная нами сверка, все без исключения материалы данного цзюаня, приводимые Хэ Цю-тао по «шилу», не воспроизведены точно. Так, например, в докладе Мала от июня 1684 г., помещенном на стр. 23а—24а цзюаня 14, автором допущены четыре ошибки и имеются две вставки неизвестного происхождения, отсутствующие в тексте «шилу»[8]. В цитируемом Хэ Цю-тао на стр. 25б—27а тексте указа от февраля 1685 г. членам Государственного совета и письма Канси жителям Албазина выявлены 7 пропусков (от 2 до 16 знаков в каждом), кроме того присутствуют вставки неизвестного происхождения, произвольные переста-

новки в тексте, что существенно искажает точность передачи содержания указанных документов.

Используя материал без кавычек, автор, конечно, волен подавать его так, как ему представляется удобным и этичным; однако в данном случае характерный для автора «Шофан бэйчэн» стиль преподнесения материалов «шилу» вызывает решительное возражение. Хэ Цю-тао не только обедняет эти документы, подавая их в усеченном и неполном виде, но иногда искажает содержание и подлинный смысл их. В данном случае о рассматриваемых нами цзюанях «Шофан бэйчэн» можно говорить только как о весьма неполных подборках материалов, буквально ни одна строчка из которых не может быть использована исследователем без сверки с первоисточником.

В цзюане 15 Хэ Цю-тао, не имея в своем распоряжении никакого фактического материала, тем не менее пытается создать у читателя впечатление, что и земли Нерчинска были захвачены Китаем раньше, чем ими завладели русские. Он заявляет, что земли Нерчинска «прежде принадлежали подвластным Китаю (? — *Г. М.*) монголам» и «вначале не являлись собственностью русских» [241, цз. 15, 1а]. Однако и этот сугубо националистически настроенный китайский автор невольно оговаривается, указывая, что только в результате военных действий Канси против русских Албазин и земли по р. Аргуни были «включены в географическую карту», т. е. в территорию Цинской империи [241, цз. 15, 1а—1б].

Кредо автора «Шофан бэйчэн» — это полное и безоговорочное признание за цинским императором абсолютных прав собственности на все без исключения земли и все народности Дальнего Востока. Естественно, что при таких взглядах автор просто-напросто воспевает военные действия маньчжуров на Амуре в 80-х годах XVII в., отнюдь не считая их агрессивными.

Мы несколько подробнее остановились на характере, методах компиляции и концепциях Хэ Цю-тао именно потому, что его труд, хотя и содержит много фактических ошибок, все же остается до настоящего времени крупнейшим китайским историческим сочинением, затрагивающим область русско-китайских отношений в XVII в. и вплоть до настоящего времени не получившим достаточно развернутой оценки в советской историографии. Вместе с тем работа Хэ Цю-тао широко и совершенно некритически использовалась и используется в китайской и западноевропейской литературе и является отправной точкой для многих современных авторов, концепции которых полностью перекликаются с концепциями автора «Шофан бэйчэн».

Так, в Китае с выводами Хэ Цю-тао полностью солидаризируется историк Гу Цзе-ган [220], до известной степени по-

шедший даже дальше своего предшественника. Гу Цзе-ган все без исключения походы Нурхаци и Абахая рассматривает исключительно как завоевательные, направленные на расширение территории Цинской империи (т. е. в его понимании и Китая) [220, 291—292]. «Доказательством» этого автор считает исключительно сам факт маньчжурских военных походов на север и северо-восток, игнорируя их подлинные цели и характер.

Позиции другого китайского историка, Чжао Цюань-чэна, совершенно аналогичны позициям Гу Цзе-гана. В его книге встречаются утверждения, текстуально полностью совпадающие с высказыванием Гу Цзе-гана по тем же вопросам [см. 243].

На Западе сторонниками взглядов Хэ Цю-тао являются А. Фан-чжи Чэнь и В. Чэнь, на работах которых мы подробнее остановимся ниже.

По комплексу затрагиваемых нами вопросов, безусловно интересных в том отношении, что они отражают официальную гоминьдановскую точку зрения, имеется немало высказываний и в вышедшей в 1932 г. в Бэйпине книге историка и видного государственного деятеля гоминьдана Цзян Тин-фу «Цзуй цзинь саньбайнянь Дунбэй вайхуань ши» [242]. В первом разделе книги автор дает краткий обзор истории продвижения маньчжуров в северные районы Северо-Востока, также ставя в один ряд и оценивая именно как усиление позиций Китая все маньчжурские военные успехи в этом районе [см. 242, 4—5]. Вместе с тем в его заключении отражен тот объективный факт, что «самым крайним пунктом, которого в результате своих военных успехов достигли маньчжуро-цины, была крепость Якса, названная русскими Албазином (? — *Г. М.*), крепость, где впоследствии противостояли друг другу Китай и Россия» [242, 5]. Значительно переоценивая маньчжурское влияние в крае, автор вместе с тем признает, что «вплоть до 20-го года Канси (1681 г.— *Г. М.*) пограничные гарнизоны Цинской династии на северо-восточной границе не размещались далее Нингуты (совр. г. Нинъаня.— *Г. М.*)» [242, 5—6].

Цзян Тин-фу указывает на почти полное отсутствие в маньчжуро-цинских источниках сведений о событиях на Амуре при появлении здесь казачьих отрядов В. Пояркова и Е. Хабарова, что свидетельствует, что эти районы в тот период не привлекали серьезного внимания маньчжуров. Автор пишет: «Обращались ли элуньчунь, дауры, хэчжэнь, фэйяка и цилэр, тревожимые ими (русскими. — *Г. М.*), к своему сюзерену за помощью? Если они обращались, то как откликались на эти обращения маньчжуры? На эти вопросы вследствие отсутствия исторических материалов, невозможно ответить» [242, 7] [9].

Гоминьдановский автор вынужден также признать: «Некоторые пограничные жители нашей страны (Китая. — *Г. М.*) бежали в Нерчинск и перешли на сторону Русского государства» [242, 10]. Это признание пробивает брешь в той тенденциозной концепции истории проникновения русских людей в Приамурье, которую вслед за американским историком Ф. Голдером [311] пытается поддержать Цзян Тин-фу. Возникает естественный вопрос: почему же все-таки, несмотря на «только одни жестокости» казаков, местное население в столь широких масштабах добровольно переходило в подчинение Русского государства, порывая контакты с маньчжурами?

Таким образом, невозможность оспаривать реальные исторические факты заставляет даже такого китайского националиста, как Цзян Тин-фу, признать отсутствие реального влияния маньчжуров в Приамурье.

Всем этим работам, проникнутым влиянием великоханьского шовинизма, как бы противостоит объективная и спокойная по содержанию работа Сюй Чжао-куя «Циндай Хэйлунцзян лююй ды цзинцзи фачжань» [237]. Автор, в частности, совершенно верно указывает, что Цины смотрели на земли центральной части Северо-Востока как на чрезвычайно важные земли, где возвысились их предки, но отнюдь не обращали внимания на экономическое развитие этого района; напротив, их реакционные меры оттянули хозяйственное освоение этих земель, обезлюдили их, в течение длительного исторического срока блокировали от китайской колонизации [см. 237, 8]. «Войны [маньчжуров] с империей Мин, — пишет автор, — ликвидировали земледелие в бассейне Ляохэ, вследствие чего утрачена база для какого-либо [хозяйственного] развития района Хэйлунцзяна» [237, 8].

Другой китайский историк, Мо Дун-инь, касаясь в своей работе «Маньцзу ши луньцун» вопроса о военных походах маньчжуров при первых маньчжурских ханах, правильно называет среди целей, которые преследовались этими походами, получение дани, привлечение живой силы, захват большого числа рабов [232, 74], но отнюдь не завоевание территории. У этого же автора мы находим и ряд довольно точных оценок влияния Минской империи на Северо-Востоке.

Работа китайского историка Лю Сюань-миня «Цин кайго чу чжэнфу чжубу цзянъюй као» [230] специально посвященная отождествлению мест жительства племен и народностей Дальнего Востока, прежде всего собственно «маньчжуров», является в основном добросовестно выполненным исследованием, сохраняющим свою ценность до наших дней. Фактический материал, использованный автором, — это сведения «шилу» и широкого круга различных географо-статистических описаний. Способ подачи этого материала, к сожалению, остался вполне традиционным и характерным для работ ки-

тайских историков того времени. Автор тоже рассматривает военные походы маньчжуров как завоевание определенной территории, в чем с ним нельзя согласиться. В связи с этими взглядами Лю Сюань-минь иногда пытается совершенно произвольно расширить территорию проживания некоторых народностей, в особенности отдаленных от центров консолидации маньчжуров (племен сахалянь, хурха, солонов), что не может не вызвать в адрес этого автора ряда критических замечаний.

Западноевропейская и американская литература. В западноевропейской и американской научной литературе проблема территориальной экспансии Цинской империи на Северо-Востоке и освоения его территории специально не рассматривалась.

Некоторые общие упоминания по интересующим нас вопросам можно найти только в работах, посвященных истории маньчжуров и Цинской династии. В этой связи следует прежде всего назвать ранние работы Дж. Росса и Х. Джайльса [336; 310].

Дж. Росс совершенно правильно отмечает чрезвычайную раздробленность и слабость чжурчжэньских племен, независимых друг от друга и китайского влияния. «В пределах какой-либо сотни квадратных миль гористой земли между Нингутой на севере и Синцзином (совр. Синбинь) на юге,— пишет он, — было 11 независимых стран. Маньчжуры были разделены на пять, и каждая из остальных была значительно больше, чем эти пять, [взятые вместе]» [336, 4—5].

Х. Джайльс, говоря о взаимоотношениях маньчжуров со своими северными соседями, ограничивается буквально одной фразой: «К 1625 г., когда Нурхаци перенес свою столицу в Мукден, границы его государства достигали на востоке моря, а на севере — реки Амура» [310, 12]. Можно полагать, что автор рассматривает маньчжурские походы именно как расширение границ Маньчжурского государства.

Коротко некоторые проблемы затронуты Гастоном Каэном [282] в его общем обзоре русско-китайских отношений до Нерчинского договора 1689 г. Автор указывает, что «ни Китай, ни Россия не желали войны на Амуре и, напротив, стремились к миру», хотя и по совершенно разным причинам [282, 24—25]. Однако о стремлении Цинской империи к «миру» этот серьезный и объективный автор судит главным образом на основании большого числа пересланных в Россию дипломатических нот и писем с миролюбивой фразеологией Канси [282, 24, comm. 2, 24—25], т. е. невольно попадает на удочку той дипломатической диверсии, предпринятой правителем Цин, о которой мы будем специально говорить ниже.

В работе Дж. Бэддли [см. 280, т. 1—2], посвященной собственно истории русско-китайских отношений, территориаль-

ным вопросам и другим интересующим нас проблемам почти не уделяется никакого внимания. О Нерчинском трактате и обстоятельствах, сопутствовавших его заключению, автор упоминает лишь в общем введении [280, т. 1, VI].

О. Латтимор — американский автор, много работавший над историей Монголии, приходит к выводу, что в первой половине XVII в. от одной четверти до одной трети территории современного Северо-Востока принадлежало монгольским племенам [см. 323, 308—312, 325]. Автор считает Ивовый палисад «границей между маньчжурами и китайцами на востоке и маньчжурами и монголами на западе» [322, 225].

Агнесса Фан-чжи Чэнь, автор двух статей по китайской пограничной дипломатии [см. 284, 99—205], утверждает, что Приамурье и Приморье ко времени появления здесь русских якобы принадлежали Цинской империи. Статьи построены в основном на работах западноевропейских и американских авторов, в том числе Ф. А. Голдера. Переводы из основного источника — «Пиндин лоча фанлюе» — выполнены на недостаточном научном уровне, изобилуют неточностями. В этом отношении Агнесса Чэнь оказала плохую услугу Винсенту Чэню, позаимствовавшему в своей работе 1966 г. [285] многие положения своей предшественницы.

Некоторые общие положения по интересующим нас вопросам содержатся в вышедшей в США в 1965 г. работе Дж. Фэрбэнка, Э. Рейшауэра и А. Крайга по истории восточноазиатской цивилизации [298, т. 2].

Дж. Фэрбэнк (автор соответствующих разделов по Китаю), по-видимому, также исходит из тезиса о наличии определенного сюзеренитета Цинской империи над «местными племенами Северной Маньчжурии», которые якобы обращались к своим сюзеренам за помощью после нападения на них русских [см. 298, 45]. Далее автор утверждает, что беспокойство Цинов из-за положения дел в этом районе особенно возросло, когда вождь местных «тунгусских» племен на амурских границах — Гантимур перешел к русским. «Это поставило вопрос о сохранении контроля Цинов над племенами, а также над территорией и стратегическими путями сообщения в районе Амура», — пишет Дж. Фэрбэнк. «Целью императора Канси было, следовательно, не только изгнание русских с Амура, но также и, в первую очередь, предупреждение роста их влияния среди тунгусских племен и монголов» [298, 46].

Американский автор не называет военные действия маньчжуров против русских земледельческих поселений на Амуре агрессией. Вместе с тем Фэрбэнк правильно подмечает, что маньчжуры стали систематически устанавливать свой военный контроль над районом Амура только после укрепления своего положения в Китае в начале 80-х годов XVII в. [см. 298, 48].

Несколько абзацев в работе уделено Нерчинскому договору. Автор отмечает, что к моменту нерчинских переговоров позиции Цинов были ослаблены растущим могуществом западных монголов (имеются в виду ойраты) и это привело к отсрочке этих переговоров, а также вынудило Канси быть более уступчивым. Игнорируя обстановку военного нажима со стороны цинских послов, Фэрбэнк пишет, что Нерчинский договор был заключен на началах равноправия между двумя правительствами — России и цинского Китая. «Он пресек, — говорит автор, — продвижение России в район Амура, но дал ей прочную основу для торговых отношений. Головин добился большего, чем китайцы» [298, 48—49].

Основные концепции автора одной из специальных западноевропейских работ по истории русско-китайских отношений — Винсента Чэня [285] — не отличаются оригинальностью и повторяют положения широко использованных им работ Ф. Голдера, Ф. Равенштейна, Цзян Тин-фу и Агнессы Чэнь. Источниковедческая база этой работы, увидевшей свет в 1966 г., чрезвычайно слаба. По кругу интересующих нас вопросов использован в основном только один источник — «Пиндин лоча фанлюе» в переводах А. Чэнь.

Автор, к сожалению, не вносит ничего нового в исследование поставленных вопросов. Он придерживается той точки зрения, что маньчжуры установили свой контроль над бассейном Амура еще до распространения маньчжурского сюзеренитета над Монголией [см. 285, 20]. По его мнению, это произошло в результате маньчжурских военных экспедиций, о подлинных целях и характере которых автор совсем не упоминает. Таких маньчжурских набегов на эти отдаленные территории было гораздо больше, как мы и показываем это в своей работе, однако они не приводили ни к какому присоединению к Маньчжурскому государству земель на севере и на северо-западе. Этот неверный исходный тезис автора приводит его вслед за А. Чэнь к еще более ошибочным выводам о территории государства маньчжуров к середине XVII в. [285, 21].

В главе VIII, посвященной отпору русских маньчжурскому вторжению на Амур, В. Чэнь очень кратко излагает события 1682—1687 гг., происходившие в Приамурье. Глава написана на основании той же литературы, что и предшествующие главы; в ней автор использовал данные «Пиндин лоча фанлюе», цзюань 2 (вводный) «Шофан бэйчэн», биографию Лантаня из «Цин ши гао» и один указ Канси из «Дун хуа лу». Безусловно, этих источников совершенно недостаточно для освещения на современном уровне исторической науки такого важного, хотя и кратковременного, этапа русско-китайских отношений.

В качестве примера той тенденциозности, с которой вы-

полнена эта часть работы, достаточно привести следующие утверждения автора: «Солоны — дауры и дючеры — на Амуре и Сунгари принадлежат к тому же самому роду (? — *Г. М.*), что и маньчжуры, и в течение длительного времени были маньчжурскими данниками... Русское появление представляло собой, без сомнения, вторжение на первоначальное место (? — *Г. М.*) маньчжурского могущества» [285, 76—77].

Автор пытается внушить читателю веру во все заявления Канси о его «стремлении к миру» на Амуре, входившие составной частью в осуществлявшуюся цинским правительством политику оправдания захвата чужой территории. Этому служат многократные повторения на страницах книги тезиса о стремлении Цинов якобы к мирному разрешению амурской проблемы [см. 285, 77—80].

Узость источниковедческой базы, определенная тенденциозность взглядов и некритическое отношение автора к немногим использованным им источникам приводят В. Чэня к большому числу фактических ошибок. Так, факт учреждения в Нингуте должности амбань-чжангиня автор, повторяя ошибку «Цзилинь вайцзи» и А. Чэнь, неправильно относит к 1657 г. вместо 1653 г. [см. 285, 41]; Лантаню, по утверждению В. Чэня, было лично поручено Канси «исследовать водные пути от Нингуты через Уссури на Амур» [285, 77] (см. наш перевод указа Лантаню от 16 сентября 1682 г.); численность маньчжурского войска под Албазином автор совершенно произвольно определяет в 3400 человек, включая сюда мифических 1000 артиллеристов из четырех провинций Внутреннего Китая и пр.

Японская литература. В японской исторической литературе весь комплекс проблем территориальной экспансии Цинской империи на Северо-Востоке получил наиболее развернутое освещение в работах Ивакити Инаба и Дзинъити Яно — крупнейших специалистов по истории и исторической географии Северо-Востока в минскую и цинскую эпохи.

Прежде всего следует упомянуть капитальный коллективный труд «Мансю: рэкиси тири» в двух томах [265], вышедший в 1913 г. В нем перу Ивакити Инаба принадлежит очерк о Северо-Востоке в XVII в.; материал о начальном периоде деятельности Нурхаци приводится автором только до 1616 г. В указанном труде основное внимание уделяется проблемам исторической географии, а не истории этого района.

В своей крупейшей работе «Синте: дзэнси» [256] Ивакити Инаба, точка зрения которого в основном совпадает со взглядами китайских националистических историков, придерживается мнения, что маньчжурские походы приводили к завоеванию и покорению местных племен маньчжурами и присоединению к Маньчжурскому государству территории проживания этих племен. Вместе с тем Ивакити Инаба утверждает,

что маньчжуры в Хэйлунцзяне отнюдь не ставили своей целью захват территории [см. 256, т. 2, 107]. Отмечая встречающиеся в источниках многочисленные факты появления у маньчжурского двора посланцев из Хэйлунцзяна, автор, однако, трактует эти приезды не как дипломатические, а только как выражающие признание местными племенами их подчинения маньчжурам. Тезис о том, что Цины якобы покорили Хэйлунцзян еще в период Чундэ (1636—1644 гг.), встречается в работе Ивакити Инаба неоднократно [см. 256, т. 2, 116, 121, 137].

В связи с этим Ивакити Инаба неверно освещает и вопрос о военных действиях, развязанных в 80-х годах Цинской империей на Амуре. Автор всемерно оправдывает эту агрессивную акцию, хотя одновременно признает, что на Амуре имела место русская крестьянская, земледельческая колонизация и что политика Русского государства по отношению к коренному приамурскому населению была весьма эффективной. Так, Ивакити Инаба, в частности, пишет: «Пользуясь ослаблением внимания Цинов к северной границе, русские постепенно покорили окрестные тунгусские племена и к 1671—1672 гг. расселили у Албазина множество крестьян, основали поселки, возделывали землю» [256, 116]. Перечисляя русские остроги, построенные с 1667 по 1682 г. в бассейнах Амура и Зеи, автор отмечает, что таким образом «русские распространились по всему левому берегу Амура» [256, 117]. Как мы убедились, позиция этого японского историка довольно ясна, хотя не всегда логична и последовательна.

В другой работе, «Дзо: тэй Мансю: хаттацу си», по истории экономического развития Северо-Востока, охватывающей историю данного района начиная с эпохи Цинь и Хань, рассматриваемому нами периоду Ивакити Инаба посвящает целиком главу 6, а также отдельные параграфы главы 8.

Наибольший интерес в книге представляет раздел об Ивовом палисаде (параграф 5 главы 8). По мнению автора, описываемая им громоздкая система укреплений имела своей единственной целью воспрепятствовать проникновению на Северо-Восток мирных китайских переселенцев, стремившихся колонизировать край. В действительности главная роль Ивового палисада заключалась в защите маньчжурского домена на Северо-Востоке от нападения (а также и вообще проникновения сюда) корейцев с востока и монголов с запада, что более верно отмечает Дзинъити Яно.

Общая позиция Дзинъити Яно, выраженная в его многочисленных трудах [см. 277—279], в основном совпадает с точкой зрения Ивакити Инаба. Однако в ряде случаев, особенно в своих более поздних работах, Дзинъити Яно приходит к значительно более трезвым оценкам. У него мы наблюдаем определенную эволюцию взглядов на некоторые из

рассматриваемых нами вопросов. Так, в «Синтё: си» [279] автор указывает, что в результате войн маньчжуров с соседними народностями завоевание племени варка было завершено после взятия о-ва Сюньдао. Вместе с тем он пытается утверждать, что войны с солонами будто бы привели к установлению власти Цинов над всем Приамурьем, в том числе и над его левобережьем. Дзинъити Яно пишет, что к моменту появления в Приамурье русских все разбросанно жившие в этих местах дауры, солоны, элунчунь, эдэнкэла и прочие племена охотников якобы признавали над собой суверенитет Цинов и платили им определенный ясак [279, 104].

Раздел 14 главы 4 специально посвящен столкновению Цинов и русских на Амуре. Здесь автор довольно тенденциозно комментирует основные этапы русской колонизации Сибири и Приамурья и первые военные столкновения на Амуре. Район Нерчинска автор совершенно бездоказательно рассматривает как принадлежавший Цинской империи и вследствие этого говорит об уступке (!?) по Нерчинскому договору Цинской империей этих территорий России [см. 279, 263].

К сожалению, в этой и других работах Дзинъити Яно отсутствует какой-либо аппарат, поэтому весьма затруднительно судить, на основании каких исторических фактов он делает те или иные выводы.

В другой своей работе, «Мансю: коку рэкиси» [278], автор, касаясь обстоятельств распространения влияния маньчжуров на Северо-Востоке, уже отмечает, что оно имело место только в результате подготовки Цинов к войне в Приамурье. Автор продолжает оценивать проникновение в Приамурье русских как агрессию по отношению к территории Цинской империи, повторяя вслед за Ивакити Инаба все тот же тезис о якобы имевшем место обращении местных жителей к Цинской династии за помощью для отпора русским [см. 278, 222]. Несмотря на все это, формулировки Дзинъити Яно не столь категоричны, как у Ивакити Инаба. Его позиция в этой работе противоречива: с одной стороны, признание некоторых прав Цинской империи на Амуре, с другой — признание принадлежности амурских земель Русскому государству [278, 222, 223].

Дзинъити Яно искажает картину складывания границ Маньчжурского государства на Северо-Востоке. Он пишет, что в результате военного столкновения с Россией имело место заключение Нерчинского договора, по которому якобы «было признано право Цинов на весь бассейн Амура и прилегающие земли». Вместе с тем он продолжает утверждать, что якобы «по этому договору Цинская империя уступила России район Нерчинска» [278, 223].

В работе значительное место уделено Ивовому палисаду и значению этого оборонительного вала, каким его считает автор.

В вышедшей в 1935 г. работе, выполненной совместно с Ивакити Инаба [259], говорится о выдающемся героизме и стойкости первых русских землепроходцев, отдается должное масштабам русского освоения Приамурья [259, 523—528; см. также 277, 47—58]. Дзинъити Яно указывает, что в эдиктах Канси признавался факт владения русскими Амуром. В связи с этим автор говорит уже об определенной уступке Русским государством территории в пользу Цинской империи [259, 531]. В этой работе японский историк ясно указал, что, по его мнению, Нерчинск «не был территорией Цинской империи» [259, 532].

В работе, вышедшей в 1941 г., Дзинъити Яно писал: «По Нерчинскому договору [земли] Нерчинска были оставлены за Россией. Из позиции, которую занимал Соэту, в полной мере ясно, что земли Нерчинска не входили в состав [Цинской империи]. Когда русские заняли их, военное могущество Цинов еще не распространилось на эти места» [277, 62]. Эту точку зрения японский автор подтверждает уже материалами, взятыми у И. Милованова и Н. Спафария [277, 62—63].

Для нас очевидно, что причиной указанной эволюции взглядов Дзинъити Яно явилось его ознакомление с более широким кругом исторических источников; однако до конца преодолеть тяготевшие над ним традиционные представления японскому историку так и не удалось.

Как на весьма тенденциозную следует указать на работу Ёсикацу Ито «Гайкан мансю: си», вышедшую в свет в 1942 г. [262]. Она изобилует такими выражениями, как «агрессия России в Сибири», «агрессия на Амуре» и т. п. Книга содержит лишь краткий общий очерк рассматриваемых нами вопросов.

Таков круг важнейших работ, затрагивающих некоторые разделы нашей темы. Приведенный выше краткий обзор их позволяет, на наш взгляд, констатировать тот факт, что среди исследователей до настоящего времени не только нет общего мнения по ряду изложенных выше проблем, но налицо диаметрально противоположные, взаимно исключающие оценки и трактовки одних и тех же исторических событий. Наличие этих серьезных расхождений наряду с прочими причинами обусловлено прежде всего недостаточностью источниковедческой базы рассмотренных работ, незнакомством их авторов с основными маньчжуро-китайскими источниками по данной тематике. Наиболее общей чертой для большинства перечисленных работ является недостаточное привлечение к рассматриваемым темам китайских источников.

Глава I

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ МАНЬЧЖУРОВ НА ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА (1583—1644 гг.)

Завоевание и объединение Нурхаци соседних чжурчжэньских племен (1583—1626 гг.)

К середине XV в. граница Минской империи на северо-востоке окончательно стабилизировалась и вдоль нее была создана полоса укреплений, известных как минская пограничная стена в Ляодуне.

Минский Ляодун занимал южную часть современного Северо-Восточного Китая, главным образом территорию современной провинции Ляонин. Его граница шла от Шаньхайгуаня на северо-восток и, проходя несколько севернее современного Кайюаня, поворачивала на юг и доходила до современного города Фушуня, а затем отклонялась на юго-восток и достигала р. Ялуцзян (корейск. Амноккан, граница Минской империи и Кореи). Население Ляодуна вело оседлый образ жизни и занималось земледелием. Это были китайцы, главным образом выходцы из Шаньдуна и других провинций Северного Китая.

Около половины территории Северо-Востока, расположенной за пределами границ Минской империи, принадлежало в первой половине XVII в. ханствам Южной и Восточной Монголии [см. 323, 308—312, 325]. Кроме монголов на Северо-Востоке проживали многочисленные народности и племена, различные по своему этническому составу, но именуемые в минской историографии как нюйчжи (нюйчжэнь) или, принимая во внимание второе чтение иероглифа «нюй», как «жу» — жучжи (жучжэни), т. е. чжурчжэни. Однако следует отметить, что чжурчжэнями минские авторы XV—XVII вв. называли вообще все население этой части Дальнего Востока: собственно чжурчжэней, эвенков, дауров, солонов, нанайцев, нивхов, удэгейцев и др.

Средневековые китайские авторы разделяли северо-восточных чжурчжэней на три группы: чжурчжэни Цзяньчжоу и Маолиня, чжурчжэни Хайси и дикие чжурчжэни. Земли цзяньчжоуских чжурчжэней относились к территории одного из созданных в минскую эпоху так называемых чжурчжэньских «округов», остававшихся под управлением местных вождей [1],

и в связи с этим в источниках вполне закономерен термин «Цзяньчжоу вэй», т. е. «округ Цзяньчжоу»; названия «чжурчжэни Хайси» и «дикие чжурчжэни» являются просто обозначениями двух крупных групп населения Северо-Востока.

В начале XVII в. собственно чжурчжэньские племена разделялись в основном на три крупных племенных объединения с различными формами союзнических отношений между входившими в эти объединения племенами. Основное ядро чжурчжэньских племен составляли близко родственные между собой цзяньчжоуские чжурчжэни («Маньчжурское объединение»)[2] и чжурчжэни Хайси (так называемое Хулуньское объединение»)[3]. Эти два объединения включали оседлых чжурчжэней, живших вблизи от границ минского Ляодуна в многочисленных и небольших городках и селениях. Эти чжурчжэньские племена уже с давних пор были знакомы с земледелием и различными видами ремесла и испытывали культурное влияние своего непосредственного соседа — минского Китая. Они поддерживали и наиболее активные экономические и политические связи с Китаем, являясь его номинальными вассалами. Восточнее чжурчжэньских племен Цзяньчжоу и Хайси расселялась третья группа чжурчжэней — чжурчжэньские племена так называемого Чанбошаньского объединения.

Эти группы чжурчжэньских племен стояли на более высокой ступени социально-экономического развития по сравнению со своими соседями на востоке и северо-востоке. Они переживали период разложения первобытнообщинных и складывания феодальных отношений; у них уже прочно выделилась наследственная власть вождей (князьков).

Под «дикими чжурчжэнями» в сочинениях китайских авторов XVI—XVII вв. имелись в виду многочисленные малые племена и народности, жившие на территории современного Северо-Востока и Приамурья, отнюдь не связанные между собой каким-либо политическим союзом и отличавшиеся в этническом отношении от чжурчжэней Цзяньчжоу и Хайси. Это были эвенкийские и тунгусо-маньчжурские народности и племена — предки современных нанайцев, дауров, нивхов, орочей, дючеров (хурха) и других народностей. Все они, кроме дючеров и дауров, вели кочевой образ жизни, занимаясь главным образом охотой и рыболовством. Дючеры и дауры жили в бассейнах Сунгари, Муданьцзяна и Амура довольно крупными поселениями и занимались помимо охоты и рыболовства также и простейшими формами земледелия [см. 232, 82]. У всех этих племен до середины XVII в. еще сохранялся родовой строй. Разложение его началось лишь у дауров и дючеров. Дальневосточные племена имели высокую самобытную материальную и духовную культуру [154], они являлись предками современных малых народов советского

Дальнего Востока и в XVII в. стали объектом агрессии со стороны южной — маньчжурской — группы племен.

«Маньчжоу шилу» — источник маньчжурского происхождения — сообщает, что за северо-восточными и восточными пределами минского Ляодуна проживали чжурчжэньские племена маньчжоу, суксухухэ, хуньхэ, ваньянь, дуньо, чжэчэнь, хада, ехэ и хойфа — все называемые по-маньчжурски айманями, что означает аймак, род или племя. «Цин Тайцзу Ухуанди Нурхаци шилу» пополняет этот перечень племен, совершавших нападения на племя Нурхаци, кстати, именуемое в этом источнике уже как «владение Маньчжоу» (Маньчжоуго), племенами ванцзя, нэинь, чжушэли и ялуцзян Чанбошаня; воцзи, варка и хурха Восточного моря [25, цз. 1, 2а—3а]. Таким образом, маньчжурские источники абсолютно не отражают приведенное выше условное китайское деление северо-восточных чжурчжэньских племен на три группы. Необходимо также отметить, что ни одно из перечисленных выше племен не называлось маньчжурами. Употребление в маньчжурской хронике названия «владение Маньчжоу», безусловно, является позднейшей модернизацией. Именуемое так племя Нурхаци было только одним из многочисленных мелких чжуржэньских племен Цзяньчжоу. Небольшие размеры территории расселения этого племени позволяют полностью согласиться с выводом Лю Сюань-миня и других авторов о немногочисленности и слабости его и о том незначительном положении, которое оно первоначально занимало среди соседних чжурчжэньских племен [см. 230, 135][4].

Все перечисленные нами выше племена и роды являлись остатками чжурчжэней, рассеявшихся после завоеваний Чингисхана[5].

В этой же связи следует заметить, что род правителей Маньчжоу отнюдь не восходил к царствовавшему роду правителя империи Цзинь, как это позднее пытались представить маньчжурские ханы, и не имеет к нему ни малейшего отношения. При завоевании империи Цзинь все потомки и ответвления царствовавшего цзиньского дома были полностью истреблены монголами.

Между этими мелкими и мельчайшими племенами и родами ляодунских чжурчжэней до возвышения Нурхаци постоянно возникали междоусобицы, являвшиеся следствием распада у этих племен прежних родовых отношений и образования классового общества. «В то время, — пишет „Маньчжоу шилу", — повсюду царила смута... Злодеи и разбойники размножались как пчелы, они называли себя ханами, бэйлэ, амбанями и гашанями[6]. Все они [стремились] стать верховными правителями, а мукуни[7] назначали себя вождями и нападали друг на друга. Родные братья и прежние единомышленники убивали друг друга. Могущественные роды силой под-

чиняли слабых, и беспорядок всюду был великий» [цит. по 232, 83].

Таким образом, начавшийся в 80-х годах XVI в. объективный процесс консолидации маньчжурской народности происходил в обстановке раздробленности и междоусобиц среди чжурчжэньских племен. Наиболее важным проявлением этого процесса было постепенное усиление одного из этих племен — Маньчжоу — и объединение им под своей эгидой соседних родственных племен Цзяньчжоу. Вождем Маньчжоу был Нурхаци — талантливый военачальник и крупный государственный деятель.

Исторически верная родословная Нурхаци, очищенная от позднейших религиозно-мистических наслоений [8], представлена ниже.

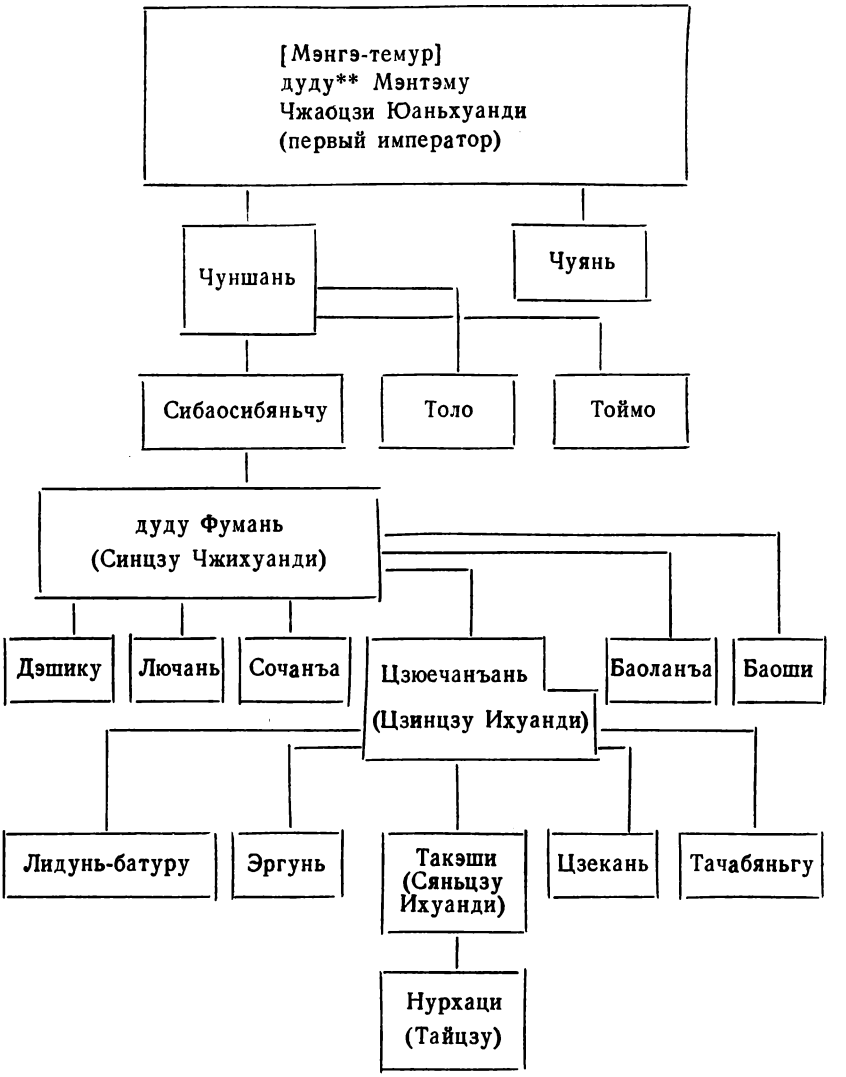
Следует прежде всего отметить, что эта родословная, доводимая до начала эпохи Мин, восходит к Мэнгэ-темуру — влиятельному чжурчжэньскому вождю, которого в самом начале XV в. Минская империя всеми средствами пыталась склонить к переходу на свою сторону [см. нашу статью 141]. По женской линии, т. е. со стороны своей матери Сюаньхуанхоу, Нурхаци приходился внуком Вангао — другому крупному чжурчжэньскому вождю [см. 256, т. 1, 53; 232, 88—89].

Где же расселялось в конце XVI — начале XVII в. племя Нурхаци (владение Маньчжоу)? По этому вопросу «Нурхаци шилу» совершенно конкретно сообщает: «Шесть сыновей дуду Синцзу Чжихуанди жили в шести городках и назывались шестью ванами или шестью предками. Наиболее отдаленный городок был расположен не дальше 20 ли, а самый близкий — в 5—6 ли от Хэтуалы» [25, цз. 1, 10] [9].

Чтобы иметь какое-то конкретное представление об этих землях, воспользуемся их описанием, сделанным Дж. Россом, лично побывавшим в этих местах. «Долина Хэтуалы,— пишет английский автор, — простирается с запада на восток на 7 миль (1 английская миля равна 1609 *м.— Г. М.*) с уклоном на юго-восток, наиболее широкая она в восточной части — около 2 миль. Это самая большая долина среди окрестных гор. Другие долины — к северу, югу и востоку от нее — узкие и представляют собой только ложа для потоков воды среди склонов холмов» [см. 336, 738].

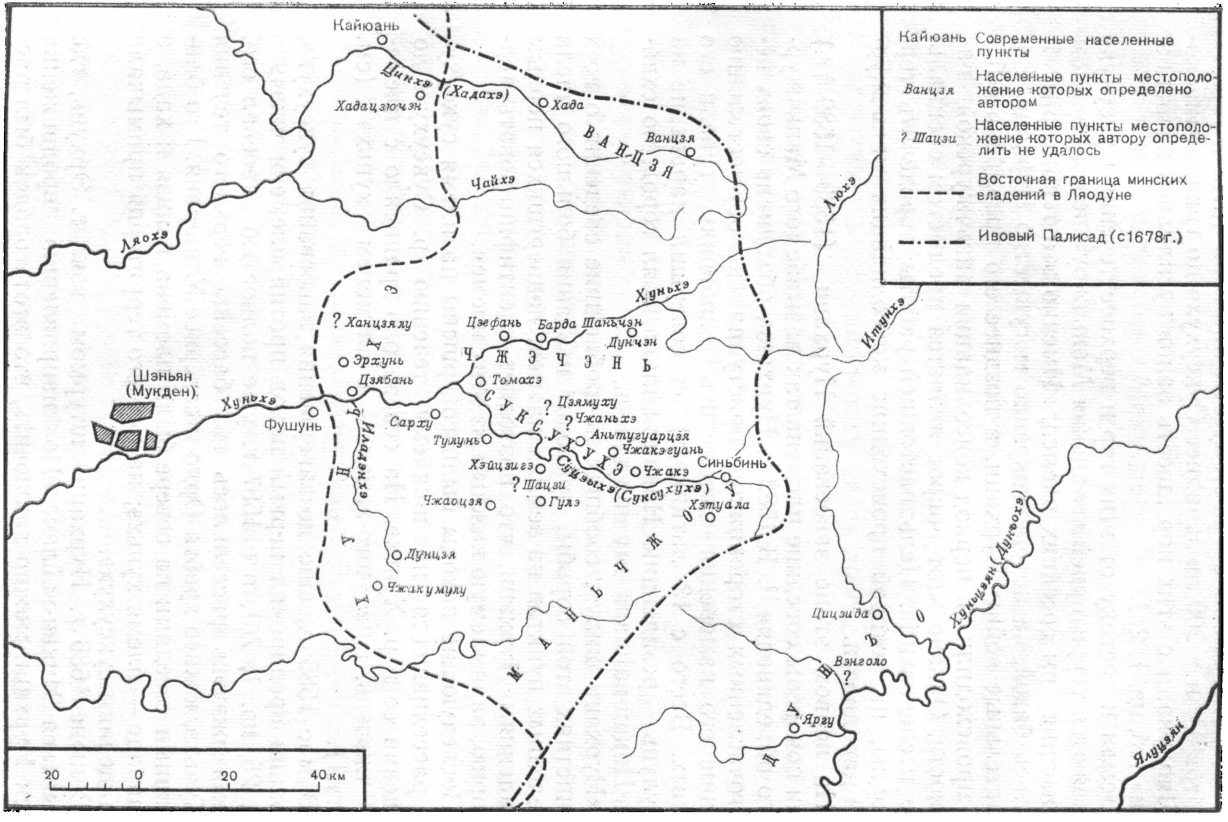
Кропотливая и подробная идентификация места нахождения всех этих шести городков (включая и Хэтуалу) вполне удовлетворительно проделана китайским историком Лю Сюань-минем и японским историком Ивакити Инаба [229, 131—135; 273, 1—18; 256, т. 1, 78]. Все эти городки находились на территории Северо-Востока в бассейне верхнего течения р. Суксухухэ (современная Суцзыхэ, левый приток Хуньхэ) и ее притоков, к востоку от г. Фушуня.

Родословная Нурхаци,
по данным «Да Цин личао шилу»*



* Родословная приведена по книге Мо Дун-иня [232, 39].

** Титул дуду, присваивавшийся минскими правителями вождям крупнейших чжурчжэньских племен, изъявившим свою «покорность» империи, т. е. прибывшим к минскому двору с дарами, означал в применении к последним «великий правитель». Дуду является синонимом маньчжурского слова «бэйлэ».



Карта 1. Территория расселения племен Маньчжурского объединения в конце XVI — начале XVII в.

Среди упомянутых «шести предков» постепенно усилился Цзинцзу. Его сын Лидунь, как сообщают источники, покорил «все племена, жившие к востоку от Улиншаня („Пяти горных хребтов")[10] и в 200 ли западнее Суксухухэ до границ минского Ляодуна, и с этих пор „шесть ванов" усилились и процветали» [25, цз. 1, 2а].

Земли к востоку от этих гор и верхнее течение Суксухухэ и являются территорией «владения Маньчжоу» перед началом завоевания им соседних племен. Именно эта территория и явилась базой, на которой окрепло могущество Нурхаци. Завоевательные войны Нурхаци, а позднее его преемника Абахая происходили в период консолидации маньчжурской народности. Однако этот вопрос является предметом специального исследования. Цель настоящей работы определить территорию, на которой происходила консолидация маньчжурской народности.

На первом этапе завоеваний Нурхаци (1583—1589 гг.) были покорены соседние племена так называемого Маньчжурского объединения[11]. В 1583 г. Нурхаци, объединив своих немногочисленных сторонников, приступил к осуществлению давнишнего намерения — отомстить виновнику гибели его родных. Всего с 13 латниками он совершил нападение на г. Тулунь — резиденцию Никан-вайлана, взял город, но схватить Никан-вайлана ему не удалось.

«Нурхаци шилу», сообщая подробнейшие сведения о всех перипетиях этой борьбы, приводит названия большого числа населенных пунктов на землях племен, подвергшихся первым нападениям Нурхаци, что позволяет идентифицировать территорию, занимаемую каждым из этих племен.

Последующие походы были совершены на племя суксухухэ, расселившееся по нижнему течению р. Суксухухэ до впадения ее в р. Хуньхэ. На севере оно граничило с племенем чжэчэнь, на юго-западе — с племенем хуньхэ (см. карту 1).

В мае 1585 г., еще до завершения завоевания суксухухэ, Нурхаци предпринял первый поход против племени чжэчэнь [см. 25, цз. 1, 7б], а в 1587 г. уже полностью завоевал его. Племя чжэчэнь расселялось в бассейне верхнего течения р. Хуньхэ, южнее хребта Ордо и севернее Улиншаня. Его ближайшими соседями на севере были племена ванцзя и хада, а на западе — племя хуньхэ; на юге его территория примыкала к владениям суксухухэ.

В июне 1686 г. Нурхаци штурмом взял г. Эрхунь, где скрывался Никан-вайлан. По направлению продвижения войск Нурхаци можно заключить, что этот городок был расположен к северо-западу от г. Томохэ, недалеко от г. Цзябаня (вероятно, севернее его) и минской пограничной стены Ляодуна [см. 25, цз. 1, 8а][12].

После падения Эрхуня Никан-вайлан бежал в Ляодун, но китайские пограничные чиновники выдали его Нурхаци, который немедленно казнил врага.

В 1588 г. на сторону Нурхаци добровольно перешли два старшины племени дунъо [см. 25, цз. 1, 8б], после чего и все племя присоединилось к Маньчжоу.

Земли племени дунъо находились в бассейне р. Дунъохэ (совр. р. Хуньцзян) и ее многочисленных притоков. На западе территория этого племени граничила с владениями племени Нурхаци, далеко на севере от него лежали земли племени хойфа, на юге простиралась территория чанбошаньского племени ялуцзян, а на востоке — нэинь.

В том же, 1588 г. к Нурхаци добровольно присоединился и вождь племени суань — Гэрци [25, цз. 1, 9а]. Место расселения этого племени окончательно не установлено из-за полного отсутствия в первоисточнике каких-либо сведений о его городах и селениях.

В том же году Нурхаци легко покорил малочисленное и слабое племя ванцзя, расселявшееся в верхнем течении р. Хадахэ (верхнее течение соврем. р. Цинхэ) — бассейне р. Ацзинахэ, южнее гор Синлин и севернее горного хребта Ордо [230, 148].

В том же году окончательно завершается завоевание тех нескольких крепостей и селений племени хуньхэ, которые до этого времени еще оставались вне пределов влияния Нурхаци: Чжаоцзя, Ханцзялу, Чжакумулу и Дунцзя [25, цз. 1, 9б].

Земли хуньхэ занимали бассейн р. Хуньхэ, а также Илэдэнхэ от места ее слияния с Суксухухэ до минской пограничной стены. На востоке его соседями были племена суксухухэ и чжэчэнь, на севере — хада; с запада и юго-запада его территория ограничивалась минской пограничной стеной.

Таким образом, к 1589 г. Нурхаци объединил все племена, расселившиеся на территории бывшего округа Цзяньчжоу [13]. На данном этапе завоеваний Нурхаци всех перечисленных племен источники не содержат еще свидетельств о каких-либо уводах населения захваченных городков на территорию племени Нурхаци. Очевидно, что земли этих племен считались в полной мере завоеванными и присоединенными к владениям Маньчжоу. Однако источники не упоминают о каких-либо определенных границах этого владения после присоединения к нему соседних племен.

Территорию Маньчжурского объединения следует рассматривать как основную территорию, на которой происходила консолидация чжурчжэньских племен Северо-Востока, позднее, в 1616 г., назвавших себя маньчжурами. Именно эта территория является действительной родиной маньчжуров. Маньчжуры выступали в этот период и в качестве посредников в торговле Кореи и Китая с монголами и северными пле-

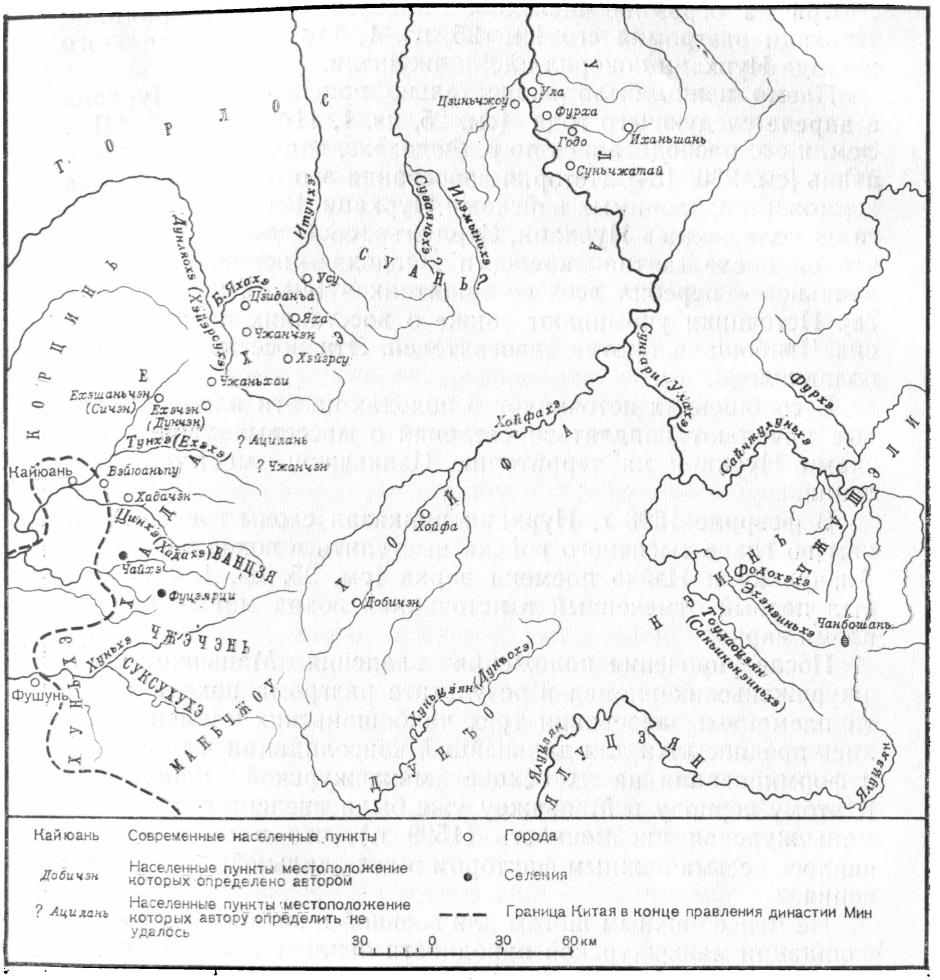
менами, извлекая из этого значительные выгоды [см. 25, цз. 1, 8а—8б].

В результате низкого уровня развития у маньчжуров производительных сил существование значительной части маньчжурского населения — профессиональных военных — большей частью обеспечивалось за счет военной добычи, т. е. грабежа соседних народов. Этот грабеж стал приобретать все большие и большие масштабы. Нападения Маньчжоу на соседние племена вызывали ответные репрессивные меры; возникали племенные союзы, направленные против этого агрессивного соседа. Маньчжоу приходилось защищать свои границы. С 1589 по 1619 г. Маньчжоу вело непрерывные войны со своими соседями, в результате которых оно постепенно усиливалось, становясь тем центром, вокруг которого складывалась маньчжурская народность.

Вместе с тем рост числа захватнических войн привел к постепенному увеличению численности «регулярного» войска. В дальнейшем задача увеличения численности войска успешно решалась в Маньчжоу за счет захвата и привода сюда с территории, лежащей за пределами земель маньчжурских владений, населения местных племен. Обладая известной общностью языка и быта с маньчжурами, побежденные в подавляющем большинстве легко соглашались оставаться у маньчжуров и служить в их войске. Для этой категории новопоселенцев создавались необходимые условия для обоснования на новом месте; полное уравнение их в правах с коренным населением являлось неизменной основой проводимой маньчжурскими ханами государственной политики по привлечению этих племен. С помощью этой политики успешно решалась важнейшая проблема самоусиления, возникшая в связи с тем, что образование нового Маньчжурского государства произошло в непосредственной близости от границ минского Китая. К тому же для него в силу названных выше исторических причин было весьма характерно стремление к ведению дальнейшей захватнической политики в отношении своих соседей.

Перейдем к истории дальнейших событий, связанных с усилением Маньчжоу.

На следующем этапе завоеваний Нурхаци (1589—1599 гг.) были покорены племена так называемого Чанбошаньского объединения — ялуцзян, нэинь и чжушэли. Названия двух первых племен произошли от названий рек. Происхождение названия чжушэли установить не удалось [14]. Отождествить место жительства этого племени трудно вследствие отсутствия о нем каких-либо конкретных сведений. Лю Сюань-минь высказывает предположение, что это племя расселялось в бассейне р. Сайчжулуньхэ, к востоку от племени нэинь и к западу от варка [см. 230, 154].



Карта 2. Территория расселения племен Хулуньского и Чанбошаньского объединений в конце XVI — начале XVII в.

В 1591 г. Нурхаци послал войска на племя ялуцзян и в том же году полностью завоевал его. Племя расселялось вдоль берегов Ялуцзяна, к востоку от минской пограничной стены до шести застав в районе г. Куаньдянь, что может свидетельствовать скорее о корейском, чем о чжурчжэньском происхождении этого племени.

В 1593 г. войска четырех племен Хулуньского объединения, двух племен Чанбошаньского объединения и трех монгольских аймаков выступили в поход против владения Маньчжоу, так называемый поход «девяти племен». Однако, не-

смотря на огромное численное превосходство неприятеля, Нурхаци разгромил его [см. 25, цз. 1, 11б]. В ноябре этого же года Нурхаци покорил племя чжушэли.

Племя нэинь было окончательно присоединено Нурхаци в апреле следующего года [см. 25, цз. 1, 11б; 31, цз. 3, 44][15]. Земли его располагались по р. Фодохэхэ, впадающей в р. Эхэнэинь [см. 230, 154]. История завоевания этого племени полна жестокостей, творимых войсками Нурхаци. В биографии одного из полководцев Нурхаци, Сурдунъа, сообщается, например, что он после взятия крепости Фодохэ — основного оплота нэиньцев — перебил всех ее защитников [см. 5, цз. 201, 6б—7а]. Источники упоминают также о восстаниях племен района Чанбошаня против завоевателей. Эти восстания жестоко подавлялись.

В сообщениях источников о походах на эти племена впервые начинают появляться сведения о массовых уводах войсками Нурхаци на территорию Цзяньчжоу местного населения.

В феврале 1598 г. Нурхаци приказал своим военачальникам во главе тысячного войска выступить в поход на районы Аньчулаку и Нэйхэ племени варка [см. 25, цз. 1, 12а]. Это был первый отмеченный в источниках поход маньчжуров на племя варка.

После упрочения положения владения Маньчжоу среди чжурчжэньских племен в результате разгрома похода «девяти племен» и завоевания трех чанбошаньских племен создались предпосылки для дальнейшей консолидации чжурчжэней и формирования на их основе маньчжурской народности. К этому периоду в Маньчжоу уже была введена собственная маньчжурская письменность (1599 г.), что в свою очередь явилось весьма важным фактором в деле дальнейшего объединения.

Не менее важным шагом для военной и хозяйственной консолидации маньчжурской народности явилось введение и распространение системы «знамен» — корпусов. Основы маньчжурской знаменной организации были заложены в 1601 г., когда Нурхаци в целях укрепления и упорядочения своих вооруженных сил положил конец прежнему принципу формирования войск по племенному и родовому признакам и создал армию, находящуюся под единым командованием и разделенную на четыре «знамени» (корпуса): Желтое, Белое, Красное и Синее. Во главе каждого из этих корпусов был поставлен командующий — гусай-эчжэнь (от маньчжурских слов «гуса» — «знамя» и «эчжэнь» — «государь, господин». Эти знамена подразделялись в свою очередь на так называемые нюру, или ниру (условно «роты»), каждая из которых насчитывала 300 воинов. В этот период корпус состоял из 30 таких нюру.

Характерная особенность нюру заключалась в том, что в ее состав входили не только 300 воинов, но и значительное число мастеровых людей: кузнецов, оружейных мастеров, мастеров резного, седельного и медного дела; вместе с тем, и это важнее всего, к каждой нюру были приписаны и члены семей этих воинов и мастеровых, их домашняя челядь и рабы, а также и большое число крепостных, занятых главным образом в земледелии. Нюру являлись, таким образом, не только низовыми военными, но и хозяйственными ячейками складывавшегося административного аппарата государственной власти в Маньчжоу [16].

Система «знамен» и нюру была чрезвычайно удачной формой организации в условиях раздробленности чжурчжэньских племен. Из захваченных при очередном «маньчжурском» походе людей какого-либо племени создавалась лишь новая нюру, включаемая в одно из знамен [17]. Эта нюру возглавлялась, как правило, вождем или старейшиной завоеванного племени или рода. Вновь покоренные полностью приобретали с этих пор все права и привилегии «коренного» населения Маньчжоу.

О большом числе уводов захваченного в плен населения и о создании из этого населения нюру маньчжурских Восьми знамен свидетельствует история последующих войн Нурхаци с племенами так называемого Хулуньского объединения: хада, хойфа и ула. Войны с этими племенами начинают новый — третий — этап (1599—1614 гг.) деятельности Нурхаци по объединению соседних чжурчжэньских племен. Основная цель Нурхаци на этом этапе — дальнейшее упрочение положения владения Маньчжоу среди многочисленных и сильных соседних чжурчжэньских племен, прежде всего племен объединения Хулунь, захват живой силы этих племен и военной добычи.

Все племена объединения Хулунь по месту их жительства относились минской историографией к так называемым чжурчжэням Хайси [см. 31, цз. 3, 43; 232, 73].

Племя хада получило название от р. Хадахэ. Оно расселялось в бассейне этой реки, а также частично в бассейне Чайхэ, к югу от заставы Вэйюаньпу в минской пограничной стене. При Мин его земли носили название Наньгуань — «Южная застава» [см. 31, цз. 2, 36; 16, цз. 8, 36]. Ближайшими соседями этого племени на юге были племена хуньхэ и чжэчэнь, на севере — ехэ, на востоке — ванцзя. На западе его земли простирались до пограничной стены Ляодуна (см. карту 2).

Племя хада было завоевано в октябре 1599 г. после ожесточенного семидневного сражения под г. Хада — центром территории племени. После падения г. Хада все городки в землях этого племени добровольно сдались Нурхаци. «Все

[жители этого] владения были захвачены, и [войска Маньчжоу] вернулись», — сообщает источник [25, цз. 1, 1б].

После завоевания племени хада основное внимание Нурхаци обратил на племя хойфа. Название этого племени происходит от названия р. Хойфахэ, в бассейне которой оно проживало [см. 25, цз. 1, 3б]. На западе его соседями были ванцзя и хада, к северо-востоку от него простирались земли ула, на юго-востоке — нэинь.

Войска Нурхаци выступили против хойфа 29 октября 1607 г. В бою были убиты вождь хойфа Байиньдали и его сыновья, а войско рассеяно. Был взят и главный город племени — Хойфачэн. Нурхаци удалось склонить к переходу на свою сторону местное население, и хойфа как самостоятельное владение с этих пор перестало существовать [см. 25, цз. 2, 3б].

До начала борьбы Нурхаци против племени ула источники упоминают о разорении в 1607 г. войсками Нурхаци г. Фэйю племени варка. Использовав недовольство жителей г. Фэйю вождем племени ула — Бучжаньтаем, который подчинил их, Нурхаци направил туда своих полководцев Хунь-батуру и Цзиргалана, взявших этот город «под защиту». Они привели из г. Фэйю к Нурхаци 500 семей со всем имуществом [25, цз. 2, 2б], т. е. фактически опустошили город [18].

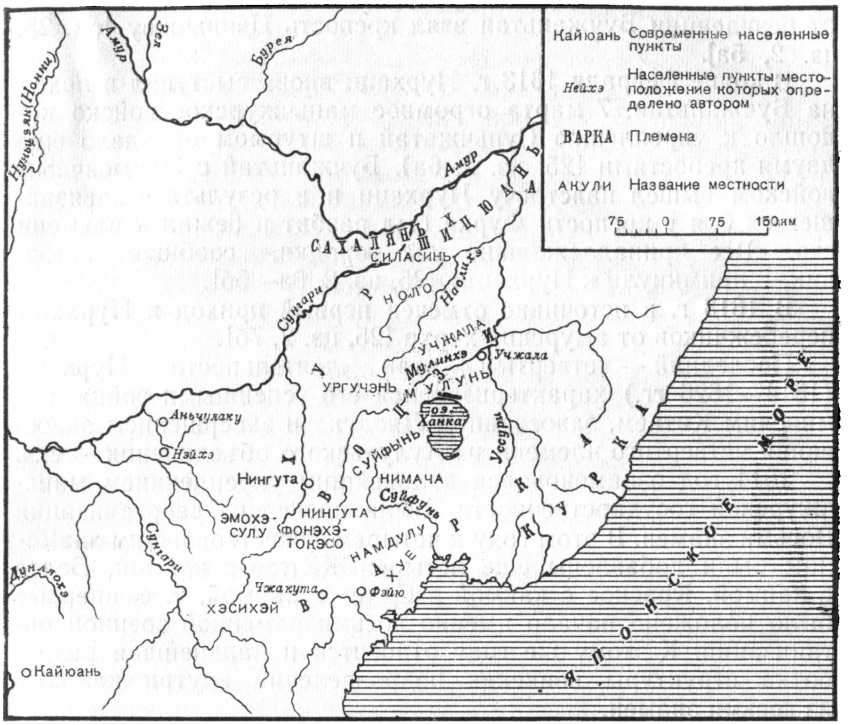
Одновременно с уничтожением Фэйю Нурхаци предпринимал походы на племя воцзи, проживавшее к северо-западу от Фэйю (см. карту 3). Первый поход был предпринят в июне того же года на три района племени воцзи — Хэсихэй, Эмохэсулу и Фонэхэтокэсо. Войска Нурхаци захватили здесь 2 тыс. пленных и вернулись с ними обратно [см. 25, цз. 2, 3б].

В апреле 1608 г. Нурхаци отдал приказ своим полководцам выступить с 5-тысячным войском на племя ула. Как свидетельствует «Цзилинь тунчжи», на юге ула граничило с хойфа, на юге-западе его земли простирались почти до земель суань, на востоке естественной границей их служил хребет Западный Лаоелин или более отдаленный Чжангуанцайлин [см. 24, цз. 12, 6а; 230, 158].

Войска Нурхаци осадили крепость Иханьалинь и взяли ее. «Было убито,— сообщает источник,— более тысячи человек (! — *Г. М.*), захвачено 300 комплектов лат и все население города» [25, цз. 2, 4а]. В течение последующих четырех лет Нурхани не предпринимал походов на это племя.

В январе 1610 г. Нурхаци отправился в поход на местность Хуе племени воцзи. Было захвачено и приведено в Маньчжоу, как сообщает маньчжурский источник, более 2 тыс. пленных [25, цз. 2, 4б].

В декабре 1610 г. Нурхаци приказал полководцу Эйду во главе тысячного войска выступить в поход на четыре местности племени воцзи — Намдулу, Суйфэнь, Нингута [19] и Нима-



Карта 3. Территория расселения восточных соседей маньчжуров в первой половине XVII в.

ча. Всех вождей этих мест Эйду призвал добровольно перейти на сторону Нурхаци [25, цз. 2, 4б].

В августе 1611 г. был совершен поход на местность Ургучэнь и Мулунь этого племени и захвачено более тысячи человек, а в январе 1612 г.— поход на г. Чжакута местности Хурха [см. 25, цз. 2, 5а]. Население городов и селений местности Хурха оказало ожесточенное сопротивление; в результате боев было убито свыше тысячи местных жителей, взято в плен 2 тыс. человек. После завоевания других населенных пунктов Эйду прислал к Нурхаци еще 500 семей, захваченных в плен [см. 5, цз. 142, 3б—4а].

23 октября 1612 г. войска Нурхаци вновь вступили в земли племени ула. Вождь ула — Бучжаньтай вышел со своим войском им навстречу, но, как сообщают источники, его воины были так напуганы боевой строгостью рядов противника, что не приняли боя и отступили. Нурхаци, продвинувшись вниз по течению р. Улахэ (верхнее течение современной Сунгари), взял пять прибрежных городков ула. Затем, проник-

нув еще дальше в глубь территории этого племени, он в 2 ли от резиденции Бучжаньтая взял крепость Цзиньчжоу [см. 25, цз. 2, 5а].

В конце февраля 1613 г. Нурхаци вновь выступил в поход на Бучжаньтая. 7 марта огромное маньчжурское войско подошло к укреплению Суньчжатай и штурмом овладело еще двумя крепостями [25, цз. 2, 6а]. Бучжаньтай с 30-тысячным войском вышел навстречу Нурхаци и в результате завязавшегося боя у крепости Фурха был разбит и бежал к племени ехэ. «Все принадлежавшие ула городки,— сообщает источник,— примкнули к Нурхаци» [25, цз. 2, 6а—6б].

В 1613 г. в источнике отмечен первый приход к Нурхаци перебежчиков от амурских хурха [25, цз. 2, 7б].

Последний — четвертый — этап деятельности Нурхаци (1614—1626 гг.) характеризовался его успешными войнами с минским Китаем, завоеванием Ляодуна и завершением завоевания четвертого племени из Хулуньского объединения — ехэ.

1614 год ознаменовался дальнейшим укреплением маньчжурской государственности. Была проведена реорганизация Восьми знамен. В этом году к четырем существовавшим знаменам были добавлены еще четыре: Желтое с каймой, Белое с каймой, Красное с каймой и Синее с каймой, т. е. впервые было положено начало именно восьмизнаменной военной организации. К этому же году относится и дальнейшая разработка структуры воинских подразделений внутри каждого из восьми знамен.

Теперь во главе знамени были поставлены бэйлэ, под непосредственным командованием корпусного командира находились пять цзяла (чжалань)-эчжэней (условно «командиров полков»), в подчинении каждого из которых было по пять нюру-эчжэней (командиров рот). Численность низшего подразделения — нюру — по-прежнему составляла 300 воинов и лишь позднее сократилась до 200.

Через эту систему Восьми знамен стало постепенно осуществляться все военное и хозяйственное управление населением Маньчжурского государства. При каждом знамени в 1614 г. были учреждены специальные канцелярии, ведавшие помимо обычного делопроизводства и отчетности широким кругом вопросов, касающихся разных сторон жизни всего военного и гражданского населения. Впоследствии каждая канцелярия была разделена на два управления: левое и правое. В компетенцию левого управления, в частности, входило повышение в чинах, наблюдение за порядком передачи наследственных чинов, арест лиц, совершивших преступления, и ведение судопроизводства. Правое управление ведало назначением провианта и денежного жалованья, выделением средств на фураж, единовременными награждениями служилых людей, взысканием недоимок, подворными и подушными

переписями в знаменах, учетом имеющихся земельных угодий и пр.

Это была специфическая маньчжурская система, зачаток той системы государственного управления, которая позднее развилась у маньчжуров, уже при заимствовании определенных реалий у соседнего минского Китая. Она была сравнительно простой: военными вопросами занимались высшие командующие, управляющие делами Восьми знамен,— баци цзунгуань дачэнь, назначаемые из числа высшей маньчжурской знати; гражданскими делами — пять сановников-советников— ичжэн у дачэнь (главным образом для ведения судебных дел) и десять сановников-правителей дел — лиши ши дачэнь. Все они входили в так называемый Совет князей и сановников — высший совещательный орган непосредственно при особе маньчжурского правителя [см. 144].

После завоевания ула из четырех племен Хулуньского объединения вне контроля Нурхаци оставалось одно ехэ — наиболее могущественное из этих племен. Оно было завоевано Нурхаци в 1619 г. уже после начала войны с минским Китаем.

Племя ехэ проживало на территории к северо-востоку от заставы Вэйюаньпу, в бассейне р. Ехэхэ (совр. р. Тунхэ). На юге его ближайшим соседом было хада, земли которого отделялись от территории ехэ хребтом Дамулушань, на севере — монгольские аймаки Корцинь и Горлос; на юго-западе его земли примыкали к минской пограничной стене [24, цз. 12, 19а; цз. 18, 26а].

Идентификация приблизительных (ввиду их неопределенности) границ племен так называемых чжурчжэней Хайси (Хулуньское объединение), в особенности племен, находящихся на периферии этого объединения (т. е. ула и ехэ), имеет важное значение.

Как отмечено в «Нурхаци шилу», родоначальником ехэ был монгол аймака Тумот, поселившийся на месте уничтоженного им рода Нара объединения Хулунь, почему и сам впоследствии получил фамилию Нара. Затем он со своим родом переселился на Ехэхэ, стал называться ехэй [см. 25, цз. 1, 3б; 31, цз. 2, 25]. В минскую эпоху земли, занимаемые этим племенем, назывались Бэйгуань (Северная застава) [см. 31, цз. 2, 25; 16, цз. 8, 3б].

В октябре 1614 г. Нурхаци двинул на ехэ 40-тысячное войско. Подойдя к крепости Усу, он предложил ее населению сдаться. Крепость сдалась без боя. С этого момента началось кровавое завоевание ехэ. Источник сообщает, что после взятия Усу войска Нурхаци овладели 19 городками и другими населенными пунктами ехэ и «сожгли дотла жилища и посевы, а затем, захватив с собой 300 сдавшихся жителей Усу, вернулись [в свои земли]» [25, цз. 2, 6б].

В декабре 1614 г. Нурхаци послал 500 воинов в поход «на южное [побережье] Восточного моря» на два округа — Ялань и Силинь племени воцзи. «[Войска Маньчжоу] приняли 200 семей сдавшихся,— сообщает источник,— всего 1000 человек и возвратились» [25, цз. 2, 7б].

В декабре 1615 г. были посланы 2 тыс. воинов в поход на г. Дунъэхэйкулунь племени воцзи и прилегавшие к нему районы. При штурме города погибло более 800 его защитников, 10 тыс. человек были захвачены в плен (это самое большое число пленных в истории маньчжурских походов на северо-восточные племена). К этому нужно добавить еще 500 семей, добровольно перешедших на сторону Нурхаци [см. 25, цз. 2, 8б].

В 1616 г. произошло важное событие в истории маньчжурской народности: в результате более чем 30 лет непрерывных войн с соседними чжурчжэньскими племенами Маньчжоу, объединив своих соседей, утвердилось как единое централизованное государство. Нурхаци назвал себя ханом, а свою династию — Поздняя Цзинь, приняв для своего правления девиз Тяньмин — «Небесная воля», или «Небесный мандат».

Государство Маньчжоу сложилось как раннефеодальное; огромная роль в нем принадлежала военной организации Восьми знамен, охватывавшей не только собственно войско, но и основную массу населения страны.

Таким образом, начиная только с 1616 г. к этому объединению северо-восточных чжурчжэньских племен применимо название «маньчжуры». Однако оно в течение длительного последующего периода не получило широкого распространения даже в среде самих маньчжуров. В 1635 г. преемник Нурхаци — Абахай вынужден был даже издать специальный указ, который гласил: «В нашем государстве в прошлом были распространены такие названия, как маньчжоу, хада, ула, ехэ и хойфа. Раньше люди невежественные обычно называли [нас] чжушэнями. [Однако] название чжушэнь [относилось] лишь к потомкам чаоморгэньских сибо и не имеет никакого отношения к нашему государству, которое основано под названием Маньчжоу и имеет длительную историю, а престол передавался из поколения в поколение. Отныне [приказываю], чтобы все люди называли наше государство только первоначальным (?! — *Г. М.*) названием — Маньчжоу. [Запрещается] впредь пользоваться неправильным названием» [8, цз. 25, 29].

Соседний феодальный Китай с его сложившимися за многие сотни лет государственной структурой и социально-экономическими институтами, оказал огромное влияние как на сформирование у маньчжуров органов центрального государственного аппарата, так и на развитие его экономики и культуры. Принятие Нурхаци для своего правления девиза Тяньмин является прямым заимствованием у Китая. Влияние ки-

тайских институтов на образовавшееся у границ Минской империи новое молодое государственное объединение маньчжуров вполне естественно, однако его не следует переоценивать и возводить в абсолют, как это делает, например, в своей монографии американский исследователь Ф. Майкл [см. 327].

В 1616 г. Нурхаци совершил поход против так называемого племени (или племен) сахалянь Восточного моря [20]. «Нурхаци шилу» сообщает, что маньчжурскими войсками, насчитывавшими 2 тыс. человек, командовали полководцы Дархаця и Сюнькэло. Достигнув 30 августа 1616 г. Урцзянхэ, маньчжуры сделали здесь 200 лодок и напали на селения местных народов и с воды и с суши. Было захвачено 36 селений по северному и южному берегу р. Урцзянхэ. Затем, добравшись до селения Фодолокунь на южном берегу р. Сахаляньхэ, они разбили лагерь. После этого, переправившись на северный берег, захватили «одиннадцать селений племени сахалянь» [см. 25, цз. 2, 10а].

Описание этого похода сопровождается в маньчжурских источниках рядом фантастических подробностей, свидетельствующих якобы о помощи маньчжурам со стороны небесных сил. Источник, говоря об этом походе, не сообщает о числе пленных, что является весьма странным и совершенно беспрецедентным случаем. Нет никаких упоминаний и о включении в маньчжурские нюру людей племени сахалянь. Нельзя представить себе, каким же все-таки путем шли маньчжурские войска, учитывая враждебные отношения Нурхаци с тогда еще могущественным племенем ехэ. Такие дальние походы, особенно в крупных масштабах, могли осуществляться только после полного завоевания этого племени.

Отождествить упоминаемые в связи с этим походом географические пункты невозможно, так как сведения о них в позднейших источниках не встречаются. Несмотря на наличие свидетельства об этом походе такого источника, как «Нурхаци шилу», возникают определенные сомнения, имел ли в действительности место такой поход.

На основании приведенных выше скудных данных источника о захвате маньчжурами (вероятно, прибрежных) селений «племени сахалянь», Лю Сюань-минь пытается сделать вывод, что территория этого племени будто бы занимала весь бассейн р. Буреи и бассейны притоков Зеи — Селемджи и Томи, почти до современного Станового хребта (?!) [см. 230, 166, карта], что безусловно не имеет под собой никаких исторических оснований.

В связи с этим же походом в «Нурхаци шилу» имеется упоминание о шицюань-го [21]. Источник сообщает, что в январе 1617 г. после борьбы с племенем сахалянь маньчжурские полководцы склонили к переходу на сторону маньчжуров

«40 вождей трех (? — *Г. М.*) мест (племен): Иньдахунь Такулала, а также местности Ноло и Силасинь» [25, цз. 2, 10а].

Однако если такое «привлечение» этих вождей «владения шицюань» и имело место в действительности, что применительно к 1617 г. является весьма сомнительным, то странно, что факт этот не получил какого-либо отражения в последующей истории взаимоотношений шицюань-го с маньчжурами. Каких-либо походов как при Нурхаци, так и при Абахае на это племя не организовывалось, а первые добровольные приезды из шицюань-го отмечаются в маньчжурских хрониках только в 1633—1635 гг., т. е. только через 16 лет после описанных выше событий [см. 8, цз. 14, 30б].

После 1635 г. сведения о племени шицюань исчезают из маньчжурских источников вплоть до августа 1660 г. (т. е. почти на 25 лет), когда название этого племени появляется вновь в связи с разгромом маньчжурами русского отряда на Амуре. Источники сообщают, что после столкновения с русскими маньчжуры считали это племя покоренным [см. 12, цз. 124, 6а] [22].

Провозглашение Нурхаци верховным правителем государства Маньчжоу и принятие им своего девиза правления, а также усиление маньчжуров в непосредственной близости от границ Китая в Ляодуне обострили отношения между маньчжурами и Минской империей. Согласно дипломатической концепции китайских феодальных правителей, ни один из соседних правителей не должен был иметь свой, отличный от китайских императоров девиз правления и календарь. Это якобы нарушало суверенные права китайских императоров.

В октябре 1616 г. племенная верхушка ехэ, испытывавшая серьезный военный нажим Нурхаци, обратилась за помощью к Минской империи. Вожди его — Цзинь-тайши и Буянгу — сообщали, что Нурхаци захватил уже три владения Хулуньского объединения и осталось одно ехэ, что Нурхаци стремится захватить Ляодун, а окрестности китайских городов Кайюаня и Телина превратить в пастбища для маньчжурских коней.

Минский двор решил вмешаться в события на Северо-Востоке и выступил в поддержку ехэ. Для защиты ехэских городов была послана тысяча китайских солдат с огнестрельным оружием. Мины укрепили свои гарнизоны в пограничной линии в Ляодуне. Нурхаци, как номинальному вассалу Мин, они приказали прекратить военные действия против ехэ [см. 7, т. 1, цз. 4, 10а—10б].

Маньчжурские военачальники открыто заговорили о необходимости войны с Китаем. Нурхаци не поддерживал их, но вместе с тем недвусмысленно дал понять, что необходимо начинать подготовку к такой войне [см. 7, т. 1, цз. 4, 16б—

17а]. В феврале 1618 г. Нурхаци впервые заявил о намерении в ближайшем будущем выступить против Минской империи, а на совете ванов и бэйлэ и перед войсками он объявил свои «семь великих обид», якобы вынудивших его начать эти военные действия [7, цз. 4, 12а—13б] [23].

Так началась война маньчжуров и с Китаем. Весной 1621 г. Нурхаци захватил сильно укрепленный Мукден (Шэньян), а вскоре и главный город края — Ляоян. С этого времени весь Ляодун оказался полностью потерянным для Минской империи. В апреле 1625 г. Нурхаци принял решение перенести столицу Маньчжурского государства в Мукден. Земли Ляоси и территория Северного Китая, лежащая за Великой стеной, в период 1622—1644 гг., особенно при правлении хана Абахая, подвергались непрерывным набегам маньчжуров.

Таким образом, начиная с 20-х годов XVII в. Китай превращается в важнейший объект агрессивных войн Маньчжурского государства. Однако наряду с продолжающимися походами на Ляоси и Северный Китай маньчжуры сумели также осуществить успешное покорение Чахарского ханства [см. об этом 99], а в результате двух военных кампаний — 1626—1627 гг., 1636—1637 гг.— завоевание Кореи. Это были основные направления агрессивных действий маньчжуров против своих соседей в первой половине XVII в.

На этом историческом фоне непрерывных военных действий против всех соседних народов и происходила дальнейшая завоевательная деятельность Нурхаци и Абахая в отношении племен и народностей Северо-Востока.

Военные действия против племени ехэ и других соседних племен велись маньчжурами весьма успешно. Так, в феврале 1619 г. был предпринят очередной поход на ехэ. «7-го дня первой луны (20 февраля.— *Г. М.*),— сообщает „Нурхаци шилу",— войско вступило в пределы ехэ и на землях, начиная от городка Кэитэ и селения Чжаньхань и не доходя 10 ли к востоку от Ехэчэна, захватило все население сдавшихся [ехэских] крепостей. На протяжении 10 ли было сожжено более двадцати мелких и крупных деревень и селений» [25, цз. 3, 1а]. Таким образом, очевидно, что, захватывая территорию ехэ, маньчжуры опустошали и разоряли целые районы. В результате маньчжурских набегов эти густонаселенные и освоенные земли Северо-Востока пришли в полное запустение.

В сентябре 1619 г. войска Нурхаци окружили крепость — резиденцию второго вождя ехэ — Буянгу, а к востоку от нее взяли штурмом Дунчэн — резиденцию главного вождя племени — Цзинь-тайши. «Гарнизоны других осажденных городков ехэ, узнав о падении Дунчэна,— сообщает источник,— открыли крепостные ворота и сдались. С этих пор ехэ прекра-

тило [свое самостоятельное] существование» [25, цз. 3, 1а], а подавляющая часть населения была уведена в Маньчжоу и влита в состав Восьми маньчжурских знамен. Завоеванием ехэ было завершено подчинение Нурхаци всех племен Хулуньского объединения. За счет племен Хулуньского объединения значительно пополнилось войско и население Маньчжоу [см. 168, т. 1, 7].

Не меньшее значение для увеличения населения Маньчжурского объединения имели походы на более отдаленные племена «диких чжурчжэней».

В 1619 г. в феврале и июле были отмечены два похода на «местность Хурха племени воцзи». Во время этих походов маньчжуры первый раз захватили 2 тыс. взрослых мужчин, а второй раз — тысячу семей с 2 тыс. взрослых мужчин. Далее «Баци тунчжи чуцзи» приводит свидетельство о том, что некий Никань родом с р. Сунгари ходил на хурха в 1621 г. и привел 500 семей [2, т. 11, гл. 159, 54].

В 1625 г., в сентябре и ноябре, также посылались войска в поход на племя хурха; первый раз было захвачено 500 семей; второй раз маньчжурские войска под командованием сына Нурхаци — Абая, которые были посланы на «племя хурха северной части Восточного моря», захватили 1500 пленных [2, т. 9, гл. 139, 289; 5, цз. 139, 20а—20б].

21 сентября 1626 г. Нурхаци умер. Его преемником был избран один из его сыновей, четвертый бэйлэ Абахай, известный под храмовым именем Тайцзун Вэньхуанди.

Объединение соседних племен под эгидой Маньчжоу осуществлялось Нурхаци с помощью не только военных, но и дипломатических методов. К сожалению, данные маньчжурских источников о дипломатической деятельности Нурхаци чрезвычайно скудны.

Среди приемов дипломатии вождя Маньчжоу, о которых сообщают хроники, основное место занимали различные способы всемерного и максимального привлечения к Нурхаци племенной верхушки местных племен. В начальный период своей деятельности Нурхаци, как правило, непременно лично выезжал для встречи приезжавших к нему старшин соседних племен, сопровождал гостей до своей резиденции.

Желая переманить на свою сторону старшин еще не присоединившихся к Маньчжоу племен, Нурхаци осыпал приезжавших всевозможными милостями, устраивал в их честь многочисленные пиры, щедро одаривал подарками: золотом, серебром, шелковыми материями. Гостю обещали оказывать личное покровительство и защиту. Очень часто приезжавший высокий гость уезжал с пожалованной ему девушкой из какого-либо родовитого маньчжурского дома, иногда дочерью или сестрой самого Нурхаци. В результате устанавливались родственные и политические связи. Так применялась хорошо

продуманная и почти безотказно действовавшая система привлечения новых союзников.

Таким образом, Нурхаци с 1583 по 1626 г. объединил все чжурчжэньские племена, являвшиеся непосредственными соседями Маньчжурского объединения, и создал централизованное государство Маньчжоу. В течение этого же времени он совершил также несколько походов на более отдаленные племена. Как видно из приводимых нами данных маньчжурских источников, походы эти предпринимались для упрочения внешнеполитического положения создаваемого Нурхаци племенного объединения, для захвата пленных и военной добычи. Увод значительной части населения завоевываемых племен и опустошение их территории неопровержимо свидетельствуют, что Нурхаци отнюдь не ставил своей непосредственной задачей присоединение к государству Маньчжоу собственно земель этих племен, хотя военное и политическое влияние Маньчжоу, безусловно, с этих пор в известной степени и распространялось на них.

Однако даже после присоединения ряда соседних племен к Маньчжоу численность населения его оставалась сравнительно незначительной, в то время как продолжавшаяся война с минским Китаем и назревавший военный конфликт с Кореей требовали неустанного и срочного пополнения военных сил молодого государства. Перед маньчжурами постоянно стояла задача всемерного увеличения численности населения своего государства, в особенности взрослого мужского населения, способного держать в руках оружие.

Источником для такого пополнения людских резервов маньчжуры избрали отдаленные племена собственно Северо-Востока и Приамурья, доступ к землям которых был открыт завоеванием племен Хулуньского объединения. Однако наиболее крупные масштабы походы на эти племена приняли уже при преемнике Нурхаци — Абахае. При Абахае маньчжуры дважды вели агрессивные войны с Кореей, не прекращали своей войны с минским Китаем. В результате этой войны маньчжуры широко заимствовали китайское оружие, познакомились с артиллерией, овладели техникой осады крупных, хорошо укрепленных городов.

Расселение племен и народностей Северо-Востока в первой половине XVII в.

К племенам и народностям Северо-Востока маньчжурские источники чаще всего относят три основных племени: варка, воцзи и хурха [см. 25, цз. 1, 3а][24]. В «Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу» часто встречаются названия и других

племен и народностей этой части Дальнего Востока, среди которых наиболее значительные курка, солоны, учжала [см. карту 3, 4].

Материалы «Тайцзун шилу» позволяют отождествить места жительства некоторых групп населения этого региона в первой половине XVII в.

Племена варка и курка. Племя курка по месту жительства чрезвычайно трудно отделить от варка, так как маньчжурские источники, к сожалению, содержат чрезвычайно мало информации по вопросу о его расселении.

Племена варка и курка — это, вероятно, предшественники орочей.

Племя воцзи[25]. Основываясь на сведениях китайских источников, можно заключить, что земли племени воцзи расположены были к югу от р. Сунгари и к западу от р. Уссури и охватывали частично бассейны рек Тумыньцзян и Муданьцзян.

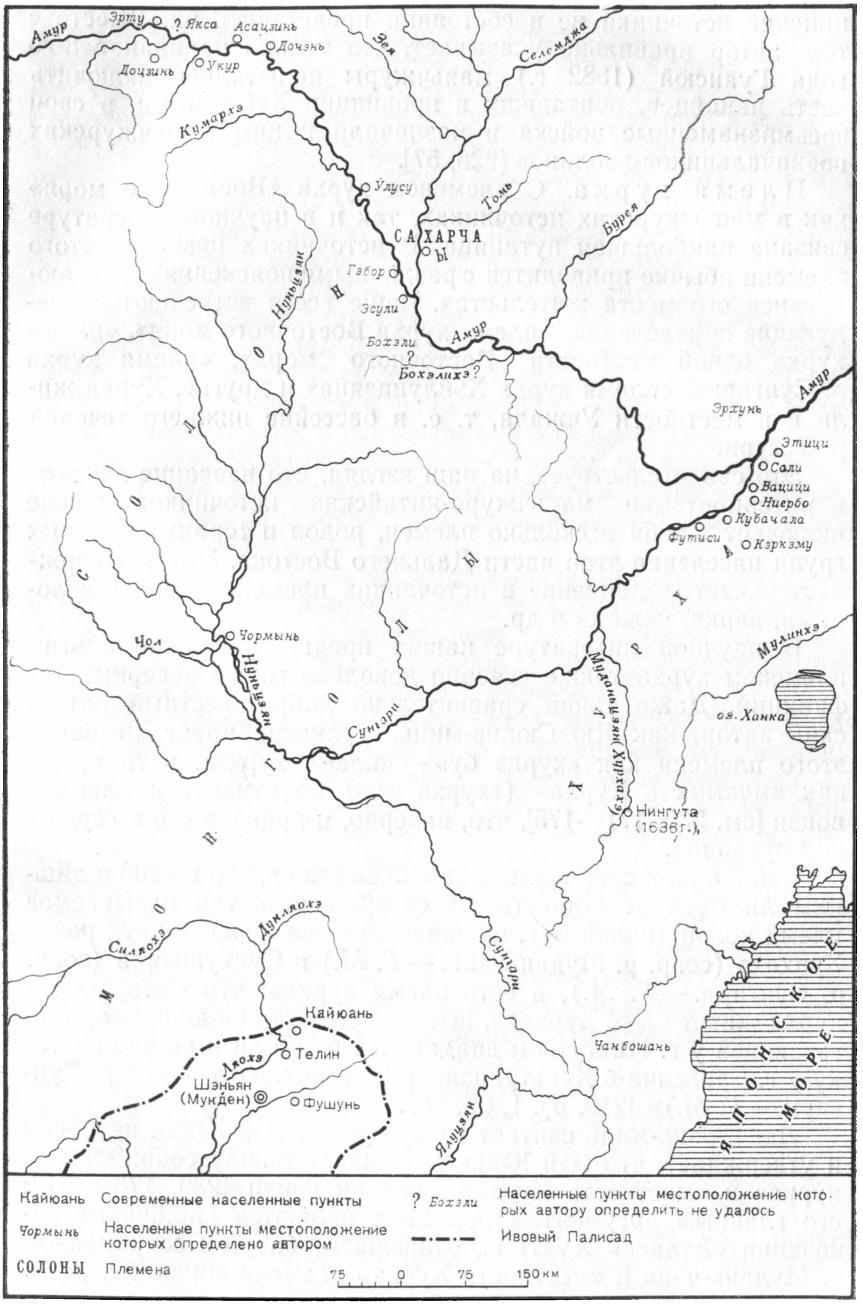
При этом следует оговорить, что воцзи проживали на этой обширной территории отнюдь не компактно, а отдельными, разрозненными друг от друга территориальными группами.

Название «воцзи», безусловно, являлось для маньчжуров коллективным названием многих различных родов и племен; об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в маньчжурских источниках нет указаний на включение в нюру Восьми знамен собственно людей племени воцзи как какого-то целого, а только «людей местности Нингута», «людей местности Намдулу» и других районов расселения воцзи, по-видимому рассматриваемых маньчжурами как отдельные роды или этнические группы.

Отдельные ветви воцзи, безусловно, являлись нанайскими родами, в то время как другие, жившие, например, в «местности хурха племени воцзи», в г. Чжакуте, принадлежали, возможно, к другой неизвестной народности Северо-Востока, предшественникам нанайцев, бесследно ассимилировавшимся в конгломерате племен, назвавших себя позднее маньчжурами.

Безусловно являясь нанайскими, многочисленные роды «хурха с востока», посольства которых к маньчжурскому двору часто отмечаются в источниках — наела, гэикэлэ, хушикэли и другие,— не дифференцировались в сведениях маньчжурских источников и относились к племени воцзи [31, цз. 3, 46].

Касаясь взаимоотношений нанайцев с маньчжурами, гоминьдановский автор Лин Чунь-шэн отмечал, что они якобы «подчинились маньчжурам (? — *Г. М.*), но по-прежнему не включались в [маньчжурские] знамена» [226, 56]. Факт такого «подчинения» еще требует доказательств, а маньчжуро-



Карта 4. Территория расселения племен и народностей, проживавших к северу и северо-западу от Ивового палисада

цинские источники не в состоянии представить их. Вместе с тем автор правильно указывает, что только начиная с 8-го года Гуансюй (1882 г.) маньчжуры попытались включить часть нанайцев, обитавших в провинции Хэйлунцзян, в свои восьмизнаменные войска и назначили к ним маньчжурских военачальников-цзолинов [226, 57].

Племя хурха. С племенем хурха «Восточного моря» как в маньчжурских источниках, так и в научной литературе связана наибольшая путаница. В источниках название этого племени обычно приводится с различными пояснениями, касающимися его места жительства. Чаще всего встречаются следующие определения: «племя хурха Восточного моря», «племя хурха одной местности Восточного моря», «племя хурха р. Сунгари», «племя хурха Хэйлунцзяна» и другие. Хурха жили и в местности Учжала, т. е. в бассейне нижнего течения р. Уссури.

Это свидетельствует, на наш взгляд, что название «хурха» в интерпретации маньчжуро-китайских источников также включает в себя несколько племен, родов и территориальных групп населения этой части Дальнего Востока. Это подтверждает и частое смешение в источниках племени хурха с солонами, варка, учжала и др.

В научной литературе наших предшественников с этим племенем хурха также связано довольно много неверных дефиниций. Даже такой сравнительно добросовестный китайский автор, как Лю Сюань-минь, транскрибирует название этого племени как «хуркэ бу» — «племя хуркэ», в то время как «местность Хурха» («хурха лу») он относит к племени воцзи [см. 230, 171—175], что, наверно, и привело его к серьезной путанице.

Вэй Юань в свое время правильно писал, что в «400 с лишним ли пути от Нингуты на северо-восток так называемое племя нолэй (нолэй бу), проживающее на берегах двух рек— Хурхахэ (совр. р. Муданьцзян. — *Г. М.*) и Сунхуацзяна (совр. р. Сунгари. — *Г. М.*), и есть племя хурха»; что «[это] племя хурха живет на р. Хурхахэ, вытекающей из Цзилинь-ула, протекающей у г. Нингуты и впадающей в 700 ли к северо-востоку у г. Саньсина в Хуньтунцзян (здесь нижнее течение р. Сунгари.— *Г. М.*)» [219, цз. 1, 6б, 7б].

Лю Сюань-минь считает точку зрения Вэй Юаня неверной и утверждает, что Вэй Юань смешивает между собой «племя хурка» и «местность Хурха» племени воцзи [230, 176—177]; его главным аргументом при этом являются ошибочные показания «Атласа» XVIII в., относящего бассейн современной р. Мудань-цзян к «местности Хурха» племени воцзи [29, разд. 3, л. 3а].

В идентификацию места жительства племени хурха Лю Сюань-минь не только не внес ничего нового, но запутал ее

еще больше. Он смешал хурха с другим племенем — курка (жившим на побережье Татарского пролива) и, слепо следуя запутанным сведениям цяньлуновского «Атласа», произвел название этого племени от р. Куркэхэ, впадающей в Амур в его среднем течении между реками Зеей и Кумарой (Хумархэ). Он поселил хурха в бассейн этой реки [29, разд. 5, л. 4а; 230, 177] и в район «к северу от слияния рек Сунгари и Амура, к югу от впадения в Амур р. Кумары». На юго-востоке Лю Сюань-минь называет соседями хурха племя воцзи, на северо-востоке — сахалянь; на западе его границу он проводит по Сяо-Синъаньлину (Хингану), где оно якобы граничит с владениями солонов [230, 177]. Это совершенно неверная схема. Причиной ошибки Лю Сюань-миня явилось то обстоятельство, что для изучения походов 1627—1645 гг. он не пользовался в своей работе материалами «Тайцзун шилу», а черпал сведения об этих походах из других второстепенных и более поздних источников, весьма несистематичных и неполных, воспринимая в ряде случаев ошибки авторов этих сочинений.

Так, в частности, к населенным пунктам племени хурха Лю Сюань-минь почему-то относит городки Улусу, Мулусусу и Эсули, в то время как по «Тайцзун шилу» — это солонские городки, а также называет среди городков хурха г. Хумар, название которого в источниках ни разу не встречается [230, 177].

Племя хурха проживало оседло и компактно, крупными многочисленными селениями по р. Муданьцзян, по нижнему течению Сунгари и в ее устье, по Амуру, приблизительно до устья р. Уссури. По данным Л. И. Шренка, В. И. Огородникова и Б. О. Долгих, эти районы являлись в 40—50-х годах XVII в местом компактного проживания дючеров. «Дючерские улусы,— пишет Б. О. Долгих,— можно разделить на три группы: на Амуре, на Сунгари и на Уссури» [93, 583, 607]. Название «дючеры» не встречается в маньчжурских источниках. Вместе с тем места расселения дючеров совпадают с местами компактного проживания племени хурха. Это обстоятельство дает нам основания отождествить хурха с дючерами.

Однако мы не можем согласиться с точкой зрения Б. О. Долгих и его предшественников, отождествивших в своих работах дючеров-хурха с маньчжурами [26]. Б. О. Долгих называет дючеров «этнографической группой маньчжуров» [см. 93, 557]. Несмотря на некоторую неясность этой формулировки, последующие высказывания автора об этой народности как о «приамурских маньчжурах» [93, 558] не оставляют сомнения в том, что автор считает дючеров маньчжурами. Для нас совершенно очевидно, что не все народности, относящиеся к маньчжуро-тунгусской языковой группе, являются маньчжурами.

Из поля зрения этих авторов, к сожалению, выпали, во-первых, те исторические условия, при которых происходило складывание маньчжурской народности на базе коалиций различных племен, равно как и основные особенности этого процесса; во-вторых, географические ареалы территории, на которой имела место консолидация маньчжуров и к которой отнюдь не относилось Приамурье.

Маньчжурские источники XVII в. дают также ясный и недвусмысленный ответ на вопрос, какие именно племена и народности Северо-Востока явились основой интенсивно складывавшегося в конце XVI — первой половине XVII в. племенного объединения, получившего название маньчжоу, или маньчжуры, на основе каких местных чжурчжэньских племен произошло формирование маньчжурской народности, наконец, на какой именно территории происходило слияние этих племен.

Как уже было показано выше, объединение маньчжурских племен происходило в основном на землях Цзяньчжоу (к востоку от Фушуня) и территории Ляодуна. Эта территория не включала не только бассейн Амура и Уссури, но и Сунгари, ниже впадения в нее р. Нонни. Частичное включение в складывающуюся коалицию определенных племен и народностей (хурха и др.) имело место только в 30-е и 40-е годы XVII в. Важнейшим условием включения населения этих племен, проживавшего по Сунгари и Амуру, было его обязательное переселение в центральные районы, находившиеся под действительным маньчжурским контролем.

Основное возражение точка зрения Б. О. Долгих вызывает потому, что она не учитывает тот факт, что маньчжурские источники XVII в. не содержат абсолютно никаких упоминаний о проживании в этот период на Амуре каких-либо маньчжуров [27].

В противовес точке зрения Б. О. Долгих маньчжуро-китайские источники XVII в. содержат сведения только об отдельных единовременных выходах маньчжуров на Амур в 1616 г. и в 30—40-е годы XVII в. и только впервые об их закреплении в Приамурье, начиная с периода подготовки агрессии против Албазина.

Авторитетные источники прямо указывают, что маньчжуры были пришельцами на Амуре, обосновавшимися здесь в 80-х годах XVII в. в связи с военными действиями, развернутыми Цинской империей против владений Русского государства в Приамурье. Например, «Хэйлунцзян тунчжи» свидетельствует: «Маньчжуры (маньчжоу жэнь) пришли сюда (имеется в виду г. Цицикар, Приамурье.— *Г. М.*) в 21-м году Канси (1682 г.— *Г. М.*) из Гирина и Нингуты, [совершая] военный поход под водительством цзянцзюня Сабсу; все воины были оставлены здесь в постоянных пограничных гарнизонах.

Их семьи позднее [также] были переселены сюда из Гирина и других мест» [23, цз. 7, 3а]. В то же время цинские источники конкретно называют жителями Приамурья в этот исторический период народности сахарча, солонов, хурха, сахалянь, на которые маньчжуры совершали по нескольку военных походов, наконец, с которыми в 1639—1640 гг. они вели тяжелые войны.

В этой связи вряд ли можно говорить, как это делает Е. П. Лебедева, о бывшей территории расселения этих племен как о каких-то «крупных центрах маньчжурской культуры» [128, 70—71], к которым автор относит, в частности, Амур и бассейн р. Суйфунь [128, 74—75]. Нужно учитывать, что в первой половине XVII в. берега Амура были заселены многочисленными монголоязычными даурскими родами, отнюдь и ни в коей мере не являвшимися родственными маньчжурам, и племенами, известными в русских источниках под названием дючеров, а также натков и ачанов (нанайцев и ульчей), которые, как известно, отнюдь тоже не являются маньчжурами.

Основная ошибка Е. П. Лебедевой заключается, как уже было показано, в некритическом восприятии данных фальсифицированного при цинском императоре Цяньлуне маньчжурского источника «Чжакунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ». Как свидетельствуют используемые нами аутентичные источники, маньчжуры многократно совершали на племя хурха военные походы. Маньчжурские источники утверждают, что хурха якобы считались данниками Цинской империи не только в первой половине, но и в середине 70-х годов XVII в.[28]. Но это противоречит более поздним показаниям маньчжуро-китайских источников о том, что хурха являлись по происхождению исконно «маньчжурским» племенем.

В исторической литературе, в том числе и в китайской, почти нет высказываний [29] и тем более доказательств, в какой-либо мере подкрепляющих выдвинутую в свое время Б. О. Долгих идею о принадлежности хурха к маньчжурским родам.

Отождествляя этих хурха XVII в. с современной народностью, можно согласиться с мнением Лин Чунь-шэна, считающего, что под «племенем хурха Восточного моря» следует иметь в виду сунгарийских нанайцев [226, т. 1, 56]. С этим выводом автора можно согласиться.

Под так называемыми солонами и сахарча в маньчжурских источниках упоминались собственно солоны, но чаще всего дауры и другие эвенкийские племена Северо-Востока и Приамурья.

Как показывает отождествление названий некоторых солонских городков, приводимых в источнике в связи с воен-

ными выступлениями 1639—1640 гг., солоны проживали в бассейне р. Нонни, на верхнем Амуре и в южной части бассейна р. Зеи. Ошибка Лю Сюань-миня, отводившего племени солонов значительный район к северу от Амура вплоть до Станового хребта, очевидна. Также ясны и корни этой националистической ошибки, исходящие из тенденциозности взглядов автора.

Племя учжала. По маньчжурским источникам первой половины XVII в., сведения об учжала настолько скудны, что не позволяют сделать каких-либо выводов относительно места его расселения. Однако, как об этом говорится в донесении засланных в 1682 г. под Албазин маньчжурских лазутчиков Лантаня и Пэнчуня, местность Учжала можно связать с тем районом, где в 1652 г. Е. Хабаровым был поставлен Ачанский острог и произошло первое столкновение с маньчжурами [30]. Таким образом, племя учжала можно связать с ачанами русских архивных документов, т. е. с теми же нанайцами [см. 94, 558] [31].

Военные походы Абахая на народности Северо-Востока

Правление второго маньчжурского хана, Абахая (1627—1644 гг.),— период наиболее активных контактов маньчжуров с племенами и народностями Северо-Востока и маньчжурских военных походов на эти племена. Основная цель этих военных экспедиций, как и прежних, состояла в массовом уводе пленных и захваченного на местах населения, в том числе женщин и детей, на территорию государства Маньчжоу и пополнении за счет пленных рядов маньчжурских восьмизнаменных войск.

Параллельно с военными походами маньчжуров используемые нами источники отмечают и многочисленные случаи добровольных переходов отдельных представителей этих племен на сторону Маньчжоу, а также большое число посольств к маньчжурскому двору от вождей и старшин местных северо-восточных племен.

Рост авторитета Маньчжурского государства среди соседних мелких народностей объяснялся определенными успехами маньчжуров в деле внутриполитической и хозяйственной стабилизации своего государства, а также упрочения его внешнеполитического положения в результате успешных войн с Минской империей, двух победоносных военных кампаний 1626—1627 гг. и 1636—1637 гг. в борьбе с Кореей, наконец,— завоевания Чахарского ханства.

Походы маньчжуров на восток и северо-восток

На востоке первые походы на племя варка были совершены маньчжурами в августе 1629 г. и декабре 1633 г. [8, цз. 5, 17б—18а; цз. 8, 16б] [32].

К сожалению, источник не приводит никаких данных относительно места расположения районов, где проживали варка и куда совершались походы. Интересно отметить, что, как и в записи о приходе людей из рода наканьтай [см. 8, цз. 8, 30б], в документе 1629 г. снова встречается название «Нингута», относящееся, по-видимому, уже к определенному населенному пункту. С этого времени следует обратить внимание на рост значения Нингуты для маньчжуров как расположенной на крайнем северо-востоке базы для отдельных экспедиций, осуществление которых постепенно начинает связываться именно с этим пунктом.

В начале правления Абахай организовал поход и на племя учжала. С названием «учжала» в маньчжурских источниках связывается как название местности («местность Учжала»), так и название племени («племя учжала»),— по-видимому, одного из нанайских («ачанских») родов. История маньчжурских набегов на учжала полна жестокостей, творимых завоевателями.

Под 1633 г. «Тайцзун шилу» сообщает, что посланный в поход на учжала батуру («богатырь») Убахай прислал людей с донесением, в котором говорилось, что маньчжурские войска, узнав, что люди племени учжала ловят рыбу на р. Вохэйхэ, напали на них, перебили 338 человек, захватили 700 мужчин, женщин и детей, 373 лошади, 102 головы крупного рогатого скота, 78 шкурок соболя и большое количество других мехов [8, цз. 12, 41б].

Стремление маньчжуров к завоеванию отдельных племенных групп на границах с Кореей (в первую очередь варка) в течение последующих лет неизменно встречало протесты корейской стороны [8, цз. 18, 21а—21б; цз. 21, 12а—12б; цз. 28,41б и сл.; цз. 51, 20б—22а и сл.].

8 февраля 1635 г. маньчжуры опять выступили в поход против племени варка. Его возглавили Убахай и Цзингурдай. Перед отправлением им был вручен ханский указ, призывавший полководцев к осторожности и старанию при исполнении порученного им дела. Объектом нападения в нем конкретно указывалась местность Нимань, где в городке и селениях проживало, по маньчжурским данным, более тысячи человек. «Тех, кого вы можете захватить своими силами,— говорилось в указе,— необходимо захватить». В селении, резиденции местного вождя Фэньдали, которое по указанию Абахая

предлагалось занять в первую очередь, маньчжуры должны были взять проводников.

Несмотря на отмечаемую в указе беспечность местного населения, маньчжурским войскам после их выступления предписывались к исполнению самые строгие меры предосторожности и в особенности необходимость строжайшего присмотра за пленными и заботы о них, причем в этой связи приводились печальные примеры маньчжурского командующего Дачжуху и офицеров Дунъо и Куйманя, которые были убиты бежавшими из-под охраны пленниками варка. Этот указ [8, цз. 21, 21б—23а] [33] свидетельствует, что маньчжурские набеги не всегда проходили успешно и что маньчжуры терпели в борьбе с варка неудачи, приводившие к гибели маньчжурских полководцев и офицеров.

Донесение о результатах этого похода появилось в хронике 9 июня 1635 г. «Посланные против варка Восточного моря Убахай и Цзингурдай прислали из Нингуты Кэрчжу с донесением. Доложили, что привлечено взрослых мужчин 560 человек, женщин — 500, детей — 90. Еще захвачено 66 женщин, 60 лошадей, 100 голов рогатого скота. Мехов разных было захвачено более 660 шкурок, шуб меховых — 38» [8, цз. 23, 8а, 34б—35а, 36а—36б]. Далее источник сообщает, что в июле вернувшиеся полководцы привели с собой людей из племени хурха (?!). Таким образом, совершенно очевидно, что маньчжуры путали эти два племени.

Походы на варка совершались также в ноябре 1635 г. [8, цз. 25, 25б—28б; см. также 24, цз. 12, 23а; 16, цз. 8, 4б], феврале и августе 1637 г. [8, цз. 35, 20б—22б; цз. 37, 1б—2б] [34].

Материалы о походах на варка в маньчжурских хрониках совершенно однотипны: они сообщают имена командующих, посланных в поход, наказ-напутствие маньчжурского хана и как результат каждого такого похода — сведения о числе пленных и захваченной военной добыче. Все перечисленные выше набеги фактически отличаются между собой лишь числом захваченных пленных, которых маньчжуры уводили на свои земли и включали в состав Восьми знамен. Ни о каких территориальных приобретениях на востоке в связи с этими походами источники не сообщают.

1636 год был ознаменован важным событием в истории политической консолидации маньчжуров: 5 мая 1636 г. Абахай официально принял императорский титул, переименовав свою династию в Да Цин (Великую Цин).

«Тайцзун шилу» указывает, что за успешный поход на племя варка и захват большого числа пленных, внесенных в списки, Убахай получил чин мэйрени-чжангиня 3-й степени [8, цз. 30, 12а—12б] [35]. Биография Убахая в «Баци тунчжи чуцзи» подтверждает его участие в этом походе и сообщает, что после него Убахай был посажен в «пограничный город

Нингуту» [5, цз. 150, 10б]. Эти сведения источника чрезвычайно важны, так как позволяют установить, что размещение в Нингуте постоянного маньчжурского гарнизона было впервые осуществлено в конце 1636 г. и первым командующим этим гарнизоном был Убахай [см. также 31, цз. 2, 2а] [36].

После 1638 г. в маньчжурских источниках не встречается ни упоминаний о каких-либо походах на это племя, ни вообще название «варка». Внимание маньчжуров в этом районе привлекают племена курка и учжала.

Данные маньчжурских источников о походах, в частности на варка, сообщающие в основном сведения об уводе коренного населения, свидетельствуют о том объективном факте, что основная цель маньчжуров при этих походах заключалась не в захвате соседних территорий и присоединении их к Маньчжурскому государству, а лишь в захвате живой силы. Местное население, которому не удавалось скрыться от маньчжурских войск, уводилось на территорию Маньчжоу.

В инструкции Абахая полководцу Сарцзю и другим, отправленным в сентябре 1639 г. на племя курка, впервые говорилось о возможности оставить часть населения курка на местах. И здесь же отмечалось, что необходимо занести его в списки и обложить небольшой данью,— тенденция, получившая более широкое распространение во второй половине XVII в. Приведем эту инструкцию. «Были посланы с войсками Сарцзю, Иньту, Нартай и Ситу в поход на племя курка. Император повелел: „Вам надлежит подкормить лошадей в местности Лафа, после чего немедленно двинуться вперед. У вас мало воинов, и поэтому целесообразно объединиться в один отряд. Одержав победу, вы не должны допускать разбоя и безжалостного отношения к местному населению, не должны злоупотреблять и захватом пленных. Уговаривайте тех, кто оказывал вам сопротивление, переходить на нашу сторону. Казните тех, кто убил или поранил наших воинов. Внесите в списки тех, кто примкнул к нам, требуя от них уплаты дани мехами каланов; еще следует наставлять их, чтобы они отказались от зла и перешли на путь добра, и стали благонадежными [людьми]. Одержав победу, вы должны послать мне одно донесение, так как для пересылки многократных сообщений нужно много воинов, а их у вас мало. И еще: не идите через территорию Кореи во избежание ненужных осложнений“» [8, цз. 48, 4б—5а].

Таким образом, видно, что в отношении курка поступали иначе: их не уводили с собой, как это было с другими племенами, в частности варка и хурха, а оставляли на прежних местах их поселений, но облагали данью [8, цз. 51, 33б—34а] [37].

В последующие годы вплоть до 1645 г. походов на какие-либо племена, жившие на востоке или северо-востоке, не со-

вершалось. Сведения в источниках об этих племенах и их контактах с маньчжурами крайне скудны и по традиции ограничиваются только краткими упоминаниями о принесении дани и щедром отдаривании за эту дань со стороны маньчжуров. В источниках отсутствуют сколько-нибудь подробные сведения о территории расселения племен, против которых маньчжуры совершали походы.

Маньчжурские походы на север и северо-запад

В феврале 1634 г. «Тайцзун шилу» сообщает, что из «местности Хэйлунцзян»[38] явились с «данью» Цянтули и Маргань во главе представителей шести родов, поднеся в дар 668 соболей [8, цз. 17, 5а]. Вслед за этим сообщением хроники приводят следующий императорский указ:

«День сыцзу 2-го месяца года Тяньцун (11 марта 1634 г. — *Г. М.*). Император призвал ко двору приехавших из местности Хэйлунцзян Марганя и Цянтули и заявил: „Хурха ведут себя нагло и не представляют ко двору дани; мы готовы направить против них войска. Вы не должны поддерживать с ними связи во избежание того, чтобы в результате недоразумения не лишиться жизни. Вы можете поехать и навестить знакомых вам воинов, которые примут участие в походе. В этот поход выступят гораздо больше воинов, чем прежде[39]". После этого император пожаловал Марганю одного коня с седлом, а Цянтули — одну женщину, так как они со времени перехода на сторону маньчжуров аккуратно подносили дань. Затем за то, что Ицзина провожал ко двору младшего брата Кэчжу, а Кэда сопровождал младшего брата Поцзили, император пожаловал каждому из них ткани и другие подарки, а также устроил для них пир» [8, цз. 17, 34а—34б].

Однако еще до начала похода, в июне 1634 г., тоже из «местности Хэйлунцзян» к маньчжурскому двору прибыло посольство Балдачи[40] в составе 45 человек и принесло в дар хану 1818 шкурок соболей [8, цз. 18, 20б][41].

Таким образом, из отдаленной и неизвестной маньчжурам прежде «местности Хэйлунцзян» стали поступать ценнейшие дары, посланцы из этих мест сообщали о многочисленном населении, разрозненно живущем в небольших городах и селениях. Все это должно было привлечь маньчжуров организовать сюда поход. Кроме этого имели место и другие, уже экономического характера причины: нежелание хурха принимать участие в товарообмене с маньчжурами в том объеме и эквиваленте, который был для последних желательным, их неуступчивость в торговых сделках, непредставление маньчжурскому двору «дани». Это все являлось чрезвычайно важным фактором, определившим начало войны.

28 января 1635 г. на «местность Хэйлунцзян» было послано 2500 воинов во главе с маньчжурскими полководцами Бациланем и Самшикой. На какие именно земли и местные племена совершался поход, в источниках не указывается. Однако походу предшествовало появление у двора Абахая нескольких посланцев из «местности Хэйлунцзян» — неких Думона, Наньдию, Гурцзида, Кэбая и Гордуня с 69 подчиненными людьми, а также Ладунгэ с 50 подчиненными из «рода байяла» местности Сунъали [42], поднесших в дань собольи меха. Все они были использованы в походе Бациланя и Самшики в качестве проводников.

Полководцам, отправленным на Хэйлунцзян, был вручен любопытный наказ, прекрасно иллюстрировавший двуличие маньчжурской политики в отношении северо-восточных племен, их методы льстивых обещаний и угроз. Приведем его.

«Повелеваю. Ваш путь ныне лежит через отдаленные места. Вы должны неуклонно следовать вперед. Не бойтесь трудностей и будьте усердными [в службе]. Пленных успокаивайте добрыми речами, делитесь с ними пищей и питьем. Тогда у народа не будет ни сомнения, ни страха, и к вам будут приходить толпами. К тому же язык народа из тех мест сходен с нашим, и если этот народ привести к нам, то он может быть для нас полезным. Перед наступлением вам надлежит говорить им: „Ваши предки жили с нами в одном государстве, это ясно засвидетельствовано в [исторических] записях (?! — *Г. М.*)[43]. Однако до сих пор вы не знали этого и, естественно, не стремились к единению с нами. Наш государь давно намеревался послать к вам людей, чтобы подробно объяснить все это, но был весьма занят [делами] и до сих пор не сделал этого. Ныне мы пришли к вам только ради вас“ [44]. Если именно так вы объявите им наше повеление, то разве не перейдут они на нашу сторону! Все военачальники должны исполнить мою волю...

Когда вы достигнете намеченной цели по всем вопросам — будь то уведомление о победе или препровождение пленных, приказываю для удобства связываться с нами через местность Чормынь [племени] сибо. Посылать людей для встречи с вами, а также доставлять для вас провиант тоже будем через эту местность. О других местах, куда вы отправитесь в поход, вы получите сведения от проводников. Имеются два человека, [пришедшие вместе со] старостой селения Уинь из фамилии Ся по имени Кэбай, и три человека со старостой селения Кулумуту по имени Гордунь, и один человек из селения На. В настоящее время они все уже прибыли, и им приказано следовать с войсками. Вы можете взять их с собой и отправиться. О пути следования расспрашивайте проводников. Присоединившимся к нам селениям вы не должны причинять ни малейшего беспокойства. Следует оставить [сопро-

вождавших вас] людей на их родине и сказать им, что мы оставляли их в родных местах, потому что они были искренни и перешли на нашу сторону. В будущем они должны быть еще более почтительны и послушны. Если же они вознамерятся отделиться, мы их накажем.

Если вы не добьетесь поставленной цели, то не следует оставлять людей этих трех селений, а надлежит всех их увести к нам. Все имущество, которое может пригодиться, [снаряжение], могущее быть использованным для наших войск, также нельзя бросать. При возвращении нужно приказать всем двигаться колоннами и не допускать беспорядка. Вы должны строжайшим образом следовать этому указанию. Указ завершен» [8, цз. 21, 14б—16а] [45].

«В тот же день,— сообщает далее источник,— по высочайшему повелению были призваны во дворец старосты Кэбай и Гордунь, а также сопровождавшие их лица, и император устроил для них угощение. После того как они вышли из дворца, Шархуда и Мучэнгэ передали Кэбаю и другим императорское повеление, гласившее: „Вы живете в отдаленных местах и даже не знаете исчисления лет [46]. Не лучше ли привести своих людей к нам, жить в нашем государстве и пользоваться нашей славой и культурой? Этого мы давно желали и намеревались послать [к вам] людей сообщить об этом, но, будучи обремененными государственными делами, не успели осуществить этого.

Известно, что любой правитель должен стоять во главе своих подданных. Это является извечным законом. Вы в прошлом подчинялись нам, и это записано в старых книгах (?!— *Г. М.*), но, к сожалению, вы об этом не знаете (!— *Г. М.*).

В настоящее время вы добровольно пришли к нам. Мы можем оставить вас, чтобы вы жили здесь. Но мы надеемся на вашу благонадежность и поэтому отсылаем вас обратно. Вы должны быть проводниками для нашего войска и точно указать ему [местоположение] всех деревень и селений". Кэбай ответил: „Я буду честно исполнять повеление государя", и отправился в путь» [8, цз. 21, 16а].

Процитированный выше указ является ярким примером лживой и хитроумной дипломатии маньчжурских правителей, осуществлявшейся ими не только в отношении северо-восточных племен, но и вообще своих соседей. В данном случае необоснованные притязания Абахая на общих предков, на якобы имевшее место подчинение в прошлом этих племен (свободных охотников) маньчжурам не привели ни к чему. Реальные результаты принесла не дипломатия, а военное преимущество захватчиков. Донесение Бациланя и Самшики о результатах похода как нельзя лучше раскрывает подлинную цену предлагавшейся приамурским племе-

нам маньчжурской «дружбы» и позволяет представить масштабы ограбления маньчжурами приамурских народов. Это донесение приводится в «Тайцзун шилу» под 29 мая 1635 г.

«Мы призвали перейти на нашу сторону и внесли в списки взрослых мужчин 2483, а всего 7302 человека. Захвачено 856 лошадей, 543 быка и коровы, 8 мулов. Кроме того, еще пленено 116 женщин и детей, захвачено 24 лошади, 15 быков и коров, а также собольих и прочих мехов более 3140 шкурок» [см. 8, цз. 23, 7б—8а]. Вторая половина трофеев была по высочайшему повелению распределена между офицерами обоих флангов. Всем перешедшим на сторону маньчжуров были предоставлены жилища, пашни, одежда, утварь и продовольствие.

6 июня 1635 г. командующие возвратились с победой. Навстречу им был послан бэйлэ Абатай с офицерами. Через день к маньчжурскому двору прибыл «вождь племени солонов Хэйлунцзяна» Балдача, принесший в дань соболей. Ему был оказан особый почет: представитель ведомства церемоний встречал его в 5 ли от г. Мукдена [8, цз. 23, 8а; см. также 5, цз. 152, 5б—7б].

Абахай приказал приведенных Бациланем и Самшикою 2483 мужчин распределить во вновь созданные нюру. Вследствие захвата войсками большого числа детей предписывалось распределить их по 200 человек в каждую нюру без занесения в списки.

Хотя поход закончился удачно, но, как свидетельствует источник, маньчжуры, не надеясь на благонадежность примкнувших, привели их с собой. Несмотря на то что войска ушли, а захваченное местное население было уведено с насиженных мест, в «Тайцзун шилу» встречается утверждение, что в результате именно этого похода маньчжуры распространили свою власть на всю «местность Хэйлунцзян». Источник отмечает: «Осуществлен поход на Хэйлунцзян, его земли вполне покорились; все захваченные люди включены в списки народонаселения; [войска] возвратились, приведя всех их с собой» [8, цз. 23, 9б—10а]. «Местность Хэйлунцзян», как мы указывали выше, слишком пространная, чтобы ее можно было покорить в результате одного похода. К тому же в источниках, к сожалению, совершенно отсутствуют какие-либо указания на то, что, собственно, следует в данном случае понимать под этим районом и на какие именно племена (по-видимому, скорее всего на хурха) был совершен поход.

Такое утверждение, на наш взгляд, может быть объяснено прежде всего только совершенно недостаточным знанием маньчжурами бассейна Амура и его действительных размеров, даже если под «Хэйлунцзяном» понималось только среднее течение Амура в районе впадения в него Сунгари.

Далее, вторая часть информации, которую дает источник, находится в определенном противоречии с первой. Вряд ли можно считать завоеванными (покоренными) земли, с которых была согнана и уведена большая часть коренного населения на территорию завоевателя, а на «завоеванной» территории не установлено ни постов, ни гарнизонов, не принималось никаких мер к их колонизации, одним словом не оставлено и следа какой-либо их принадлежности Маньчжурскому государству. И наконец, как это «покорение» увязать с тем фактом, что на эти «покоренные» территории позднее нужно вновь и вновь организовывать военные походы, о которых говорят источники.

Факт завоевания каких-либо территорий в результате рассматриваемых нами маньчжурских походов, по нашему мнению, нельзя доказать. Его невозможно объяснить, руководствуясь и теми соображениями, что маньчжуры объективно не располагали реальными силами для того, чтобы пытаться удержать в подчинении местное население, оставляя его на прежних местах его жительства. Для этих целей было бы необходимо держать здесь постоянные маньчжурские гарнизоны, обеспечивать их регулярное снабжение, приступить к колонизации территории и т. д. По-видимому, маньчжуры не только не имели для этого достаточно сил, но и не стремились к этому; не создавали на территории, куда проникали маньчжурские войска, своих государственных органов и не оставляли гарнизонов. С точки зрения международного права того времени, которое признавали и маньчжуры, поход на какие-либо земли (как и временная оккупация) не давал вторгшейся стороне прав на эту территорию [135, 302]. Так, например, когда Нурхаци вторгся в мае 1618 г. на территорию минского Ляодуна и захватил здесь ряд китайских городов, он не претендовал еще на эту китайскую территорию. Не претендовал он на нее и после разгрома объединенной 200-тысячной китайской армии в 1619 г. Только позднее, в 1621 г., захватив Мукден, Ляоян и всю территорию Ляодуна более чем с 70 большими и малыми городами, Нурхаци подумал о присоединении всего этого края к Маньчжурскому государству и осуществил это, переселившись на вновь приобретенные земли и перенеся свою столицу сначала в Ляоян, а позднее — в Мукден. Он, по-видимому, сознавал, что факт единичного военного похода не предоставлял вторгшейся стороне каких-либо прав на территорию.

К тому же, кроме приведенного выше упоминания маньчжурского источника о «покорении» земель Хэйлунцзяна, других данных о каком-либо завоевании этой территории нет; напротив, в источниках ясно говорится о необходимости захвата возможно большего числа пленных. Полностью

процитированный нами выше наказ Абахая своим полководцам не содержит даже намека на необходимость захвата принадлежавшего ему имущества.

Все это позволяет с полным основанием заключить, что установление каких-то форм контроля в первую очередь именно над независимым от маньчжуров населением «Хэйлунцзяна» являлось главной целью этого похода.

Наша точка зрения подкрепляется следующим документом «Тайцзун шилу». Непосредственно после известий источника о походе и, очевидно, именно как результат военного давления маньчжуров в «Тайцзун шилу» появляется следующая важная запись: «Приславшие с Хэйлунцзяна в дань соболей Балдача и другие 16 человек из селения Сайбуци, 4 человека из селения Гэрдасу, 2 — из селений Гэбор, Садай и другие 24 — из селения Эсули, 8 — из селения Алидай, 4 — из селения Кэинь, 2 — из селения Улусу — все эти люди, прежде приезжавшие к нам и возвращавшиеся обратно, а также прибывшие впервые: 1 человек из селения Юйэргэнь, 2 — из селения Хайлунь, 1 — из селения Гунун, 1 — из селения Куньдулунь, 1 — из селения Улань и 8 — от кочевников-скотоводов племени солонов и другие — все остановлены в местности Корцинь вследствие истощения лошадей. Ныне они уже не настроены враждебно к нам, привезли соболью меха и готовы совершать с нами торговый обмен. [Теперь] они узнали принцип взаимной уступчивости и уже не так строптивы, как были прежде (разрядка наша.— *Г. М.*)» [8, цз. 23, 27а—27б]. Из этой записи совершенно ясно, что в основе решения об организации указанного дальнего похода на Хэйлунцзян, находившийся и остававшийся после этого похода вне сферы фактического маньчжурского контроля, лежало стремление обеспечить бесперебойный товарообмен с местными племенами, в результате которого маньчжуры получали бы из этого района ценную пушнину на наиболее выгодных для себя условиях. Эта доставка пушнины для обмена отмечается в источниках как принесение «дани» («хурха ведут себя нагло и не представляют ко двору дани»), в чем нашла свое выражение наиболее распространенная форма фиксирования внешних поступлений.

Наконец, в связи с походом Бациланя и Самшики необходимо отметить самую странную путаницу в упоминаниях о том племени, на которое был совершен поход. Источники сообщают, что поход готовился на хурха; в ханском указе сообщалось, что Бацилань и Самшика были отправлены на «местность Хэйлунцзян» без указания, на какое племя; далее источник сообщает, что эти полководцы были «отправлены в поход на варка» [8, цз. 23, 7б]. Затем буквально через несколько строк говорится о «возвратившихся из похода на племя хурха» [8, цз. 23, 8а]. Таким образом, здесь явная

путаница, коль скоро эта «местность Хэйлунцзян» оказывается заселенной в маньчжурских представлениях «племенем варка», проживавшим в действительности на границе с Кореей и вдоль побережья Японского моря. Все это является весьма характерным штрихом для уяснения географических представлений маньчжуров о северных территориях и о своих отдаленных соседях на севере и северо-западе.

Последующие события в этих районах показали, насколько реальным для маньчжуров было это «покорение» земель упомянутой «местности Хэйлунцзян». Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на следующий год после маньчжурского похода сюда, в 1636 г., люди местного племени элочунь[47] напали и ограбили корциньских монголов, и маньчжуры ничего не смогли предпринять, чтобы защитить своих данников.

Прежде чем перейти к изложению последующих событий, весьма важно отметить, что при массовых насильственных уводах местного населения маньчжурскими войсками часто отмечались случаи бегства уведенных обратно в родные места. Маньчжуры старались во что бы то ни стало поймать бежавших и жестоко расправлялись с ними. В результате широкого привлечения пленных к службе в восьмизнаменных войсках случаи бегства участились. В связи с этим маньчжуры вынуждены были специально рассмотреть этот вопрос и разработать определенную тактику преследования, которая была сформулирована самим маньчжурским ханом, что безусловно свидетельствует о важности этой проблемы в годы правления Абахая [8, цз. 48, 8а].

Пожалуй, наиболее типичным является случай преследования маньчжурами Елэя. Под 31 марта 1636 г. «Тайцзун шилу» сообщило, что маньчжурский отряд, преследуя беглецов из монгольского аймака Маоминъань, «воспользовавшись удобным случаем», захватил в плен 35 семей, в том числе 110 взрослых мужчин Кэмуниханя, а также людей некоего Сидали [см. 8, цз. 27, 30а—30б]. Под 4 июня 1636 г. источник снова сообщил, что маньчжур Алайдархань вновь достиг местности Кэмуниханя племени шилу[48], захватив в плен 18 мужчин, в числе которых был старшина Елэй, и 11 женщин, и поднес их в подарок Абахаю [8, цз. 29, 2а]. 6 июня Абахай пожаловал Елэя и 17 подчиненных ему людей, «привлеченных» Алайдарханем, одеждой, шапками и другими предметами.

Однако уже под 28 декабря 1636 г. источник сообщает о том, что Елэй вместе с другими людьми своего племени из местности Добоку бежал, захватив своих жен и детей (всего 82 человека) и угнав скот [8, цз. 32, 19б—20а].

Абахай повелел немедленно догнать бежавших. Погоню возглавили Убахай с нингутаским войском, Ситэку, Гэрцзю

во главе воинов племени гуарча, а также два монгольских хана с подчиненными людьми.

Маньчжуры Эрдому и Тогодай преследовали Елэя до Хэйлунцзяна. Когда Эрдому дошел до Бомбогора, он привлек к поимке беглецов и его. Через месяц маньчжуры обнаружили бежавших, Эрдому оставил Бомбогора и продолжил погоню с 10 воинами. Ему удалось отбить у Елэя 170 лошадей. Еще через 20 дней преследуемые вернулись в места, где проживал Бомбогор. Еще через 17 дней Эрдому, снова объединившись с Убахаем и Ситэку, добрался до р. Вэньдо, где наконец настигли и убили беглеца [8, цз. 36, 6а—6б]. После этого Убахай доложил: «Мы, взяв 100 человек воинов из Нингуты и 600 человек монголов аймака Корцинь, вышли за пределы границ (разрядка наша.— *Г. М.*) и через 50 дней (в течение шестой високосной луны и до седьмой луны) вышли к р. Вэньдо, где настигли Елэя и перебили всех беглецов на месте» [8, цз. 36, 4а—4б]. Ни о каком «покорении» местных родов в связи с преследованием Елэя источники не упоминают.

Казалось бы, все ясно, однако через некоторое время в «Тайцзун шилу» встречается следующая ничем не обоснованная фраза: «Ситэку преследовал его (Елэя.— *Г. М.*) до Северного моря и обезглавил» [8, цз. 48, 9а].

Местонахождение р. Вэньдо по маньчжуро-цинским источникам установить не удалось. Главная резиденция Бомбогора — это, по-видимому, селение Улусу к северо-западу от Айхуня (см. Приложение). О том, что в действительности понимали маньчжуры под «Северным морем», а также под «Восточным» и «Южным» морями, названия которых встречались выше, позволяет судить следующее конкретное свидетельство в официальных маньчжурских источниках.

В «Тайцзу шилу» перед легендой о трех девах и «божественном» происхождении родоначальников Цинской династии мы находим следующий отрывок: «Родина предков Нурхаци (букв. [место] возникновения счастья.— *Г. М.*) Чанбошань... На вершине [этой] горы есть обширное озеро Дамынь, окружность которого 80 ли. Истоки его глубоки. [Из этого озера] вытекают три реки — Ялуцзян, Хуньтунцзян и Айхуцзян. Ялуцзян стекает с юго-западного склона горы и впадает в Южное море Ляодуна. Хуньтунцзян [стекает с северных склонов горы] и впадает в Северное море (разрядка наша.— *Г. М.*). Айхуцзян течет на восток и впадает в Восточное море...» [8, цз. 1, 1б][49].

Под Хуньтунцзяном здесь имеется в виду р. Сунгари, хотя этим термином в те времена обозначалось и нижнее течение Амура после впадения в него Сунгари. Отсюда ясно, что Северное море — это район современного Татарского пролива; Восточное море — современное Японское море, куда впа-

дает р. Айхуцзян (совр. р. Тумыньцзян), а Южное море — это Западно-Корейский залив Желтого моря.

Прежде всего следует отметить некоторую путаницу в сведениях маньчжурского источника о Елэе. Во-первых, из сообщения источника совершенно очевидно, что основная «заслуга» в поимке бежавших принадлежала Эрдому и Убахаю, но отнюдь не Ситэку, хотя настигли Елэя они объединенными силами. Далее, места кочевий племени, точнее, рода Кэмуниханя, по-видимому, одного из местных эвенкийских родов, находились определенно где-то на верхнем Амуре, откуда и были приведены пленные. Естественно также, что Елэй стремился уйти от маньчжуров не куда-то вообще, а вернуться в свои родные места, откуда он был насильно уведен. Можно заключить также, что, пытаясь ускользнуть от преследователей, Елэй кружил приблизительно в одном и том же месте — где-то в районе проживания Бомбогора, т. е. в бассейне среднего течения Амура, вероятно, западнее впадения в него р. Зеи. Это не могло быть в низовьях Амура (у «Северного моря»), ни тем более у озера Байкал, как утверждал Хэ Цю-тао, который пишет: «Ныне эти земли (какие?! — *Г. М.*) принадлежат России. Суммировав изучение [этого вопроса], можно сказать, что Россия с 4-го года Чундэ (1639 г. ? — *Г. М.*) впервые приобрела земли, прилегающие к озеру Байкал, которые к первому году Чундэ (1636 г. — *Г. М.*) еще ей не принадлежали. Если отсюда ехать несколько месяцев (?! — *Г. М.*) на север, то прямо можно достичь мест, примыкающих к Северному морю» [241, цз. 2 (основная), 4а]. Далее в своей работе он пытался утверждать, что в результате этого появления у «Северного моря» Ситэку он «подчинил маньчжурам всю территорию, прилегающую к Северному морю», и все «солоны» (? — *Г. М.*) вплоть до этого Северного моря были покорены Цинами и восприняли все маньчжурские институты»[50]. В действительности же источник говорит только о том, что Ситэку, преследуя Елэя, достиг Северного моря, и не упоминает и словом, что Ситэку при этом покорил какие-либо территории, прилегающие к Северному морю.

Налицо совершенная неосведомленность Хэ Цю-тао в основах географии Сибири и Дальнего Востока или еще один пример его явной недобросовестности, предвзятости как исследователя.

В противоположность Хэ Цю-тао японский автор Ивакити Инаба, описывая случай с Елэем, приходит к заключению, что «маньчжурские правители, начав применять военную силу в Хэйлунцзяне еще с правления Тайцзу (Нурхаци. — *Г. М.*), отнюдь не ставили перед собой цель захватить его территорию» [256, т. 2, 107]. Это свое мнение он обосно-

вывал именно на примере истории преследования маньчжурами Елэя.

В «Тайцзун шилу» имеется еще документ, рассказывающий о бегстве от маньчжуров Кэмуниханя 27 января 1638 г. За беглецом была организована погоня, однако догнать его не удалось. Преследовавшие его только сообщили, что Кэмунихань бежал «в направлении своих владений». Интересна следующая фраза в источнике о районе, в котором происходило преследование: «Если они (беглецы — *Г. М.*) побегут на запад — вы (маньчжурские командующие.— *Г. М.*) достигнете мест жительства Бомбогора, если на север — вы прибудете в местность Хэйлунцзян (!— *Г. М.*), если на восток — вы достигнете местности Эрдэмур» [8, цз. 40, 8а—8б; 256, т. 2, 107]. Отсюда ясно, что Кэмунихань бежал в тот же район, что и Елэй, т. е. в район, где проживал Бомбогор.

Бегства от маньчжуров отмечаются в источниках также в 1643 г., когда Маньчжурское государство значительно усилилось и упрочились его внешнеполитические позиции [см. 8, цз. 63, 15б], и даже в 50-х годах, когда на русскую сторону перешли Гантимур, а также такие даурские и эвенкийские князьки, как Туйдохунь, Баодай, Вэньду и другие, ранее, по-видимому, признававшие свою номинальную зависимость от маньчжуров и получившие от них высокий военный чин цзолинов.

Гантимур — эвенкийский князь, вступил в русское подданство сразу же, как только в Приамурье появились русские правительственные отряды. Начал платить ясак с 1651 г. По его собственному утверждению, Гантимур до этого владел помимо своего рода и улуса «многими даурскими пашенными людьми» по р. Шилке и никому ясака не платил.

Цинское правительство весьма упорно требовало выдачи Гантимура вплоть до заключения Нерчинского договора 1689 г. Готовясь к осуществлению своих завоевательных планов в отношении Приамурья, оно ставило своей целью добиться выхода местного населения из русского подданства [см. 35, 49—52].

В связи с этими событиями необходимо остановиться еще на одном примечательном документе, ярко свидетельствующем о наличии у местных приамурских племен определенной тенденции к установлению внешнеполитических контактов с Маньчжурским государством, обусловленной, на наш взгляд, прежде всего их заинтересованностью в товарообмене с маньчжурами. Под 13 марта 1637 г. в «Тайцзун шилу» встречается следующая запись: «Прибыли из селения Эсули местности Хэйлунцзян Элуньчжаргуци и Кэнабулу-дархань, а с ними 9 человек и доложили: К востоку от селения Эсули, приблизительно в шести днях пути, имеются 39 селе-

ний, никогда ранее не сообщавшихся с нашей страной (с государством маньчжуров.— *Г. М.*). Ныне они желают приносить дань, но не знакомы с церемонией ее поднесения. Просят нас совместно с посланцем императора прибыть к ним. Тогда они приготовят предметы местного производства и вместе с [этим] посланцем прибудут для поднесения дани. По этому поводу специально прибыли люди, и в качестве дара прислано 206 собольих и лисьих мехов и 7 собольих пластин. Об этом почтительно доносим» [8, цз. 34, 10а—10б]. Однако в дальнейшем в источниках отсутствуют какие-либо данные об этих селениях, поэтому можно заключить, что маньчжуры так и не отправили своих посланников для установления контактов с этими людьми.

4 июня 1637 г. в источниках вновь появляется имя Бомбогора как вождя племени солонов Хэйлунцзяна, приехавшего добровольно к маньчжурскому двору и принесшего в дар хану шкуры лошадей и соболей [8, цз. 35, 3б—4а]. Как свидетельствуют последующие события, Бомбогор и другие местные солонские вожди приезжали к маньчжурам во главе посольств от независимых солонских племен, среди которых в этот период уже наметился определенный процесс консолидации в солонскую народность. Пробыв у маньчжуров свыше полутора месяцев, Бомбогор, Чукуни и другие приехавшие солонские вожди 26 июля 1637 г. возвратились обратно в свои земли, щедро одаренные Абахаем [см. 8, цз. 36, 8а].

В январе 1638 г. в источнике встречается запись, что полководцам Екэшу и Синна с большим числом офицеров и 600 воинов было приказано отправиться в поход на племя гуарча [8, цз. 39, 28б—29а][51]. Место проживания этого племени в источнике не указано, но из последующих свидетельств об этом походе выясняется, что эти два полководца ходили «на Хэйлунцзян» и на «местность Сахарча». Источник сообщает: «В день цзя-у четвертой луны 3-го года Чундэ (14 мая 1638 г.— *Г. М.*) по возвращении большого войска из похода на Кэркэ (Халху) было получено донесение Екэшу, Синна и других, ходивших в поход на Хэйлунцзян (?! — *Г. М.*), о победе. Полководцы сообщили, что они дошли с войском до местности Сахарча[52], захватили пленных — 640 мужчин, 1720 членов их семей, 156 лошадей и 104 коровы и быка (разрядка наша.— *Г. М.*) [8, цз. 41, 8а—8б]. По возвращении победителей чествовали, особо отличившиеся офицеры и воины были награждены серебром. Кроме того, источники упоминают особо о награждении Синна.

В августе и ноябре 1638 г. маньчжурские источники отмечают поступление от солонов Хэйлунцзяна «дани» (от вождей Бомбогора, Вадая и Гэлинъа) [см. 8, цз. 43, 10а]. Однако приамурские племена отнюдь не были только пас-

сивным объектом маньчжурской внешней политики. Характер взаимоотношений с маньчжурами, видимо, не удовлетворял солонов, и они прервали свои сношения с цинским двором. Между тем вооруженную борьбу Бомбогора и созданной им на Амуре антиманьчжурской коалиции племен японский автор Ивакити Инаба, полностью следуя за терминологией маньчжурских источников, определяет как «восстание» против маньчжуров и «измену» Цинам [256, т. 2, 116].

Последующие события в этом районе были непосредственно связаны с борьбой маньчжуров против солонов (Бомбогора) и сложившейся под его эгидой на Амуре мощной антиманьчжурской коалиции местных племен.

В конце 1639 г. маньчжуры начали жестокую войну против солонов. 28 апреля 1640 г. от маньчжурских командующих Самшики, Сохая и других было получено донесение о прибытии войск на р. Хумалихэ. Здесь маньчжуры разделили свои войска, поставив перед каждым знаменем задачу вести наступление в определенном направлении. Знамя Синее с каймой было послано на селение Уланьхайлунь. Исуню было приказано отправиться в место Лаличань. Маньчжурские командующие Самшика и Исунь, подойдя к четырем солонским городкам (Дочэнь, Асацзинь, Якса[53] и Доцзинь), укрепленным бревенчатыми стенами, встретили здесь ожесточенное сопротивление. Потерпев поражение при штурме этих городков, маньчжуры запросили подкрепления. На помощь подошли мэйрени-чжангини из войска правого крыла — Екэшу, Бай, Аханикань, Таньбу, Ланьбай и Убахай с большим числом маньчжурских латников. Все силы были брошены на г. Якса. После приступа маньчжурам удалось поджечь башню южных ворот городка. Чжангини Восьми знамен, каждый возглавив 20 латников, возобновили штурм Яксы. Первым в городок ворвался Хэто, за ним — Чжумара. Они продвигались с большим трудом, поджигая при своем наступлении городские строения.

В это время другие маньчжурские командующие сгоняли людей из семи солонских селений в г. Укур, где было решено собрать всех пленных.

Героическое сопротивление маньчжурским войскам оказало население г. Дочэня. Маньчжуры штурмовали этот городок в течение целого дня, но безрезультатно. На второй день маньчжурские разведчики донесли, что к Дочэню подтягиваются основные силы солонских войск Бомбогора, и захватчики решили отступить. Далее, в донесении маньчжурских командующих говорится: «Солоны Бомбогора из селения Улусу, [принадлежащие к родам] Эртунь и Цилэли, воины с двух рек: Зеи — [с земель] к востоку от селения Улайбудин и к западу от [селений] Улунакэ и Бахана — и Хэй-

лунцзяна — [с земель] к востоку от селения Эрту и к западу от Аличаня, всего 6 тыс. человек, неожиданно атаковали [нас]» [8, цз. 51, 8а—8б][54].

Это указание источника дает возможность представить те огромные масштабы, которые приняла антиманьчжурская борьба народов Приамурья в этот период. Против вторгшихся маньчжуров выступили все местные племена этого обширного района, охватывавшего помимо бассейна среднего Амура и южную часть бассейна р. Зеи. 6 тыс. воинов, вставших под знамена Бомбогора, составляли по тем временам весьма значительную силу.

Однако маньчжурские войска, применяя более совершенную тактику и лучше вооруженные, сумели нанести поражение «народному ополчению» под водительством Бомбогора. Войска Сохая и Самшики были оставлены в засаде и в критический момент напали на солонские войска с тыла, вызвав замешательство в их рядах, а затем и паническое бегство. Много солонов погибло, 400 воинов были взяты в плен. «После того как войско Бомбогора было разбито, — говорится в донесении, — мы атаковали и захватили его лагерь» [8, цз. 51, 9а][55].

Когда Сабиту, Чжобутуй и другие шли на помощь Самшике, 400 солонских воинов из городов Дочэня и Асацзиня преградили им путь. «Наши войска разгромили их и убили 50 человек, — сообщает источник. — Самшика приказал Исуню взять под свое командование 5 чжангиней и 130 воинов и устроить засаду в местности Дочэнь. Убили 70 человек»[56].

Аханикань, Башаньланту и Салу с двумя цзяла (полками) воинов штурмовали в это время селение Гуалар, которое защищали 500 солонских воинов. Маньчжуры овладели палисадом и ворвались внутрь его; 200 защитников были убиты, 130 захвачены в плен [8, цз. 51, 9а—9б][57]. «Восемь знамен, — говорится далее в источнике, — пленили 2254 мужчины, 4450 женщин и малых детей, захватили более 3100 шкурок соболей, рысей, лис, волков, выдр, ондатр и др., 20 меховых пластин»[58].

Балдача, прибывший 8 мая 1640 г. на встречу с маньчжурскими командующими, сообщил: «Только люди [одного] моего селения Докэ не примкнули к бунту. Воины же всех других местностей по малым рекам поддержали Бомбогора». Затем, источник приводит донесение маньчжурских полководцев: «После того как наши войска одержали великую победу, люди (по-видимому, старшины. — *Г. М.*) семи селений: Вэньбутэ из Гобора, Эрпэнь из Бохэли, Кэцина из Гэрдасунь, Ноцини из Муданя, Цилудэ из Дусуня, Бочжоху из Улакэ, Кэюэбулу из Дэдура присоединились к Балдаче-эфу. Люди же других селений хотя и бежали[59], но, как утверждает Балдача, беглецы скоро вернутся» [8, цз. 51, 10б][60].

Одержав победу, маньчжурские войска отправились обратно в Мукден. В специальном указании Абахая подчеркивалась необходимость соблюдать на обратном пути строжайшие меры предосторожности, не ослаблять бдительности. Указывалось, что маньчжурские войска в данном случае вели боевые действия на территории, удаленной от рубежей их государства. «Вступая на нашу территорию, — говорилось там,— [вам] следует возвращаться через [заставу] Факумынь[61], нельзя идти дорогой через [земли] ехэ. Во время пути следите, чтобы [пленные] побегов не устраивали. Опасаюсь, что они, зная дороги и тропинки и воспользовавшись отсутствием у вас бдительности, могут вновь сбежать» [8, цз. 51, 10б—11а].

14 мая 1640 г. Самшика и Сохай дополнительно прислали следующее донесение: «Прежде мы, подданные, доносили, что было захвачено в плен 2254 человека; позднее с земель к западу от селения Эсули и к востоку от селения Эрту захвачено в плен еще 900 человек, всего схвачено 3154 мужчины, 2713 женщин, 1819 малых детей[62], всего 6956 человек[63], 424 лошади, 704 коровы и быка, а также в разное время захвачено более 5400 шкурок соболей, рысей, лисиц, волков, ондатр, выдр и других, 20 пластин собольих, рысьих, лисьих, волчьих и др.» [8, цз. 51, 14б—15а; 5, цз. 152, 8а—8б].

14 июня 1640 г. войска с триумфом возвратились в Мукден. Перед вступлением войска в столицу их встретил император вместе с высшими чиновниками.

Сообщения об использовании пленных, которых захватили Сохай и Самшика, встречаются в источниках дважды — в августе 1640 г.: «Захваченных Сохаем и Самшикой 2709 взрослых мужчин из новых маньчжуров (!— *Г. М.*), 2964 женщин и детей, всего 5673 человека, всех поровну вписать в Восемь знамен, создав из них нюру» [8, цз. 51, 23а—23б] и 27 декабря того же года: «Приведенных Сохаем и Самшикой новых маньчжуров, 2751 мужчину, 3989 женщин, включить в Восемь знамен, пожаловать одеждой и тканями» [8, цз. 53, 13б]. Солонские войска терпели одну неудачу за другой. Это заставило отдельные солонские рода временно прекратить вооруженное сопротивление маньчжурам. В августе этого же года Абахай вновь послал полководцев Ситэку, Цзисыха и других во главе маньчжурских войск на Бомбогора. Разбитый Бомбогор бежал в Монголию. Ситэку преследовал его по пятам. «В местности Гань,— говорилось в присланном им донесении,— [мы] схватили 174 мужчины, 11 человек казнили, было убито [в бою] 7 человек, бежал 1. В местности Цилотай были схвачены Бомбогор и 80 мужчин, казнены двое, убиты двое. Всего схвачено 231 [мужчина], а вместе с женщинами и малыми дет-

ми — всего 725 человек. В обоих [упомянутых] местах добыто лошадей 717 голов, ныне в живых осталось только 650 голов, рабочего скота — 127 голов» [8, цз. 53, 20а—20б].

Несколько позднее, 25 февраля 1641 г., источник сообщает о возвращении Ситэку и Цзисыха. Командующие получили повышения и были богато одарены.

В июне 1641 г. Мэнсайр, Вадай и Балдача из племени солонов со своими домочадцами и подданными, всего 204 человека, по терминологии источника «сдались», им была устроена пышная встреча. Несколько позднее к маньчжурам пришли еще 1471 человек из племени солонов, которым также был оказан хороший прием [см. 8, цз. 55, 30а—30б].

Таким образом, в 1640 г. маньчжуры предприняли крупную попытку вторжения в район среднего Амура. Местное население оказало решительное сопротивление захватчикам, маньчжурским войскам пришлось вести длительные военные действия, охватившие значительный район. Солонам эта война стоила неисчислимых жертв. Более высокая военная организация и уровень военной техники обусловили победу цинских войск.

В течение 1640—1641 гг., т. е. в период войны с солонами, источники фиксируют, что маньчжурский двор широко использовал и дипломатическую тактику, особенно богато отдаривая тех солонов, которые приезжали «с данью», вождей отдельных солонских родов, «возвратившихся к маньчжурам», а также вождей племен сахарча и хурха, на примере чего можно проследить все ту же осуществлявшуюся маньчжурами политику «кнута и пряника» в отношении соседних племен и родов.

Таким образом, сами маньчжурские источники опровергают первоначальные сведения о «завоевании» и «покорении» маньчжурскими войсками «Хэйлунцзяна» еще в 1635 г. Поскольку в 1639—1640 гг. на этих территориях вновь имели место активные военные действия маньчжурских войск, принявшие весьма значительные для своего времени масштабы, то очевидно, что обнаруживается явная противоречивость официальных маньчжуро-цинских источников в сведениях о статусе «Хэйлунцзяна».

В действительности, как показывает характер последующих взаимоотношений маньчжуров с солонами, никакого завоевания «Хэйлунцзяна» и подчинения маньчжурами живших там народов как в 1635, так и в 1639—1640 гг. фактически не было. Об этом же свидетельствуют и последующие повторные набеги маньчжуров на «Хэйлунцзян» в том же 1640 г. [8, цз. 51, 33б], в мае 1643 г. [8, цз. 64, 25б—26а] и январе 1645 г.[64] [11, цз. 5, 4а].

10 сентября 1643 г. окончался Абахай. Регентом при малолетнем императоре Шуньчжи был назначен его дядя Дор-

гонь. В 1644 г., во время подготовки маньчжурами очередного набега на Китай, к Доргоню прибыл посланец китайского генерала У Сань-гуя, просивший маньчжуров направить свои войска через заставу Шаньхайгуань во Внутренний Китай, чтобы помочь китайским феодалам разгромить повстанцев крестьянской армии Ли Цзы-чэна, взявших к тому времени столицу Минской империи г. Пекин. Справедливо опасаясь какой-либо западни, Доргонь отказался, и У Сань-гую пришлось восемь раз обращаться с этой просьбой к маньчжурам [65].

Начался новый этап в завоевательных походах Цинов — захват маньчжурами собственно Китая и подавление сопротивления китайского народа чужеземным агрессорам. С этого времени маньчжуры, занятые длительной и тяжелой борьбой в Китае, вынуждены были бросить на китайский театр военных действий свои основные военные силы и не предпринимали более никаких походов против северо-восточных племен. Опасность порабощения амурских и приморских народов маньчжурскими захватчиками временно уменьшилась.

Исторические источники дают возможность отождествить места расселения всех племен и народностей данного региона, подвергшихся маньчжурской агрессии, и выявить географический ареал маньчжурских походов, совершенных в 30-х годах XVII в. Основными районами маньчжурских походов являлись бассейн р. Сунгари и ее притоков — Нонни и Муданьцзяна. Отдельные набеги достигали и правобережья верхнего и среднего течения Амура, а также бассейна р. Уссури и ее притоков. На северо-западе крайней точкой, которую упоминают источники, был г. Якса, бездоказательно отождествленный впоследствии с отстроенным в этом районе г. Албазином; на северо-востоке — местность Учжала, находившаяся в нижнем течении р. Уссури; на востоке — местности Эхэйкулунь и Элэюэсо, лежавшие близ р. Суйфуни.

Поскольку эти походы не ставили своей целью приобретение и закрепление за маньчжурами новых земель и расширение за их счет границ Маньчжурии, указанные выше пункты, которых достигли маньчжурские войска, отнюдь не являлись в тот период какими-либо пограничными районами Маньчжурского государства.

Была весьма различной и степень проникновения маньчжуров в эти районы, и их знакомство с ними. В этой связи можно отметить, в частности, то обстоятельство, что маньчжурские хроники первой половины XVII в. не приводят никаких сведений о таких основных группах населения Амура, как фэйяка (коллективное название для нанайцев, ульчей, нивхов нижнего течения Амура) и дауры, и даже вообще

не упоминают этих двух названий, в то время как в хрониках второй половины XVII в., начиная примерно с 60-х годов, эти названия уже встречаются.

Приведенные материалы «Тайцзун шилу» и других источников опровергают высказанную китайскими националистически настроенными авторами Хэ Цю-тао, Гу Цзе-ганом, Лю Сюань-минем, Цзян Тин-фу и другими точку зрения, рассматривающую маньчжурские военные походы на племена и народности Дальнего Востока именно как завоевание маньчжурами территорий проживания этих племен. Эта точка зрения не соответствует действительности, так как эти походы, являясь эпизодическими набегами, не ставили целью установление каких-либо форм постоянного контроля маньчжуров над упомянутыми территориями, а совершались ими для угона населения. Сам факт сгона коренных жителей и переселения их в район маньчжурского домена исключал возможность присоединения к Маньчжурскому государству территории, на которой побывали цинские войска, и ее колонизации.

Характерно, что ни один из указанных авторов не приводит каких-либо доказательств для обоснования выдвигаемой ими точки зрения. Для всех них понятие «поход» равносильно понятию «завоевание». Они делают заключение о принадлежности территории только на том основании, что туда был совершен военный поход, в то время как факт вторжения не дает еще вторгшейся стороне каких-либо прав на территорию.

Версия о «завоевании» опровергается и тем фактом, что маньчжуры совершали свои походы на одни и те же местности одного и того же племени по два или даже по три раза. Этот факт с точки зрения завоевания территории бессмысленный (так как маньчжуры и в первый раз одерживали здесь над разобщенными местными народами победу), но вполне объяснимый, если учесть действительную цель, преследовавшуюся при этих походах: захват людских ресурсов местных племен.

Примечательно, что даже после второго и третьего такого похода в маньчжурских источниках нельзя найти сведений о том, что данная конкретная местность считалась именно завоеванной и присоединенной к владениям Маньчжурского государства. Единственным утверждением такого рода является рассмотренная выше запись хроники о «завоевании» мест Хэйлунцзяна.

Указанные свидетельства источников объективно отражают ту фактическую ситуацию, которая складывалась на местах: маньчжурские войска, совершив свой очередной набег на какое-либо из местных племен, уходили тем же путем, что и приходили, не оставляя каких-либо свидетельств

о присоединении края к владениям государства Маньчжоу, о подчинении его населения власти маньчжурского государя и пр. Напротив, никаких попыток к закреплению за собой этих территорий маньчжурами не предпринималось. Маньчжуры не пытались колонизировать и осваивать эти земли, не устанавливали на них управления своей администрации, не оставляли своих гарнизонов; никогда не фиксировались здесь установкой постов или пограничных караулов пределы какой-либо «сферы влияния» Маньчжурского государства.

Это важное обстоятельство дает, на наш взгляд, ключ к уяснению ареала территории Маньчжурского государства в XVII в. и территориальных границ этого государства на Северо-Востоке.

Маньчжурский правитель Абахай, высказывания которого по данному вопросу, очевидно, наиболее авторитетны, отнюдь не считал те земли, на которых побывали его войска, действительно вошедшими в состав территории Маньчжурского государства.

Напротив, он рассматривал их как территории, находящиеся вне пределов государства Маньчжоу, но подвергшиеся некоему «благотворному влиянию». Так, в декабре 1635 г., комментируя тот факт, что в районе Шара-Мурэни один монгол затравил чернобурую лису, Абахай сказал: «Чернобурые лисы водятся в землях племен вочжэ (вероятно, воцзи.— *Г. М.*) и хурха, к востоку от Чанбошаня до побережья моря, и местные люди ежегодно приносят их в дань. Они не водятся в нашей стране (в государстве Маньчжоу.— *Г. М.*). В реке Ляохэ не водятся также осетры, а водятся в Улацзяне (среднее течение р. Сунгари.— *Г. М.*) и Хэйлунцзяне (Амуре)...» [8, цз. 26, 2а—2б]. Об этих реках Абахай тоже говорил как о находящихся за пределами территории государства Маньчжоу.

Правда, иногда в дипломатических целях Абахай прибегал и к произвольному объявлению своими «подданными» все народы, с которыми вступило в контакты его государство. Это была попытка, по образцу китаецентристской внешнеполитической доктрины, создать маньчжуроцентристскую концепцию внешних связей государства Цин. Так, в июле 1642 г. в дипломатической ноте, направленной правителю Минской империи, Абахай писал: «Мы наследовали и продолжили дело императора Хуанкао Тайцзу (Нурхаци.— *Г. М.*) и со времени восшествия его на престол пользовались любовью и защитой Неба. Все отдаленные и близкие владения от побережья Северо-Восточного моря до побережья Северо-Западного моря (?— *Г. М.*), а между ними — страны [людей], ездящих на собаках (шицюань), и [людей], ездящих на оленях (шилу), земли, где водятся чернобурые

лисы и соболи, где не занимаются земледелием и [население] живет охотой и рыболовством, а также племя олотэ (одно из джунгарских племен.— *Г. М.*) до истоков р. Вонаньхэ (р. Онон?— *Г. М.*) признали себя [нашими] подданными» [8, цз. 61, 3а].

Выражение «признали себя подданными» или даже «вассалами», как можно перевести употребляемый в документе китайский термин «чэньфу», имеет достаточно декларативный характер. Если учесть чисто номинальный характер господства Маньчжурского государства даже над землями, находящимися в непосредственной близости от него, то этот термин нельзя рассматривать как действительное свидетельство вассальных отношений правителей всех названных земель к маньчжурскому императору. Вассальных отношений с племенами Северо-Востока Цинское государство не имело; напомним, что даже походов на упоминаемые в этом документе племена шицюань и шилу при Тайцзуне не совершалось, а представители племени шилу приезжали к маньчжурскому двору за 18 лет правления Абахая всего один раз!

В другом документе годом позднее (сентябрь 1643 г.) Абахай, касаясь завоеваний Маньчжурского государства, гораздо скромнее писал: «[Оно] завоевало племя хурха и другие бывшие племена Хэйлунцзяна... И [после этого] все владения [людей], ездящих на собаках и на оленях, от Восточного моря до крайних пределов Северного моря искренне восприняли благотворное влияние [Маньчжурского дома]» [8, цз. 65, 42б].

Понятие «воспринято благотворное влияние» отнюдь не равнозначно «завоеванию». Для этого указа характерно, во-первых, отсутствие притязаний маньчжурского правителя на какие-либо определенные территории; указание на завоевание племен хурха и других «от моря и до моря» (напомним, что Северо-Западного моря вообще не существует в природе) является обычным официальным высказыванием, сделанным с определенными политическими целями: показать свою мощь, запугать своими успехами Минскую империю. Для достижения этой цели документ и должен был содержать определенные, вполне законные с точки зрения норм тогдашней дипломатической (как китайской, так и собственно маньчжурской) практики элементы официального хвастовства.

На наш взгляд, приведенные документы дают достаточно ясное свидетельство о том, что указанные земли, неизменно выделяемые в источниках в особую группу северо-восточных территорий, даже в эпоху правления Абахая — период наибольшего и совершенно безраздельного преобладания в политике грубой силы по отношению к разрозненным со-

седним племенам, не принадлежали маньчжурскому государству и не включались в его состав.

Таким образом, совершенно очевидно, что племена Приамурья и Приморья к середине 40-х годов XVII в. не являлись ни вассалами, ни подданными Маньчжурского государства, а территория их проживания была не более чем объектом агрессивных набегов маньчжуров, наиболее удаленным от рубежей их государства источником захвата живой силы.

При этой оценке в полной мере учитывается тот объективный факт, что определенное военное и политическое влияние маньчжуров на соседние с ними племена вплоть до далекого Приамурья, безусловно, имело место и вытекало из значительного военного потенциала Маньчжурского государства, большого числа опустошительных набегов маньчжуров на местные племена, применения знаменными войсками заимствованного у китайцев огнестрельного оружия и пр. Эта захватническая политика Маньчжурского государства угрожала самому существованию народов Дальнего Востока и выдвигала объективную необходимость их защиты и спасения.

Признание наличия некоторого военного и политического влияния маньчжуров на племена и народности Приамурья отнюдь не противоречит тому, что маньчжуры в рассматриваемый период не осуществили какого-либо реального завоевания местных племен и не присоединяли их земли к владениям Маньчжурского государства.

В середине XVII столетия современные Приамурье и Приморье не входили в состав Цинской империи, границы которой находились далеко к югу от Амура, но посольства от местных племен часто появлялись у маньчжурского двора. В те годы, когда им не приходилось отражать вторжения маньчжурских отрядов, народы Приамурья и Приморья, очевидно, пытались сдерживать маньчжурский натиск посредством нехитрой дипломатии: лучше откупиться от сильного соседа мехами и другими местными продуктами, чем подвергаться ограблению с его стороны. Хотя сами маньчжурские источники подчеркивают совершенно добровольный характер большинства этих посольств, привозивших дары ко двору, но «добровольность» эта часто диктовалась соображениями: «лучше возьми последнюю рубаху, но не лишай живота». Но эти формы «дипломатического обмена» обычно не устраивали маньчжурских правителей. Им нужны были в первую очередь живая сила местных племен, ратники для новых завоевательных походов, пленные мужчины и женщины. Поэтому даже там, где маньчжуры могли бы собирать нечто вроде дани или ясака, они учиняли прямое военное насилие.

Но все же необходимо отметить, что в условиях отсутствия какого-либо фактического контроля маньчжуров над дальневосточными племенами во взаимоотношениях маньчжуров с этими племенами так называемая система дани-отдаривания имела огромное значение. Подчеркнем, что подобная система дани, как доказано в работе А. А. Бокщанина, в отношении минского Китая практически являлась отражением лишь фиктивного подчинения, так называемого номинального вассалитета «варварских племен» [58, 42]. Совершенно аналогичные функции она в большинстве случаев выполняла и у маньчжуров в отношении их «данников», воссоздавая маньчжуроцентристский мир «маньи», т. е. маньчжуров и окружающих их «варваров».

Однако предки народов Дальнего Востока отнюдь не были какими-то «варварами» и тем более по отношению к маньчжурам. Как доказано советскими исследователями — историками, этнографами и археологами,— эти народности имели свою собственную богатейшую материальную и духовную культуру, отличавшуюся высокими достижениями и чертами подлинной самобытности [см., например, 155, т. 1—2; 200; 112, т. 1, 2, 4]. Некоторые племенные образования Дальнего Востока (дауры, солоны, ачаны, дючеры) к середине XVII в. имели уже зачатки собственной государственности. Их контакты друг с другом и с маньчжурами имели характер дипломатических и внешнеполитических связей. Связи этих племен и племенных образований нельзя оценивать иначе только из-за того, что в соответствии с позднейшей официальной терминологией их посольства к маньчжурскому двору стали маньчжуро-китайскими хрониками фиксироваться как приезды «с данью». Несмотря на всю эту модернизацию, использованный нами источник, впрочем, довольно часто объективно отмечает, что целью многих из этих посольств было не «принесение дани», а «поднесение подарков» маньчжурскому императору. Первый приезд, как правило связанный с выражением уважения, сопровождался преподнесением подарков маньчжурскому правителю. Вместе с тем источники отмечают, что эти приезды отнюдь не были регулярными и, скорее всего, диктовались как политическими соображениями местных вождей, так и потребностями товарообмена.

Таким образом, приезды местных вождей к маньчжурскому двору можно рассматривать как обычные посольства.

Наиболее регулярными были приезды к маньчжурскому двору представителей различных «племен» (точнее, родов) баяла и гэикэли (кэикэлэ). Баяла является единственным родом, в приездах представителей которого к маньчжурам можно отметить какую-то регулярность — приблизительно один раз в четыре года.

Приезды представителей других племен были весьма нерегулярными. Например, с 1633 г. после похода Бахая и других маньчжурских полководцев на племя учжала и приезда ко двору в ноябре того же года некоего хурха Чжаци из местности Учжала (что можно поставить в прямую связь с походом 1633 г.) источники в течение 5 лет ничего не сообщают об этом племени. С 1638 по 1644 г. от учжала опять не поступало ни «дани», ни подарков и его представители не приезжали к маньчжурскому двору. Следует отметить, что, хотя в июле 1638 г. «дань» от учжала поступила, в 1640 г. маньчжуры совершили поход на это племя. Итак, добровольный привоз товаров к маньчжурскому двору не был гарантией от вторжения маньчжуров и угона населения с разных мест.

В ряде случаев посольства от восточных племен не имели прямой связи с маньчжурскими походами на эти племена. Это особенно ярко можно увидеть на примере рода баяла, а также родов кэикэлэ, токэло и других, приезжавших «с востока», на которых при Абахае вообще не предпринималось походов. Эти факты еще раз подтверждают вывод о том, что вожди северо-восточных племен довольно широко практиковали и политику своеобразного «откупа» от маньчжуров — добровольное поднесение подарков или дани для того, чтобы предотвратить их военные набеги. На этот аспект внешнеполитических отношений местных племен с маньчжурами наше внимание обратил В. С. Мясников.

Сюда же относятся и посольства племен шилу и шицюань. Маньчжурские войска при Абахае не совершали походов и не достигали мест жительства этих племен. Источники свидетельствуют, что племя шицюань имело в рассматриваемый нами период весьма редкие и нерегулярные сношения с маньчжурами. Первые семь с половиной лет правления Абахая вплоть до июля 1633 г., когда в источнике появляется сообщение о приезде к маньчжурам некоего Сэнгэ [8, цз. 14, 30б], об этом племени ничего не говорится. Весьма интересен тот факт, что имя Сэнгэ мы впервые встречаем в списке вождей воцзи, которые добровольно примкнули к Маньчжоу во время похода 1610 г. маньчжурских полководцев на местности Нингута, Нимача, Суйфэнь и Намдулу. Биография Сэнгэ в «Баци тунчжи чуцзи» подтверждает, что он был родом из местности Нингута и «в начале царства» примкнул к Нурхаци с 300 семей [5, цз. 201, 9б]. Спустя 23 года после этих событий Сэнгэ назван в маньчжурском источнике уже представителем племени шицюань. Это может свидетельствовать, во-первых, о том, что некоторые группы племени воцзи, проживавшие в районе Нингуты, также пользовались для езды собачьими упряжками; во-вторых, что под шицюань, собственно, имеется в виду

го же племя или род нингута; наконец, в-третьих, что термин «гуй» — «примкнули, присоединились» отнюдь не означал тогда полное и обязательное переселение всех «примкнувших» на земли Маньчжоу. В январе 1635 г. в источниках вновь отмечен приезд ко двору Сэнгэ, причем уточняется место его жительства — «селение Гайцин племени шицюань» [8, цз. 21, 10а]. В марте от этого племени к маньчжурам приехал некий Сосокэ [8, цз. 22, 3б]. Следующее появление Сэнгэ «с востока» отмечено только в марте 1639 г., после чего какие-либо сведения о племени шицюань исчезают из маньчжурских источников более чем на 15 лет (до 1654 г.).

За весь 18-летний период правления Абахая отмечено только по одному приезду людей из племени варка, племени шилу и «племени» наканьтай (под которым следует подразумевать один из нанайских родов).

Следует также отметить неопределенность сведений источника о месте проживания многих «восточных» племен и родов. Более того, часто маньчжурские источники путали эти племена и роды [66].

С 1627 по 1644 г. к маньчжурскому двору часто прибывали также посольства от различных северных и северо-западных племен. Данные маньчжурских источников свидетельствуют, что маньчжуры не имели ясного представления об этих племенах севера и северо-запада. Часто они объединяли их в своих документах под названиями хурха, солоны, сахарча, гуарча и другими, не менее часто смешивали друг с другом.

Когда в маньчжурских источниках речь идет о северо-западе, обычно упоминается «племя сахарча» (сахарча булo), название которого произведено от названия местности Сахарча (сахарча дифан), и «солоны».

Первую запись о «племени сахарча» мы встречаем в «Тайцзун шилу» под 4 декабря 1633 г.: «Вожди племени сахарча Фэйянгу и Маньдай во главе 46 человек явились ко двору. Поднесли в дар собольи меха — 1769 шкурок. Пожалованы тканями — 2630 кусков» [8, цз. 16, 11а—11б]. В честь посольства был устроен банкет, и все приехавшие были отдарены одеждой, шапками, серебряными сосудами и прочими вещами.

Посольства из «местности Хэйлунцзян» к маньчжурам прибывали довольно часто от различных местных родов, и на основании данных «Тайцзун шилу» мы не можем сделать вывод о их регулярности. То же самое можно сказать и в отношении хурха. Приезд от племени гуарча отмечен в источниках только один раз.

Однако «сахарча» и «солонов», в отношении которых в источниках можно отметить самую значительную путани-

цу, при маньчжурском дворе чаще всего «представлял» один и тот же даурский князек Балдача, с родом которого у маньчжуров, видимо, прежде всего и связывались упомянутые выше два названия. Местожительство Балдачи может быть установлено по русским документам [67].

Балдача довольно часто приезжал к маньчжурскому двору, и его приезды (в том числе и первый, в июне 1634 г.) носили совершенно добровольный характер. Посольства Балдачи и его родственников могут служить наиболее типичным примером внешнеполитических связей приамурских народов с Маньчжурским государством.

В соответствии с целями маньчжурской политики Балдача одаривался особо щедрыми дарами и в его честь устраивались пышные банкеты. В декабре 1638 г. он прислал к маньчжурам своего младшего брата — Сахаляня с большой свитой, которому маньчжурский император также устроил пышный прием [8, цз. 44, 19а].

Для любого другого «племени» или рода мы не встречаем упоминаний о дарах, равных по щедрости дарам маньчжурского правителя представителям рода Балдачи. Это позволяет сделать вывод, что маньчжуры придавали весьма важное значение посольствам от отдаленных племен или родов, на территорию проживания которых никогда не проникали маньчжурские войска, племен, расселенных далеко за пределами Маньчжурского государства, и всячески поощряли приход от них посольств. Совершенно очевидно, что маньчжуры ставили своей непосредственной целью сделать даурского князька Балдачу проводником маньчжурского влияния в Приамурье.

Следует несколько подробнее остановиться на взаимоотношениях маньчжуров с солонами [68]. Первое упоминание собственно о солонах («племя солонов Хэйлунцзяна») в связи с прибытием от них посольства к маньчжурскому двору в Мукден встречается в маньчжурских хрониках только 7 июня 1635 г.

Отношения маньчжуров с солонами носили такой же характер, как и отношения с хурха. Уже отмечалось, что маньчжуры неоднократно выступали в роли жестоких завоевателей, пытавшихся силой оружия подчинить солонов государству Цин. В результате вооруженной борьбы с маньчжурами в 1639—1640 гг. коалиция солонских племен потерпела поражение. Однако это было единственным результатом трудной войны маньчжуров с солонами. Земли солонов не были включены в территорию Маньчжурского государства. Маньчжуры не ввели на этих землях ни военного, ни гражданского управления.

Вместе с тем военное поражение в борьбе с маньчжурами имело для солонов тяжелые последствия. Прежде всего

оно несомненно задержало начавшийся процесс консолидации солонских племен и родов в солонскую народность. Разорительная война с маньчжурами, угон большого числа населения, разграбление солонских селений привели к еще большей раздробленности солонов, задержали развитие их производительных сил, процесс разложения у них родового строя.

Далее, в результате вторжения маньчжуров часть солонов была переселена на земли Мукдена и частично влита в маньчжурскую восьмизнаменную организацию. Однако следует отметить, что масштабы этой ассимиляции солонов маньчжурами (наличие в Восьми знаменах только двух нюру, частично укомплектованных солонами) были весьма незначительны [69].

Другая часть солонов (337 семей) была переселена на земли монгольского аймака Горлос; маньчжуры предприняли попытку организации этого солонского населения по маньчжурскому образцу, т. е. также создали из него нюру, однако это были особые нюру, не входившие в состав ни Восьми маньчжурских, ни Восьми монгольских знамен. Такая форма организации этой группы солонского населения имела чисто формальный характер. Об этом свидетельствует то, что указанные нюру не входили в маньчжурскую восьмизнаменную организацию, а также и то, что эти солонские нюру обязаны были приносить маньчжурам дань через своих нюручжангиней.

Многочисленные свидетельства источников о принесении солонскими нюру-чжангинями (т. е. той группы солонского населения, которая была организована маньчжурами в такие нюру) дани со всей очевидностью доказывают внешний, формальный характер этой навязанной солонам организации. Следует также добавить, что эти солонские нюру не получали содержания от казны, а их личному составу не выдавалось никакого жалованья. Напротив, этим солонам было вменено в обязанность периодически приносить дань маньчжурам.

Начиная с 1641 по 1682 г. в маньчжурских источниках сведения о принесении солонами дани встречаются лишь изредка. Вплоть до начала подготовки Цинской империи к военным действиям в Приамурье (1682 г.) против русских владений источники не упоминают о каких-либо иных формах контактов маньчжуров с солонами. Это обстоятельство может свидетельствовать, на наш взгляд, только об одном: после выражения лояльного отношения к Маньчжурскому государству солоны более маньчжуров не интересовали.

Именно это обстоятельство и привело к тому, что непосредственные связи с солонами и их землями были утрачены, и в 80-х годах XVII в. маньчжурам вновь пришлось искать

пути, ведущие на Амур. Процесс этот был весьма трудным и сложным.

Анализируя почерпнутые из «Тайцзун шилу» данные о военных походах маньчжуров (свидетельства о каких-либо попытках колонизации указанных территорий в источнике отсутствуют), можно сделать вывод, что маньчжуры, проживавшие в юго-восточной части данного региона, плохо знали своих соседей (особенно племена и народности, проживавшие в Приамурье), часто путали сведения о них.

Маньчжуры очень неопределенно обозначали район, откуда прибывало посольство, даже не указывали племя, представители которого приехали с «данью». Например, посольство прибыло «с востока» «из местности Хэйлунцзян» или «с Хэйлунцзяна».

В материалах «Тайцзун шилу» о посольствах к маньчжурскому двору от местных племен мы часто находим также противоречивые сведения о местах жительства того или иного племени. Так, например, источники неоднократно отмечали, что род баяла приезжал «с востока»; вместе с тем «Тайцзун шилу» конкретно указывает, что местом жительства этого рода была р. Сунгари, т. е. северный район [8, цз. 21, 14а].

Другие цинские источники свидетельствуют, что такие роды хурха, как кэикэлэ и хусихали, в действительности относились к племени воцзи и жили в местности Саньсин («Три рода»), в районе современного города Саньсина в устье р. Муданьцзян, т. е. тоже на севере [см., например, 31, цз. 3, 46; 168].

Следует отметить также весьма значительный разнобой в обозначениях названий и других племен. Так, племена баяла, гэикэли и хусихали источники называют то самостоятельными племенами, то «родами племени хурха». Роды гэикэли и хусихали часто даются под названием «кэикэлэ» и «кусакэли».

Часто об одних и тех же лицах говорится как о представителях различных племен, например Лайдаку (Лайтаку) выступает то представителем племени хурха, то — племени курка; Цянтули — то представителем неизвестного племени из «местности Хэйлунцзян», то посланцем от «племени хурха местности Хэйлунцзян», то просто от «племени хурха».

В этой же связи следует напомнить о смешении маньчжурами между собой «племени сахарча» и «солонов» (в действительности дауров), многочисленные случаи смешения «солонов» с «хурха» и т. п.

Такую путаницу в маньчжурских источниках можно объяснить только тем, что маньчжуры не знали этих племен, так как их контакты с ними были либо очень кратковремен-

ными, либо ограничивались эпизодическими набегами на земли этих племен.

Не случайно, что все данные о племенах, живших на периферии Северо-Востока, в маньчжурских хрониках ограничиваются только сведениями о маньчжурских походах на эти племена и посольствах от них к маньчжурскому двору. Вместе с тем мы не нашли в маньчжурских источниках никаких упоминаний о том, что к маньчжурскому двору когда-либо приезжали такие даурские князьки верхнего и среднего Амура, как упоминаемые в русских архивных документах Албаза, Лавкай, Туронча, Толга и др. Это также является доказательством того, что основное население верхнего Амура (дауры) вообще не поддерживало связей с Маньчжурским государством.

Таковы были основные черты, характеризующие отношения маньчжуров с племенами и народностями Северо-Востока к концу первой половины XVII в.

Глава II

СЕВЕРО-ВОСТОК И ПРИАМУРЬЕ В 1645—1682 гг.

Статус Северо-Востока после вторжения маньчжуров в Китай

После вторжения маньчжуров во Внутренний Китай и перенесения столицы в Пекин Мукден продолжал оставаться старой или второй «почетной» столицей. За городом было сохранено данное ему в 1625 г. Нурхаци название Мукден (китайский эквивалент — «Шэнцзин» — «Священная столица»). Подведомственная Мукдену территория — «земли Мукдена» — стала считаться «священной родиной» Цинской династии, несмотря на то что большую часть этих земель составляла бывшая китайская территория — земли Ляодуна и Ляоси.

С первых лет периода правления Шуньчжи (1644—1662 гг.) земли Мукдена опустели. Главной причиной этого был уход почти всех маньчжуров целыми семьями за шаньхайгуаньскую заставу для завоевания Китая, что на долгие годы остановило развитие производительных сил Северо-Востока. В Мукдене был оставлен маньчжурский гарнизон, насчитывающий лишь 774 человека [2, т. 1, гл. 21, 247].

Исторические хроники сообщают, что кроме Мукдена маньчжурские гарнизоны на территории Северо-Востока были оставлены только в 15 стратегически важных пунктах — в Сюнъяо, Цзиньчжоу, Нинъюане, Фэнхуане, Синцзине, Ичжоу, Синьчэне, Нючжуане, Сюяне, Дунцзине, Гайчжоу, Хайчжоу, Аньшане, Гуанчэне и Яочжо [11, цз. 7, 5а—5б]. Среди этих пунктов не упоминается даже крепость Нингута [1], хотя в августе 1645 г. «шилу» приводит короткое упоминание о награждении и пожаловании чинами офицеров пограничных гарнизонов трех пунктов — Нингуты, Сюнъяо и Фэнхуана [см. 11, цз. 18, 11б]. Это свидетельствует о том, что в 1645 г. какой-то маньчжурский гарнизон в Нингуте еще сохранялся.

«Любянь цзилюе», составленное Ян Бинем — китайцем, ссыльным поселенцем на Северо-Востоке, сообщает, что до 1653 г. Нингута якобы подчинялась мукденскому амбаньчжангиню и в крепости находился специально назначенный

сюда фудутун [31, цз. 2, 22]. Однако Ян Бинь пишет здесь о периоде, современником которого он не был, и его свидетельство вызывает у нас определенные сомнения. Кто был этот фудутун? Сведений о нем нет даже в многотомном «Баци тунчжи чуцзи», содержащем биографии большого числа крупнейших деятелей Маньчжурского государства. В «шилу» отсутствуют какие-либо упоминания о Нингуте с 1646 по 1653 г. Полное отсутствие сведений о Нингуте в этом важнейшем официальном источнике на протяжении более 7 лет, вероятно, связано с тем, что с 1646 г. крепость Нингута, этот крайний форпост Маньчжурского государства на северо-востоке, возможно, была на несколько лет оставлена маньчжурами в связи со сосредоточением политических и военных интересов Цинской династии на юге, в собственно Китае. Это обстоятельство еще раз подчеркивает тот факт, что после вторжения в Китай маньчжуры не придавали какого-либо серьезного значения землям к северу от Мукдена, интересовавшим их прежде исключительно как источник пополнения живой силы.

Несмотря на постепенное падение административного значения Мукдена для маньчжуров, всеми мерами укреплявших свое положение в Китае, в Мукдене, за исключением военного ведомства, были оставлены все прежние маньчжурские ведомства (министерства), круг деятельности которых теперь ограничивался исключительно делами Северо-Восточного района («землями Мукдена»).

Среди мукденских ведомств следует назвать: ведомство церемоний, ведомство финансов, ведомство по уголовным делам и ведомство общественных работ; военное ведомство было восстановлено в Мукдене только в 1691 г.

Ведомство церемоний несло ответственность за ежегодные жертвоприношения в мавзолеях первых маньчжурских государей и их предков. В его ведении находились сады, пруды для выращивания рыбы, стада крупного и мелкого скота и пр.[2]. Кроме того, ведомство отвечало за проведение местных церемоний и обрядов и организацию всех мероприятий, связанных с приездом в Мукден императора.

Ведомство финансов ведало приемом «дани» от соседних племен и народностей, отдариванием за эту «дань», содержанием приезжавших представителей этих народов. Оно заведовало также сбором всевозможных податей и оброков, наблюдало за ведением хозяйства на казенных хуторах, различных казенных плантациях, ведало таможнями и соляварнями.

Ведомство по уголовным делам занималось делами, связанными со статусом и различными проступками местного населения, приписанного к маньчжурским и монгольским восьмизнаменным войскам, размещенным на Северо-Востоке.

Ведомство общественных работ руководило всевозможными строительными работами, изготовлением оружия и боеприпасов; под его управлением находились также различные мануфактуры: горнорудные, гончарные, рогожные и др. [63, 12—13].

Управление этими ведомствами осуществлялось специальными чиновниками, которые подчинялись мукденскому амбань-чжангиню (позднее мукденскому цзянцзюню).

Официальный источник сообщает, что с 1-го года Шуньчжи (1644 г.) на территории Северо-Востока были упразднены все прежние минские военные округа (вэй) и посты (со) и установлено совместное управление амбань-чжангиня и его заместителя — фудутуна [28, цз. 6, 36].

Таким образом, в руках амбань-чжангиня была сосредоточена вся полнота военной и гражданской власти в подведомственном районе, в том числе командование всеми войсками, заведование военно-почтовыми трактами, охотничьими угодьями, всевозможными промыслами Восьми знамен: добычей женьшеня, рыбной ловлей, сбором бересты и т. д.

В состав территории, подчиненной мукденскому амбань-чжангиню, в тот период входили земли только собственно Мукдена. Никаких данных о контроле Мукдена над Нингутой и ее территорией, а тем более над землями Хэйлунцзяна источники не приводят.

С 1653 г. цинское правительство начало проводить первые административные реформы на Северо-Востоке. На территории Мукдена был административно выделен в качестве окружного центра г. Ляоянфу[3], в подчинении которого находились два уезда — Ляоян и Хайчэн [см. 28, цз. 6, 36].

Впервые официально была учреждена должность нингутаских амбань-чжангиня и фудутуна с резиденцией в этом городе [см. 28, цз. 6, 36][4]. С выделением Нингуты в самостоятельную административную единицу город становится центром одноименного края. Однако мы не обнаружили в источниках сведений о территории этого края вплоть до 1684 г.

Политика маньчжуров по отношению к своему домену на юге Северо-Востока была весьма и весьма непоследовательной. Начиная с первых лет правления Шуньчжи маньчжурские правители, пытаясь сохранить сельское хозяйство на плодородных землях Ляодуна и Ляоси, всемерно поощряли развитие здесь земледелия. Первоначально Цины стремились к тому, чтобы маньчжуры играли преобладающую роль в экономической жизни «земель Мукдена», но этого не случилось. Тогда цинское правительство стало всемерно поощрять китайскую колонизацию края, в основном за счет привлечения переселенцев из Внутреннего Китая. В то же время Цины весьма ревниво следили за усилением китайского влияния на Северо-Востоке и в 1668 г. весьма решительно пресекли приток китай-

ских колонистов, изолировав Северо-Восток от свободного проникновения сюда поселенцев из Внутреннего Китая.

Стремление маньчжуров сохранить свою «священную родину» объяснялось прежде всего их желанием обеспечить свой глубокий тыл, держать под полным контролем территорию, куда можно было бы ретироваться в случае неблагоприятного поворота событий в собственно Китае (не нужно забывать, что здесь в течение долгого времени шла ожесточенная вооруженная борьба и положение маньчжурских завоевателей было весьма шатким).

Позднее, со стабилизацией положения маньчжуров в Китае, многочисленные проблемы управления этой огромной страной в значительной степени отвлекли внимание Цинов от северо-восточной окраины, и экономическое развитие этой части страны шло крайне медленно.

Что касается таких пунктов, как, например, Нингута, то в использованных нами источниках вообще отсутствуют какие-либо данные относительно хозяйственной деятельности здесь маньчжуров. Мы лишь можем предположить, что в связи с размещением здесь постоянного гарнизона маньчжуры запахивали прилегающие к крепости земли для того, чтобы снабжать этот гарнизон продовольствием.

С 1655 г. Нингута стала местом ссылки китайских политических и уголовных преступников[5]. Ян Бинь приводит в своем труде свидетельство некоего Чэнь Цзин-иня о том, что когда тот был в 1655 г. сослан в Нингуту, то там еще не было ни одного китайского ссыльного поселенца [см. 31, цз. 3, 57]. Ссылали сюда китайцев и после официального запрещения цинским правительством в 1668 г. китайской колонизации Северо-Востока [11, цз. 87, 5а — 5б; см. также 298, ч. 1, 365—366]. В этом видна определенная непоследовательность политики маньчжурских правителей в отношении Северо-Востока.

Ко времени перемещения ставки нингутаского цзянцзюня в Гирин в 1676 г. в Нингуте уже проживало более 400 семей китайских ссыльных. Большинство из них были превращены в домашних рабов местных маньчжурских воинов. Этим первым китайским поселенцам на крайнем Северо-Востоке посвящена специальная брошюра китайского историка Се Го-чжэня [235]. По-видимому, этот интересный вопрос потребует для своего освещения дополнительного исследования.

Ссыльные разводили в окрестностях Нингуты огороды и сеяли хлеб. Однако не следует забывать, что Нингута в этот период была расположена в полуобжитом, суровейшем по своим природным условиям крае. Морозы здесь наводили на ссыльных (в большинстве из южных провинций Китая) ужас. Се Го-чжэнь, по существу, не сумел привести данных о конкретных результатах хозяйственной деятельности ссыльных в Нингуте. Брошюра содержит лишь биографические данные

о некоторых из них, их жалобы на пережитые страдания, отраженные в письмах и стихах, т. е. именно то, что и было, на наш взгляд, наиболее характерно для этой категории поселенцев Нингуты и свидетельствовало о крайне тяжелом положении, в котором они оказались по прибытии на место ссылки.

Значение, которое придавалось в конце 50-х — начале 60-х годов Нингуте императором Шуньчжи, было подчеркнуто в императорском указе о смерти Шархуды в феврале 1659 г., который гласил: «Нингута является в а ж н е й ш и м м е с т о м на границе (разрядка наша.—*Г. М.*). Амбань-чжангинь Шархуда длительное время охранял [здесь] границу и расположил к себе [все местное] население. Ныне он заболел и умер. Его сын Бахай — человек острого ума и очень подходит для этой должности. Повелеваю послать его вместо отца для охраны Нингуты, пожаловав чином амбань-чжангиня» [11, цз. 123, 7б — 8а].

Фактически район Мукдена в этот период был совершенно заброшенным, и даже географические представления о его землях были в значительной степени утрачены. В этом плане весьма примечателен доклад фэнтяньфуского фуиня Чжан Шан-сяня, направленный в Пекин в июне 1661 г.[6].

Чжан Шан-сянь подал императору Шуньчжи доклад, напоминавший о географических условиях северо-восточной окраины империи и содержавший соображения относительно повышения ее обороноспособности. В этом докладе имеются и некоторые важные указания относительно границ «земель Мукдена». Приведем его:

«Что касается географии земель Мукдена, то от Синцзина на востоке до Шаньхайгуаня на западе — более тысячи ли[7]; от Кайюаня на севере до Цзиньчжоу на юге — также более тысячи ли; [эти земли] делятся на [две] части — Восточную и Западную, лежащие по обе стороны от реки [Ляохэ]. Если говорить о внешних землях, [то] линия пограничных укреплений проходила прежде, в Минскую эпоху, [по землям] к востоку от Ляохэ, начиная от Кайюаня с севера по направлению на юго-запад до Хуаннива и Нючжуана. От Нючжуана [линия границы] идет начиная с Саньчахэ на юг до Гайчжоу, Фучжоу, Цзиньчжоу, Люйшуня, затем поворачивает к востоку и продолжается до Хунцзуя, Гуйфу, Хуангудао, г. Фэнхуана, устьев рек Чжэньцзян и Ялуцзян. Все [эти места] в Минскую эпоху являлись линией морской обороны. Выше приведено краткое описание границ и морского побережья Восточной части.

В Западной части граница проходит севернее Шаньхайгуаня и [лежащих] от него к востоку [пунктов] Чжунцяньсо, Цяньвэй, Хоусо, Шахэ, Нинъюань, Ляньшань, Ташань, Синшань, Суншань, Цзиньчжоу, Далинхэ; по южной же ее стороне лежит море. [Сухопутная граница здесь]—это так называемая „Граница отдельных тычин". От г. Гуаннина до находящихся к югу

населенных пунктов Люйянъи, Шишаньчжаня и морского порта Ютуньвэй расстояние составляет более 100 ли. В нескольких десятках ли севернее [этих пунктов] проходит вновь установленная при правящей династии [Цин] линия границы. К востоку находятся Паньшаньи, Гаопиншалин, а еще далее к востоку — пастбища для конских табунов на р. Саньчахэ. Все это — краткое описание границ и морского побережья Западной части.

Если окинуть взором границы и морское побережье как Западной, так и Восточной частей, то взору представятся здесь [одни] лишь желтые пески, пустынные и безлюдные. Если в этих местах обоснуются мятежники или вдруг появятся морские пираты, то [мы] будем застигнуты врасплох и их нападение трудно будет отразить. Это [мои] соображения относительно угрозы внешнего нападения.

Что же касается внутренних земель, то в Восточной части хотя и имеется много городов и укреплений, но все они брошены. Только в трех местах — Мукдене, Ляояне и Хайчэне—еще до некоторой степени поддерживаются порядки, установленные для окружных и уездных городов. На Ляодунском же полуострове и морском побережье нет городов и населенных пунктов; в Гайчжоу же, г. Фэнхуане и Цзиньчжоу численность населения не превышает нескольких сот человек.

В Телине и Фушуне имеются ссыльные. Они не могут возделывать [здесь] землю и не имеют никаких средств к существованию. Большая часть одиноких ссыльных бежала; обремененным же семьями остается только погибать в этих краях. Действительно, от этих мест нет никакой пользы. Все сказанное выше представляет собой краткое описание внутренней территории Восточной части.

В Западной части городов и укреплений еще больше, население же малочисленное и редкое. Только в Нинъюане, Цзиньчжоу и Гуаннине скопилось какое-то число людей, но здесь поставлен только один цзолин [8], и как он управляет всеми этими местами — неизвестно. Все это — краткое описание внутренней территории Западной части.

При осмотре внутренней территории (и Восточной, и Западной) видны покинутые города и разрушившиеся укрепления, битая черепица и развалившиеся стены. Тучные же земли тянутся на тысячи ли; имеются поля, но нет земледельцев; абсолютно не на кого опереться. Такое положение вызывает у меня чрезвычайные опасения. Я, верноподданный, дни и ночи терзаюсь думами об этих местах. Чтобы иметь возможность противостоять внешней опасности, надлежит разработать меры по обороне; для ликвидации внутренней смуты следует укрепить [первоначальные] основы и разработать такие планы, которые могли бы быть использованы в течение многих лет» [12, цз. 2, 25а — 26б].

Доклад весьма точно, на наш взгляд, характеризует картину того экономического запустения, в котором оказалась к этому времени территория Мукдена. Из него ясно, что эта окраина Цинской империи была обескровлена, заброшена и не защищена от внешнего нападения. Положение на ее рубежах, не обозначенных даже линией каких-либо военных постов или караулов, не без основания внушало местной администрации самые серьезные опасения.

В этом докладе Чжан Шан-сяня впервые в цинских официальных документах приводятся вполне определенные сведения относительно действительных пределов земель Мукдена. Следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что восточной границей этих земель указан конкретный пункт — г. Синцзин (совр. Синьбинь, находящийся к востоку от Фушуня), а северной — г. Кайюань. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что протяженность этих земель определяется источником в тысячу ли (приблизительно 500 *км*) с севера на юг и таким же расстоянием с запада на восток. Действительные границы Мукдена, как мы видим, указывались весьма приблизительно, были лишь на отдельном отрезке обозначены линией врытых в землю тычин и не охранялись маньчжурскими войсками. По-видимому, одной из основных причин, обусловившей эту неопределенность представлений о границах империи на северо-востоке, являлось недостаточное знание географических условий района.

Этот доклад является первым, хотя и очень кратким и неполным, описанием земель Мукдена и их географических условий, вернее, напоминанием о них цинским правителям, находившимся уже почти два десятка лет в Пекине и утратившим непосредственную связь со своей родиной[9].

Донесение Чжан Шан-сяня возымело определенное действие. Менее чем через год после представления его доклада была учреждена должность цзянцзюня территории Мукдена, и фэнтяньский (мукденский) амбань-чжангинь переименован в фэнтяньского и прочих мест цзянцзюня [28, цз. 6, 4а][10]. Это означало, что Цины начали укреплять на Северо-Востоке военную власть. Реформы охватили и Нингуту: в том же году нингутаский амбань-чжангинь также был переименован в нингутаского и прочих мест цзянцзюня [28, цз. 6, 4а], что тоже безусловно отражает рост прежде всего военного значения Нингуты для Цинов. В первые годы правления Канси на Северо-Востоке были осуществлены и некоторые другие административные преобразования. В 1664 г. Цзиньчжоу был переименован в Цзиньсянь, Гуаннин — в округ Гуаннинфу; на землях Мукдена были учреждены уезды Гуаннинсянь и область Гуаннинчжоу. Через год округ Гуаннин был упразднен и вместо него создан округ Цзиньчжоу, управление которым сосредоточивалось в Цзиньсяне. В том же году в округе Фэн-

тяньфу был создан новый уезд — Чэндэсянь, а также впервые созданы три уезда — Гайпинсянь, Кайюаньсянь и Телинсянь.

В 1666 г. город и крепость Нингута «из соображений удобства», как сообщают источники, был перемещен на 50 ли юго-восточнее, на северный берег р. Хурха (совр. Муданьцзян) [28, цз. 10, 18б — 19а; 31, цз. 1, 18].

С момента выделения Нингуты под управление специального амбань-чжангиня, а позднее — цзянцзюня город стал центром окружающего его края. В течение нескольких последующих десятилетий Нингута неизменно играла ведущую роль во всей политике маньчжуров в отношении северо-восточной окраины Цинской империи. Какие же исторические причины обусловили такое значение Нингуты для маньчжуров?

На наш взгляд, этих причин было две. Во-первых, географическое местоположение этого района. Нингута находилась на границе с племенами, служившими для маньчжуров источником пополнения своих войск за счет захвата пленных. Начиная с 1636 г. Нингута служила маньчжурским войскам базой для военных экспедиций на север и северо-восток.

Во-вторых, со времени появления на Амуре русских казаков и поселенцев Нингута, как передовой форпост маньчжуров на северо-востоке, приобретает для Цинов значение ключевого пункта на переднем крае борьбы против русской колонизации Амура.

Вся последующая история Нингуты также тесно связана с этими двумя моментами и в значительной степени обусловлена ими.

В 1671 г. император Канси, совершая инспекционную поездку по землям Мукдена, распорядился выдать гарнизону Нингуты единовременную крупную награду в размере 20 тыс. лян серебра [12, цз. 36, 22а]. Вызвав к себе из Нингуты Бахая, он расспрашивал его о нравах и обычаях народностей варка, хурха и нингута и остался очень доволен обстоятельными и разумными ответами нингутаского цзянцзюня. В связи с докладом Бахая Канси отметил: «Люди [племен] варка и хурха грубы и коварны. Ты, Бахай, должен осуществлять их воспитание в соответствии с нашим искренним желанием благополучия этим отдаленным народам (разрядка наша. — *Г. М.*)» [12, цз. 37, 2а].

15 ноября 1671 г. нингутаскому цзянцзюню Бахаю был дан следующий императорский указ: «Прежде мы слышали, что ты обладаешь способностями; ныне же, познакомившись с тобой, мы еще лучше узнали тебя. Фэйяка и хэчжэ[11] хотя и перешли в подчинение к нам (? — *Г. М.*), однако они невежественны и грубы. Ты должен остерегаться их, неустанно воспитывать их, всячески наставлять, так как наше искреннее желание проявлять заботу об отдаленных племенах» (разрядка наша. — *Г. М.*) [12, цз. 37, 3а — 3б][12].

Цитируемый документ интересен тем, что впервые в маньчжуро-китайских источниках упоминается название хэчжэ (нанайцы, орочи и нивхи), а также тем, что в нем Канси выражает готовность «заботиться об отдаленных племенах». Однако наиболее важным моментом является содержащееся в указе резкое отделение племен нингута, варка и хурха от собственно маньчжуров, подчеркивание того, что эти племена грубы, невежественны и отличаются коварством. Совершенно ясно, что если бы варка, нингута и хурха (дючеры) были «маньчжурами» или близко родственными маньчжурам, то такая оценка была бы исключена, и Канси никогда не позволил бы себе так пренебрежительно о них отзываться. Но они относились к другой группе приамурских эвенкийских племен, отсюда и тон указа. Указ предоставляет в наше распоряжение дополнительные доказательства ошибочности точки зрения Б. О. Долгих, считавшего эти племена маньчжурами.

С середины 70-х годов Цины начали активную подготовку агрессивных действий в Приамурье, направленных в первую очередь против центра русской колонизации края — г. Албазина.

Для ведения военных действий маньчжуры нуждались в плацдарме более удобном, чем отдаленная от верхнего Амура Нингута. В этой связи важное стратегическое значение для них приобретает отстроенный в 1674 г. на берегу р. Сунгари городок Гирин (Цзилинь). На месте этого городка ранее было селение, в котором еще в 1661 г. были устроены верфи специально для строительства военных судов, предназначенных для ведения военных действий против русских [31, цз. 2, 8][13]. Гиринский экипаж речных судов, учрежденный в том же, 1674 г., состоял из 319 человек (250 матросов, 45 штатных мастеровых, остальные — офицеры и чиновники) [168, т. 1, 563].

Новым почтовым трактом Гирин был связан с Мукденом и Пекином. Через два года, в 1676 г., сюда была переведена из Нингуты резиденция нингутаского цзянцзюня, за которым, однако, еще сохранилось прежнее звание «нингутаский и прочих мест цзянцзюнь».

Первые русские землепроходцы на Амуре и начало хозяйственного освоения русскими Приамурья

Появление первых русских землепроходцев в бассейне р. Амура и начало освоения ими Приамурья совпало по времени с уходом основной массы маньчжуров во Внутренний Китай в целях его завоевания.

Огромную роль в продвижении русских людей на Дальний Восток сыграл созданный в 1632 г. в среднем течении р. Лены

Якутский острог, ставший к концу 30-х годов XVII в. центром распространения русского влияния в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В 1638 г. Якутск был уже официальным административным центром Восточно-Сибирского воеводства.

Осенью 1639 г. один из казачьих отрядов, рассылаемых из Якутска для разведывания новых земель и сбора ясака, во главе с Иваном Москвитиным вышел к Охотскому морю. Здесь, в устье р. Ульи, был заложен русский острог. Выход отряда Ивана Москвитина к Тихому океану явился первым из великих географических открытий XVII в., сделанных русскими землепроходцами на Дальнем Востоке.

Казаки Ивана Москвитина активно обследовали берега Охотского моря севернее и южнее Усть-Ульи, собрали ценные сведения о населении этого района, его численности и занятиях. Как свидетельствуют официальные документы, они принесли первые сведения об Амуре, Шантарских островах и острове Сахалине [170, 52].

Советский историк П. Т. Яковлева пишет об этом районе: «Русские встретились с охотничьими племенами эвенков, которые не были подчинены ни одному из государств и оказали сопротивление при первой попытке русских подчинить их. Преодолев это сопротивление, служилые люди собрали ясак с одних эвенкийских племен силою, с других — мирным путем» [216, 19].

Вместе с тем в 30-е же годы XVII в. от бурят были получены первые сведения о земледельческом и скотоводческом населении Приамурья — так называемой Даурской земли [95, т. III, 51].

На розыски этой «землицы» из Якутска был отправлен отряд казаков под руководством письменного головы Василия Пояркова. Поярков всего со 132 казаками и «охочими» людьми в 1644 г. спустился по Зее и вышел на Амур, проплыл через земли дауров и дючеров и осенью того же года достиг устья этой реки. Перезимовав здесь, в 1645 г. отряд вышел к Охотскому морю и, идя в течение лета «на полуночную сторону», осенью пришел в Усть-Улью — острог, поставленный И. Москвитиным. Экспедиция В. Пояркова ознаменовала непосредственное открытие русскими Приамурья. В. Поярков с честью выполнил поставленную перед ним задачу — разведать новую неизвестную страну, собрать ясак с жителей Амура и найти серебряную, свинцовую и медную руду [95, т. III, 50—60]. По возвращении В. Поярков составил первое, основанное главным образом на собственных наблюдениях описание Амура, населявших его народностей, их хозяйства и экономики края. Поярков сообщил, что население Амура независимо ни от какого из соседних государств.

После Пояркова в Приамурье, привлекшее внимание сибирских промышленных людей своими богатствами, пушниной

и хлебом [14], в 1649 г. отправился Ерофей Хабаров во главе отряда из 70 «охочих» людей. В 1650 г. отряд Е. Хабарова вышел по р. Урке (Уркану) на Амур. Е. Хабаров пытался закрепиться на Амуре мирными средствами, «без всякие драки», но, встретив в некоторых районах сопротивление, силой привел не подчиненных ни монголам, ни маньчжурам местных князьков под «высокую руку» московского царя.

В 1651 г. Е. Хабаров вернулся к временно оставленному им в Приамурье отряду со значительным подкреплением и, обосновавшись в городке Албазине, продолжал успешное объясачивание даурских и дючерских племен [132, № 31, 71—77; 95, т. III, № 102, № 103, 359—373][15]. Осенью того же года отряд Е. Хабарова, спустившись вниз по течению Амура, остановился ниже устья Уссури и стал строить здесь укрепленное зимовье, получившее название «Ачанский городок» (по названию местной народности — нанайцев — «ачанов»). Как установлено историко-этнографической экспедицией Хабаровского педагогического института в 1946 г., Ачанский городок был расположен на мысе Джаори, в 3 *км* выше села Троицкого Нанайского района [176, 32].

Осенью 1651 г. этот построенный Е. Хабаровым на нижнем Амуре острог был осажден воинами местных племен ачанов и дючеров, а весной 1652 г. к этому острогу подступили маньчжурские войска под командованием Хайсэ, вооруженные огнестрельным оружием и пушками. Об имевшем место сражении Е. Хабаров доносил: «И марта в 24 день, на утреной зоре, сверх Амура-реки славные ударила сила и ис прикрыта на город Ачанской, на нас, казаков, сила богдойская, все люди конные и куячные. И наш казачей ясаул закричал в городе, Андрей Иванов служилой человек: „Братцы казаки! Ставайте наскоре и оболокайтесь в куяки крепкие!..“ И мы, казаки, с ними, з богдойскими людьми, войским их, дрались из-за стены з зори и до сход солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометались, и не дадут нам, казаком, в те поры протти через город. А богдойские люди знаменами стену городовую укрывали нашею. И у того нашего города вырубили они богдойские люди 3 звена стены сверху до земли. И ис того их великого войска богдойсково кличет князь Исиней царя богдойского и все войско богдойское: „Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!..“ И говорили то слово яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов и все наше войско казачье: „Умрем мы, братцы казаки... все за один человек против государства недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людем, мы, казаки, не дадимся...“ И почали ис пушки до богдойскому войску бити, и из мелкового оружия — учали стрелять из города... по них, богдойских людях... И нападе на них, богдоев, страх великий.... покажися им сила наша несчетная, и все достальные богдоевы люди прочь

от города и от нашего бою побежали врозь... И... круг того Ачанского города смекали, что побито богдоевых людей и силы их 676 человек наповал. А наши силы казачьи от них легло, от богдоев, 10 человек.... Да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек, и те от ран оздоровили» [172, 135—138].

Под Ачанским городком русские нанесли маньчжурам сокрушительный удар и захватили всю их артиллерию. После этого первого столкновения с маньчжурами Е. Хабаров поднялся вверх по Амуру и построил в устье р. Кумары (правый приток Амура, соврем. р. Хумархэ) в 1652 г. Кумарский острог.

В этот период из Приамурья в русскую казну ежегодно поступало ясака до «ста сороков соболей» — на 15 тыс. рублей, что составляло по тем временам огромную сумму [16].

В 1653 г. на Амур прибыл Дмитрий Зиновьев, посланный царем Алексеем для уточнения сведений о новом крае, и вручил Хабарову царскую золотую медаль за покорение Амура [216, 38]. С августа 1653 г., после отъезда Хабарова в Москву, командиром русского отряда в Приамурье стал Онуфрий Степанов. С 1651 г. русские не только осуществляли приведение в русское подданство местных племен, но и активно приступили к хозяйственному освоению Приамурья. Его земли стали заселяться русскими крестьянами, которые начали заниматься на них хлебопашеством. Цинские власти с этого времени перешли к открытой борьбе против русских поселенцев.

Действия маньчжуров, очевидно, определялись следующими мотивами:

1. Маньчжуры стали опасаться за судьбу своих «священных» земель на Северо-Востоке, являвшихся единственным надежным тылом в их борьбе против китайского народа, и стремились расширить этот тыл за счет «ничейных» земель и русских владений в Приамурье.

2. Проникновение русских людей в Приамурье, хозяйственное закрепление их здесь, объясачивание местного населения устраняли возможность сохранения маньчжурского влияния в крае, т. е. по существу лишали маньчжуров источников дальнейшего захвата пленных и поступления отсюда ценной пушнины.

3. Русская политика в крае была успешной и привлекала к Русскому государству все большее число представителей местного населения. Маньчжуры справедливо страшились, что примеру таких даурских и эвенкийских вождей, как Гантимур, Туйдохунь и Бойгонь, добровольно перешедших со своими людьми к русским, могли последовать другие племена и народы не только верхнего Амура и его левобережья, но и правобережья Амура, т. е. района современного Северо-Востока. Это поставило бы маньчжуров перед лицом серьезной угрозы

в этом обширном крае и могло повлиять на положение Цинской династии во всем Китае.

Основанный в 1654 г. Афанасием Пашковым на притоке Шилки — р. Нерче — Нерчинский острог с 1658 г. стал административным центром отдельного воеводства, территория которого охватывала все Забайкалье и Прибайкалье. Новому воеводству вскоре было передано и Приамурье. В его подчинении находились все остроги, поставленные русскими землепроходцами в Приамурье: Усть-Стрелочный (1650—1651 гг.), Албазинский (1651 г.), Кумарский (1652 г.).

В течение лета и осени 1653 г. Степанов успешно плавал со своим отрядом по Сунгари, собирая ясак с местного населения. Однако в 1654 г. маньчжурское войско преградило отряду Степанова путь вверх по Сунгари. Зиму 1654/55 г. он перезимовал в Кумарском остроге. Весной 1655 г. к этому острогу подступило хорошо вооруженное 10-тысячное маньчжурское войско под командованием фудутуна Минъаньдали с 15 пушками, осадными лестницами и специальными передвижными щитами. Не сумев в течение трех недель взять крепость, маньчжуры отступили на свои исходные базы на территории Мукдена. Начальный период амурской эпопеи, как с полным основанием отмечает советский историк П. И. Кабанов, был отмечен яркой героикой русских землепроходцев [113, 11]

В 1655 г. О. Степанов вновь ходил со своим отрядом вверх и вниз по Амуру и вверх по Сунгари, а также по Уссури, успешно объясачивая местное дючерское население. Успехи свои он отразил в ценнейшем документе — «Ясачной книге даурские и дючерские и гилятцкие земли 163 года», впервые введенной в научный оборот советским историком Б. О. Долгих [17].

Б. О. Долгих приводит полный список местных улусов, с которых в 1655 г. О. Степанов собрал ясак, с указанием размера этого ясака и лиц, его доставивших [94, 593—595]. Так, например, на реках Сунгари и Уссури был взят ясак со следующих дючерских селений: Улиева — находившегося «усть-Шингалу» — 25 июня 1655 г.; Лунтигирского — находившегося «усть-Ушуру» — 9 июля 1655 г.; Намдорского — на Уссури — 17 июля 1655 г.; Нелбицкого — на Сунгари — 23 июля 1655 г.; Ыркунского и Авунского — на Уссури — 23 и 24 июля 1655 г.; Марицкого, Морчавинского и Юркунского (там же) — 25 июля 1655 г.; Киртинского, Гобжайского и Дачкиева — с Сунгари — 26 июля 1655 г.; Мошина, Маканьского, Укшиминского, Ылгиева — «против Шингалу в заостровке», Халгиева и Ефофдергиева — «усть-Шингалу» — 1 августа 1655 г.; Уксина — «в Шингале пониже Бражнова улусу» — и Хотунского и Ягуского, Футиева, Шербадаева, Ауминского улусов на Сунгари — 1 августа 1655 г.; Могженского, Уснова (там

же) — 7 августа 1655 г.; Манзинского — «в Шингале вверху», Ендонского и Кирконского — «повыше Манзинского улуса» — «в Шингале р. вверху», Бандинского (8 августа 1655 г.); Фендерского, «повыше Манзинского двух улусов», Меенского, Фанского, Буяна, Камлымского (17 августа 1655 г.) — на Сунгари; Куби — «с Ушуру з Быки реки» — 25 августа 1655 г.; Уми, Чагды — «с Ушуру усть Норы», Маги — «с Ушуру сверху», Касукина — 27 августа 1655 г.; Тумалинского, Чолтурского, Ерулускова, Рухцамискова, Маканскова, Муйры, Буринскова — 29 августа 1655 г. — на р. Уссури [18]. Указанные материалы свидетельствуют о значительности масштабов и успешном освоении русскими Приамурья в 50-х годах XVII в.

3 марта 1656 г. в Пекин прибыло первое русское посольство во главе с Федором Байковым. Неудача посольства Ф. Байкова, как отмечает Н. Ф. Демидова, была связана с неблагоприятной для маньчжуров внутриполитической обстановкой, сложившейся к этому времени в Китае. Не менее важной причиной явилось также стремительное занятие и успешное освоение русскими Приамурья, ряд поражений, которые они нанесли маньчжурским войскам. В этой обстановке, действительно, вопросы престижа приобретали для маньчжуров первостепенное значение [91, 93—94]. Об этом прямо говорится в маньчжурском источнике: «Прежде, в 12-й год Шуньчжи (1655 г.— *Г. М.*), от русского белого царя приходил посланник (П. Ярыжкин.— *Г. М.*) с поздравлением, представил в качестве дани местные товары, но не имел грамоты. Так как он впервые представил дань, мы сделали милость и отправили их посла обратно, приказав наградить его. Указали, чтобы они каждый год приносили дань. В 13-м году Шуньчжи (1656 г.— *Г. М.*) от них снова пришел посланник с грамотами (Ф. И. Байков.— *Г. М.*). Однако он подал грамоту стоя, согласно обычаям своей страны, и не стал на колени. Тогда сановники, посовещавшись, решили: прибывший посол не понимает нашего церемониала [высочайшей] аудиенции, не следует представлять его императору. Отказались принять дань и отправили его обратно» [11, цз. 135, 2а; 172, 550]. Русскому послу было предложено покинуть Пекин. Дипломатические отношения не были установлены.

В этот период политика угона населения маньчжурами приняла новый аспект. Маньчжуры осуществляли свои угоны уже не только ради умножения числа живой силы в своих Восьми знаменах (хотя эта задача по-прежнему являлась весьма актуальной), но и с целью попытаться лишить русских источников продовольствия на Амуре, а также и самих новых ясачных подданных. Таким образом, ставилась цель вообще лишить смысла освоение русскими Приамурья (конечно, в соответствии с маньчжурскими представлениями).

Одновременно с ведением открытых военных действий против русских владений в Приамурье местные маньчжурские власти в Нингуте предприняли попытку заставить их уйти с Амура, лишив источников продовольствия. Это было сделано путем насильственного переселения с Амура и Сунгари в 1654—1656 гг. дауров и дючеров, все улусы которых за год до этого внесли ясак Степанову. Дауры и так называемые гогули (верхние дючеры) были поселены в бассейне р. Нонни, дючеры — в районе крепости Нингута.

Когда в 1656 г. О. Степанов вновь прибыл на Сунгари, он не нашел там дючеров. Ему стало известно, «что иноземцев даурских и дючерских людей богдойский царь велел свести с Амура и с устья Сунгари в свою богдойскую землю на р. Урху (р. Хурха, совр. р. Муданьцзян), а житья их и юрты богдойского царя воевода Сергудай (Шархуда. — *Г. М.*) сожег и до конца разорил» [95, т. IV, № 31, 80—83; 172, 213, № 82]. «Как правило, местное население,— отмечает П. Т. Яковлева,— даже наиболее подвижное, кочевники-скотоводы, не уходило добровольно со своих родных мест. Тем более трудно представить добровольный уход амурского земледельческого оседлого населения. Общеизвестно, что такое население привязано к земле крепчайшими узами» [216, 32].

Маньчжурские источники не содержат каких-либо материалов, специально посвященных этому насильственному переселению и причинам, которые его вызвали. Это позволяет предположить, что такое переселение было скорей «инициативой» местных властей, чем мероприятием центрального правительства.

Историческая роль Русского государства на Дальнем Востоке в этот период заключалась в том, что оно защитило народы Приамурья от маньчжурского разбоя и дальнейшего насильственного сгона с родных мест.

События, связанные с появлением на Амуре русских, с переселением амурского населения и даже с первыми столкновениями казаков с маньчжурами, не получили почти никакого отражения в таких капитальных официальных цинских источниках, как «Да Цин личао шилу» и «Баци тунчжи чуцзи». Донесения с мест об этих событиях, естественно, не могли остаться не замеченными маньчжурскими правителями. Без сомнения, что эти первые подробные донесения о русских и неудачных выступлениях против них маньчжуров были намеренно опущены при позднейшей компиляции этих «шилу» в связи с нежеланием Цинов включать в официальные хроники информацию об успехах освоения русскими Приамурья.

«Шицзу шилу» содержит только самые общие упоминания о неудачных нападениях маньчжуров в 1652 г. на Ачанский острог и в 1655 г. на Кумарский острог, а разгром Хайсэ и Сифу освещен чрезвычайно лаконично: «Нингутаский

чжангинь Хайсэ послал командира нюру Сифу и других с войсками походом на Хэйлунцзян. Произошло сражение, но [мы] потерпели поражение. Хайсэ был наказан, а Сифу — отстранен от должности и получил 100 ударов плетьми, но они все же были оставлены в Нингуте» [11, цз. 68, 24а]. В биографии Минъаньдали в главе 171 «Баци тунчжи чуцзи» все факты, касающиеся его неудачного похода на Кумарский острог, опущены. Биография сообщает лишь, что, будучи в чине шаншу (начальника) военного ведомства, Минъаньдали «допустил проступок», за что был снят с должности шаншу и значительно понижен в чинах [5, 171, 7б]. «Шилу», однако, содержит упоминание о том, что «дутун Минъаньдали во главе рядовых воинов и офицеров был отправлен в поход против русских на земли Хэйлунцзяна» [11, цз. 87, 18а].

Хотя цинские историографы пытались скрыть (главным образом из соображений престижа, а также в связи со стремлением умолчать о правах на Амур Русского государства) поражения маньчжурских войск, это не значит, что эти факты не были достаточно хорошо известны при цинском дворе. Первое официальное признание маньчжурских военных неудач было сделано в докладе маньчжурских лазутчиков Лантаня и Пэнчуня, посланных в сентябре 1682 г. на военную разведку под Албазин. В донесении императору Канси они сообщали: «Прежде, когда русские построили в Учжала деревянный город и жили в нем (имеется в виду Ачанский острог.— *Г. М.*), нингутаский фудутун Хайсэ напал на них, но потерпел неудачу. Впоследствии русские воздвигли еще город в устье р. Кумары и Минъаньдали атаковал его, но не взял. С этих пор русские придают большое значение деревянным городам и считают, что могут сидеть в них без опасения» [5, цз. 153, 13а—14а].

Сам Канси считал, что главная причина неудач Минъаньдали и других маньчжурских полководцев состояла в том, что войско было недостаточно хорошо подготовлено и ему не хватало продовольствия, т. е. признавал, что военные действия происходили вдали от основных баз снабжения маньчжуров. Однако эта оценка первых выступлений маньчжуров против русских открыто была сделана Канси только в июле 1685 г. [12, цз. 121, 12б; 241, цз. 1 (вводный), 15а—15б].

После назначения в 1653 г. в Нингуту специальным военным наместником Шархуды военные действия маньчжуров против русских владений активизировались. Летом 1658 г. маньчжурские военные суда напали близ устья Сунгари на флотилию Степанова и разгромили его отряд. В августе 1658 г. в «Шицзу шилу» приводится донесение Шархуды о победе над русскими: «Разбили войска русских, захватили их людей, латы и другие предметы» [11, 119, 4б—5а]. Военному ведомству было приказано проверить донесение нингу-

таского наместника. Пленные были пожалованы маньчжурским офицерам и воинам, имевшим заслуги [11, 119, 4б—5а]. Однако эта военная неудача не остановила начавшееся в конце 50-х годов в широких масштабах хозяйственное освоение русскими крестьянами и промышленными людьми земель Даурии и Приамурья.

В мае 1659 г. нингутаский мэйрени-чжангинь Нигэли также донес о разгроме им русского отряда, захвате в плен нескольких старшин селения Чжуан племени фэйяка [19] (в частности, Табутану и Кэргэсуня) и попытке распространить маньчжурское влияние на другие селения этого племени [11, цз. 124, 6а].

После поступления от племени фэйяка дани ведомство церемоний предложило приносить эту дань не в Пекин, а в Нингуту. Это является первым свидетельством стремления цинской администрации передать Нингуте такие новые и важные функции, как прием посольств от местных северо-восточных племен. Однако данное предложение ведомства церемоний в отношении фэйяка не встретило одобрения Шуньчжи. В его указе отмечалось, что маньчжуры впервые вошли в соприкосновение с «племенем фэйяка только в мае 1659 г.[20]. Однако еще до этого, в 1655 г., фэйяка начали давать ясак Онуфрию Степанову — факт, который признает даже японский автор Ивакити Инаба, довольно тенденциозно излагающий историю проникновения русских людей в Приамурье [256, т. 2, 112].

В феврале 1659 г. Бахай прибыл в Нингуту. С его именем связаны дальнейшие вооруженные попытки маньчжуров вытеснить русских с Амура. Под 22 августа 1660 г. «Шицзу шилу» приводит следующее донесение Бахая: «Мы во главе войск достигли места слияния двух рек — Сахалянь (Амура.— *Г. М.*) и Сунгэли (Сунгари.— *Г. М.*), разведали, что множество разбойников-русских (? — *Г. М.*) находятся западнее земель [племени] фэйяка. Затем вместе с фудутунами Нихали, Хайта и другими повели войска вперед. Достигли [мест жительства] племени шицюань и, спрятав суда, устроили засаду на обоих берегах реки. Когда суда русских подплыли, мы напали на них. Русские тотчас повернули назад. Наши воины преследовали их. Убито более 60 русских, потонуло же великое множество. Захвачено 47 женщин, а также пушки, шлемы, латы, воинское снаряжение и другие предметы» [11, цз. 138, 16а—16б]. Далее Бахай доносил, что им были подчинены Цинской империи 15 селений племени фэйяка — более 120 семей. К этому же времени относится и переселение в Нингуту сибо, живших за границами Маньчжурского государства [11, цз. 138, 16б].

Несмотря на попытки маньчжурских отрядов вторгаться в Приамурье, хозяйственное освоение края русскими приоб-

ретало все более широкий размах [см. 34, 45—46]. Многочисленные русские, да и маньчжурские источники XVII в. достаточно ясно свидетельствуют о той значительной роли, которую русские люди начали в тот период играть в бассейне Амура, и чем более возрастали успехи русского управления краем, тем менее эффективными оказывались военные меры, с помощью которых маньчжуры первое время пытались вытеснить русских поселенцев из Приамурья. В 60—70-е годы маньчжуры начинают активизировать вооруженную борьбу против развивавшейся русской колонизации бассейна Амура.

В 1665 г. Никифор Черниговский с отрядом восстановил и укрепил Албазин, ставший с этих пор центром сосредоточения русских поселений в Приамурье.

В 1669 г., как свидетельствует У Чжэнь-чэнь, русские появились вблизи Нингуты на р. Улунцзян и «в стране хэйцзинь отнимали собольи меха [у тамошних жителей]; оружие их было весьма страшно... Маньчжуры испугались. Цзянцзюнь, донося об этом государю, просил о спасении (разрядка наша.— *Г. М.*)» [цит. по 1, 83] [21].

В связи с торговой миссией в Пекин «бухарцев» на русской службе Сеиткула Аблина и Сейдяша Кулмаметова в 1668—1669 гг. в «Шэнцзу шилу» приводится следующая запись: «Белый царь Русского государства прислал посла поднести дань (? — *Г. М.*). Посол был чествован пиром и одарен подарками в соответствии с установлениями» [12, цз. 31, 13а—13б].

Вместе с тем в распоряжениях Канси этого периода постоянно подчеркивалась необходимость продолжать борьбу против русского проникновения в Приамурье. Так, например, в указе цинского императора цзянцзюню Бахаю от 15 ноября 1671 г. говорилось: «Хотя русские искренне заявили, что переходят на нашу сторону (?! — *Г. М.*) [22], однако следует обратить внимание на то, чтобы принимать [при взаимоотношениях с ними] меры предосторожности. Для этого тебе нужно обучать солдат и готовить лошадей, содержать в порядке военное снаряжение, чтобы они не застали тебя врасплох при осуществлении своих замыслов. Что же касается мероприятий по управлению [краем], то [о них] ты должен докладывать нам без колебаний и боязни. На тебе лежит большая ответственность за пограничные земли, так что ты должен приложить все усилия в [своей] службе, чтобы отблагодарить нас за понимание и милости, [оказанные тебе]» [12, цз. 37, 3а—3б]. Перенесение в 1676 г. ставки нингутаского цзянцзюня в Гирин свидетельствовало о начале подготовки маньчжуров к более широким акциям против Русского государства на Амуре.

15 мая 1676 г. в Пекин прибыло русское посольство Николая Милеску Спафария. Цинские источники сообщают о посольстве тоже как о «данническом» и при изложении грамоты царя Алексея Михайловича используют унизительную для Русского государства фразеологию. «Белый царь Русского государства,— сообщается в «шилу»,— прислал посла Николая Гавриловича (Спафария) поднести дань из местных продуктов и грамоту, в которой говорилось: „Русское государство расположено на отдаленном расстоянии [от Китая]. Мы, русские, никогда не сносились со Срединным государством[23] и не понимаем китайского языка. Поэтому мы не знаем, [какова должна быть] надлежащая форма для грамоты Китаю. Тем не менее, мы, Белый царь, искренне обращаемся к вашей цивилизации[24] и желаем приступить к [присылке] даннических посольств“» [12, цз. 61, 3б—4а].

Ответ Канси гласил: «Белый царь послал специального чиновника представить нам местные продукты. Он безусловно достоин того, чтобы быть поощренным» [12, цз. 61, 4а]. Тем не менее посольство Спафария окончилось неудачей, в значительной степени обусловленной уже начавшейся в этот период подготовкой Цинской империи к войне в Приамурье [216, 111]. Этим обстоятельством объясняется провокационное и грубое поведение цинских чиновников, их неуступчивость, настойчивое стремление навязать обсуждение вопроса о Гантимуре и пр., что и определило неуспех миссии Спафария [216, 111].

Географические представления маньчжуров о Северо-Востоке и северо-восточные границы Цинской империи

В течение всего периода 40-х — конца 70-х годов XVII в. географические представления Цинов о периферии Северо-Востока и о прилегающих районах продолжали оставаться весьма смутными. Это вынудило цинское правительство организовать в конце 70-х годов ряд экспедиций, целью которых было ознакомление с географическими условиями Северо-Востока. Одной из наиболее интересных экспедиций была так называемая миссия Умуны, организованная в 1677 г. для ознакомления с юго-восточной частью современной Гиринской провинции, точнее, с районом Чанбошаня (Чанпэксаном) на границе с Кореей.

Говоря о Чанбошане, прежде всего необходимо напомнить, что после утверждения маньчжуро-цинских правителей на китайском престоле по их заказу придворными историографами были созданы вычурные легенды о якобы «божественном» происхождении родоначальников правящей династии, о которых мы уже говорили выше. Истоки этих легенд свя-

зывались с Чанбошанем. Подлинные причины этого были вскрыты еще В. Горским [80]. Они заключались в том, что по примеру всех прежних правивших в Китае династий маньчжуры стремились для придания большего величия и блеска своему имени связать его с какой-либо почитаемой или тем более «священной» местностью или горой. Именно таким местом и стал Чанбошань — величественная вершина горной страны, неизменно в течение веков внушавшая соседним племенам суеверный трепет и почтение [80, 116—117]. В действительности же, как это было показано выше, маньчжуры, сложившиеся как конгломерат различных племен, не имели никакого отношения к Чанбошаню, и их родина находилась далеко к западу от него.

Торжественные декларации о Чанбошане как о «родине» маньчжурских правителей были не более чем дымовой завесой, скрывавшей действительные истоки происхождения дома Цин, и стремлением внушить уважение к новой династии, утвердившейся на китайском престоле. Все это совершенно отчетливо проявилось именно при действительном ознакомлении маньчжуров с районом Чанбошаня, и историю этого знакомства с полным основанием можно назвать разоблачением мифа о каком-то «священном» происхождении маньчжурских правителей.

Цели миссии Умуны были сформулированы в напутствии императора Канси: «Никто в Пекине не знает достоверно (! — *Г. М.*) места возникновения могущества моих предков. А потому посылаю вас четверых туда для описания этой страны и принесения жертв ее богам» [12, цз. 49, 11а; 31, цз. 1, 10].

В действительности для организации миссии Умуны была еще одна, гораздо более важная причина, чем та, на которую указал Канси. В этот период возникли территориальные споры с Кореей и нужно было разрешить проблему размежевания земель в районе Чанбошаня. Принесение жертв богам было, конечно, чрезвычайно «серьезным» делом, но следовало также реально познакомиться с географией этого района, что имело для Цинской империи важнейшее практическое значение.

Умуна и его спутники в июне отправились из Пекина в Гирин. Но ни здесь, ни во всем нингутаском крае эмиссары Канси не могли найти даже проводников, которые сумели бы показать им путь к священной горе. Наконец удалось разыскать одного глубокого старика родом из местности Ехэнэинь, который когда-то слышал от своего отца, что неподалеку от Чанбошаня охотники их племени охотились на оленей.

Экспедиция Умуны после трудного и длительного путешествия по дикой безлюдной стране достигла таежного района Ехэнэинь, куда из Нингуты было предварительно заслано необходимое для путешественников продовольствие. Отсюда

Умуна отправил своих людей прорубать путь через густые непроходимые леса и разведать расстояние до Чанбошаня. После возвращения посланных экспедиция направилась к подошве горы. 100 ли подъема в гору путешественники преодолели легко, затем начались трудности подъема по крутым склонам, по снегу и леднику. Наконец они достигли вершины, где в кратере бывшего вулкана находилось озеро, окруженное пятью высокими скалами. Окружность озера была около 40 ли. Из него вытекало несколько горных источников. Здесь экспедиция принесла жертвы духу горы [5, цз. 185, 16а; 31, цз. 1, 10—12].

Оказалось, что, действительно, не только в Пекине, но и на местах никто не знает, где на самом деле «возникло могущество» предков цинского дома. Факт и обстоятельства этой экспедиции подтвердили, что Чанбошань не имел к действительной родине маньчжуров никакого отношения. Представляет большой интерес свидетельство Умуны о диком, совершенно не затронутом колонизацией крае, по которому проходил путь его экспедиции. На основании данных о поездке Умуны можно утверждать, что маньчжуры только в 1677 г. получили первые реальные сведения о Чанбошане. Об этом свидетельствуют слова Умуны, который с полным основанием и с гордостью заявил: «Я открыл [никому] не известный до меня путь; шел по местам, где людей нет и никогда не было» [5, цз. 185, 16б]. Во время этой экспедиции сопровождавший Умуну нингутаский фудутун Сабсу определил, что самый высокий пик Чанбошаня возвышается над поверхностью озера на 250 чжанов [31, цз. 1, 10][25]. Миссия Умуны, отмечает Ивакити Инаба, определила истоки р. Сунгари. Представление же о Ялуцзяне и Тумыньцзяне по-прежнему оставалось неопределенным [26].

С 1678 г. сначала в Нингуте, а затем в Гирине стали регулярно приносить жертвы духу Чанбошаня, для этого был назначен специальный чиновник [31, цз. 1, 12—13].

Слабое знание маньчжурами, как мы видели выше, территории даже земель к югу-востоку от Гирина обусловило и то обстоятельство, что и представления о действительных границах «земель Мукдена» тоже были чрезвычайно неопределенными (как об этом и свидетельствует, в частности, доклад Чжан Шан-сяня). Такое положение сохранялось вплоть до середины 70-х годов.

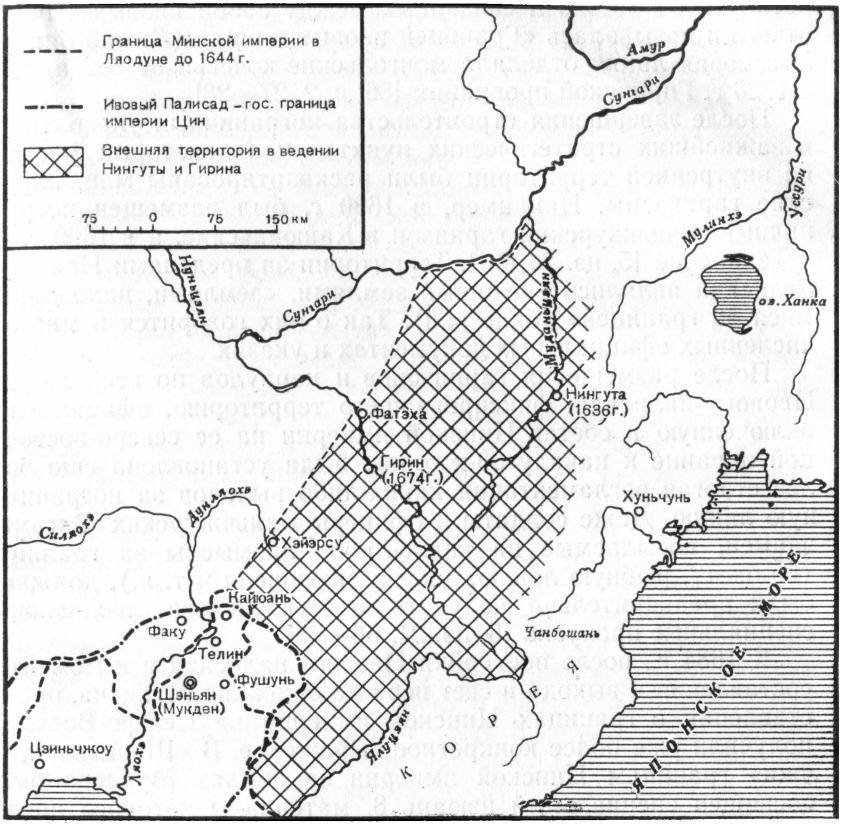
Границы Цинской империи на Северо-Востоке не только не получили до этого времени какого-либо официального административного оформления, но даже не были никак зафиксированы, хотя бы линией постов и караулов. Таким образом, они совершенно не были защищены от любого вторжения или проникновения извне. К концу 70-х годов Цины почувствовали необходимость административного оформле-

ния своих владений на Северо-Востоке. Необходимость принятия неотложных мер по укреплению границ диктовалась прежде всего беспокойством цинского правительства все возрастающими масштабами русского проникновения в Приамурье, успехами его освоения и успехами политики Русского государства по привлечению местного амурского населения. Китайский историк Вэй Юань считает основными причинами борьбы, начатой Цинской империей в Приамурье, во-первых, опасность, которая, по мнению Цинов, якобы угрожала Мукдену со стороны русских, а во-вторых, прекращение поступления к Цинам «соболиной дани» с Амура [приводится по кн. 65, 130]. Отметим, что Вэй Юань не видит в действиях русских на Амуре ничего свидетельствующего о «вторжении» на территорию, принадлежащую Цинской империи.

К тому же, как уже отмечалось выше, с 1655 г. отдаленные районы Северо-Востока были превращены Цинами в место ссылки политически неблагонадежных и уголовных элементов из собственно Китая. К середине 70-х годов здесь сосредоточилось весьма значительное число ссыльных и нужно было принимать действенные меры, чтобы держать их под надежным контролем. Для защиты границ Мукденских земель было начато строительство новой линии пограничных укреплений. Сооружение ее было поручено мукденскому цзянцзюню маньчжуру Аньчжуху [биографию см. 5, цз. 150, 3б—7б]. Эта пограничная линия получила название Ивовый палисад, или Ивовая граница (Любянь).

В биографии Аньчжуху сообщается, что вновь назначенный цзянцзюнь, приступая к порученному делу, прежде всего совершил инспекционную поездку по границам и предложил расширить пределы территории империи на Северо-Востоке в среднем на 20 ли [5, цз. 150, 4б]. Линия укреплений, построенных при наиболее удачном использовании рельефа местности и из имевшихся местных материалов, протянулась почти на 900 *км*. Отдельные участки этой сплошной пограничной стены возводились из камня, груд щебня, бревен и даже из кирпича; в отдельных местах эта стена была глинобитной или обозначалась частоколом [257, 322—323]. На некоторых участках для ее строительства применялся двойной палисад из высоких ивовых тычин, от которых граница и получила название «Ивовый палисад». Промежуток между этими двумя рядами тычин был засыпан землей. С внешней стороны перед палисадом был вырыт глубокий ров. Таким образом, новая граница представляла собой отнюдь не какую-то условную, а очень сильно по тому времени укрепленную оборонительную линию, строительство которой продолжалось несколько лет.

Ивовый палисад начинался юго-западнее Шаньхайгуаня и доходил на севере до Вэйюаньпу, на юго-востоке значительно



Карта 5. Граница империи Цин на Северо-Востоке перед началом агрессии в Приамурье

расширял пределы бывшего минского Ляодуна за счет включения во внутреннюю территорию Цинской империи земель прежней маньчжурской столицы г. Синцзина и всей территории бывшего Цзяньчжоу. На юге он доходил до Фэнхуаншаня. Нингута, как и Гирин, оставалась вне пределов очерченной им территории (см. карту 5).

Вдоль этой линии были устроены заставы и поставлены пограничные караулы (фанъюй гуаньбин), через которые и осуществлялся пропуск лиц, выезжавших за пределы империи [28, цз. 1, 6а]. Проезд в обоих направлениях строго контролировался.

Позднее, в первой четверти XVIII в., в дополнение к этой линии была сооружена вторая — от Вэйюаньпу до заставы Фатэха — протяженностью около 690 ли. Она состояла из

воткнутых в землю и связанных между собой ивовых тычин, отчего и называлась «Границей ивовых тычин» (Лютяо бянь). Эта новая линия отделяла монгольские кочевья от созданной в 1726 г. Гиринской провинции [56, ч. 2, 27—28].

После завершения строительства пограничных укреплений в важнейших стратегических пунктах и в некоторых местах на внутренней территории были расквартированы маньчжурские гарнизоны. Например, в 1680 г. был размещен пограничный маньчжурский гарнизон в Кайюаньсяне, а в 1690 г.— в Телинсяне [5, цз. 24, 6б]. Территории за пределами Ивового палисада являлись внешними землями, «землями, находящимися за границей» (бянь вай). Так о них говорится в многочисленных официальных документах и указах.

После размещения гарнизонов и караулов по всей линии Ивового палисада, фиксировавшего территорию, официально включенную в состав Цинской империи на ее северо-восточной окраине к началу 80-х годов, была установлена еще более строгая регламентация каких-либо выходов за пограничную линию. Даже солдаты и офицеры маньчжурских Восьми знамен, посылаемые на какие-либо промыслы за границу (на охоту, рыбную ловлю, добычу женьшеня и т. п.), должны были предварительно получить от мукденского цзянцзюня специальные пропуска [5, цз. 21, 6б—7а].

К 1684 г., после постройки Ивового палисада и к моменту составления и выхода в свет первого описания Мукдена, представления о границах Цинской империи на Северо-Востоке получили уже более конкретное выражение. В «Шэнцзин тунчжи» границам Цинской империи на землях Мукдена был посвящен специальный цзюань 8, материалы которого представляют определенный интерес. Источник сообщает: «[Земли] Шэнцзина (Мукдена.— *Г. М.*) на западе смыкаются с Цифу [27], на юге и востоке примыкают к морю, на севере ограничиваются Большой пустыней, простираясь по правую и левую стороны от реки Ляохэ» [28, цз. 8, 1а].

Далее, в главе проводятся общие сведения о размерах «территории Мукдена» (расстояния указываются от столичного города Мукдена) [28, цз. 8, 1а—1б; см. также «Географическую карту земель Мукдена» во вводной главе этого источника]: «На восток до моря (?! — *Г. М.*) — более 4300 ли. Рубеж Восточного моря» [28]. «На запад до Шаньхайгуаня [29] — более 800 ли. Рубеж с Шаньхайгуанем». «На север — более 260 ли. [Государственная] граница». «На юг до моря — более 730 ли. Морские рубежи». «На юго-восток — до Сикэташань— более 2 тыс. ли. Рубеж с Кореей». «На юго-запад — до моря — более 800 ли. Морские рубежи». «На северо-восток до [мест жительства племени] фэйяка — более 4 тыс. ли. Рубеж Восточного моря». «На северо-запад до пограничных ворот Цзюгунтай — более 450 ли. Граница с монголами».

Приведя такие данные, источник резюмирует: «В выше обозначенных пределах протяженность с запада на восток — более 5100 ли (? — *Г. М.*), с севера на юг — более 1000 ли и с юго-востока на северо-восток [протяженность земель Мукдена] в несколько раз больше по сравнению с [протяженностью с востока на запад]» [там же].

В отношении всех этих указанных в «Шэнцзин тунчжи» издания 1684 г. расстояний, определяющих размеры «земель Мукдена», следует прежде всего указать на значительное неправомерное и безосновательное расширение этой территории в направлении на восток и северо-восток по сравнению с территорией Мукдена, указанной в 1661 г. в докладе Чжан Шан-сяня (см. выше). Однако такое сообщение источника о дополнительном включении в число «земель Мукдена» обширных территорий на востоке и северо-востоке «до моря» отнюдь нельзя рассматривать как дополнительный серьезный довод за какую-то принадлежность этих земель Цинской империи.

Прежде всего обращает на себя внимание голословность утверждений источника. Исторические факты, почерпнутые из «шилу», свидетельствуют, что Маньчжурское государство за период своего официального существования (1616—1644 гг.) никогда не устанавливало каких-либо форм политического или административного контроля над этими восточными районами и тем более не включало их в свою территорию. С таким же основанием это может быть отнесено и к Цинской империи периода 1645—1684 гг. Цины не совершали никаких военных походов на эти земли; в 1661 г. пределы «земель Мукдена», по признанию самой маньчжуро-цинской стороны, были значительно более скромными; мы уже имели возможность убедиться в связи с миссией Умуны, какими малоизвестными землями являлся для маньчжуров даже район Чанбошаня, не говоря уже о побережье современного Японского моря. По-видимому, привести какие-либо доказательства действительной принадлежности Цинской империи этих земель маньчжуры не могли и не сумели.

Однако если все же допустить, что данные утверждения источника имеют под собой какие-либо обоснования, то первая же попытка анализа указанных расстояний выявляет их вопиющую неточность и заставляет сразу же отказаться от такого предположения.

Прежде всего бросается в глаза несоответствие расстояний от Мукдена на восток и так называемый юго-восток. Указывается, что расстояние на «юго-восток» до гор Сикэташань (Сихотэ-Алиня), где «граница с Кореей» [30], составляет более 2 тыс. ли (более 1 тыс. *км*). Реальное же расстояние от Мукдена до северных границ с Кореей — 600 *км*, а до Сихотэ-Алиня — 800 *км*.

На восток указывается расстояние более 4300 ли (более 2150*км*); реальное же расстояние от Мукдена на восток до моря (побережье Кореи) составляет приблизительно 550 *км* (!), а если считать на северо-восток, то оно несколько превосходит расстояние от Мукдена до Сихотэ-Алиня, т. е. составляет 950—1000 *км*.

«На северо-восток» указывается расстояние более 4 тыс. ли «до мест жительства фэйяка». Это свидетельство является весьма неопределенным. Указываемое в источнике расстояние более 4 тыс. ли удаляет рубежи «земель Мукдена» далеко за р. Уду и Шантарские острова — в края, хорошо известные русским землепроходцам XVII в., освоенные ими, где маньчжуры никогда и не бывали! Расстояние же «4300 ли на восток» относит «мукденские земли» в акваторию Тихого океана далеко за... Японскими островами!

Ясно, что, включая в свое описание подобные цифровые данные о протяженности «земель Мукдена» на восток и северо-восток, маньчжуры не имели никаких реальных представлений о территории Дальнего Востока.

Нет никаких сомнений в том, что такое появление в официальном цинском труде 80-х годов XVII в. подобных голословных утверждений объясняется только стремлением Цинов захватить в свои руки русские территориальные владения на Дальнем Востоке. Готовясь к захвату владений Русского государства, Цины пытались идеологически оправдать свою агрессию, для чего стремились создать какие-то «исторические права» на эти земли.

В противоположность этим фальсифицированным данным о пределах распространения Цинской империи на восток и северо-восток, протяженность границ в северном и северо-западном направлении показана более реально. Следует обратить внимание на их ограниченность в этих двух направлениях («на север — более 280 ли (140 *км.— Г. М.*) — [государственная] граница»; «на северо-запад... более 450 ли (225 *км.— Г. М.*) — граница с монголами».

Таким образом, мы видим, что в «земли Мукдена» по-прежнему по традиции включалась вся сколько-нибудь известная маньчжурам территория на Северо-Востоке; вместе с тем в «Шэнцзин тунчжи» издания 1684 г. на этой территории уже разграничивалась сфера управления каждого из двух цзянцзюней (фынтяньского и нингутаского).

Однако, несмотря на общие указания о значительной протяженности пределов «земель Мукдена» на восток «до моря» и на северо-восток до мест жительства племени фэйяка и тоже «до моря», действительно входившей в состав Цинской империи была только центральная часть этой обширной территории — район, находившийся в ведении фэнтяньского и прочих мест цзянцзюня [31]. Именно этот район и был ограни-

чен построенной Цинами линией укреплений Ивового палисада. Это свидетельство «Шэнцзин тунчжи» заслуживает самого серьезного внимания как официальное признание самими маньчжурами действительных северо-восточных границ Цинской империи в 80-х годах XVII в.

Известный специалист по проблемам рубежей в Азии О. Латтимор считает Ивовый палисад «границей между маньчжурами и монголами на западе» [322, 225]. Он указывает, что монголы также охраняли Ивовый палисад со своей стороны и что от ворот Факумынь шла военная дорога на Нонни и Амур. О народности сибо, проживавшей, в частности, вдоль этого пути, О. Латтимор, основываясь на данных «Мэнгу юму цзи», пишет: «Источник сообщает, что сибо... открыто занимались грабежами, но, так как они находились под властью монголов, [маньчжуры] не могли их контролировать, и это является интересным указанием на то, что маньчжурское влияние на монгольской территории было ограниченным» [322, 226].

Ивакити Инаба, говоря об Ивовом палисаде, указывает, что у Цинов появилась необходимость зафиксировать принадлежащую Цинской империи территорию на северо-восточной окраине и с этой целью и была создана указанная сплошная линия пограничных укреплений. Вместе с тем, по мнению автора, эта мощная система укреплений была создана исключительно для того, чтобы воспрепятствовать проникновению в «Маньчжурию» мирных китайских поселенцев, стремившихся к колонизации края [257, 322]. Это, на наш взгляд, отражает только одно из назначений Ивового палисада. Более прав другой японский историк — Дзинъити Яно, который писал, что Ивовый палисад служил как границей с Монголией, так и границей с Кореей. Окружение укреплениями Ивового палисада действительной родины Цинской династии (территории бывшего округа Цзяньчжоу) было произведено, по его мнению, для ее защиты от вторжения корейцев. Определив местоположение линии Ивового палисада, Дзинъити Яно совершенно правильно заключает, что эта линия укреплений показывала «пределы распространения Маньчжоу», т. е. маньчжуров, или Маньчжурского государства [278, 167—169].

Отсюда строительство второй «очереди» Ивового палисада в 1726 г. японский автор непосредственно связывает с усилением влияния маньчжуров в этом районе. Он пишет: «Северовосточная ветвь Ивового палисада защищала Гирин, родину маньчжуров, от вторжения монголов» [278, 167]. Суммируя материал об Ивовом палисаде, автор делает вывод, что «в начале правления Цин [влияние] маньчжуров ограничивалось пределами, очерченными линией Ивового палисада» [278, 171].

В свете всех этих данных совершенно несостоятельными выглядят попытки некоторых авторов произвольно расширять пределы цинских владений в этом районе в рассматриваемый период. Так, Лю Сюань-минь в 1938 г. писал, что будто бы «из мест проживания различных северо-восточных племен, присоединенных и покоренных Цинами до их продвижения за заставу Шаньхайгуань, ясно, что в начале становления их государства границы его были так же широки, как ладонь с разведенными пальцами. Эти границы достигали на западе аймаков Тумот, Корцинь и Халха Монголии, на севере — южных склонов Вайсинъаньлина (Станового хребта), на юге — пограничных стен минского Ляодуна, соприкасаясь с Кореей, на востоке — подходили к морскому побережью и к тому же включали в свои пределы полностью весь Куедао (Сахалин? — *Г. М.*)» [230, 182]. Такая же, явно экспансионистская, точка зрения проповедуется и В. Чэнем в 1966 г. (вслед за Агнессой Чэнь): «Можно утверждать, что к середине XVII в. северо-восточная граница Китая (?! — *Г. М.*) проходила по горным хребтам Яблоновому и Становому, достигая Охотского моря. Если маньчжуры не продвинулись еще дальше к северу, то только потому, что все их внимание было сосредоточено на укреплении Цинской династии [на территории] к югу от Великой стены» [284, 115—116; 285, 21].

Безусловно, эти высказывания Лю Сюань-миня и В. Чэня, как и некоторых других авторов, совершенно необоснованны и не выдерживают проверки после сличения с подлинными документами. Корни подобного рода высказываний лежат не только в недостаточном изучении источниковедческой базы, но и в стремлении исказить данные важнейших источников по истории Северо-Восточного Китая, фальсифицировать их в угоду политическим взглядам этих авторов.

Таким образом, для нас совершенно очевидно, что, несмотря на отмеченную выше активизацию маньчжуров в Нингуте и Гирине, весь нингутаский край и Гирин с его землями по-прежнему не были официально включены в состав Цинской империи. Они оставались вплоть до 1726 г. внешними территориями, на которые не распространялось принятое в стране административное деление (на округа, уезды и т. п.). В официальных источниках они так и называются: земли, находящиеся за границей.

«Шэнцзин тунчжи» приводит данные и о рубежах района, входившего в сферу действия второго северо-восточного цзянцзюня — нингутаского [32], выделяя также в особые разделы сведения о территории, находившейся как под управлением собственно Гирина [33], так и в ведении Нингуты [34], но эти территории входили и «земли Мукдена», рассмотренные нами выше.

Для цифр этих «расстояний», указываемых источником,

характерна та же безответственность и неточность, которая уже была отмечена нами выше.

По вопросу о северных рубежах этих районов мы находим в источнике следующие важные указания. Их северными и северо-западными рубежами названы два конкретных пункта: «пограничная застава» Фатэха, в 600 ли к северу от Нингуты, и Хэйэрсу, в 450 ли к северо-западу от Нингуты.

Рубежом между территорией Гирина и Нингуты указан пункт Альчука (совр. г. Ачэн). Кроме того, конкретно указывается, что северными рубежами «территории Нингуты» является р. Хуньтунцзян, а северо-восточными — места жительства племени фэйяка. Последняя формулировка ясно свидетельствует, что «земли фэйяка» не относились к территории Нингуты.

Таким образом, на основании свидетельства этого официального источника о территории, находившейся в ведении нингутаского цзянцзюня, можно сделать вывод о том, что район, расположенный к северу от Фатэха и Сунгари и к северо-западу от Хэйэрсу, т. е. современная китайская провинция Хэйлунцзян и советское Приамурье, не относился к территориям, на которые распространялся контроль Цинской империи, и даже находился за пределами земель, с которыми она непосредственно граничила.

Официальные цинские источники просто ничего не сообщают о землях современной провинции Хэйлунцзян. М. Д. Храповицкий, первый обративший на это внимание, с полным основанием писал, что указанная протяженность границ Нингуты на северо-восток на 3 тыс. ли «допускает пограничную черту северо-восточных земель Нингуты только до того места на р. Хуньтунцзян, где впадает в него с юго-востока р. Холохэ (Хурха, совр. р. Муданьцзян. — *Г. М.*) на карте Китая, составленной иезуитами. Таким образом, границы владений Дайцинской династии... шли по правому берегу Сунгари и кончались при впадении р. Холохэ в Хуньтунцзян. Очевидно, что до 23 г. правления Канси (1684 г.— *Г. М.*) не только весь левый берег Амура, но и пространство от места соединения рек Сунгари-улы и Ноньцзяна (Нуньцзяна.— *Г. М.*) при городе Бодунэ на север, обнимающее города Цицихар, Мэргэнь, Хэйлунцзян, Хулань и все земли Хулуньбуир, также были вне черты маньчжурских владений, равно [как] и земли на правом берегу от р. Холохэ прямо на восток до моря не принадлежали маньчжурам» [194, 450б—451а].

Приамурье не только не принадлежало Цинской империи, но оставалось для маньчжуров еще в начале 80-х годов в полном смысле слова белым пятном, так как какие-либо непосредственные контакты Цинов с этими землями (если иметь в виду военные набеги 1627—1644 гг.) уже были давно утрачены.

В этой связи, полностью солидаризируясь с оценкой П. Т. Яковлевой военных действий, развязанных Цинской империей в Приамурье, как агрессии [216, 13, 125], мы не можем согласиться с утверждением автора, что после выхода русских на Амур «границы России вплотную приблизились к владениям Китая» [216, 125][35]. П. Т. Яковлева, к сожалению, не смогла использовать маньчжуро-цинские документы, которые дают представление о степени маньчжурской колонизации окраин Северо-Востока к 70—80-м годам XVII в. и границах Цинской империи в этом районе.

Даже после освоения русскими Приамурья между владениями обоих государств продолжала оставаться обширная нейтральная полоса, проходившая по бассейну нижнего течения Сунгари, ее притока р. Нуньцзян, правобережью Амура до Уссури и бассейну Уссури. Все эти земли ни в 50-х, ни даже в 80-х годах XVII в. не входили в состав Цинской империи.

Данные, приводимые «Шэнцзин тунчжи» издания 1684 г., особенно карты, которыми снабжалось каждое переиздание этого труда, тоже позволяют уяснить географические представления маньчжуро-цинов о территории Северо-Востока и прилегающих районов, сложившиеся уже к середине 80-х годов XVII в., и уточнить себе эволюцию их знаний об этом районе.

В нашем распоряжении имеются «Шэнцзин тунчжи» издания 1684 (23-го года Канси), 1736, 1770, 1776 гг., а также 1782 г., когда вышло «высочайше утвержденное» издание источника. Издание 1684 г. (в переиздании 1820 г.) уже снабжено весьма совершенными картами. Однако таких карт не могло быть в первом издании 1684 г., так как очевидно, что они были составлены в более поздний период. Первое издание вышло либо совсем без карт, либо карты XVII в. были заменены при позднейших переизданиях.

В этом модернизированном переиздании «Шэнцзин тунчжи» 1684 г. имеется 6 карт. «Полная географическая карта Мукдена» («Шэнцзин юйди цюаньту») выполнена на развороте двух листов. На полях этой карты четыре надписи: «К востоку до моря более 4300 ли. Рубеж Восточного моря»; «К западу до Шаньхайгуаня более 800 ли. Рубеж с Шаньхайгуанем»; «К северу до границы 280 ли. [Государственная] граница»; «К югу до моря более 730 ли. Морские рубежи». Приводимые расстояния исчисляются от Мукдена — административного центра края. Карта ориентирована на север, без сетки квадратов и координат и поэтому крайне непропорциональна; вместе с тем она в основном верно показывает контуры территории Мукдена, течение важнейших рек, расположение наиболее крупных населенных пунктов.

«Полная географическая карта Мукдена» помимо собст-

венно мукденских земель включает и территорию к востоку от Мукдена вплоть до моря, не выделяя даже земли Нингуты и Гирина, являвшиеся в то время уже отдельными наместничествами со своими собственными цзянцзюнями. Таким образом, здесь налицо определенная тенденция включать в «территорию» Мукдена вообще все земли, известные маньчжурам на северо-восточной окраине империи. Аналогичная тенденция характерна и для карт более поздних изданий «Описания Мукдена». Такое стремление объясняется попытками маньчжурских политиков и ученых утвердить ведущее положение Мукдена как старейшего административного центра на всей северо-восточной территории Цинской империи. Вместе с тем такое «суммарное» обозначение весьма значительных территорий, в действительности не входящих в империю Цин, не может не свидетельствовать о прямом «приурезывании» составителями карты этих районов к маньчжурским владениям, говорит о попытках подправить исторические карты в угоду маньчжурским богдыханам.

Пределы территории Мукдена очерчены на этой карте пограничной линией Ивового палисада. Ворота Ивового палисада указаны без названий. От северного пункта Ивового палисада до безымянной реки (по-видимому, Нуньцзян), впадающей в Хуньтунцзян к северу от Гирина, протянута отдельная незамкнутая линия — так называемая Граница ивовых тычин.

Очень схематично показана морская береговая линия «земель Мукдена», которая, очевидно, была плохо известна составителям этой официальной карты. На ней даже не указан Ляодунский полуостров, не обозначен ни один из островов морской береговой линии.

На карте указаны двойным квадратом 14 наиболее крупных административных пунктов «земель Мукдена»: Мукден, Ляоянчжоу, Телинсянь, Кайюаньсянь, Синцзин, Фэнхуанчэн, Хайчэнсянь, Гайпинсянь, Цзиньчжоу (самый южный пункт), Гуаннинсянь, Нинъянчжоу, Нингута, Улачэн, Чуаньчан (последние как два самостоятельных города); Шаньхайгуань и Ныочжуан обозначены только иероглифами.

Центральное место на карте занимает р. Ляохэ с ее притоками. Направление ее течения в пределах Ивового палисада показано верно — с севера на юг. За пределы Палисада река выходит к западу от Кайюаньсяня, выше впадения в нее левого притока — Цинхэ. Течение Ляохэ за пределами Ивового палисада не получило на карте совершенно никакого отражения. Указаны притоки Ляохэ: левые — Цинхэ, Жунхэ, Хуньхэ после ее слияния с Тайцзыхэ и несколько безымянных; правый — Яншэнмухэ.

Из других рек Северо-Востока на карте отражены Дуншахэ, Лючжоухэ, Юаньтайхэ, Нюйэрхэ, Танхэ, Сяолинхэ, Цинхэ

(получившая в своем нижнем течении название Далинхэ), реки Янцзихэ и Наньшахэ обозначены после своего слияния общим названием — Дуншахэ.

Горы и хребты имеют характерное для китайской картографии перспективное изображение. Из них названы только Юйшань, Фэнхуаншань, Юнлин, Фулин, Шаолин, Шалинь, Хунлошань и Иулюйшань.

На «Полной географической карте Мукдена» детально отражена только территория внутри Ивового палисада и не приводится почти никаких фактических сведений о землях за его пределами. Это свидетельствует об ограниченности распространения не только территории, но и вообще влияния Цинской империи в этом районе.

Как мы уже упоминали, территория к северу и западу от границы Ивового палисада не получила на карте никакого отражения. Эти совершенно неизвестные составителям данной официальной карты территории охватывают не только современный бассейн Амура, р. Нуньцзян, но и верхнее течение Ляохэ и земли, лежащие к северу от Сунгари. Цинские картографы, несомненно, не располагали достаточным количеством сведений об этих территориях.

Земли, граничащие с Гирином (совр. провинция Хэйлунцзян), как видно из приводившегося выше свидетельства «Шэнцзин тунчжи», маньчжуры в 80-х годах XVII в. именовали только как «Большая пустыня», находящаяся за границами Цинской империи [28, цз. 8, 1а].

В 1682—1683 гг. маньчжуры впервые предприняли попытку закрепиться в Приамурье, сделав здесь своим плацдармом для нападения на Албазин крепость Айхунь — центр хэйлунцзянского наместничества. В декабре 1683 г. была учреждена должность хэйлунцзянского (амурского) цзянцзюня (подробнее об этом см. гл. III). О территории, которая находилась к тому времени в подчинении хэйлунцзянского цзянцзюня, «Шэнцзин тунчжи» в 1684 г. ничего не сообщает, хотя о факте создания самого наместничества этот источник упоминает [28, цз. 8, 1а]. Ясно, что эта территория к тому времени была еще совершенно неизвестна маньчжурам. «Шэнцзин тунчжи» так описывает Айхунь: «Айхунь находится к северу от города [Нингуты], за границей. В 23-м году Канси (1684 г.— *Г. М.*) повелено указом построить в этом месте город. Посажены для обороны цзянцзюнь и фудутун. От границы до этого места более 1 тыс. ли. Строительство здесь почтового тракта еще не намечено и не утверждено. Еще не поступило указа подробно выяснить местоположение гор, рек и населенных пунктов [этого края]. Продолжить описание можно будет только в будущем» (разрядка наша.— *Г. М.*) [28, цз. 10, 20а—20б].

«Любянь цзилюе» о так называемой территории, отнесенной к сфере управления этого третьего северо-восточного наместничества — хэйлунцзянского [36], созданного в 1683 г., сообщает (по состоянию на первую половину XVIII в.): «Айхуньскому цзянцзюню подчинены земли, [границы которых] на востоке [доходят] до моря; на западе — до Нерчинска и границы с Россией; на юге — до рубежей с Нингутой, на севере — до моря (?! — *Г. М.*). На всех этих землях (находившихся в подчинении как нингутаского, так и айхуньского цзянцзюней.— *Г. М.*) не учреждались округа и уезды, они не включены в территорию империи, и большую часть их занимают земли цзими (разрядка наша.— *Г. М.*)» [31, цз. 1, 5] [37].

В своей работе Ян Бинь дважды определяет территорию Нингуты и Хэйлунцзяна как «земли цзими». Об Айхуне он писал: «Город Айхунь или Айху Хэйлунцзяна. В восьмой луне 2-го года правления Тяньмин Великой Цин (сентябрь 1616 г.— *Г. М.*) Нурхаци приказал Дарханю и Шунькэло-батуру отправиться сюда (? — *Г. М.*) походом. Было завоевано одиннадцать деревень. Позднее они приносили дань как владения цзими (цзими го)» [31, цз. 1, 5] [38].

Как известно, после этого похода 1616 г. маньчжуры ушли обратно, не оставив в «завоеванных 11 селениях» ни своих войск, ни чиновников для управления. Поэтому этот поход был случайным эпизодом, не оказавшим какого-либо существенного влияния на судьбы местного населения, по-прежнему остававшегося свободным.

Приведенное выше указание источника о том, что территория Нингуты и Хэйлунцзяна даже в первой четверти XVIII в. еще фактически представляла собой так называемую территорию «цзими», является чрезвычайно важным. Свидетельство «Любянь цзилюе» подтверждается и тем фактом, что первая попытка включения этой территории (и то отнюдь не всей, а только части территории Гирина) в состав Цинской империи была предпринята только в 1726 г. [30, цз. 215, 18б], т. е. в течение длительного периода после заключения Нерчинского договора 1689 г. эти земли фактически не входили еще в состав империи Цин.

Точные даты составления «Полной географической карты Мукдена» и других карт неизвестны, но, без всякого сомнения, они составлены позднее компиляции «Шэнцзин тунчжи». Об этом свидетельствуют следующие факты. Истоки Сунгари были уточнены только к 1690 г. после организации нескольких специальных экспедиций на Чанбошань. Между тем на карте Чанбошаня в «Шэнцзин тунчжи» все истоки Сунгари показаны в той же самой последовательности, в которой они перечисляются в «Любянь цзилюе». На карте отражена и «Граница ивовых тычин» (1726 г.). Идентификация населен-

ных пунктов, обозначенных на карте, тоже свидетельствует об ее более позднем составлении.

Издание «Шэнцзин тунчжи» 1736 г. снабжено следующими картами: «Полная географическая карта Мукдена» («Шэнцзин юйди цюаньту»), «Физическая карта территорий, подчиненных фэнтяньскому цзянцзюню («Фэнтянь цзянцзюнь со шу синшиту»), «Физическая карта департамента Фэнтяньфу» («Фэнтяньфу синшиту»), «Физическая карта Цзиньчжоу» («Цзиньчжоу синшиту»), «Физическая карта территорий, подчиненных нингутаскому цзянцзюню» («Нингута цзянцзюнь со шу синшиту»), «Физическая карта территории, подчиненной хэйлунцзянскому цзянцзюню» («Хэйлунцзян цзянцзюнь со шу синшиту»), «Карта Чанбошаня» («Чанбошань ту»), «Карта гор Иулюйшань» («Иулюйшань ту») и «Карта гор Цяньшань («Цяньшань ту»).

На «Генеральной карте Мукдена» в «Ивовом палисаде» и в «Границе ивовых тычин» указаны все ворота. Линия морского побережья на востоке не обозначена. Устье Амура обозначено лишь иероглифически: «Место, где сливаются все реки (? — *Г. М.*) и впадают в море».

Верховья Сунгари обозначены как «Хуньтунцзян», но после впадения в нее с северо-востока р. Нуньцзян река обозначается уже как Сунхуацзян. Связь между Сунгари и Амуром по-прежнему не уяснена: перед самым своим впадением в море «Сунхуацзян» принимает почти под прямым углом впадающий в нее с севера Хэйлунцзян, верхнее течение которого уходит на север, за пределы карты.

Смещение на этой карте слияния Сунгари и Амура далеко к востоку от действительного места их слияния, а также показ непосредственно за ним морского побережья, совершенно не соответствующий реальному положению вещей, очень серьезный недостаток маньчжурских и китайских картографов XVIII в.

На карте некоторые населенные пункты, расположенные в действительности на северо-западе — в Хэйлунцзяне, смещены на северо-восток и даже на восток. Так, г. Бодунэ обозначен севернее ворот Итуньмынь; к северо-востоку от него на карте значится Цицикар, еще дальше к востоку — Мэргэнь, за ним, северо-восточнее, — Хэйлунцзянчэн (Айхунь). Таким образом, на этой карте Цицикар оказывается севернее Сунгари, течение которой показано с запада на восток и к северо-востоку от... Фатэха; Айхунь — к северо-востоку от... Саньсина! Все эти грубые ошибки повторяются и на «Физической карте территории, подчиненной хэйлунцзянскому цзянцзюню».

С точки зрения представлений о территории к северо-востоку и северо-западу от Мукдена чрезвычайно любопытна также «Полная карта Мукдена» («Шэнцзин цюаньту») из

атласа «Хуанчао итунчжи шэн фу тин чжоу сянь цюаньту» («Полное собрание карт провинций, округов, комиссарских округов, областей и уездов ко „Всеобщему географическому описанию Цинской империи“»). Атлас издан в четырех томах, в него вошли карты всех провинций Китая. Тома не имеют единой нумерации страниц и разбивки на главы, автор и выходные данные не указаны. По краткому упоминанию в работе немецкого исследователя В. Фукса, этот атлас был издан в 1734 г. [305, 136].

Карты Северо-Востока в этом атласе повторяют общие контуры официальных карт из «Шэнцзин тунчжи» 1736 г. Отличительной чертой картографического изображения местности так же является смещение всей территории современной Хэйлунцзянской провинции на северо-восток вместо северо-запада (от Мукдена) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На карте неточно указаны течения основных рек края: Хуньтунцзян помещена на месте современной Сунгари и нижнего течения Амура после впадения в него этого притока, что выражает общую тенденцию китайских карт того времени считать Амур притоком Сунгари. Но на карте указана еще одна река — Сунхуацзян (Сунгари), истоки которой помещены южнее оз. Синкайху (Ханка). Река сообщается с озером, течет далее на северо-восток и приводится как нижнее течение Уссури.

Ни одна из карт не отражает сколько-нибудь точно морского побережья так называемого Восточного моря, и ни на одной не показан остров Сахалин.

Таким образом, маньчжуры и китайцы того времени крупнейшей рекой региона считали Сунгари, а Амур обозначали только как ее приток. Это нашло отражение не только на картах, но и в ряде географических описаний. Так, например, «Любянь цзилюе» сообщает: «Хуньтунцзян огибает город Чуаньчан (Гирин.— *Г. М.*) и течет на юго-восток. Выходит из границ, принимает Ноницзян (Нуньцзян), течет на восток, с севера принимает Хэйлунцзян, с юга — Усулицзян (Уссури)» [31, цз. 1, 5]. Под Хуньтунцзяном следует подразумевать не только современную Сунгари, но и нижнее течение Амура после впадения в него этого притока. Этому представлению есть свое естественное объяснение: для маньчжуров, хорошо знакомых только с Сунгари, она, естественно, казалась значительно больше Амура, принимаемого только за ее нижний приток,— такое представление вполне закономерно. Но суть дела отнюдь не в этом. Из неправильного представления о размещении этих двух рек вытекает ряд серьезных ошибок цинских картографов.

Так, незнание реальных расстояний и рельефа местности приводило к тому, что на всех официальных картах «Шэнцзин

тунчжи» Амур впадает в Сунгари с севера, почти под прямым углом совсем недалеко от ее «устья». Таким образом, становится очевидно, что цинским картографам того времени было неизвестно, что Амур является рекой широтного направления.

Далее, следует отметить, что составители карт не знали, что после впадения в Амур Уссури он поворачивает на северо-восток и, отнюдь не впадая в «море», течет еще более 900 *км* (!) и впадает в Татарский пролив уже значительно севернее, под более острым углом к берегу. Вследствие этого на картах смазывается и деформируется вся береговая линия, действительно маньчжурам совершенно неизвестная. Эта ошибка, в свою очередь, привела к неправильному представлению о месте нахождения земель солонов, превращенных в ближайших соседей хэчжэ и даже фэйяка. Таким образом, здесь мы имеем дело не с отдельной ошибкой, а с целой системой ошибочных представлений.

Эта система ошибочных представлений о территории Дальнего Востока, сложившаяся в определенную географическую концепцию, нашла широкое отражение в ряде географических трудов своего и даже гораздо более позднего времени. Так, «Любянь цзилюе» свидетельствует: «Айхунь лежит в 1000 ли к северо-востоку (в действительности к северо-западу! — *Г. М.*) от Нингуты» [31, цз. 3, 54]. «Маньчжоу юаньлю као» сообщает о племени цилэр (нивхах): «От Нингуты в 3 тыс. ли пути на северо-восток находятся земли цилэр, т. е. места кочевий [местных племён] оленных олуньчунь (эвенков. — *Г. М.*); от г. Цицикара — более тысячи (?) ли» [16, цз. 39, 8а].

Из указанного неверного представления о впадении Амура в Сунгари с севера вблизи от ее «устья» (что и нашло отражение на ряде цинских карт того времени) следовало, что если города Мэргэнь, Цицикар и другие были построены в «местности Хэйлунцзян», то было вполне логично, не представляя достаточно ясно их действительного местонахождения, разместить их на карте где-то недалеко от Нингуты. Из этой ошибки вытекали и неверные представления цинских картографов о местах жительства различных народностей Дальнего Востока.

Впервые на официальных географических картах «Шэнцзин тунчжи» течение р. Амур было показано правильно, в широтном направлении, только в издании 1782 г.[39].

Ошибочное представление маньчжуро-китайцев об этих территориях имело глубокую историческую причину — расселение собственно маньчжуров в значительном отдалении от указанных районов, в юго-восточной части рассматриваемого нами региона.

Взаимоотношения Цинов с местными северо-восточными племенами

В первой половине XVII в. Цины придавали большое значение политике привлечения на свою сторону населения северных и северо-восточных племен. Цины стремились переселять их на земли Мукдена или Нингуты и пополнять за их счет ряды маньчжурских восьмизнаменных войск.

Во второй половине XVII в. Цины проводили эту же политику по отношению к населению, обитавшему за линией Ивового палисада, однако формы и методы ее претерпели некоторые изменения. (До середины XVII в. маньчжурами осуществлялся, как правило, насильственный сгон населения с земель, куда во время своих набегов проникали маньчжурские войска.) Цины по-прежнему стремились переселять местных жителей на территорию фактического маньчжурского контроля, однако осуществляли они это в основном мирными средствами: уговорами, отдариванием, предоставлением лицам, выразившим желание переселиться, всевозможных льгот и материальной помощи и т. п. Такое изменение в методах политики объяснялось в первую очередь успехами мирного освоения Приамурья русскими и боязнью маньчжуров ожесточить против себя местные народы, большинство из которых добровольно приняли русское подданство. Постоянным напоминанием для маньчжуров об отрицательных последствиях политики насильственного угона был факт откочевки в русские пределы Гантимура с его родом. Вместе с тем следует отметить, что и в этот период были случаи насильственного сгона, как, например, в 1654—1656 гг. при переселении дауров, гогулей (верхних дючеров) и дючеров.

После 1644 г. та часть свободного населения, которая выразила желание присоединиться к маньчжурам, так же как и представители отдельных второстепенных ветвей племен, присоединившихся к маньчжурам ранее, уже не считались «маньчжурами» и не уравнивались с ними в правах, а получили название «иче-маньчжу» («новые маньчжуры») в отличие от «старых». Цины стремились всеми силами привлечь к себе «новых маньчжуров», справедливо рассматривая их как свой резерв.

Выяснение вопроса, кто же такие «новые маньчжуры», представляет определенный интерес. А. В. Рудаков, которому принадлежит наиболее полное исследование вопроса, совершенно правильно разделяет «новых маньчжуров» на две основные категории: «1. Второстепенные роды, не игравшие выдающейся роли в утверждении маньчжурского могущества: отсюда, „новые маньчжуры“ существовали уже в период, предшествовавший перенесению столицы в Пекин. 2. Приглашаемое и подчиняемое мирному (мы добавим: и военно-

му.— *Г. М.*) влиянию в период Шуньчжи и Канси взрослое население некоторых племен (например, три рода воцзи)» [168, 9]. Кроме воцзи, А. В. Рудаков не называет других племен, которые получали в этот период название «новые маньчжуры». Этот пробел мы попытаемся восполнить ниже.

Среди чжурчжэньских племен еще при Мин существовало деление на «шэн нюйчжи», или «нюйчжи ежэнь», т. е. «диких чжурчжэней», и «шу нюйчжи» — «культурных чжурчжэней». «Старые» маньчжуры также делились на «бойгонь» — «оседлые» и «бутхэ» — «кочевники», «звероловы» [169, 22]. Это различие и обусловило в значительной степени последующее деление на старых и новых маньчжуров. Ясное свидетельство о «новых» и «старых» маньчжурах мы находим в диалоге, приведенном в «Путешествии китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану».

«Аюка-хан спросил: Почему у вас называются маньчжуры старые и маньчжуры новые? Мы: Старые те, коих деды и отцы при первых наших государях Тайцзуе и Тайцзуне служили и с их величествами в Мукдене жили, а новые, кои при нынешнем государе в Пекин взяты с границ Мукденских» [189, 116].

После утверждения маньчжурской династии на китайском престоле она активизировала свою политику в отношении свободных звероловов и предприняла различные акции с целью привлечения их к империи или признания ими каких-либо форм зависимости от нее. Позднее именно за влияние на эти народности велась борьба с русскими, успешно присоединившими Приамурье. Племена эти, оказавшиеся в обширной зоне, пролегавшей между русским Приамурьем и рубежами Цинской империи, продолжали именоваться по названиям гор, рек и ущелий, где они проживали. Следует обратить внимание на то, что название «новые маньчжуры» применялось только к тем представителям этих племен, которые соглашались поступить на службу к маньчжурам и переселиться в Мукден или Нингуту. Естественно, что в первую очередь маньчжуров интересовали родственные им тунгусские племена северо-востока, среди которых можно назвать уже известные нам три рода воцзи — наелэ, гэикэлэ и хушикэли [169, 8; 31, цз. 3, 12], хурха, хэйцзинь (или хэчжэ), известные под общим названием «юйпи дацзы» («дикари, носящие рыбьи кожи») [31, цз. 3, 12; 1, 90—91], роды чжанука мэрчжэлэ [5, цз. 167, 8а] и др.

Привлечению «новых маньчжуров» Канси придавал особое значение. В 1662 г. император разрешил тем, кто, выступив в поход из Нингуты, привлечет 100 семей «новых маньчжуров», присваивать военное отличие первой степени; привлекшим 80 семей — военное отличие второй степени, 60 семей — третьей степени, 40 семей — четвертой степени и,

наконец, 20 семей — пятой степени. Но если военачальники были посланы для приглашения этих народностей перейти в подданство или если последние пришли сами — отличий за это не полагалось [см. 168, 372].

Переселившиеся на земли Мукдена или Нингуты представители этих племен получали льготы и поощрения. Казна им предоставляла все необходимое, в том числе жилища и домашнюю утварь. Их обеспечивали продовольствием до первого урожая. Все это выдавалось безвозмездно, регламентировалось во всех деталях и закреплялось законодательством в соответствующих разделах «Свода законов». Например, указывалось: «Все новые маньчжуры, переселившиеся из мест Улы, Нингуты и солонов, должны снабжаться топливом, котлами для приготовления пищи, чанами, чашками для еды, циновками, плугами, сошниками, а также надлежит строить для них жилища. Необходимые для этого средства должны выдаваться указанным ведомством (имеется в виду мукденское ведомство общественных работ.— *Г. М.*)» [10, цз. 57, без указания стр.; см. также 168, 372]. Или еще пример: «Всем служилым людям из новых маньчжуров, переселившимся со своими семьями [в Мукден],— говорится также в „Своде законов",— без ограничения числа людей выдавать первосортное зерно (рис), прочим — грубые сорта зерна. Каждому ежедневно по половине шэна (шэн равен приблизительно 1 *л.*— *Г. М.*) до получения ими первого урожая» [30, 217, 18а].

Эти же положения распространялись не только на служилое сословие, но и на всех проживавших в Мукдене новых маньчжуров [30, цз. 215, 26б—27а]. Однако именно переселение с мест прежнего жительства в Мукден или Нингуту было непременным условием перехода «новых маньчжуров» на службу цинскому двору. Действовал строгий принцип: «Хотите быть с нами — переселяйтесь на наши земли». Об этом мы имеем многочисленные свидетельства источников.

Преемник Шархуды — Бахай в декабре 1674 г., как сообщают источники, привел к императору 40 нюру «новых маньчжуров» рода мэрчжэлэ, живших ранее на р. Сунгари [30, цз. 215, 30а]. В 1678 г. специальным императорским указом отмечены заслуги того же Бахая в связи с переселением им «новых маньчжуров» рода чжанука: «Всем известно, что у всякого сына отечества неоспоримая должность — служить государю верно и ревностно и подавать в пользу общего дела всякие благоразумные советы; и что напротиву сего государь обязан исполняющим оную возблагодарять честию и награждением по древним узаконениям. По сему я имею теперь представить нингутайского генерала Бахая, что он, будучи на [с]толь опасной границе, команду свою содержал во всякой исправности, подавал мне благоразумные свои советы, дела правил с истинным усердием; так изрядно должность свою

отправлял, как лучше желать не можно. При том искусным образом переселил новых джанукаских манджур в нингутаские места: учредил из них ниры, снабдил их всем к пребыванию потребным, оказал им любовь и ласку. Словом сказать: сделал отечеству великую пользу; и за то я им, Бахаем, нахвалиться не могу; и для того повелеваю наградить его чрезвычайною милостию, дать ему в поощрение потомственный наследный чин 1 статьи адаха-хафаня» [цит. по 2, т. 11, гл. 167, 126—127].

В этой же связи был пожалован высоким чином Аньчжуху, бывший в то время нингутаским мэйрени-чжангинем [2, т. 10, гл. 150, 73]. Такое перечисление награждений можно продолжить, и во всех случаях награждали и повышали в должностях именно за переселение местных племен в Нингуту или Гирин.

О значении, которое придавали маньчжуры переселению на территорию фактического их контроля и переходу к ним на службу представителей мелких племен, свидетельствуют не только приведенные выше льготы и поощрения переселенцам, но также и ряд указов Канси, например, указ 1678 г. о порядке присвоения наследственных чинов. Указ гласит, что присвоение наследственных чинов «новым маньчжурам» различных родов производится только в тех случаях, когда они в течение нескольких поколений проявляли себя преданными престолу, приносили дань, переселились из мест своих первоначальных кочевий в Нингуту или Улу [168, 373]. Кроме того, принималось во внимание время их перехода к маньчжурам [168, 373].

В 1671 г. было высочайше разрешено лицам, принадлежавшим к гарнизону Нингуты или других мест, по достижении 60-летнего возраста выдавать военным пособия — по одному лану серебра в месяц. Тем, кто остался жить «в кочевьях», такая «пенсия» не выдавалась.

Все эти факты позволяют утверждать, что маньчжуры не придавали почти никакого значения землям к северу от Мукдена, не были заинтересованы в их освоении. Они также свидетельствуют о том, какова была действительная сфера влияния Цинской империи на окраинные земли и где проходили ее границы. Очевидно, что уже за пределами Нингуты влияние Цинов было слабым, а возможность контроля на местах — весьма незначительной.

Как и ранее, источники сообщают об использовании «новых маньчжуров» в первую очередь для службы в восьмизнаменных войсках. Так, под 1676 г. мы встречаем указание Канси, что «ичеманьчжоу» необходимо смешивать со «старыми маньчжурами» и, внося в списки, создавать из них нюру в составе Восьми знамен [5, цз. 17, 6б].

Несмотря на огромное внимание, которое Цины постоянно

уделяли привлечению «новых маньчжуров» и их переселению в Нингуту и Гирин, это переселение в 70-х годах XVII в. уже не носило того обязательного и насильственного характера, каким оно было в период Нурхаци и Абахая. Население, оставшееся на местах, обязывалось доставлять маньчжурам «дань».

Характерно, что для ряда указанных племен маньчжурское обложение «данью» являлось уже вторичным после русского. Как отмечалось выше, в 1655 г. все даурские и дючерские улусы по Амуру, нижнему течению Сунгари и Уссури уже были обложены ясаком О. Степановым, как об этом свидетельствует его «Ясачная книга даурские и дючерские и гилятцкие земли 163 года» [подробнее см. 94, 592, 595 и стр. 97—98 настоящей работы].

Однако одного свидетельства о принесении племенами «дани» отнюдь не достаточно, чтобы безоговорочно отнести их к «данникам» Цинской империи. Рассмотрим, насколько в действительности распространялось влияние маньчжуров на племена, о которых источники сообщают как о приносящих в Нингуту «дань».

Выше мы уже приводили данные, позволяющие судить о границах территории Цинской империи на Северо-Востоке. За пределами этой территории влияние маньчжуров почти не ощущалось. В отношении морской прибрежной полосы и низовьев Амура мы располагаем свидетельством миссионера Жербийона, находившегося на службе у Канси и лично побывавшего в этих местах в начале XVIII в. Он сообщает, что, по показаниям местных жителей, «маньчжурские племена» расселялись не ближе чем на расстоянии восьми дней (!) пути от моря, и эти земли почти неизвестны маньчжурам из внутренних районов [313, 44]. В «Нингута цзилюе» приводятся данные о местах расселения хурха, хэйцзинь и фэйяка: «Во всех этих трех местах нет ни чиновников, ни старейшин, поставляемых от правительства для управления» [цит. по 1, 92]. Ян Бинь, как указывалось выше, определяет территорию нингутаского края и земель, находящихся в ведении хэйлунцзянского цзянцзюня, как «земли цзими» [31, цз. 1, 5]. Наконец, китайский историк XIX в. Вэй Юань пишет: «Ныне приносящие в дань соболей различные племена хэчжэ (нанайцы.— *Г. М.*) не охвачены системой цзолинов (маньчжурской военной организацией.— *Г. М.*) и не включены в маньчжурские Восемь знамен» [219, цз. 6, 4а]. Эти сообщения относятся к первой половине XIX в., и они, безусловно, свидетельствуют о том, что хотя Цинское государство имело известное влияние на территории за Ивовым палисадом, но это влияние ограничивалось здесь сбором ясака с отдельных родов наезжавшими на эти земли маньчжурскими сборщиками. Иногда сюда приезжали, по-видимому, и маньчжурские

купцы[40]. Однако, как правило, представители племен в конце XVII — первой половине XVIII в. и позднее сами привозили дань в Мукден или Нингуту. Это именно обстоятельство и обусловило специфический характер отношений империи с местными племенами, выразившийся в системе дани-отдаривания.

В условиях чисто номинального контроля Цинской империи над обширными территориями за пределами крепости Нингута огромное значение имели указанные выше различные методы привлечения к маньчжурам племен, населявших эти территории. Среди этих методов важную роль играла полностью заимствованная маньчжурами у Китая система принесения северо-восточными племенами «дани» Цинам, связанная в одно неразрывное целое с системой отдаривания со стороны маньчжурского двора и разработанной в деталях системой различных льгот и привилегий для «данников».

Итак, в чем заключалось «принесение дани», что служило предметами поднесения? В качестве «дани» большинство восточных племен приносило в Нингуту шкурки соболей, каланов и другие меха, а также шкуры лошадей. Но главным предметом «дани» были, конечно, шкурки соболей. Очень существенно то, что размер «дани» и срок ее принесения до конца XVII в. цинским законодательством не предусматривались и не регламентировались.

Больше всего маньчжуры ценили мех каланов. Так, например, меха калана, остававшиеся у племени курка после внесения «дани», маньчжуры не разрешали продавать даже на ежегодных ярмарках в пограничных с Кореей районах [30, цз. 105, 16а]. За шкурку первого сорта власти выдавали охотнику по два куска ткани цинбу (синей бязи), комплекты одежды, шапки, различные предметы обихода, в том числе гребни и веера [30, цз. 215, 31а].

В цинском законодательстве («Юйчжи Да Цин хуэйдянь» 1732 г. и «Да Цин хуэйдянь шили» 1899 г.) мы не нашли данных о том, какими предметами и в каком размере следовало отдаривать посланцев того или иного племени, привезших «дань» цинскому двору. По-видимому, это определялось в каждом конкретном случае отдельно и зависело от количества привезенных шкурок, а также от конъюнктуры. При этом наиболее щедро отдаривались посланцы отдаленных племен, например сахарча.

Обычными предметами отдаривания были комплекты парадной одежды, халаты, шапки, пояса, сапоги, чулки, ткани всех видов, шелка, будничное платье, седла и лошади со сбруей, уздечки, мелкие предметы (гребни, веера, посуда и т. д.) [30, цз. 106, 24б—25б].

Ритуал приема в столице приезжавших с «данью» пред-

ставителей племени предусматривал многократные банкеты и пиры в различных цинских учреждениях. С 1638 г. был строго установлен порядок приема прибывших с «данью», по которому для представителей племен, приехавших в столицу (а впоследствии в Нингуту), устраивался один банкет-встреча, восемь угощений в знаменах и один прощальный банкет [30, цз. 108, 7б]. Кроме того, все приезжавшие с «данью» поступали на полное, весьма щедрое довольствие маньчжурского двора, независимо от времени их пребывания. «Юйчжи Да Цин хуэйдянь» сообщает: «Для солонов, сахарча, хурха, курка и других восточных племен, приезжающих с данью в столицу (в Мукден.— *Г. М.*), с 3-го года Чундэ (1638 г.— *Г. М.*) было установлено: вождям выдавать ежедневно: мяса — два цзиня, вина — один чайник, жареного мяса — одно блюдо, масла для светильников — одну чашу, соли — один лян; один раз в три дня выдавать печеные на пару́ лепешки; на каждый день обратного пути выдавать полцзиня мяса» [30, цз. 109, 12б]. В 1644 г. эти нормы были пересмотрены и увеличены [см. 30, цз. 109, 13а]. Повышенные нормы предусматривались для «эфу» («зятей государя») [30, цз. 109, 13а]. Фураж для лошадей выдавался бесплатно, тоже без ограничения сроков пребывания владельца [30, цз. 215, 30б; 10, цз. 523, 14б]. Эти нормы действовали фактически до середины XIX в.

После поднесения «дани» приехавшим официально разрешалось продавать или обменивать привезенные ими меха на товары, в которых они нуждались. «Свод законов» сообщает: «В годы правления Шуньчжи (1644—1661 гг.— *Г. М.*), после высочайшего пожалования всем представителям иноземных владений, им разрешалось на своих подворьях в течение 3—5 дней устраивать распродажу. Для Кореи и Люцю — срок не ограничивался» [30, цз. 105, 16а—16б]. В «Записках о Нингуте» после описания принесения «дани» местными племенами сообщается: «Остальные вещи приезжих позволяется им обменивать» [цит. по 1, 91—92].

Эти факты имеют чрезвычайно важное значение. На наш взгляд, принесение «дани» северо-восточными племенами и отдаривание их маньчжурами, а также разрешение приезжавшим реализовывать свои товары следует рассматривать как нечто целое, как определенную, устраивавшую обе стороны систему политических и экономических взаимоотношений. Маньчжуры были заинтересованы в поддержании таких отношений, так как они получали в качестве «дани» ценные меха и при этом эта «дань» символизировала, с их точки зрения, определенное подчиненное положение племен по отношению к Маньчжурскому государству. Для соседних племен, знакомых только с зачатками государственности, принесение этой «дани» не было обременительно, и они не счи-

тали это чем-то позорным. В некоторых случаях эти племена предпочитали просто откупаться от маньчжуров этой «данью», связывая к тому же свои приезды в Мукден и Пекин с широкими операциями по товарообмену. Порядок же, установленный для них маньчжурскими властями, был определенной необходимой формальностью, через которую нужно было пройти, чтобы получить разрешение на обмен привезенной ими пушнины на необходимые потребительские товары. Таким образом, товарообмен являлся определенной формой, в которой находила свое воплощение система дани-отдаривания. Вместе с тем ее важнейшую суть для маньчжуров составляли все те же политические соображения, а для представителей племен главным неизменно оставалась эта возможность товарообмена. Причем в этой системе товарообмена маньчжуро-цины были весьма заинтересованы.

Пиршества, подарки, полное содержание приехавших с «данью» и казенное питание в пути — все это было эффективными дополнительными приманками для представителей племенной знати и, безусловно, в немалой степени способствовали добровольному притоку к маньчжурам все новых и новых «данников», что как нельзя лучше соответствовало основным интересам маньчжуро-цинской политики. Отсюда вполне можно заключить, что подавляющее большинство приезжавших можно считать «данниками» Цинской империи только условно, в рамках так называемого номинального вассалитета [41].

Какие же племена приезжали в Нингуту с данью уже в конце XVII — первой половине XVIII в.? «Записки о Нингуте» называют среди них три: хурха, хэйцзинь и фэйяка [см. 1, 90—91], сообщая расстояние, на котором эти племена живут от Нингуты.

При анализе же материалов источников, отражающих официальные данные о приездах ко двору Шуньчжи и Канси представителей северо-восточных племен, прежде всего обращает на себя внимание та особенность, что количество этих приездов значительно сократилось по сравнению с предшествующим периодом правления Абахая, и они стали носить менее регулярный характер.

Основной контингент «данников» теперь составляли переселенные с Амура солоны, причем «дань» поступала как от солонов, которых маньчжуры попытались организовать в нюру, так и от солонов, не охваченных и этими условными формами маньчжурской организации. В каждом отдельном случае «категория» этих солонских «данников» отмечается источниками, и легко заметить, что приездов от солонов, оставшихся вне каких-либо нюру, эти источники отмечают значительно большее число.

Частые приходы от солонов в период правления Шуньчжи

можно объяснить остротой и напряжением недавней для того времени войны маньчжуров с солонами и теми усилиями, которые потребовались маньчжурам для «усмирения» солонов. Естественно, что маньчжуры, так нелегко добившиеся военной победы над солонами, первое время весьма ревностно следили за своевременностью принесения «дани», рассматривая ее прежде всего как выражение подчинения солонов.

В период правления Канси солоны появляются при цинском дворе значительно реже.

Вместе с тем в период военных походов цинских отрядов на русские владения в Приамурье в «шилу» появляются сведения и о новых «данниках» Цинской империи из этого района, среди которых можно назвать фэйяка, цилэр, куяла.

Чрезвычайно любопытен тот факт, что в «шилу» за 1644—1682 гг. по-прежнему совершенно отсутствуют сведения о приездах к маньчжурам каких-либо даурских и амурских князьков (за исключением двух приездов Балдачи), равно как и вообще само название «дауры».

Можно также с полным основанием утверждать, что после проникновения маньчжуров на территорию южнее заставы Шаньхайгуань и вследствие занятости их китайскими делами их связи со многими северо-восточными племенами либо значительно ослабли, либо оказались утраченными. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что названия многих северо-восточных племен и родов, ранее хорошо известных маньчжурам, приводятся в хронике правления Шуньчжи и Канси в значительно измененном виде, часто искаженно. Так, например, известный род токэло (племени воцзи) назван в «шилу» «родом токэло восточных варваров (дун и)» [см. 11, цз. 107, 12б]; род намдулу — «намудула» [см. 12, цз. 11, 9а] и т. п.

Глава III

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРИАМУРЬЕ (1682—1689 гг.)

Успехи хозяйственного освоения русскими Приамурья и вторжение на Амур маньчжурских войск

К 80-м годам XVII в. хозяйственное и административное освоение русскими Приамурья ознаменовалось крупными успехами.

Основанный в 1654 г. на притоке р. Шилки Нерчинск с 1658 г. стал административным центром отдельного Нерчинского воеводства. В его подчинении находились все остроги, поставленные русскими землепроходцами в Приамурье к началу 80-х годов XVIII в.: Усть-Стрелочный (1650—1651 гг.), Албазинский (1651 г.), Кумарский (1652 г.), Верхозейский (1677 г.), Селемджинский (1677—1678 гг.), Долонский (1680 г.), Аргунский (1681 г.) и др.

Чрезвычайно точно отметил характер и роль этих забайкальских русских острогов В. И. Шунков: они «отнюдь не были лишь военными и административными укрепленными пунктами. Значительная часть их становилась земледельческими очагами, создавая это земледелие для данных районов вновь (Забайкалье) или возрождая земледелие там, где оно существовало ранее и было разрушено (Приамурье)» [208, 200].

Плодородные земли Приамурья привлекали все больше русских поселенцев. Они начали поднимать здесь целину и залежные земли, сеять хлеба, разводить скот [1]. По Амуру вокруг Албазина и ниже его появились новые заимки, слободы и деревни. Ко времени нападения на эти места маньчжурских войск здесь было уже более 20 поселений. В 1671 г. был построен Спасский монастырь. Около монастыря возникла слобода Монастырщина. В 1672 г. отстроилась деревня Солдатово; вскоре на Амуре, от Шилки до р. Кумары, появились деревни и слободы Игнашино, Озерная, Погадаева, Покровская, Паново, Андрошкина, Шингалова, Верхне-Монастырская, Ильинское [см. 95, т. XII, № 2, 2—3, 5—6; т. X, № 57, 204—206; т. VIII, № 109, 345—346; 216, 61—62; 34, 52—54]. «В 70-х — начале 80-х годов земледельческие селе-

ния крестьян, служилых и промышленных людей тянулись по берегам Амура, от устья Аргуни до Албазина и далее, на протяжении приблизительно 300 верст; верхний и частично средний Амур представлял собой заселенный, обжитый и энергично хозяйственно осваивавшийся район» [35, 30]. В монографии В. А. Александрова приведен обширный фактический материал о разнообразной хозяйственной деятельности русских поселенцев в Приамурье.

Вслед за хозяйственным освоением территории Приамурья последовало ее административное оформление и юридическое закрепление в составе Русского государства. С 1682 г. было официально оформлено отдельной административной единицей Албазинское воеводство, обширные территории в низовьях Амура относились к Якутскому воеводству [см. ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 9, ч. I, л. 54; 216, 119].

Пашенных крестьян и служилых людей в Приамурье к 80-м годам было уже довольно много [см. 216, 62; 153, 63—64; 94, 581]. «Общая численность русского, только мужского взрослого населения за Байкалом,— заключает В. А. Александров,— превышала 1500 человек. Его большую часть составляло мирное население» [34, 54].

Успех хозяйственной деятельности русских переселенцев на Амуре обусловил возможность дальнейшего освоения бассейна его левых притоков, прежде всего ближайшего и наиболее крупного — р. Зеи. Здесь были поставлены: Селемджинский, Верхозейский и Долонский остроги, Зейское зимовье (1681 г.), население которых занималось земледелием, скотоводством, различными промыслами, торговлей и разработкой полезных ископаемых [34, 53—54]. «Таким образом, к 80-м годам XVII в. левый берег Амура, от верховьев его до Амгуни,— отмечает П. И. Кабанов,— с основной группой русских поселений вверх и вниз по реке от Албазина стал окраинной областью Московского государства в такой же мере, как Якутия, и притом более обжитой, чем прилегавшее к Амуру Забайкалье... Московское государство имело все основания считать амурские земли своим владением не только фактически, но и юридически» [113, 15].

Приамурские земли, возделанные русскими поселенцами, давали высокие урожаи. К 1680 г. Албазин не только сам полностью удовлетворял свои потребности в хлебе, но и снабжал им Нерчинск [35, 31; 153, 59; 208, 355]. В 1685 г. в Албазинском уезде было засеяно свыше тысячи десятин казачьей и крестьянской пахоты и свыше 50 десятин так называемой государевой пашни [см. 35, 30; 216, 65].

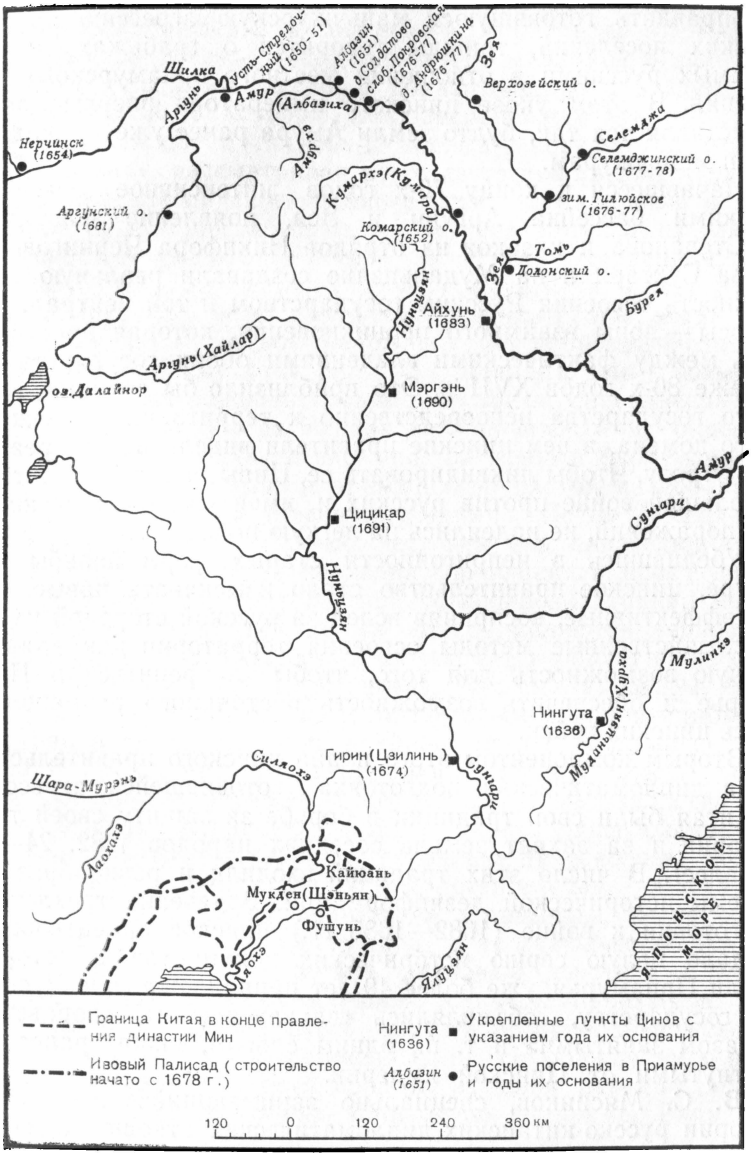
П. Т. Яковлева отмечает, что русские крестьяне в XVII в. своим упорным трудом создали на Амуре значительное для того времени земледельческое хозяйство. Русские земледельцы возделали большие площади земли, применяя на них но-

вые для этих мест способы обработки и использования земли — распашку нови железными сошниками, рыхление пашни бороной, трехпольную систему севооборота, обеспечивавшие получение более высоких урожаев. «Новшеством явились сенокошение, постройка амбаров для хранения хлеба, устройство водяных мельниц, которых прежде не знало население Даурии, а также более совершенный способ охоты при помощи ловушек и засек. Все это наложило определенный отпечаток на дальнейшее развитие амурских племен, которые постепенно приобщались к более высокой русской культуре» [216, 68—69]. Таким образом, делает вывод П. Т. Яковлева, и мы полностью согласны с ним, «в 80-е годы XVII в. русское правительство считало Даурию своим законным владением и притязания на даурские земли со стороны монгольских ханов и Китая расценивало как ущемление законных прав России» [216, 70—71].

Успехи колонизации русскими поселенцами бассейна Амура вызывали у маньчжуров все возрастающее беспокойство за судьбу своих вотчинных земель (которыми они считали территорию Мукдена) на северо-востоке, оставшихся без достаточных военных сил в связи с необходимостью держать основные силы восьмизнаменных войск в стратегических пунктах на территории Китая.

Цинский двор располагал только общими сведениями об успехах русской колонизации в этих районах. О характере этих данных можно судить по указу императора Канси от 16 сентября 1682 г., гласившему: «Вначале подчиненные Русскому государству русские неоднократно грабили пограничные земли Амура, а также проникли в бассейн р. Зеи, построили здесь жилища и освоили местность. Мы приказали сановнику Минъаю с товарищами [отвезти им] указ, чтобы они вернулись [обратно] на свои исконные места, но, обосновавшись в г. Якса (имеется в виду Албазин.— *Г. М.*), они отнюдь не повиновались ему. Вокруг [этого города] они пашут и сеют, ловят рыбу и охотятся... Они много раз тревожили местные племена: солонов, хэчжэ, фэйяка и цилэр [2] и грабили их... Русские, вторгшиеся в пределы нашего (? — *Г. М.*) Амура, тревожат звероловов, убивают [местное] население. Мы уже посылали войска, но усмирить их не могли. Прошло несколько лет, и ныне стало известно, что русские расселились вдоль всего течения р. Буреи и р. Амгунь, вплоть [до мест жительства] хэчжэ и фэйяка» [12, цз. 104, 80—90] [3].

Таким образом, резюмирует русский китаевед М. Д. Храновицкий, приводя в своем труде последний абзац цитируемого нами документа, указ признает, что русские занимали к этому времени уже весь северный берег Амура, потому что р. Бурея впадает в Амур гораздо ниже г. Айху или Айхуня,



Карта 6. Освоение бассейна Амура во второй половине XVII в.

река же Амгунь впадает в Амур с запада, уже недалеко от устья [194, 453].

Отметим, что в указе, по-видимому, для того чтобы как-то оправдать готовящуюся маньчжурскую агрессию против русских поселений, трижды говорится о грабежах, якобы чинимых русскими в отношении местного приамурского населения. В этом указе цинского императора впервые дело представляется так, будто земли Амура ранее уже принадлежали маньчжурам.

Начавшееся к концу 70-х годов интенсивное освоение русскими бассейна Аргуни и Зеи, появление флотилий О. Степанова и казаков из отрядов Никифора Черниговского на Сунгари и на Муданьцзяне создавали реальную возможность освоения Русским государством и той нейтральной полосы — зоны взаимного проникновения, которая простиралась между фактическими владениями обоих государств на рубеже 80-х годов XVII в. Это приблизило бы границы Русского государства непосредственно к территории маньчжурского домена, в чем цинские правители видели вполне реальную угрозу. Чтобы ликвидировать ее, Цины начали готовиться к большой войне против русских и, имея уже опыт нескольких поражений, не надеялись на легкую победу.

Убедившись в непригодности старых форм борьбы на Амуре, цинское правительство стало изыскивать новые, более эффективные, восприняв вслед за русской стороной именно хозяйственные методы освоения территории как единственную возможность для того, чтобы закрепиться в Приамурье и обеспечить возможность постоянного размещения здесь цинских войск.

Вторым компонентом этого плана цинского правительства была дипломатическая подготовка готовившейся агрессии. У Китая были свои традиции в борьбе за защиту своей территории и за захват земель соседних народов [282, 24—25 и далее]. В число этих традиций входили и разнообразные приемы исторической дезинформации. В течение трехлетней подготовки к войне (1682—1685 гг.) цинское правительство создало целую серию исторических документов, в которых земли Приамурья, уже более 40 лет принадлежавшие Русскому государству, объявлялись «захваченными», «воровским образом занятыми» и т. п., одним словом, якобы ранее оторгнутыми от Цинской империи.

В. С. Мясников, специально занимающийся вопросами истории русско-китайских дипломатических отношений, обратил внимание на то, что это была сознательная и широко задуманная дипломатическая акция, являвшаяся составной частью плана цинского правительства по захвату Приамурья и отторжению его от Русского государства [173, 45—47]. Таким образом, основная цель начатой Канси дипломатиче-

ской подготовки агрессии Цинской империи на Амуре состояла в том, чтобы представить дело так, будто Приамурье ранее принадлежало Цинской империи, а русские отторгли его, поэтому «исторической» миссией Цинской династии является «освобождение своих» земель. Однако вся эта напускная фальшь исчезла, как только Цины временно добились военного успеха на Амуре. В доказательство приведем указ Канси от 1700 г., который, как завершающий всю предшествующую кампанию документ, весьма полезно постоянно иметь в виду, рассматривая в его свете все предшествующие ему заявления цинского правительства и те события в Приамурье, к истории которых мы и переходим. Указ гласил: «Император указал: „Россия — местность отдаленная, расположена она на окраине, в углу Северо-Западного моря; однако [русские] весьма искренни и почтительны: когда Галдан оказался в трудном положении, он попросил у них помощи, но они ему отказали. В прошлом [они] посылали людей для проведения границы и тогда преподнесли нам местность к востоку от Нерчинска. Нерчинск и его окрестности первоначально были заселены племенами бурят-урянхайцев; они жили в лесах и промышляли охотой на соболей, и за это их называли „лесными людьми“. Потом Россия усилилась — и вот уже 50—60 лет, как она присоединила их к себе. Когда далекие владения, преклоняясь перед добродетелями нашего престола, при установлении границ подносят нам земли, то причинами этого являются верность и искренность. И это, естественно, трогает и радует наше сердце“» [цит. по 241, цз. 1 (вводный), 24б; см. также 194, 451а].

К 1683 г. политическое и экономическое положение маньчжуров в Китае стабилизировалось. Это позволило наконец Цинам продолжить территориальные захваты земель соседних государств. Прежде всего цинское правительство развернуло свою экспансию в районе Амура. Канси окончательно решил воспрепятствовать дальнейшему освоению русскими этого края. Однако действительная обстановка, сложившаяся к тому времени в Приамурье, была плохо известна Цинам. Они плохо знали и географические условия этого района. Чтобы начать активные действия в Приамурье, Цинам необходимо было сначала произвести тщательную разведку местности, изучить ее природные условия, рельеф, систему путей сообщения и пр. Но прежде всего необходимо было выяснить природные условия районов, лежавших ближе к основной базе маньчжуров, например Гиринских земель.

Начал Канси с засылки под Албазин маньчжурских лазутчиков Лантаня и Пэнчуня с отрядом. «Император послал фудутуна Лантаня и гуна Пэнчуня с товарищами, — говорилось в китайском источнике,— в [места], где проживали да-

уры[4] и солоны, якобы для охоты на оленей, [а в действительности] для того, чтобы разведать положение русских» [12, цз. 104, 8б—9а; 5, цз. 153, 13а—б; см. также 173, 690][5].

Именно Лантаню и Пэнчуню, вызванным перед отъездом на аудиенцию к императору, и был адресован приведенный выше указ о территории распространения русских. Кроме того, Канси дал своим эмиссарам следующие инструкции, характеризующие степень представления маньчжуров о районе, в который посылались разведчики:

«Вы, прибыв в места солонов и дауров, пошлите нарочного в Нерчинск и доложите, что явились сюда для охоты на оленей (!— *Г. М.*). А вместе с тем, тщательно наблюдая за расстоянием, отправляйтесь на охоту вдоль берега Амура кратчайшим путем к г. Албазину. Тщательно разведайте положение его и обстановку в нем. Надеюсь, что русские не нападут на вас. Если же русские решат преподнести вам продовольствие, вы примите его и тоже их отблагодарите. Если же паче чаяния русские нападут на вас, вы с ними в бой не вступайте и отведите своих людей обратно, ибо у меня есть особый план.

Когда будете возвращаться, тщательно обследуйте водный путь от Хэйлунцзяна (?— *Г. М.*) до Эсули. От Эсули ведет прямой путь к Нингуте (?— *Г. М.*), и вам нужно будет выделить нескольких из участвующих в походе цаньлинов и шивэев (старшие офицеры.— *Г. М.*), чтобы они совместно с Сабсу нашли этот путь» [12, цз. 104, 9б— 10а; 5, цз. 153, 13а—13б; 173, 690][6].

Несколько позднее, 5 января 1683 г., было отдано распоряжение нингутаскому цзянцзюню Бахаю о необходимости уделить серьезное внимание ремонту и строительству военных речных судов. Свидетельством того, что последнее распоряжение также было направлено на подготовку военных действий против русских поселений, является упоминание в нем о том, что «местность Нингута весьма близка от русских» и именно поэтому здесь необходимо заботиться о строительстве военных судов. Канси придавал огромное значение созданию флота на Северо-Востоке. В помощь Бахаю был послан шаншу ведомства финансов Исанъа, привезший с собой в Гирин, где были построены верфи, лучших мастеров-судостроителей.

Для строительства судов и обучения матросов в Нингуту был переведен перешедший на сторону маньчжуров бывший минский военачальник Линь Син-чжу из Фуцзяни [см. 12, цз. 106, 16б— 17а].

24 января 1683 г. Лантань и Пэнчунь возвратились и привезли важные для маньчжуров разведывательные данные. Текст их донесения приведен полностью в биографии Лантаня, помещенной в цзюане 153 «Баци тунчжи чуцзи».

«Мы, ваши подданные,— говорится в донесении,— согласно высочайшему повелению выехали на охоту из пограничных мест дахули (дауров?) [селения] Молэгэня. Через 16 дней мы добрались до русского города Албазина. По пути тщательно изучали [рельеф] местности. Здесь нет труднопроходимых гор, а кругом раскинулись густые леса... Таков рельеф от Синъаня (Хинганского хребта) до Албазина. Вероятно, зимой здесь все занесено снегом и передвигаться по этим местам невозможно; летом здесь идут проливные дожди и дорогу преграждают [ливневые] наносы. Можно ехать только налегке, без тяжелой поклажи, с тяжелым же обозом продвигаться трудно. Обратно мы плыли по течению Амура до Айхуня 15 дней...»

Далее лазутчики сообщали об удобных берегах Амура, «по которым можно тянуть суда волоком». «От Айхуня до места слияния Амура и Сунгари на лошадях можно доехать за полмесяца. От этого места до Албазина на лошадях путь можно проделать за один месяц, а на судах (против течения) — за три месяца. На судах, хотя и за более длительное время, и провиант, и тяжелые орудия — все можно доставить прямо к Албазину. Когда русские построили в Учжале деревянный город, нингутаский фудутун Хайсэ напал на них, но потерпел неудачу. Впоследствии русские еще воздвигли город в устье р. Кумары; дутун Минъаньдали атаковал его, но взять ему этот город не удалось. С тех пор русские придают большое значение городам, [укрепленным] деревянными стенами, и считают, что могут жить в них, не опасаясь нападения». В заключение Лантань и Пэнчунь докладывали: «Полагаем, что без голландских пушек (хунъипао) разрушить Албазин невозможно» [5, цз. 153, 13а—14а; см. также 173, 690—691].

Ознакомившись с донесением Лантаня и Пэнчуня, Канси принял решение активизировать расквартированные на Северо-Востоке маньчжурские войска и вывести их в Приамурье, о чем и был отдан указ Государственному совету.

«По донесению Лантаня с товарищами, — говорится в указе,— захватить русских очень легко (?— смотри донесение!— *Г. М.*), для этого достаточно послать 3 тыс. воинов. Мы считаем это [решение] правильным, но посылать войска — не доброе дело (разрядка наша.—*Г. М.*). Поход следует на некоторое время отложить. Нужно перебросить в Приамурье из Улы и Нингуты 1500 воинов и начать строительство военных судов, а также послать туда пушки и фузеи, и [военных] инструкторов. В двух местах — на Хэйлунцзяне и Кумаре — построить деревянные крепости, которые будут противостоять русским. И в удобный момент начать действовать. Необходимый для войска провиант будут поставлять десять корциньских знамен, а также казенные по-

селения сибо и Гирина. Всего они смогут поставить 12 тыс. даней[7], которых хватит на три года.

К тому же, как только наше войско прибудет к месту назначения, оно должно сразу же заняться земледелием. Крепость Хэйлунцзян будет расположена неподалеку от солонских деревень, и до нее можно добраться, проделав путь с пятью ночевками. Между этими пунктами следует учредить одну почтовую станцию. Как только наше войско прибудет к р. Зее, потребовать, чтобы солоны организовали снабжение его быками и баранами. Это будет для нас большое и полезное дело. В таких условиях русским более не удастся принимать к себе наших перебежчиков, а их перебежчики вереницей потянутся к нам. Тогда, разумеется, русские долго не продержатся» [12, цз. 106, 23б—24а; 5, цз. 153, 14б—15а; см. также 173, 691].

В «Баци тунчжи чуцзи» указ на этом обрывается, а в «Шэнцзу шилу» далее идет следующее важное практическое указание: «Было приказано нингутаскому цзянцзюню Бахаю и фудутуну Сабсу возглавить войска и разместить их в [крепости] Хэйлунцзяне и в [местности] Кумаре» [12, цз. 106, 24а—24б].

Направляя цинские войска на Амур, Канси в то же время отдал распоряжения о всемерном укреплении тыла, по-видимому, на случай каких-либо неожиданностей. Об этом свидетельствует ответ Канси нингутаскому фудутуну Валиху, обратившемуся с просьбой послать его на Амур и Кумару, с тем чтобы он имел возможность отличиться при военных действиях.

Канси ответил, что ему очень приятно такое стремление его военачальника, но «Гирин и Нингута (находившиеся под охраной Валиху.— *Г. М.*) имеют важное значение. Бахай и Сабсу должны повести войска вперед, а Валиху по-прежнему надлежит оставаться и охранять порученные ему места, тщательно наблюдать за местностью, усилить посты и разведку, улаживать отношения [между] войсками и населением и способствовать развитию в этих местах земледелия» [12, цз. 107, 19б].

В цитировавшемся выше указе Канси следует обратить внимание на ту подчеркнутую нами часть, где говорится, что посылать войска, т. е. начинать войну,— не доброе дело. В последующих указах Канси эта фраза также неоднократно встречается. В связи с этим следует отметить два стремления, в равной степени характерные для политики всех маньчжуро-цинских правителей, начиная еще с Нурхаци и Абахая: развертывать агрессивные захватнические войны в отношении своих соседей и при этом одновременно прикрываться личиной неких «миролюбцев». Так, например, осуществляя нападение на Корею, Абахай заявил: «Война

не является хорошим делом. Поистине, со всеми государствами мы хотим жить в мире» [8, цз. 2, 7а]. Эти слова о мнимом миролюбии маньчжуров в отношении минского Китая, Кореи, монголов, северо-восточных племен, т. е. именно тех стран и народов, которые непрерывно подвергались агрессии со стороны Маньчжурского государства, очень часто встречаются в маньчжурских хрониках. Более того, как свидетельствуют исторические факты, такого рода фразеология появлялась в маньчжурских официальных документах именно тогда, когда подготавливалась очередная военная акция против какого-либо соседнего государства.

Этой же тактики придерживались маньчжуры, начав захватнические действия на Амуре. Указы Канси в 1682—1687 гг. пестрят фразами о миролюбии, нежелании войны, стремлении уладить возникшие проблемы миром, путем переговоров и пр. Таким образом, официальная версия маньчжуров была рассчитана на то, чтобы создать впечатление, что Цинская империя всеми силами стремилась к миру со своим соседом — Русским государством, мирному улаживанию становившегося все более актуальным вопроса о разграничении владений обоих государств на Дальнем Востоке. Но в действительности дело обстояло иначе. Цинские войска истребляли русское население, разоряли русские остроги в Приамурье и в бассейне Зеи — крае, юридически включенном к тому времени в состав Русского государства. Таким образом, «мирная инициатива», мирные «теории» Канси находились в полном противоречии с проводимой им в действительности политикой.

На каких же условиях Канси соглашался на «мирное урегулирование» вопроса при помощи переговоров? Этими условиями, как будет видно из дальнейшего изложения событий, были требования добровольного ухода русских из освоенного и обжитого края, разорения Албазина и всех прочих острогов на Амуре, ухода всех русских поселенцев из этих мест в Нерчинск, а позднее даже в Якутск, так как Нерчинск тоже, по заявлениям Канси, якобы находился на цинской территории!

Что же должно было последовать за этим добровольным уходом с Амура русского населения? Если бы русские выполнили эти «условия», цинское правительство соглашалось начать в Нерчинске или в Якутске переговоры об установлении границ между двумя государствами, но опять-таки на тех условиях, которые бы оно предложило. Именно это и составляло сущность «мирных» предложений Канси, и это показное миролюбие тоже являлось частью задуманного дипломатического маневра: создать впечатление, что Цины, дескать, всемерно стремятся к миру, а русские не хотят такого мирного разрешения вопроса об Амуре, поэтому Цин-

ская империя и вынуждена начать против них войну, «покарать» их.

Делая эти заявления, Канси в то же время активно продолжал военную подготовку. Предъявляемые им «условия» были нереальными и невыполнимыми, так как непрерывно продолжавшийся в течение 40 лет процесс освоения русскими Сибири и Дальнего Востока не мог быть повернут вспять. Осваивая и обживая эти земли, русские не собирались их покидать.

Объективные трудности, возникавшие в процессе подготовки Цинами войны на Амуре, потребовали от них для завершения всех мероприятий около трех лет. И в течение всего этого времени эта прозрачная завеса, сотканная из мирных заявлений и утверждений, предназначалась прежде всего для маскировки и камуфляжа военной подготовки.

Маневры цинской дипломатии были настолько искусны, что у некоторых современных историков, недостаточно знакомых с маньчжуро-цинскими документами по данному вопросу, проскальзывают утверждения, что Канси якобы искренне стремился к разрешению амурской проблемы (которую, кстати, он сам и создал) мирным путем. Так, в частности, Г. Каэн писал, что «ни Китай, ни Россия не хотели войны», а, напротив, «желали мира» и что в ответ на русские посольства из Китая поступало много писем, которые, как правило, не достигали адресата [см. 282, 24, 25]. Полностью принял на веру уловку цинской дипломатии и В. Чэнь, отмечающий «миролюбивую» инициативу Канси, в 1681 и 1682 гг. направлявшего своих посланцев в Нерчинск якобы с предложениями начать переговоры [285, 76—80]. Аналогичной точки зрения придерживался и Цзян Тинфу. В связи с албазинскими событиями этот автор считал, что в намерения Канси сначала не входило разрешение конфликта с русскими путем военных действий, и он неоднократно засылал в Албазин и Нерчинск свои грамоты с требованием добровольно оставить обжитые русскими места [см. 242, 14]

Исторические же источники свидетельствуют, что Канси всегда резко отзывался о русском проникновении на Амур, а с 80-х годов начал активную подготовку военных действий в этом районе, маскируя их миролюбивыми фразами. Действительная причина этого мнимого «миролюбия» Канси заключалась в неподготовленности маньчжуро-цинов к тому, чтобы сразу же развернуть военные действия на Амуре.

Из цитированного выше указа видно, что Канси вначале надеялся без особых трудностей разрешить такие проблемы, связанные с выходом на Амур, как снабжение посланных туда войск и налаживание путей сообщения. Однако у него были очень неточные представления о расстояниях между

различными пунктами в Приамурье и о возможностях солонов снабжать маньчжурское войско. Решить эти проблемы на деле оказалось чрезвычайно трудно. Особенно трудно было решить вопрос снабжения войск.

Трудности разрешения проблемы снабжения и подготовка маньчжуров к первой осаде Албазина

При первой же передислокации маньчжурских войск на север сразу же встала проблема снабжения их провиантом, а также дополнительным военным снаряжением. 4 апреля 1683 г. Канси утвердил предложенную его ближайшим советником Цзиоло Лэдэхуном следующую систему снабжения хлебом войска, расположенного в Гирине. По его мнению провиант следовало переправлять вверх по течению р. Ляохэ до селения Дэнсэтунь, расположенного в ее верховьях, далее, используя тягловый скот, отобранный у местного монгольского населения, перевозить его по суше до заставы Итуньмынь в Ивовом палисаде, затем опять по течению р. Итуньхэ до Сунгари.

Предполагалось, что провиант, необходимый для войск, будут поставлять деревни, находившиеся в ведении «цзолинов Дворцового управления», т. е. на внутренней территории Цинской империи, где, по мнению Канси, имелись вполне достаточные запасы хлеба. Население этих районов должно было своими средствами перевозить это зерно до упомянутого выше пункта его перевалки на р. Ляохэ.

В Дэнсэтуне, Итуньмыне, в устьях рек Итуньхэ и Эхэ намечалась постройка складов. При плавании судов по маньчжурской территории — внутри Ивового палисада — охрана их должна была обеспечиваться силами маньчжуров, за границами суда должны были сопровождать монгольские воины.

Канси указывал также, что на каждое судно следует грузить минимум зерна и располагать достаточным числом бурлаков, с тем чтобы обеспечить возможность быстрого передвижения этих судов. По-видимому, и это обстоятельство имело немаловажное значение. Для перевозок зерна по суше должно быть обеспечено необходимое количество телег и рабочего скота [12, цз. 108, 3б—4а].

Лэдэхуну вменялось в обязанность уточнить с ответственными представителями ведомств финансов, общественных работ, а также Управлением внешних сношений (Лифаньюанем) и персонально с Лантанем предложенный план и представить свои соображения относительно грузоподъемности судов, предназначаемых для перевозки провианта,

строительства складов, величины оброков с местного населения, выяснить вопрос, можно ли хранить хлеб у фудутуна Гирина и пр., а также наладить изучение географических условий местности и составление топографических карт [см. 12, цз. 108, 4а].

После проведения ряда совещаний с представителями указанных ведомств Лэдэхун представил свои соображения по поставленным перед ним вопросам. Он предложил построить на переправе через р. Цзюйлюхэ 60 грузовых судов размерами в длину три чжана и в ширину один чжан[8]. Каждое такое судно могло поднять 100 даней зерна; команда его должна была состоять из шести матросов, прошедших специальное обучение. Каждому из матросов назначалось жалованье — один лян серебра в месяц. Зерно следовало привозить в устье р. Цзюйлюхэ в селение Дэнсэтунь, где будут построены склады. Работы по строительству складов и хранение зерна поручить мукденскому цзянцзюню и чиновникам, которые будут осуществлять над ними надзор и управление. «Для сопровождения судов на нашей территории,— говорилось в докладе Лэдэхуна,— нужно выделить необходимое число офицеров и воинов из Мукдена. За границей [на пути] от Дэнсэтуня до Итуньмыня грузовые телеги с провиантом должны сопровождать монгольские офицеры и воины, которым поручается перевозить зерно партиями на место назначения» [12, цз. 108, 4а—4б]. Управление внешних сношений должно подать для утверждения доклад, указав, сколько монгольских офицеров и воинов необходимо для перевозок. Рассмотреть вопрос о строительстве складов на заставе Итуньмынь и в других местах и о строительстве судов для перевозки зерна до Сунгари было поручено гиринскому фудутуну [12, цз. 108, 4а—4б].

Все эти предложения и соображения, несмотря на то что Канси их считал «недостаточно всесторонне продуманными» [12, цз. 108, 4б], были позднее с небольшими изменениями использованы маньчжурами при активизации их захватнической политики на севере.

Заслав Лантань и Пэнчуня под Албазин, цинское правительство в то же время поручило начальнику Строительного департамента Управления двора ланчжуну Фобао и шилану ведомства финансов Ичанъа произвести пробную поездку по намеченному маршруту, использовав для нее суда из Интая и Тунчжоу. Шилану Гэрту из мукденского ведомства по уголовным делам было поручено замерить речной фарватер от Цзюйлюхэ до Дэнсэтуня, нингутаскому фудутуну Валиху с товарищами — измерить глубину реки от Итунькоу до Итуньмыня, а также определить скорость течения р. Ирмыньхэ и составить карту водной системы Сунгари.

Гэрту, проведя порученное ему обследование, доложил, что по Ляохэ может пройти судно длиной в три чжана. После этого в устье Цзюйлюхэ началось строительство 60 таких судов [12, цз. 108, 4б—5а; 17, цз. 1, 8—10].

Позднее Валиху сообщил, что по р. Итуньхэ могут плавать суда длиной до 3,5 чжана и с соответствующей осадкой. Донося, что по Итуньхэ можно доставлять зерно прямо до Сунгари, он предлагал построить на заставах Итуньмынь и Итунькоу склады для заготовки провианта, а на землях Гирина из заготовленного на местах леса построить 100 судов. Оба представленных доклада были утверждены к исполнению [см. там же].

Сабсу, командовавший авангардом маньчжурского войска и захвативший к этому времени плацдарм на Амуре, смог взять с собой такое количество провианта, запасов которого должно было хватить его войску до августа — сентября следующего, 1684 г. Для того чтобы своевременно подвезти войску Сабсу необходимый провиант, цинское правительство решило построить в районе Гирина 50 больших судов для перевозки зерна от монголов и сибо, предназначенного для Сабсу, или зерна, выделенного войскам из Мукдена [см. 12, цз. 108, 5б].

Таким образом, Цины, предпринимая военное выступление на земли русского Приамурья, решили использовать прежде всего водные пути Северо-Востока и интенсивно взялись за создание здесь достаточно сильного флота.

Чтобы не отрывать воинов, оставленных в гарнизонах Гирина и Нингуты, от воинских учений, цинское правительство предложило использовать в течение года для доставки провианта местных охотников из Гирина, находившихся в ведении Ситэку [12, цз. 108, 5б].

Однако осуществить эти мероприятия оказалось довольно трудно вследствие наличия объективных причин: значительной удаленности театра военных действий от основной территории Цинского государства, плохого знания маньчжурами местности, отсутствия коммуникаций, плохой организации дела на местах и др.

Так, в указах Канси, относившихся к этому начальному периоду цинской агрессии на Амуре, в частности, отмечается, что к месту слияния двух рек — Амура и Сунгари — из Гирина можно плыть по течению Сунгари, а Сабсу и другие прибывают сюда из своего лагеря по течению Амура и что эти водные пути по своей протяженности почти одинаковы [12, цз. 108, 5б]. Эти данные, по-видимому полученные маньчжурами эмпирическим путем не раньше 1684 г., еще раз свидетельствуют, что представления о Приамурье у цинского правительства не отличались большой четкостью.

Как уже говорилось выше, войска из Гирина и Нингуты

должны были направиться на р. Кумару и в Айхунь. Перед их выступлением командующий Бахай должен был изложить план предстоящей кампании и свои соображения относительно размещения войск после их прихода на Амур.

Бахай доложил, что Айхунь и Кумара расположены слишком далеко от Албазина и что в случае разделения войска на две части ему трудно будет обороняться от русских. Далее, в докладе Бахая подчеркивалось, что за Албазином находится Нерчинск и другие русские города, откуда, если в этом возникнет необходимость, русские могут получить подкрепление, и тогда маньчжуры окажутся в очень тяжелом положении. Бахай предполагал, что его войско, набранное исключительно из маньчжуров из Нингуты и Гирина, прибудет под Албазин в конце августа 1683 г. и сразу же развернет наступление на город, пока русские еще не заготовили продовольствие и снаряжение. Однако если не атаковать Албазин сразу, то следует оставить войска в местности Мокэдин, а под Албазин заслать отряд в сопровождении русского перебежчика и объявить жителям города указ Канси с призывом сдаться и перейти на сторону Цинов. Кроме того, этот отряд должен осуществить военную разведку, от результатов которой будет зависеть — выступать ли маньчжурам в поход или оставаться на месте. Бахай предлагал также на солонских границах приготовить пятьсот отборных коней, затем направить их в устье р. Кумары и распределить среди маньчжурских воинов, так как дорога предстоит дальняя и трудная [12, цз. 109, 7а—9а][9]. Обсудив предложения Бахая, члены Государственного совета согласились с ними.

Канси же резко выступил против плана Бахая. Изложенные в докладе предложения и соображения Бахая были названы «весьма нерассудительными». Прежде всего отмечалось, что войска из Гирина и Нингуты никогда прежде не участвовали в военных действиях и не умеют поддерживать при сражении должный воинский порядок. «К тому же, — говорилось в указе, — между офицерами и воинами цзянцзюня Бахая и фудутуна [Сабсу] отсутствуют необходимые сплоченность и единство». Возможно, что именно в этом и заключалась суть конфликта. Высказав недовольство представленным планом, Канси решительно отстранил Бахая от руководства дальнейшими военными операциями на Амуре. Бахай был отослан в гарнизон г. Гирина, а командование войсками на Амуре полностью передано фудутунам Сабсу и Валиху.

После прибытия на Амур командующим было приказано прежде всего тщательно ознакомиться с обстановкой и рельефом местности и в случае наличия условий для успешного нападения прислать доклад в столицу и ждать высочайших указаний о дальнейших действиях. Если будет принято решение

о наступлении, то предполагалось выделить и прислать под Албазин по 50 отборных воинов из каждого столичного знамени для пополнения; только после этого, по мнению Канси, можно будет нанести удар по городу.

Наиболее удобным временем для выступления прибывших войск против Албазина указывался не конец августа, а зимний период. В указе говорилось: «Если этой зимой нам не удастся одержать победу, то летом будущего года нужно приказать войскам из Гирина и Нингуты снова прибыть сюда. Или же можно отозвать войска назад, а когда придет срок, объявить им о новом походе» [12, цз. 109, 8а — 8б; цз. 14, 22а; см. также 173, 664].

В указе отмечалось, что, согласно донесению Лантаня, лошадей из Монголии быстро получить не удастся, поэтому необходимо отобрать 2 тыс. крепких лошадей из императорских табунов, находившихся в ведении военного ведомства, и в течение августа текущего года отогнать их в земли солонов для замены истощенных коней маньчжуров после завершения ими перехода на Амур. Еще раз настоятельно подчеркивалась необходимость временно отложить нападение на русских до наступления удобного момента.

Далее сообщалось, что войска из Гирина и Нингуты не нужно отправлять в Мокэдин. «Следует разведать, — говорилось в указе, — место Эсули между Айхунем и Кумарой, где можно удобно поставить корабли и к тому же имеются заброшенные пашни. После прибытия войск к месту назначения можно построить здесь деревянную крепость и в ней разместить воинов» [12, цз. 109, 8б — 9а; 241, цз. 14, 22б; см. также 173, 664].

Между Эсули и солонскими селениями предлагалось построить почтовый тракт уже с четырьмя станциями. Ответственному лицу из Управления внешних сношений предписывалось прибыть к солонам для руководства этим строительством [см. 12, цз. 109, 8б — 9а]. В вопросе строительства в Приамурье почтового тракта наиболее четко проявилось незнание маньчжурами действительных его размеров и сухопутного пути из Нингуты или Гирина на верхний Амур, чем, собственно, и могут быть объяснены многочисленные ошибочные распоряжения цинского правительства по этому вопросу.

В связи с попытками разрешить продовольственную проблему, проблему общего снабжения и другие задачи, возникшие в связи с переводом на Амур большого войска, можно привести еще один из многочисленных указов Канси, изданный 30 апреля 1683 г.: «Ныне наше войско перемещено на Хэйлунцзян. Следует воспользоваться этим, чтобы послать воинов из Учжумуцинь (монгольский аймак. — *Г. М.*) под видом охоты на оленей и обмануть русских. А также послать одного высокопоставленного сановника к солонам для подготовки

военного снаряжения — также под видом охоты на оленей... Приказать шаншу Управления внешних сношений Амухулану отправиться в Учжумуцинь и адаха-хафаню Мала — к солонам» [12, цз. 109, 3б].

Вскоре, как сообщает китайский источник, военное ведомство доложило: «Нингутаский цзянцзюнь Бахай не собрал урожай с полей в Куанцзоу, Соудэне и других местах. Следует сместить его с поста цзянцзюня». На это последовала резолюция: «Нельзя забывать, что у Бахая были заслуги в деле переселения новых маньчжуров. Поэтому следует оставить ему наследственный чин (адаха-хафаня.— *Г. М.*), а другие титулы и звание цзянцзюня снять» [12, цз. 110, 3б].

Так сурово расправился Канси с неугодившим ему верховным главнокомандующим на Амуре. Впрочем, и преемник Бахая на этом посту — Сабсу — тоже очень скоро навлек на себя гнев цинского императора и тоже был временно отстранен от занимаемой должности. Совершенно ясно, что не убранный вовремя урожай в Куанцзоу и Соудэне был только одной из причин, внешним поводом, вызвавшим гнев Канси и отстранение Бахая. По-видимому, у него были и другие служебные проступки, и среди них, безусловно, важнейшую роль сыграл предложенный Бахаем недостаточно продуманный план военной кампании против Албазина. Другими причинами являлись, видимо, личные качества Бахая. Доказательства этого можно найти в том же «шилу», в указе, адресованном новому нингутаскому цзянцзюню, где Бахаю, в частности, давалась следующая характеристика: «Бахай был груб, жесток и алчен, он плохо относился к воинам, вследствие чего и был снят с должности» [12, цз. 112, 8б].

Мы вправе сделать вывод, что замена главнокомандующего уже после отдачи приказа о выступлении войска в поход, безусловно, отражала неуверенность маньчжуров и слабость их позиций на Амуре.

24 июля 1683 г. было получено донесение фэнтяньского цзянцзюня Ибаханя о произведенном по распоряжению цинского правительства обследовании различных районов Северо-Востока, их естественных ресурсов и географических условий. В донесении говорилось: «Мы, подданные, выполняя высочайшее указание, отправили чиновников для уточнения [направления течения] рек Хуньхэ и Тайцзыхэ и их истоков, чтобы установить, в каких горах следует заготавливать лес, и определить расстояния от пункта лесозаготовок до водных путей. Они донесли, что [место] заготовки леса в Шаньмучане находится на расстоянии более 30 ли от р. Тайцзыхэ. А Лицзякоу, Харшань, Сорко, где также заготовляют лес, находятся более чем в 60 ли от Суцзыхэ. По Суцзыхэ можно сплавлять лес до г. Цзефань, а оттуда переправить в [устье] Хуньхэ...» [12, цз. 110, 7б — 8а] [10].

Несколько позднее, 26 октября того же года, Ибахань доложил, что он перевел на р. Цзюйлюхэ из Цзиньчжоу и Нинъюаня 600 матросов и на время перевозки зерна просил освободить их от внесения оброка. Ведомство финансов отклонило это предложение, но Канси поддержал просьбу Ибаханя, отметив, что работы по перевозке зерна чрезвычайно тяжелы [см. 12, цз. 112, 4а]. Проблема снабжения войск все время беспокоила цинское правительство.

19 сентября 1683 г. жителям Албазина через захваченных маньчжурами двух русских пленных был передан грозный указ Канси, содержавший требование не принимать многочисленных перебежчиков из числа местного населения и выдать перешедшего к русским Гантимура. Безосновательно и бездоказательно русская сторона обвинялась в нарушении каких-то прежних соглашений, заключенных якобы в прошлом при посещении Албазина неким Мэнъэдэ [11], выразившемся якобы во вторжениях русских в пограничные земли Цинской империи, «беспокойствах», чинимых ими даурам и солонам, и в насильственных действиях в отношении фэйяка и цилэр. Сообщалось о выступлении и размещении «на вечные времена» маньчжурского войска в Эсули. Русским поселенцам в Албазине предлагалось вернуться на свои исконные земли, возвратить маньчжурам находящихся на русской стороне перебежчиков из числа местных народностей. В случае невыполнения этих совершенно необоснованных требований цинское правительство угрожало, что будет принимать русских перебежчиков и непременно хватать и истреблять «людей, которые будут в наши [земли] ездить» [12, цз. 111, 17а].

В результате выхода маньчжурских войск на Амур, размещения здесь постоянного маньчжурского гарнизона и последовавшего вслед за этим разорения русских острогов в бассейне р. Зеи отдельные роды из представителей малых народностей, населявших средний Амур, вынуждены были признать над собой власть маньчжуров. Маньчжурские историографы, по-видимому сознавая всю важность сохранения в исторических анналах Цинской империи свидетельств о переходе к маньчжурам местного населения, стремились включить все, даже очень мелкие, факты в свои хроники, куда, как правило, заносились лишь известия о внешних событиях только исключительной важности. Так, например, в сентябре 1683 г. в «Шэнцзу шилу» встречается запись: «Из Управления внешних сношений поступило донесение: „Даур Ханаур и еще три человека, называя себя бедняками, которым трудно себя прокормить, просят пропустить [их] на внутреннюю территорию. Следует включить их в состав знамен". Получен указ: „Даур Ханаур... просит пропустить на внутреннюю территорию. Это нужно весьма приветствовать. Приказываю разместить его в удобном месте"» [12, цз. 111, 21а — 21б]. Между тем в маньчжур-

ские хроники не включены сведения о переходе к русским такого крупного эвенкийского вождя, как Гантимур!

В течение 1683 г. вторгшиеся на Амур маньчжурские войска вытесняли русских поселенцев из бассейна Зеи и среднего Приамурья, разоряли их остроги, поселения и заимки. Маньчжуры, укрепившиеся в Эсули, перехватывали также русские суда, плававшие по Амуру. Маньчжурские власти всячески подстрекали отдельных представителей приамурских народностей выступать против русских. Эти факты, а также нарочито искаженное освещение маньчжурской стороной ряда событий прошлого на Амуре нашли, в частности, свое отражение в императорском указе Управлению внешних сношений от 28 октября 1683 г. [12, цз. 112, 4б — 6а].

Для этого, как и для нескольких других указов, опубликованных от имени Канси в начале 80-х годов XVII в., характерно полное нежелание маньчжурской стороны объективно оценивать реальную обстановку, сложившуюся к тому времени на Амуре. Маньчжурское правительство намеренно не желало считаться с этой реальной обстановкой и настойчиво стремилось осуществить в этом районе намеченную цель: любыми средствами заставить русских уйти с Амура. Военные действия, начатые Цинами на Амуре, не могут быть в действительности оправданы никакой реальной «угрозой», которая могла создаваться для домена маньчжуров в результате укрепления русского крестьянского хозяйства на левобережье Амура и в бассейне Зеи. Свои неприкрытые захватнические действия Цины пытались замаскировать, прибегая к определенному арсеналу средств политической дезинформации и прямой фальсификации. В данном случае захватническая политика маскировалась неким стремлением «защитить» малые народности Приамурья от притеснений и обид, якобы чинимых им русскими. Однако ни один из всех использованных нами официальных маньчжуро-цинских источников не содержит ни малейшего намека на то, что приамурские народы когда-либо обращались к Цинам с какой-либо просьбой о помощи или защите от русских.

Более того, весьма многочисленные факты доказывают, что приамурские народности отнюдь не желали мириться с устанавливаемым на Амуре господством маньчжуров, которые были им слишком хорошо известны [12]. Они спасались от маньчжуров бегством и стремились сохранить русское подданство [216, 48—51].

Начиная с конца октября 1683 г. Сабсу предпринимал лишь мелкие операции по ликвидации отдельных русских острогов на Зее и нижнем Амуре и, выполняя указания центра, охотно воздерживался от каких-либо активных действий против Албазина. Более того, он стал обосновывать в своих донесениях в Пекин необходимость изменения условленного срока нападе-

ния на Албазин. 28 октября Сабсу доносил, что если начать наступление на этот город зимой (как предлагалось в императорском указе) [см. 12, цз. 109, 8а — 8б], то трудно будет своевременно доставить к театру военных действий пушки и военное снаряжение, в глубоких снегах невозможно действовать маньчжурским войскам, главную ударную силу которых составляла конница. Сабсу предлагал временно разместить войско в Эсули, а в мае, когда растают снега, нанести удар по Албазину [12, цз. 112, 6а].

Государственный совет поддержал предложение Сабсу. Было принято решение об отсрочке генерального наступления на Албазин ввиду необеспеченности войска снаряжением. В распоряжениях, поступавших из Пекина, проводилась мысль о том, что маньчжурский гарнизон в Эсули поставлен на «вечные времена» [12, цз. 112, 6а — 8б]. Чтобы закрепиться на новой территории, цинское правительство настаивало на более активной колонизации района Эсули за счет перевода сюда 500—600 новоманьчжурских воинов из Гирина и Нингуты, а также 400—500 новобранцев-дауров, не приписанных к восьмизнаменным войскам, которые следовало бы, по его мнению, переселить в Эсули вместе с семьями, чтобы они занимались здесь земледелием. В маньчжурском гарнизоне в Эсули предполагалось установить должности цзянцзюня, фудутуна, селинов, цзолинов и другие, т. е. создать обычную иерархию чинов маньчжурского военного наместничества (не гражданской администрации!). Упоминание об этом в официальном документе встречается впервые. На предстоящий 1684 г. в Эсули должно было быть завезено зерно из мест сибо. С целью хозяйственной стабилизации решительно запрещалось осуществлять какие-либо военные походы. Для уточнения обстановки на местах и совещания с Сабсу в Хэйлунцзян был срочно направлен Лантань.

Сабсу возражал против немедленного переселения в Эсули дополнительного числа военных, тем более еще с семьями. Он совершенно справедливо, на наш взгляд, обосновывал это тем, что в Эсули еще в сентябре выпал снег и приближаются суровые морозы, вновь прибывших негде будет разместить и нечем прокормить. Сабсу предлагал перевести сюда только дауров, с тем чтобы они с весны начали заниматься земледелием. После сбора осеннего урожая, по его мнению, можно будет приступить и к переселению сюда семей воинов [см. 12, цз. 112, 6а—6б].

Канси хотя и согласился с этими вескими доводами Сабсу, однако все же остался недоволен. В ответном указе отмечалось, что данное предложение не является мерой, которая может применяться в течение длительного времени. Вновь подчеркивалась необходимость тщательной подготовки к предстоящей войне: заблаговременно подвозить пушки,

строить суда, заложить в местности Кумара на Амуре крепость.

Кроме этого предписывалось «вследствие обширности территории Хэйлунцзяна» учредить от Гирина до крепости Айхунь почтовый тракт с десятью (!— *Г. М.*) почтовыми станциями, установив для них штаты в 50 ямщиков, которых использовать для пересылки срочных сообщений. Настоятельно подчеркивалась необходимость доставки на Амур и создания здесь запасов продовольствия, поставлявшегося водным путем. Последовательное осуществление всех указанных выше мероприятий должно было, по мнению Канси, затруднить передвижение русских судов по Амуру и вынудить русских поселенцев, оказавшихся, таким образом, в трудном положении, сдаваться в плен [см. 12, цз. 112, 6а—7б]. Для согласования всех поставленных вопросов к Сабсу был направлен ланчжун Управления внешних сношений — Эрсай.

Посовещавшись, Сабсу и Эрсай решили, что для осуществления указанного переселения на новые места, строительства крепостей и возделывания полей на Амуре не хватает людей. В связи с этим было предложено послать туда 500 воинов из гарнизонов Гирина и Нингуты. Это пополнение должно было возвратиться назад сразу же, как только строительство крепости будет закончено.

Канси не согласился с этим планом. Цинский правитель считал, что войска из гарнизонов Гирина и Нингуты за последнее время уже много раз перемещались и опять их переводить на новые места нецелесообразно. Согласившись с тем, что на Амуре не хватает людей, он распорядился отправить туда 600 воинов из мукденского гарнизона во главе с мукденским фудутуном Мутаем. Они должны были прибыть на место к апрелю 1684 г. и заняться здесь необходимыми работами [см. 12, цз. 112, 6б—8а].

Действия и распоряжения Канси в этот период были очень непоследовательными. Происходило это, на наш взгляд, прежде всего из-за отсутствия достаточной информации об обстановке на местах. Отмечается и несогласованность в действиях между Пекином и главнокомандующим цинскими войсками на Амуре. Особое внимание обращает на себя в этой связи оттягивание намеченного ранее срока нападения на Албазин. Как свидетельствуют дальнейшие события, Сабсу рассчитывал на то, что в любой момент, прежде всего из-за испытываемых трудностей со снабжением, Канси может отозвать посланное на Амур маньчжурское войско обратно в Мукден или Гирин. И безусловно такие ожидания Сабсу основывались на имевшихся у правителя Цин колебаниях относительно альтернатив военного столкновения с Русским государством.

Маньчжурский командующий на Амуре, ссылавшийся на необходимость более тщательной подготовки, бездействовал еще два года. В течение этого времени маньчжурские войска вели лишь мелкие военные операции, не решаясь напасть на Албазин.

В этот период Гирину и Нингуте отводилась роль основной базы для снабжения авангарда маньчжурской армии всем необходимым, а также роль резерва для этой армии. Канси неоднократно специально подчеркивал эти функции Гирина. «Здесь [в Гирине.— *Г. М.*],— говорил он на аудиенции в беседе с вновь назначенным нингутаским цзянцзюнем Иньту,— наши войска находятся в непосредственной близости от русских, поэтому следует постоянно заниматься обучением воинов, чтобы поднять уровень их военной подготовки» [12, цз. 112, 8б].

Специальные задачи ставились перед нингутаским цзянцзюнем и в отношении привлечения к маньчжурам местного населения — так называемых новых маньчжуров. В указе говорится: «Все (?!) новые маньчжуры просят разрешения перейти [в наше подчинение]. Нужно принять их и отнестись к ним с лаской, воспитывать их, чтобы они жили спокойно» [12, цз. 112, 8б—9а].

Выше, в том же указе Иньту, говорилось: «В Гирине пока нет военных столкновений. Местное население по своей природе весьма склонно к смуте. По прибытии сюда ты должен широко осуществлять воспитание [этого населения], чтобы люди уяснили моральные принципы, исправили присущие им недостатки и совершенствовали себя. Особенно необходимо беречь воинов и заботиться о них. Все они должны быть довольны» [12, цз. 112, 8б]. Этот указ является еще одним свидетельством, что население района Гирина отнюдь не являлось какими-то «маньчжурами» и отнюдь не считалось еще в середине 80-х годов даже равным маньчжурам по своему духовному уровню. Указ свидетельствует и о недоброжелательном отношении местного населения Гирина к маньчжурам.

Из цитировавшегося выше указа можно также сделать вывод, что с выходом маньчжуров к 1683 г. непосредственно на Амур роль Гирина и в особености Нингуты не только не была утрачена, но, напротив, еще более возросла, в первую очередь именно как тыловых, уже освоенных территорий плацдарма для развертывания последующих захватнических акций.

Вместе с тем необходимо было создавать и укреплять новые центры маньчжуров в Приамурье. В «Шэнцзу шилу» приводятся сведения о том, что нингутаский фудутун Сабсу был назначен 13 декабря 1683 г. на должность хэйлунцзянского цзянцзюня. Это первое упоминание о назначении

маньчжурского военного наместника на Амуре. По-видимому, до декабря 1683 г. никакой необходимости в военном управлении этими землями у маньчжуров не возникало. Одновременно с учреждением должности амурского наместника были учреждены и должности двух хэйлунцзянских фудутунов, на которые назначили маньчжуров Вэньдая и Яцина [см. 12, цз. 112, 28а—28б].

В соответствии с указанием цинского правительства о строительстве между Гирином и Айхунем почтового тракта с 10 станциями ведомство финансов начало принимать практические меры для прокладки трассы этого тракта. Фактически дело сводилось прежде всего к самой элементарной разведке незнакомой местности. Это ясно из следующего донесения ведомства финансов: «От Айхуня до Улы можно воздвигнуть десять [почтовых] станций. Но о подробностях дела можно будет говорить тогда, когда лично [мы] сами осмотрим вышеназванные места. Необходимо в следующем году, когда в третьей луне [апреле. — *Г. М.*] растает снег, послать с означенной целью по одному чиновнику из ведомств финансов, военного и Лифаньюаня (Управления внешних сношений.— *Г. М.*). Должно повелеть нингутаскому цзянцзюню выбрать людей, прекрасно знакомых с условиями указанной местности, после чего идти всем вместе. Кроме того, нужно выделить по два проводника из двух горлосских знамен и одного дурботского; названная экспедиция обязана тщательно измерить путь» [цит. по 168, 542]. «Для этой цели,— говорится в „Шэнцзу шилу",— отправить ланчжуна ведомства финансов Баоци, ланчжуна военного ведомства Нэнтэ и ланчжуна Управления внешних сношений Эрсая» [12, цз. 112, 26б—27а].

Эта черновая подготовка к строительству тракта в землях Амура велась крайне медленно. Только 29 марта 1684 г. в источнике встречается запись о том, что назначенные маньчжурские чиновники перед отправлением в путь просили у Канси высочайшего наставления. Император в своем наставлении подчеркнул, что этот почтовый тракт будет иметь чрезвычайно важное значение, поэтому нужно точно определить количество необходимых материалов и число требующихся людей для обслуживания почтовых станций. Особенно точно следует определить количество продовольствия, нужного для этого строительства [см. 12, цз. 114, 15а—15б].

В середине августа 1684 г. Баоци доложил, что расстояние от Гирина до Айхуня 1195 ли, и на этом пути следует построить 14 почтовых станций [12, цз. 121, 22а—22б; 168, 543]. Позднее Канси специально подчеркнул: «Установление почтовой [связи] — весьма важное дело. При промерах пути за единицу измерения принимается чжан (3,2 *м.*— *Г. М.*).

Ныне... необходимо снова повелеть Баоци и прочим еще раз срочно отправиться в вышеозначенные места и произвести нужные измерения...». После вторичного измерения пути Баоци доложил: «По измерении нами расстояния от Улы — Гирина до [крепости] Айхунь малою саженью в пять *чи* оказалось 1340 *ли*. Тут возможно соорудить 19 станций» [цит. по 168, 543; см. также 173, 678].

Приведенные выше данные еще раз свидетельствуют о том, насколько неточными были представления у маньчжуров о расстояниях в Приамурье даже после ввода сюда войск и первых попыток его хозяйственной колонизации. В 1682 г. давалась установка на сооружение здесь одной почтовой станции, а в августе 1684 г. указывалось на необходимость построить здесь уже 19!

Строительство почтового тракта в Приамурье осуществлялось с огромными трудностями, и, предвосхищая события, можно сказать, что как к началу первой осады Албазина (1685 г.), так и к безуспешному завершению второй (1687 г.) запланированный тракт все еще не был готов и единственным освоенным путем в этом районе для маньчжуров продолжало оставаться сообщение по Амуру. Строительство тракта было завершено только после заключения Нерчинского договора 1689 г.

23 декабря 1683 г. шаншу ведомства церемоний Исанъа предложил построить в Гирине еще 50 судов. Для обслуживания их предполагалось кроме присланных Сабсу 150 матросов набрать еще 200 человек из Гирина и 400 местных охотников [12, цз. 113, 5а]. Для перевалки зерна в 1684 — начале 1685 г. это число людей надлежало пополнить 600 воинами из Гирина.

На это предложение Исанъа Канси ответил, что следует увеличить число используемых судов и строить планы из расчета необходимости перевозки провианта только в течение двух лет, так как в 1685 г. «перевозить зерно уже не будет необходимости» [17, цз. 1, 24]. Это последнее указание не совсем понятно. По-видимому, Канси рассчитывал, что военная кампания будет завершена в следующем, 1684 г., или надеялся на быстрые успехи маньчжурского земледелия на Амуре, т. е. на самообеспечение маньчжурской армии продовольствием. Однако его расчеты не оправдались.

В соответствии с полученными указаниями Исанъа предложил увеличить число судов до 80, с командой в 15 человек на каждом судне, а для обслуживания перевозок набрать 690 охотников из Гирина и 360 воинов из Нингуты [см. 17, цз. 1, 24]. Канси утвердил все эти предложения, сократив только число охотников. Всем воинам, матросам и охотникам было выдано жалованье за месяц вперед.

К этому же периоду относится также попытка создания

дополнительных продовольственных складов в монгольском корциньском селении Морхуньтунь, где предполагалось заложить на хранение 10 тыс. даней зерна, которое рассчитывали получить с казенных хуторов близ селения Баоитунь [12, цз. 113, 22б—23а]. Однако удалось ли получить это количество зерна, а также создать здесь склады — неизвестно.

28 декабря 1683 г. до маньчжуров дошли сведения о том, что гарнизон Албазина получил подкрепление. Это известие чрезвычайно встревожило цинское правительство. Маньчжурскому гарнизону в Эсули было предписано немедленно принять строжайшие меры предосторожности, постоянно вести разведку и доносить в Пекин о всех происходящих на Амуре событиях [см. 12, цз. 113, 7б—8а; 17, цз. 1—25]. Под Албазин был вновь заслан Мала.

Начало нового, 1684 г. ознаменовалось активизацией маньчжурского войска на Амуре, прежде всего в его нижнем течении. Сабсу доносил (доклад датирован в «Шэнцзу шилу» 4 марта 1684 г.): «Русские с р. Буреи прибыли на р. Амгунь, где соединились с отрядом, пришедшим с Северного моря, для совместных действий против фэйяка. Фэйяка отступили и укрылись на речных островах. Если не поторопиться нанести удар русским, то хэчжэ, фэйяка, цилэр непременно потерпят поражение. К тому же к русским скоро может подойти подкрепление. Нужно воспользоваться сложившейся обстановкой и, когда в четвертой луне (апреле — мае.— *Г. М.*) лед на реке растает, послать двух командующих и 300 воинов с 4 пушками и приказать им разбить стоянку близ устья Амгуни. Кэгэданъа из фэйяка проведет их до места расположения русских. Сначала мы предложим русским сдаться, а если они откажутся — поведем на них войско и уничтожим. Если же русские своевременно отступят, то, прибыв к устью Амгуни, наше войско должно заняться умиротворением [местного населения], а также привлечением на нашу сторону тех людей из хэчжэ, которые еще к нам не присоединились» [12, цз. 114, 3а—3б; 17, цз. 2, 1].

Действуя на территории другого государства, вдали от своих основных баз, Канси, несмотря на то что сконцентрировал здесь огромные силы и уже добился благодаря численному превосходству определенных военных успехов, постоянно опасался все же ответного нападения со стороны русских. Под Албазин продолжали засылаться маньчжурские разведчики.

В июне 1684 г. из-под Албазина вернулся Мала, сообщивший:

«Мы, верноподданные, несколько раз приезжали к солонам и подробно разузнали положение русских. Все [опрошенные нами люди] утверждают, что в каждом из двух городов — Албазине и Нерчинске — русских насчитывается по

500—600 человек. Многие годы им удалось продержаться тут лишь благодаря тому, что от устья р. Аргуни до Албазина имеется более десятка населенных пунктов. От Албазина до устья р. Бурмафу [13] расположено также более десяти [русских] населенных пунктов. Русские здесь построили избы, пашут и сеют для поддержания своего существования. Порой они охотятся на соболей.

На землях же Нерчинска полей не возделывают, и русские здесь добывают средства к существованию, облагая ясаком роды Намияр. Кэркэ (халхасцы) и бархутэ (бархуты) иногда приезжают к Нерчинску торговать скотом и другими предметами. Люди Нерчинска также охотятся на соболей и торгуют, добывая [этим путем] средства к существованию [14].

В районе Дэлинбай обработанной земли мало. К тому же с этой местностью нет водных путей сообщения, хлеб и другие продукты привозят сюда гужом, однако их не хватает. По сведениям Бухэда, бежавшего из-под Нерчинска, „новые и старые [роды] Намияр, а также перебежчик Гантимур и его сторонники занимаются скотоводством в бассейнах Гэньхэ, Аргуни и в других местах“ [15].

Я, верноподданный, прошу ваше величество приказать халхаскому Цэцэн-хану собрать людей своего аймака и запретить [им] торговать с теми [русскими], которые живут в окрестностях Нерчинска. И еще прошу ваше величество приказать хэйлунцзянскому цзянцзюню продвинуть войско одновременно по воде и по суше, сделав видимость, будто мы собираемся захватить Албазин, а в действительности для захвата урожая хлеба, посеянного русскими. Русские вскоре окажутся в трудном положении, а родам солонов и элэчунь, подчинившимся им, будет трудно вести хозяйство на прежних местах. Одновременно следует послать конницу для их захвата» [5, цз. 186, 10а—11а; 12, цз. 115, 19б—21а; 241, цз. 14, 22б—24а; 17, цз. 2, 34].

Безусловно, довольно подробные и обстоятельные сведения, доставленные Мала, оказались очень полезными для маньчжуров. Однако последующие события свидетельствуют о том, что наибольшее внимание цинского правительства и самого Канси привлекла последняя часть донесения лазутчика с предложением совершить ложный маневр. Началась подготовка к этой акции.

В императорском указе военному ведомству [12, цз. 115, 20б—21а] говорилось, что предложение Мала захватить хлеба на полях под Албазином одобрено и цзянцзюнем Сабсу. Сабсу должен был подробно обсудить этот вопрос: следует ли маньчжурскому войску идти сухопутным путем, или по воде. «Наше войско может добраться до русских сухим путем, но скошенный нами хлеб следует отправить по

реке, вниз по течению; если же мы доберемся [до русских] и по воде, и по суше, то захваченный хлеб мы перевезем к себе все равно на судах...» [12, цз. 115, 20б—21а].

Одновременно маньчжуры решили провести различные мероприятия, чтобы устрашить защитников Албазина. Канси считал необходимым заслать сюда письмо с требованием добровольно оставить город. «Перед отправлением наших воинов,— говорилось ниже в том же указе,— мы должны направить к русским человека, чтобы сообщить им следующее: „Вы, русские, захватили наши Албазин и Нерчинск (?!— *Г. М.*). В течение многих лет мы требовали, чтобы вы оставили эти места, однако вы не сделали этого. К тому же вы принимаете наших перебежчиков и тревожите наших людей, живущих на границах. Ныне наши войска выступили, чтобы уничтожить вас, и двигаются по воде и по суше. Чтобы сохранить свою жизнь, вы должны уйти [из этих мест]“» [12, цз. 115, 21а].

Как очевидно из цитированного указа, Канси хотел, чтобы русские оставили не только Албазин, но и Нерчинск, который в указе прямо назван маньчжуро-цинским. Утверждения этого указа, не базирующиеся ни на каких исторических или иных фактах, позволяют, по существу, судить не только о «правах» Цинской империи на названные районы, но и о методах, которыми действовала цинская дипломатия, рассчитывавшая и в данном конкретном случае оправдать готовящийся захват.

В конце указа говорится о необходимости отправить официальное письмо халхаскому Цэцэн-хану, в котором информировать его о содержании доклада Мала [12, цз. 115, 21а]. Таким образом, Канси, по-видимому, рассчитывал на то, что найдет себе союзников в борьбе против русских среди монголов, и прежде всего среди некоторых аймаков Халхи.

В ответ на «грозное» послание Канси, засланное в Албазин, русские начали укреплять город. Вскоре об этом стало известно маньчжурам. Цинское правительство опять забеспокоилось. Под Албазин снова был заслан Мала.

Стремясь как можно скорее получить сведения об увеличении численности гарнизона Албазина и строительстве в городе дополнительных укреплений, маньчжуры, не дожидаясь поступления донесения от Мала, допрашивали перебежчиков и пленных из местных приамурских народностей. О некоторых мерах, принятых русской стороной для укрепления Албазина, маньчжурской разведке стало известно от отдельных представителей местных даурских родов, перешедших на сторону маньчжуров.

В донесении Мала сообщалось, что 27 августа 1684 г. под Албазин был послан помощник даурского вождя Бэйлэра с отрядом. По пути они встретились с русскими, двоих

убили, а одного, по имени Федор, захватили в плен. Пленник сообщил, что еще до прибытия на Амур маньчжурского войска в Албазине отремонтировали городские стены, а в 1683 г. вокруг города был дополнительно сооружен деревянный палисад. Крестьяне окрестных земель были переведены на жительство в город. Охота на соболей была прекращена, а хлеба, еще не совсем созревшие, убраны. Однако так как весной маньчжурское войско не подступило под Албазин, то жители снова посеяли хлеб. На вершине окрестной горы установлен наблюдательный пункт, из которого пять человек круглые сутки поочередно ведут наблюдение за местностью. Этим летом из Нерчинска прибыло в Албазин 400 человек, и теперь население города составляет приблизительно 900 человек [цит. по 241, цз. 14, 24а—24б] [16]. Данные о населении Нерчинска Федор не сообщил, так как, по его словам, они ему не были известны.

За хорошую организацию разведки Мала был несколько позднее назначен на должность фудутуна. При этом отмечалось, что он «очень старателен» и к тому же «превосходно знает географические условия Албазина», в связи с этим в будущем предполагалось использовать его в Приамурье в качестве советника по военным вопросам.

Сведения, сообщенные русским пленным, серьезно встревожили маньчжуров. Канси даже издал по этому поводу специальный указ, в котором говорилось: «В Албазине увеличены военные силы. Возможно, что русские готовятся причинить вред (!) нашим людям. Следует направить Сабсу и другим письмо [с указанием, чтобы] они продолжали разведку и действовали в соответствии с ситуацией» [цит. по 241, цз. 14, 25а] [17].

Получив известие об увеличении численности албазинского гарнизона, маньчжуры немедленно послали на Амур дополнительное войско из внутренних провинций Китая. Увеличение численности маньчжурских войск на Амуре еще больше обострило проблему их снабжения.

Решение маньчжуров выступить против Албазина было согласовано во всех инстанциях и намечалось по указу цинского императора на лето 1684 г. Однако Сабсу, зная об укреплении Албазина и увеличении численности его гарнизона, не решился вопреки принятым в Пекине решениям напасть на город. Вместо того, чтобы приступить сразу же к выполнению одобренного и утвержденного плана, хэйлунцзянский цзянцзюнь бездействовал и упустил все удобные сроки. Только 12 августа 1684 г. Сабсу прислал в Пекин письмо, в котором, не сообщая о причинах и мотивах, которыми руководствовался, доложил: «В текущем году временно следует отложить военные действия против мятежников (? — *Г. М.*) в местности Албазин и послать на них войска, дождавшись

четвертой луны будущего года (мая 1685 г.— *Г. М.*) [12, цз. 116, 1б].

Причины неподчинения Сабсу императорскому указу в цинских хрониках не объясняются. По данным «Пиндин лоча фанлюе», можно понять, что Сабсу объяснил свое бездействие задержкой поставок нужного для его армии продовольствия, полученного только с 14 по 21 июля (с 3-го по 10-й день шестой луны) 1684 г., когда, по сведениям, сообщенным перебежчиками, русские уже начали уборку своих «раннеспелых» (по-видимому, озимых) хлебов. Кроме того, Сабсу писал, что наступил сезон дождей, вода в Амуре резко поднялась, путь же по суше преграждают грязевые наносы и ранее, чем через месяц, он не сумеет добраться до Албазина и уже не успеет перехватить хлеба на русских полях. Наконец, он подчеркивал, что, выступив в поход, маньчжуры не успеют отремонтировать до холодов свои жилища (в Эсули). В целом эти объяснения весьма похожи на попытку ссылками на объективные причины оправдать собственную бездеятельность. Характерно, что Сабсу в этом письме даже не упоминал о возможности для маньчжуров взять Албазин [17, цз. 2, 39].

Естественно, что эта, совершенно неожиданная для Канси пассивность хэйлунцзянского цзянцзюня, хотя и оправдываемая возникшими трудностями, вызвала у цинского императора недовольство и раздражение. В специальном императорском указе Сабсу от 12 августа 1684 г. Канси подчеркнул, что план нападения на Албазин с целью захвата посеянного русскими хлеба, предложенный Мала, сулил маньчжурам значительные выгоды, которых можно было добиться путем наименьших затрат сил и средств и при помощи меньшего числа отборных войск; для русских же потеря выращенного хлеба создала бы значительные трудности и даже могла вынудить их уйти из этих мест. Канси подчеркивал, что его воля на этот счет была выражена совершенно ясно, и негодовал на то, что в свое время на совещании с шивэем Гуаньбао сам Сабсу был совершенно согласен с этими планами. «А теперь же Сабсу и другие,— писал Канси,— просидели сложа руки и упустили удобный случай» [12, цз. 116, 1б—2б; 17, цз. 2, 39—40].

Согласно принятой у маньчжуров практике всякая, даже вызванная объективными причинами, неудача в военных действиях грозила командующему самыми тяжелыми последствиями. Проступок же Сабсу был весьма серьезным. 19 октября Государственный совет доложил, что цзянцзюнь Сабсу вследствие своей бездеятельности упустил хорошую возможность нанести урон неприятелю и по императорскому указу должен предстать перед судом [см. 12, цз. 116, 22б]. Однако, по-видимому, в этот период при цинском дворе воз-

никло справедливое опасение, что отзыв и наказание второго главнокомандующего еще больше подорвет и без того невысокий боевой дух маньчжурских войск, дислоцированных на Амуре, и надолго задержит начало каких-либо активных действий в этом районе. В официальных документах того времени прямо подчеркивались эти соображения: «Ныне он (Сабсу. — *Г. М.*) повел большое войско и находится в б л и з и р у с с к и х г р а н и ц (разрядка наша.— *Г. М.*), поэтому следует подождать до конца дела...». Сабсу по этим причинам не был снят с поста хэйлунцзянского наместника, но был отстранен от командования войсками, переданного его помощнику — Пэнчуню [17, цз. 2, 39—41].

Цзянцзюню Сабсу был брошен, на наш взгляд, совершенно несправедливый упрек в том, что еще в 1683 г., когда он прибыл на Амур, якобы было весьма легко нанести поражение русским, следовало только выполнять высочайшие указы [см. 12, цз. 116, 22б—23а].

В личном указе, данном Канси в связи со всеми этими событиями осенью 1684 г., говорилось: «Ныне весьма удобный момент захватить Албазин, а значение этого [захвата] чрезвычайно велико. Приказываю дутуну гуну Вашаню, сыланну Гопи отправиться вместе на Хэйлунцзян и встретиться с указанным цзянцзюнем. Следует подробно выяснить и доложить: нужно ли захватывать местность Албазин, какие необходимо принять меры, чтобы добиться успеха» [12, цз. 119, 4б] [18].

Приведенные выше свидетельства безусловно подтверждают, на наш взгляд, некоторую неуверенность Канси, вызванную неожиданными событиями в Приамурье, и наличие у него даже в октябре 1684 г. определенных колебаний относительно целесообразности начала войны с Русским государством на Амуре и тех перспектив, которые могла дать маньчжурам эта война. В этот период (и даже несколько позднее) Канси, очевидно, все еще не принял окончательного решения о том, какие следует осуществить дальнейшие меры в Приамурье, и, в частности, о том, следует ли в ближайшем будущем начинать военные действия непосредственно против Албазина. Несмотря на огромное преимущество в военных силах, маньчжуры решились на осаду Албазина только тогда, когда окончательно убедились в малочисленности русских военных сил в Даурии и когда были осуществлены все необходимые подготовительные меры, которые могли гарантировать им несомненный успех.

Наступление нового, 1685 г. ознаменовалось рядом мер цинского правительства по укреплению военной администрации в Хэйлунцзяне. Эти меры оказались настоятельно необходимыми в связи с выявившимися трудностями осуществления реального контроля над этими отдаленными террито-

риями и командования размещенным здесь авангардом маньчжурских войск.

16 января 1685 г. Государственный совет предложил назначить «в местность Хэйлунцзян для управления» одного дачэня (сановника), а также специального чиновника из ведомства финансов «для наблюдения за земледелием» [12, цз. 118, 6а—6б]. Это следует рассматривать как попытку установления определенного контроля за, по существу, единовластными до сего времени действиями Сабсу. По распоряжению Канси для управления был назначен находившийся к тому времени в Хэйлунцзяне сановник Вашань, его советниками стали Дунбао и Фокэто. Специально для наблюдения за земледелием в крае был направлен Сахай [см. 12, цз. 118, 6а—6б].

После совещания Вашаня с Сабсу, 25 февраля 1685 г., в столицу было прислано следующее их донесение: «Наши войска,— сообщалось в нем,— в конце четвертой луны (в мае.— *Г. М.*) [текущего года] одновременно выступят по воде и по суше. Мы призовем русских перейти на нашу сторону. Если они откажутся принять наши условия, мы нападем на город. Если нам не удастся захватить город, постараемся выполнить прежний указ — захватим у русских хлеба и вернемся назад» [12, цз. 119, 4б—5а]. Как видно из этого донесения, маньчжурские командующие вполне допускали возможность поражения при нападении на Албазин. Донесение было обсуждено и одобрено Государственным советом. Предложенный Вашанем и Сабсу план был принят.

С февраля 1685 г. началась активная подготовка Албазинской кампании. Основное внимание было уделено доукомплектованию маньчжурской хэйлунцзянской армии дополнительным числом хорошо обученных воинов из внутренних гарнизонов. Своевременный отбор и отсылка этих войск, обеспечение их снаряжением стали для Цинов проблемами первостепенной важности.

Еще 18 января был объявлен указ Канси военному ведомству о том, что следует послать специального чиновника в провинции Шаньдун, Хэнань, Шаньси и Фуцзянь для отбора 500 наиболее преданных воинов для хэйлунцзянской армии. В столицу для пересылки на Амур нужно доставить 400 двойных прочных щитов и необходимое количество мечей из Фуцзяни [см. 12, цз. 118, 8а—8б]. Дополнительно, видимо, непосредственно по просьбе Сабсу, Государственный совет ходатайствовал перед Канси о присылке в Хэйлунцзян по 250 лучших стрелков, обученных обращению с огнестрельным оружием, из провинций Чжили, Шаньси и Хэнань [12, цз. 119, 5а]. На эту просьбу Канси ответил: «В своем докладе вы не просите отправить [в Хэйлунцзян] войска столичного гарнизона, и это очень правильно. Но войска Зеленого знамени

(войска, состоящие из китайцев-ханьцзюнь.— *Г. М.*) из Чжили и других провинций ранее не участвовали в военных действиях. К тому же войска в Хэйлунцзяне и так хорошо оснащены огнестрельным оружием и добавлять его не нужно. Мы считаем, что для пополнения этого войска нужно выделить часть сдавшихся и перешедших на нашу сторону офицеров и солдат Фуцзяньской армии... и 500 человек из Восьми знамен и из гарнизонов, размещенных в Шаньдуне, Шаньси, Хэнани. Командование поручить пришедшему к нам с Тайваня левому дуду Хэ Ю» [12, цз. 119, 5а—5б].

В своем указе Канси выражал недовольство хэйлунцзянским цзянцзюнем, резко порицал его действия и даже прямо говорил о необходимости заменить его на этом посту. «Во всех своих докладах,— говорилось в указе,— Сабсу и другие выдвигают различные безосновательные причины и под этим предлогом затягивают дело. Что же касается мнения о том, будто продвижение к Албазину войск в четвертой луне с целью захвата хлебов на полях у русских не сможет завершиться успехом, то это мнение невежд, отправленных в хэйлунцзянскую армию за какие-либо провинности и вмешивающихся для того, чтобы испортить дело. Сабсу — выходец из бедной семьи и высоко ценит мнение этих тупиц, не осмеливается возражать против их доводов. Чтобы добиться успеха, военные планы должны быть разработаны детально. Если кампанию проводить необдуманно и войско впоследствии придется отвести назад, как это сделал Минъаньдали [19], то русские станут действовать еще более уверенно. В настоящее время следует подобрать в столице способного сановника, который сможет возглавить войска» [12, цз. 119, 5б].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что даже после успеха маньчжуров под Албазином, на что Канси весьма надеялся, он планировал отвод маньчжурских войск назад, на территорию Мукдена. Только позднее Канси предполагал направить в Приамурье небольшой цинский гарнизон, который бы помимо охраны занимался также и земледелием. «В будущем, после взятия Албазина и возвращения наших войск (разрядка наша.— *Г. М.*),— говорилось в указе,— нужно будет отправить в Хэйлунцзян из Мукдена 500 воинов, которые должны обрабатывать землю с целью снабжения продовольствием гарнизона города» [12, цз. 119, 5б—6а].

По всей вероятности, маньчжуры собирались вывести войска с Амура в связи с тем, что им постоянно не хватало продовольствия. Очевидно, созданная к 1685 г. Цинами земледельческая база в Хэйлунцзяне не могла обеспечить потребностей войск, снабжение которых могло опираться только на земледельческие поселения на землях Мукдена.

В указе приводились также некоторые практические со-

ображения по разрешению проблемы коммуникаций и проблемы снабжения войска на Амуре, по-прежнему остававшихся весьма актуальными. «Ныне наши воины должны побольше сеять яровой пшеницы, ячменя и ржи, которые можно убрать до наступления холодов» [12, цз. 119, 6а].

Для урегулирования проблемы снабжения Канси вынужден был пойти на крайние меры. В конце февраля 1685 г. Канси приказал десяти корциньским аймакам присылать дань не в Пекин, а передавать ее маньчжурской армии на Амуре. Поставляемые монголами рогатый скот, бараны и прочие предметы дани должны были тщательно учитываться [см. 12, цз. 119, 12а—12б].

Стремясь оправдать готовящееся нападение на Албазин и поднять невысокий боевой дух своих войск, цинский император 5 февраля 1685 г. издал указ, в котором все военные действия, осуществлявшиеся маньчжурами в Приамурье против русского населения края, оправдывались исключительно интересами «защиты» местных малых народностей. Этот указ, полный необоснованных обвинений в адрес Русского государства, видимо, должен был служить главным образом пропагандистской цели — воодушевлению маньчжурского войска. В указе вновь утверждалось: «Война — не доброе деяние, и начинать ее [следует] только когда [к этому] вынуждают. В прошлом русские без какого-либо повода [с нашей стороны] нарушили границу (? — *Г. М.*), принимали перебежчиков. Впоследствии [они] перешли границу (? — *Г. М.*), тревожили земли [племен] солонов, хэчжэ, фэйяка, цилэр, население которых было лишено возможности жить спокойно. [Русские] захватывали [местных] жителей и их селения, отнимали собольи меха, совершая множество злодеяний. Наши посланцы неоднократно отвозили им [наши] указы, а через их посланников вручали грамоты. Однако русские не прислушались к нашему повелению. Напротив, они углубились в земли хэчжэ и фэйяка, еще более усилив беспокойство [на границах]. Тогда в Хэйлунцзян было отправлено наше войско, чтобы воспрепятствовать их передвижениям. [Однако] русские продолжали захватывать и занимать наши земли, не выдавали перебежчиков. Поэтому следует их немедленно уничтожить. Ныне в соответствии с желанием Неба великое войско подведено к Албазину и через нашего посланца русским еще раз передан указ: „Ранее мы неоднократно засылали к вам грамоты с требованием отозвать своих людей и возвратить нам перебежчиков. Однако в течение нескольких лет вы не отвечали на них. Напротив, вы углубились в наши внутренние земли, хватали наших детей. Тогда мы направили войска, чтобы пресечь ваше вторжение, и привлекли на свою сторону население всех мест Амгуни. Вы же по-прежнему не уходите из Албазина, и теперь мы специально отправили

против вас сильное войско. С такими военными силами разве трудно будет вас уничтожить? Однако мы неизменно оберегаем спокойствие населения наших земель, сочувствуем его положению, хотим, чтобы оно жило спокойно. Поэтому мы не применили сразу силу и не уничтожили [вас], и наши неоднократные предупреждения были вызваны желанием уладить все мирным путем. Вам, русским, следовало бы побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей (? — *Г. М.*). Ловите там соболей, собирайте ясак и не вторгайтесь более в наши внутренние земли, верните нам перебежчиков. Мы тоже возвратим вам перешедших к нам русских.

В таком случае мы сможем вести торговлю на границе, и ваше и наше пограничное население будет жить спокойно, не будет возникать военных столкновений. В случае же вашего упорства и несогласия наше войско начнет наступление на Албазин и уничтожит ваших людей"» [12, цз. 119, 6б—8а; см. также 173, 673].

В данном указе Канси в который раз демагогически говорится о нарушении русскими «границ». Русские не нарушали границ Цинской империи, и эти границы отнюдь не имели какого-либо отношения к Амуру. Цинские правители прекрасно знали, где действительно проходят границы их государства, но в политических целях многократно объявляли и Албазин, и даже Нерчинск «своей» территорией. Эти упоминания о границах в таком официальном документе, как указ, уже сами по себе выражали территориальные притязания Цинов на земли Русского государства; в то же время Канси стремился внушить своим воинам мысль, что они сражаются за «свою» территорию.

В данном указе Канси впервые высказывается безосновательное предложение об установлении границы между Цинской империей и Русским государством по землям Якутска, о котором сам Канси вряд ли имел сколько-нибудь реальное представление.

Об Якутске маньчжуро-цины могли знать что-либо только от русских пленных. Вероятно, их знания сводились к тому, что Якутск — это ближайший крупный административный центр Русского государства.

Стремление императора Цин представить Сибирь до Якутска какой-то «внутренней территорией» Цинской империи является примером исторической фальсификации, распространяемой Канси. Вместе с тем цинский император, видимо, сознавал неубедительность своих доводов и не надеялся, что его предложение будет принято. Поэтому в следующей части указа он предлагал членам Государственного совета обдумать те альтернативные меры, которые следовало бы принять в случае отказа русских уйти из Албазина. Цитируемое ниже

обращение к членам Государственного совета свидетельствует, что и после принятия решения о нападении на Албазин Канси все же продолжал испытывать определенные сомнения в том, что избранный им путь войны и попытка насильственного решения вопроса о границах приведут к положительным результатам. Канси писал:

«Если после объявления данного указа русские повинуются и вернутся в Якутск, мы сразу же разместим войска в Хэйлунцзяне, а в Албазине поставим свои караулы, чтобы [обеспечить] на границах полное спокойствие. Если же русские будут по-прежнему упорствовать, наши командующие должны обдумать, что следует предпринять дальше. Если мы не разработаем подробный план, то может случиться, что сегодня мы захватим город Албазин и русские отступят, а когда же мы отзовем [свои войска], они [снова] продвинутся вперед. В этом случае военным действиям не будет конца и население пограничного района не сможет жить спокойно. Можем ли мы действовать таким образом? Вы должны тщательно и подробно обсудить этот вопрос» [12, цз. 119, 6а—8б; см. также 173, 673] [20].

Помимо некоторых моментов, уже отмеченных нами выше, в указе мы находим весьма интересное признание Канси о слабости маньчжурского влияния в Хэйлунцзяне, признание им фактического отсутствия здесь каких-либо цинских опорных пунктов, баз для колонизации края («когда же мы отзовем [свои войска], они [снова] продвинутся вперед»). Канси понимал, что при отсутствии у маньчжуров базы для колонизации земель Хэйлунцзяна им трудно будет добиться угодного ему территориального размежевания на Дальнем Востоке.

Между тем положение маньчжурского войска на Амуре было очень тяжелым. «Шэнцзу шилу» приводит следующий любопытный документ, датированный 1 марта 1685 г. Ведомство финансов доложило: «Хэйлунцзянский цзолин Осэ и другие прислали официальное донесение, в котором сообщается, что весь тягловый скот пал; сельскохозяйственные орудия приведены в негодность, а уже приближается время начала весенних сельскохозяйственных работ. Необходимо послать чиновника из Управления внешних сношений вместе с Мала, чтобы они закупили необходимое количество скота и прислали его [в Хэйлунцзян]. Следует приказать Сабсу заготовить сельскохозяйственные орудия».

«Получен императорский указ: „Сабсу умышленно испортил сельскохозяйственные орудия и допустил падеж всего тяглового скота. Он преследует цель — всеми средствами оттянуть [наступление], так как надеется, что через некоторое время будет отозван с Хэйлунцзяна“» [12, цз. 119, 10б—11а; 17, цз. 2, 46—47].

Указ обвинял хэйлунцзянского цзянцзюня в бездеятельности и даже умышленной порче сельскохозяйственных орудий, но один ли Сабсу был виноват в срывах и неполадках во всех звеньях громоздкой маньчжурской машины снабжения, со скрипом функционировавшей в Хэйлунцзяне?

Готовясь к активизации военных действий, маньчжуры по-прежнему уделяли огромное внимание сбору всевозможных разведывательных данных. Возможно, что именно в этом наиболее отчетливо проявлялись их опасения перед противником. 11 марта 1685 г. Мала доносил из-под Албазина: «Мы, верноподданные, 28 числа первой луны (2 марта.— *Г. М.*) приказали заместителю вождя дауров Бэйлэру с 30 людьми отправиться в районы к северу от Албазина, с тем чтобы непременно схватить „языка", а также со всеми подробностями ознакомиться с местностью и доложить. 5 числа третьей луны (8 апреля? По-видимому, описка в тексте „шилу".— *Г. М.*) Бэйлэр со своими людьми возвратился, приведя семь русских пленных. Он доложил, что в Албазине все осталось по-прежнему. Русский пленный Гаврила и другие сообщили: „Еще в прошлом году в Албазине были сооружены двойные деревянные стены, засыпанные землей. Когда в городе стало известно о размещении большого войска в Эсули, то в разные места были посланы люди с просьбой о помощи. На помощь должна прийти тысяча воинов. Во второй луне (в марте) авангард русских уже прибыл на место, остальные войска еще не подошли. Новый начальник русских, приехавший еще в прошлом году, Алексей (Толбузин.— *Г. М.*) заявил своим людям: 'Приход [маньчжурского] большого войска всецело вызван тем, что вы совершали убийства и грабежи. Если вы и впредь будете беспокоить солонов и дауров, то, как только мне станет известно об этом, виновные непременно будут казнены'. Поэтому теперь русские при поездках не осмеливаются брать с собой оружие". Отпущенные нами прежде два русских пленных отправлены в столицу [Русского государства], и от их государя пока не поступило никаких указаний. Численность войска в Албазине около тысячи человек[21]. Количество дополнительных новых войск нам неизвестно. Из захваченных русских пленных один бежал, шесть отправлены под конвоем в столицу» [12, цз. 119, 19б—20а].

Хотя цинское правительство приложило немало усилий, чтобы форсировать пополнение хэйлунцзянской армии и снабжение ее боевым снаряжением, между тем осуществлялось все это очень медленно. Эти вопросы стали объектом оживленной ведомственной переписки.

2 марта военное ведомство запросило, почему до сих пор еще не прибыли выделенные для Хэйлунцзяна 170 воинов из трех высших знамен, а также 105 офицеров и 395 воинов из Шаньдуна и других трех провинций [12, цз. 119, 12б—13а].

Канси разъяснил, что в Хэйлунцзян и так послано слишком много офицеров, что «воинов там мало, а командиров много». По мнению Канси, вполне достаточно послать в Хэйлунцзян 400 воинов: тогда не будет перерасходовано продовольствие. Император постоянно подчеркивал необходимость заботиться о создании запасов провианта для войск. «Наиболее важными являются вопросы, связанные с провиантом для Хэйлунцзяна,— говорилось, например, в указе (разрядка наша.— *Г. М.*).— Необходимо постоянно изыскивать пути для обеспечения войска достаточным количеством провианта» [12, цз. 119, 3а]. В указах Канси этого периода постоянно проводится мысль о том, чтобы в Приамурье не было ни одного лишнего рта.

В соответствии с указаниями цинского правительства на Амур были посланы 20 офицеров и 380 воинов под командованием Линь Син-чжу и Хэ Ю, который перед отъездом был удостоен высочайшей аудиенции [см. 12, цз. 119, 13б, 20а, 20б; 17, цз. 2, 51].

17 марта в столицу были доставлены из Фуцзяни 30 двойных щитов, 370 одинарных щитов и 400 мечей, которые после ремонта были пересланы в Гирин.

Почти перед самым началом осады Албазина Канси вновь попытался ускорить строительство почтового тракта, чтобы без задержки получать информацию с театра военных действий. В специальном указе членам Государственного совета говорилось, что хэйлунцзянское войско может начать поход в мае (1685 г.) и прибыть под Албазин 12—21 июня (во второй декаде пятой луны). Чтобы не было задержки при передаче военных сообщений ко двору, император повелел шилану Управления внешних сношений Минъаю направить из монгольских аймаков Дурбот и Чжалайтэ 500 воинов, а также солонов для постройки тракта между Албазином, Эсули и крепостью Хэйлунцзян [22].

Когда Минъай выехал на место, чтобы изучить положение, выяснилось, что для строителей не хватает продовольствия. Он предложил использовать провиант из запасов солонов, сократить число строителей на каждой станции тракта, а также для воодушевления солонов пообещать им от императорского имени «высочайшие милости» [см. 12, цз. 120, 17а—17б].

По-видимому, для того чтобы более активно использовать солонов на строительстве тракта, маньчжуры решили улучшить управление их землями. 9 мая 1685 г. был издан специальный указ Канси, гласивший: «Дело управления солонами и даурами имеет чрезвычайно важное значение. Следует найти умного и способного человека, который смог бы осуществлять это управление. Ныне приказываю бошику Управления внешних сношений, умеющему хорошо ездить верхом, поспешить по почтовому тракту к Мала. Мала находится на

своем месте, в его распоряжении есть способные люди, которые успешно смогут управлять солонами и даурами. Пусть Мала сообщит о них и отправит бошику с докладом. Срок поездки посланного в оба конца — 20 дней. Передать вышеуказанное в Управление внешних сношений» [12, цз. 120, 17а—17б].

Таким образом, после получения цинским правительством реляции о результатах совещания Вашаня с Сабсу началась усиленная подготовка к нападению на Албазин. Как и прежде, Канси демагогически заявлял, что война — это недоброе деяние, к которому следует прибегать лишь в крайнем случае, что его действиями движет исключительно забота о малых народностях Приамурья и тому подобное (см., например, цитировавшийся выше указ от 5 февраля 1685 г.), а вместе с тем продолжал подготовку и наконец развернул военные действия против административного центра русских в Приамурье — г. Албазина. Используя огромный перевес сил, Канси пытался силой отнять у Русского государства его дальневосточные земли, стремясь превратить их в полупустынную буферную зону, лежащую между двумя государствами.

Первая осада Албазина и последующие мероприятия Цинов в Хэйлунцзяне

По маньчжурско-цинским источникам, цинские войска под командованием дутуна гуна Пэнчуня подошли к Албазину 23 июня. 25 июня начали артиллерийский обстрел города, а 26 июня на рассвете пошли на штурм [см. 12, цз. 121, 9б]. «Биография Лантаня» в «Баци тунчжи чуцзи» [см. 5, цз. 153, 11а—32б][23] уточняет, что маньчжуры напали на Албазин уже вечером 25 июня и продолжали атаковать его «до исхода следующего дня». В действительности маньчжуры начали штурм Албазина дней через десять после начала осады (подробнее см. [35, 131—133]). Албазин был зажат в плотное кольцо. Фудутуны Яцинь и Хубуно сконцентрировали свои войска у южной стены города и, приведя их в полную боевую готовность, должны были создать у осажденных впечатление, что главный удар будет нанесен именно отсюда. Фудутунам Вэньдаю, Вахана и командующему китайскими войсками Зеленого знамени Лю Чжао-ци было приказано передвинуть пушки иностранного образца (хунъи пао) и атаковать Албазин с севера. Болицю, Уша, Хэ Ю и другие выдвинули с обоих флангов имевшиеся у маньчжуров так называемые орудия цзянцзюнь пао и штурмовали Албазин со своих исходных позиций. Одновременно фудутуны Яцина, Байкэ и другие напали на город с юго-востока, со стороны реки. Однако напа-

дение маньчжуро-цинских войск было отбито защитниками Албазина, более того, они даже сами совершили несколько вылазок.

Убедившись, сообщает источник, что город неприступен, Лантань, командовавший одной из армий маньчжуров[24], предложил зажечь его. Албазин был обложен грудами хвороста и дров и подожжен. Положение гарнизона в горящем городе становилось невыносимым, и Толбузин вступил в переговоры с маньчжурским командованием об условиях сдачи. Согласно имевшимся инструкциям Канси, маньчжурские командующие разрешили русским уйти в Нерчинск, причем фудутуны Баньдарша и Вэньдай сопровождали их до «местности Элигуна» (р. Аргунь). Городские строения Албазина были сожжены, а город срыт до основания. Китайский источник сообщает также, что маньчжуры «скосили хлеба на их (русских.— *Г. М.*) полях» [5, цз. 153, 16б—17а].

Численность цинских войск, участвовавших в первой осаде Албазина, источники точно не называют.

В официальной цинской хронике первое известие о капитуляции албазинского гарнизона датировано 5 июля 1685 г. [см. 12, цз. 121, 4б; 18, цз. 2, 15б].

Канси находился в это время на пути в Загородный дворец в Байча. Когда шаншу Управления внешних сношений Арни сообщил ему о победе, цинский император заявил: «Уничтожение русских всегда было трудным делом из-за отдаленности расстояния. Мы единолично приняли решение о выступлении войска в поход с целью покарать их. Ныне мы удостоились любви Неба, и поэтому над русскими одержана победа. У нас на сердце царит радость. Оповести всех о нашей победе» [12, цз. 121, 10б; 18, цз. 2, 16б].

В честь победы был устроен специальный прием для всех высших гражданских и военных чиновников государства. Ваны и дачэни прибыли в походный дворец и встали на предназначенные для каждого из них места. Церемония поздравления императора от имени всех присутствующих была начата гунциньваном Чаннином.

Арни и шилан военного ведомства Фолунь зачитали императорский указ, в котором, в частности, говорилось:

«Нынешнее дело уничтожения русских как будто бы не имеет чрезмерной важности, однако все связанное с этим имеет огромное значение. Русские в течение более 30 лет беспокоили районы нашего Хэйлунцзяна и Сунгари, и [места], захваченные ими, очень близки от мест возникновения нашей династии. Если их не истребить, то пограничное население будет жить в постоянном беспокойстве. Мы начали править государством с тринадцатилетнего возраста и постоянно уделяли этому [вопросу] серьезное внимание. [Мы] тщательно разведывали географические условия земель, ко-

горые занимали русские, протяженность ведущих туда путей, а также характер и нравы их людей. После этого по точному расчету было принято решение о сроках [наступления]... подвезен провиант, подняты в поход войска и использована благоприятная обстановка...

Так как войско наше было отборным и сильным, мы имели надежное и превосходное оружие, то русские не смогли противостоять нам, они вынуждены были поднести земли и отдать город» [12, цз. 121, 11б].

Затем был зачитан верноподданный поздравительный адрес, восхвалявший «мудрость» и «милосердие» императора Канси. После этого собравшиеся снова выслушали высочайший указ:

«Мы думаем обо всем сущем, необходимо тщательно и подробно вникать во все детали, и тогда только будут достигнуты хорошие результаты. Нельзя относиться к исполнению дела с недостаточной добросовестностью. В прошлом шаншу Минъаньдали выступил [против русских] налегке, в результате стал испытывать нужду в провианте. Цзянцзюни Шархуда и Бахай тоже допустили просчеты и вынуждены были возвратиться с полпути. Вследствие этого русские возгордились, а наши солоны, цилэр, элэчунь и прочие народы затаили сомнение и недоверие. Мы тщательно продумали причины этих неудач и разработали план, благодаря чему и добились военной победы...» [173, 677]. Ваны и дачэни опять ответили на это послание выражением своих верноподданных чувств и восхвалением императора Канси.

Далее Канси в третьем за этот день специальном указе остановился на тех благоприятных знамениях, которые якобы предсказывали победу маньчжурскому войску перед началом осады Албазина [25].

В ответном слове подданные подчеркнули, что на основании указаных знамений можно заключить, что благоденствие государства будет продолжаться вечно и его благополучие не будет знать предела.

Император позволил начать церемонию. Все ваны и чиновники совершили церемониал трех коленопреклонений и девяти земных поклонов [12, цз. 121, 9б—12б; 18, цз. 2, 16б—19б; см. также 173, 676—678].

Заслуга Пэнчуня была высоко оценена Канси. «Шэнцзу шилу» 19 ноября 1685 г. сообщает: «Военное ведомство установило (проверило): дутун Пэнчунь покорил русских в Албазине. Это следует считать военной заслугой первой степени». «Император наложил резолюцию: „Эта военная заслуга несравнима с заслугами Минъаньдали и других. В течение многих лет мы не могли изгнать [русских]... Эту победу еще мало считать заслугой первой степени. Ее следует назвать первой среди военных заслуг первой степени. Цзянцзюню Сабсу тоже

следует вместе [с Пэнчунем] доложить [о своих заслугах]"» [12, цз. 122, 24б—25а], т. е. подать рапорт для своего последующего награждения в соответствии со степенью военной заслуги. Это свидетельствовало о том, что Сабсу был прощен императором Канси.

После разрушения Албазина маньчжурские войска сразу же были отведены в крепость Хэйлунцзян. Небольшой гарнизон остался в крепости, а основные силы возвратились на территорию Мукдена.

Пришедшим в Нерчинск албазинцам нерчинский воевода И. Власов приказал вернуться обратно, «чтоб не потерять Даурской земли и побежной славы из Нерчинска не учинить». Посеянные албазинцами весной 1685 года хлеба оказались целыми, маньчжурское войско в действительности не уничтожило их. Русские собрали урожай и отстроили Албазин вновь. Крепость была на этот раз обнесена земляным, обложенным дерном и облитым глиной валом высотой в полторы сажени.

Маньчжуры считали, что с Албазином и русским проникновением в Приамурье покончено. После получения победной реляции о разрушении Албазина Канси, по-видимому, полагал, что кампания закончена, а русский суверенитет над Приамурьем ликвидирован. В течение более чем полугода (до 11 февраля 1686 г.) Канси ничего не знал о возвращении русских в Албазин и восстановлении города и разработал планы закрепления в Хэйлунцзяне. В целях дальнейшей колонизации края маньчжурское правительство намеревалось в первую очередь заняться строительством почтового тракта и развитием земледелия.

Прежде всего Канси обратил внимание на улучшение почтовой службы. Был издан указ, определивший, что для обслуживания каждой новой станции строившегося тракта требуется 30 тягловых людей и одного бошику, кроме того, необходимо иметь 20 лошадей и 30 голов крупного рогатого скота [26]. Обслуживающий персонал был набран с почтовых станций, подведомственных мукденскому и нингутаскому цзянцзюням, а также на территории за Ивовым палисадом. Обеспечение почтовых станций лошадьми и скотом было возложено на мукденское ведомство финансов.

В этот период маньчжурские сановники в своих донесениях неоднократно подчеркивали важность и стратегическое значение Хэйлунцзяна и вновь созданных маньчжурских опорных пунктов в крае для борьбы с русскими. Именно в этот период центром пребывания маньчжурской администрации на Амуре становится Моргэнь (совр. г. Нуньцзян). Выбор его был не случаен. Местоположение Нуньцзяна было удобным для маньчжуров, так как он находился значительно южнее крепости Хэйлунцзян, на р. Нонни, ближе к старым центрам маньчжурской колонизации на Северо-Востоке.

В этой связи представляет определенный интерес следующее донесение Государственного совета, поданное на высочайшее рассмотрение 24 октября 1685 г.: «Местность Моргэнь имеет очень важное значение. Здесь следует построить город и разместить войска, а также приказать цзянцзюню Сабсу и одному фудутуну устроить свою резиденцию. Установить, что в Хэйлунцзяне будет [проживать] один фудутун. Гарнизон крепости должен насчитывать 500 воинов из Гирина и Нингуты. Сосланных сюда преступников включить в число воинов и отправить на место. В связи с тем, что в Моргэне будут размещены войска, следует увеличить здесь число почтовых станций. Приказать ведомству финансов, военному ведомству и Управлению внешних сношений послать в [Моргэнь для обследования] по одному чиновнику. Между Гирин-ула и Моргэнем, а также Моргэнем и Хэйлунцзяном построить еще несколько [почтовых] станций. Вышеозначенное следует обсудить, вынести решение и сообщить нам. Фудутунам, назначенным в хэйлунцзянский гарнизон, отлить и вручить печати. Фудутунам Вэньдаю и Нациню приказать стоять с пограничным гарнизоном в крепости Хэйлунцзян и строить здесь город. Ожидаем высочайшего указа» [12, цз. 122, 14а—14б].

Следует особо обратить внимание на упомянутый в этом документе факт отливки и вручения хэйлунцзянским военным наместникам официальных печатей — акт, имевший в цинском Китае чрезвычайно важное значение. Вручение печатей обозначало официальное назначение лиц на занимаемые должности, предоставление им отныне всех полномочий, связанных с этим официальным назначением, а также внесение этих должностей в цинскую табель о рангах. Таким образом, это событие произошло только в конце октября 1685 г.[27]. Это свидетельствует о намерении Цинов включить район Хэйлунцзяна в число внешних пограничных территорий, находившихся под управлением военных наместников — цзянцзюней.

Из этого донесения также ясно, что крайним пунктом на севере, где находился в это время маньчжурский гарнизон, являлась крепость Хэйлунцзян. Это также можно рассматривать как свидетельство о подлинных границах сферы распространения влияния маньчжуров в Приамурье.

Канси одобрил приведенные выше предложения Государственного совета. Вэньдаю и Нациню предписывалось оставаться с войском в крепости Хэйлунцзян. Фудутун Бодин должен был строить г. Моргэнь. Канси вновь поставил вопрос о более широком привлечении войск, расквартированных на Амуре, к несению трудовых повинностей и, как и прежде в своих ранних указах, настойчиво требовал, чтобы маньчжурские воины всемерно развивали на Амуре земледелие [см. 12, цз. 122, 14а—14б].

Положение с земледелием в Приамурье не без основания беспокоило Канси. Развивалось земледелие на Амуре очень плохо, по-видимому прежде всего из-за отсутствия необходимых практических навыков. Когда 7 ноября 1685 г. ведомство финансов предложило выдавать воинам и офицерам в крепости Хэйлунцзян и Моргэне в будущем, 1686 г. провиант только до уборки ими осеннего урожая, а после сбора урожая продовольственное снабжение их прекратить, то Канси воспротивился этому и наложил резолюцию о выдаче войску на Амуре полного полагающегося продовольственного пайка [см. 12, цз. 122, 19б—20а].

9 февраля 1686 г. Канси направил на Амур Мала, которому поручалось развивать там земледелие. Указ, данный в напутствие Мала, гласил: «Занятие земледелием непосредственно связано с получением провианта для войска. Следует накопить достаточные запасы зерна. Персоналу местных почтовых станций также [следует] приказать всемерно возделывать поля. Вы направляетесь туда для того, чтобы поднять земледелие, добиться богатых урожаев» [12, цз. 124, 3б—4а].

21 ноября 1685 г. в Хэйлунцзян был назначен цзунгуань (главноуправляющий) над солонами — бывший мукденский цзянцзюнь Аньчжуху [см. 12, цз. 122, 26а]. Но только 17 марта 1686 г. цинские власти приняли решение выдать цзунгуаню солонов и начальникам монгольских аймаков печати на их должности, т. е. официально утвердило их в табели о рангах Цинской империи, причем эти должности соответствовали рангу дутунов (командующих знаменными корпусами) на внутренней территории [см. 12, цз. 124, 20б—21а].

Все эти меры свидетельствуют о том важном значении, которое маньчжуры придавали привлечению на свою сторону местного приамурского населения. Это подтверждает и тот факт, что, когда ведомство финансов предложило не выдавать вознаграждений (отдаривания) тем хэйлунцзянским солонам и даурам, которые представляли в качестве дани низкосортные шкурки соболя, Канси в резкой форме отверг это предложение и приказал продолжать полностью выдавать положенное вознаграждение даже и за некачественные шкурки. При этом он отметил: «Солоны и дауры строили для большого войска в Хэйлунцзяне почтовый тракт, следует помнить об их заслугах и проявлять великодушие. Выдавать, как и прежде, вознаграждения» [12, цз. 122, 18а]. Все эти хозяйственные и административные мероприятия осуществлялись Канси еще до получения им известия о восстановлении русскими Албазина.

После разрушения Албазина Канси, очевидно, решил, что с русским проникновением все покончено, и, по-видимому, предполагал заключить с Русским государством мирный договор, предусматривавший разграничить территорию между

двумя государствами по землям Нерчинского уезда. В указе цинского императора говорилось: «Большое войско выступило в поход на Русское [государство], разрушило город Албазин... запретив русским возвращаться. В это время наше войско еще не захватило земли Нерчинска. Следует границу установить по землям Нерчинска и запретить русским нарушать здесь границу. Известно, что за [этим] рубежом находятся места их промыслов» [12, цз. 124, 4а—4б].

Этот второй «вариант» установления границы между двумя государствами тоже совершенно игнорировал реальную историческую обстановку, сложившуюся к тому времени на Дальнем Востоке, и громадные успехи русского хозяйственного освоения края. Канси продолжал действовать путем грубого нажима. Эти территориальные притязания Канси были нереальными и неприемлемыми для русской стороны и от начала до конца носили захватнический и агрессивный характер.

Подготовка маньчжуров к вторичному нападению на Албазин и его безуспешная осада

11 февраля 1686 г. из донесения Сабсу цинское правительство узнало, что русские возвратились в Албазин и восстановили город. Первым желанием Канси после получения этого известия было стремление тотчас же уничтожить вернувшийся отряд. Он, видимо, был готов отдать приказ о немедленном выступлении на Албазин. «Ныне Сабсу и другие доносят, — говорилось в указе,— что русские вновь отстроили Албазин. Следует немедленно выступить на них походом и уничтожить» [12, цз. 124, 4а—4б].

Несмотря на категорический тон начала указа, в нем далее говорилось о том, что с походом следует обождать до переезда в местность Хэйлунцзян и Моргэнь семей офицеров и воинов, после чего и надлежало отправить войска. Для обсуждения вновь возникшей проблемы Албазина Канси распорядился собрать расширенный совет с участием государственных советников бэйлэ, дачэней и принимавших ранее участие в военных действиях против русских — Пэнчуня, Дунбао, Баньдарша, Лантаня и др. [см. 12, цз. 124, 4а—4б].

Свидетельством того, с какой решительностью цинское правительство принялось за подготовку второго похода на Албазин, может служить указ Канси военному ведомству и ведомству общественных работ от 3 марта 1686 г., в котором говорилось, что, как только зазеленеет трава, следует срочно отослать на 200 верблюдах авангарду войска на Амуре порох и пушки, в том числе вновь отлитые. Предусматривалось так-

же послать на Амур дополнительный отряд войск под командованием Баньдарша и Лантаня и в сопровождении других офицеров [см. 12, 124, 12б].

Однако обстоятельства требовали большой осмотрительности, и Канси решил принять все необходимые меры предосторожности. Вновь серьезное внимание было уделено сбору разведывательных данных. Под 6 марта 1686 г., т. е. менее чем через месяц после появления первого известия о восстановлении Албазина, в маньчжурских хрониках помещены документы, позволяющие уточнить обстоятельства, при которых маньчжуры узнали о возвращении в Албазин русских поселенцев. Здесь полностью приводится присланное в Пекин с места донесение хэйлунцзянского цзянцзюня. «Ранее в своем докладе,— говорится в донесении,— Сабсу сообщал, что цзяоцисяо [28] Сяокэсэ и другие были посланы им в разведку для выяснения положения русских. Возвратившись, Сяокэсэ донес: „Я прибыл в места, граничащие с Албазином. Так как у меня было мало людей и лошади очень устали, я не смог дойти до Албазина. На обратном пути я встретил цилэра Цинцзира, который сообщил, что русские снова вернулись в Албазин, отстроили город и готовятся к осаде. Я, верноподданный, прошу вашего разрешения, чтобы ко времени таяния снегов направить [к русскому городу] построенные корабли и мне лично повести воинов и офицеров на истребление [неприятеля]"».

Канси, не ожидавший возвращения русских обратно в Албазин, видимо, не поверил этому сообщению. «Ознакомившись с докладом Сабсу,— говорится в „Шэнцзу шилу",— его величество решил, что он основан на слухах и что Сабсу не посылал людей для разведки положения в Албазине и получения достоверных сведений. Поэтому нельзя, не имея достаточных оснований, посылать войска. Император повелел Сабсу и ланчжуну Маньпи добыть точные сведения и доложить» [12, цз. 124, 15а—16а; 241, цз. 14, 29б—30а].

Какие же данные о восстановлении Албазина прислали маньчжурские разведчики? В донесении Маньпи говорится: «Я, верноподданный, послал второго вождя солонов Умубурдая и других к Албазину. Они захватили русского О-кэ-со-мукэ (Аксенка.— *Г. М.*), который на допросе сообщил, что в прошлом году начальник Нерчинска Иван [Власов] отправил войска, чтобы вернуть русских [обратно в Албазин]. Алексей [Толбузин] во главе 500 человек снова прибыл в Албазин и отстроил город на прежнем месте. На наш вопрос — на сколько месяцев русским хватит продовольствия, [русский] ответил, что продовольствия им вполне хватит на два года» [12, цз. 124, 15а—16а; 241, цз. 14, 29б—30а].

Окончательно удостоверившись в том, что русские вновь поселились в Албазине, Канси издал серию указов о под-

готовке к новому наступлению на город. Сообщения о сильных укреплениях Албазина заставили Канси отнестись к этой подготовке весьма серьезно.

В июне 1686 г. Канси приказал цзянцзюню Сабсу с войском из Нингуты, Гирина и внутренних провинций Китая выступить и осадить Албазин [см. 17, цз. 3, 73]. Было всемерно укреплено командование маньчжурскими войсками на Амуре. В действующую армию были направлены в качестве советников по военным делам Лантань, Баньдарша и Мала, «как хорошо знающие местность» [12, цз. 125, 15б; 5, цз. 153, 18а].

Перед отправлением Лантань на высочайшей аудиенции у императора получил указания о том, как следует действовать в новой обстановке: «Вам в этом походе надлежит действовать осторожно. Нужно, как и при предыдущей капитуляции русских, разъяснить им наш указ о том, что они, русские, будучи людьми другого государства, рискуя своей жизнью ради корысти, беспокоят наши границы. Ныне вновь прибыло большое войско, и вы должны немедленно покориться, в противном случае вы все будете уничтожены. После захвата Албазина сразу же идите на Нерчинск, а после окончания дела возвращайтесь в Албазин, разместите [там] войска и перезимуйте. Не разрушайте города русских и не причиняйте ущерба их полям, ибо, когда хлеба поспеют, мы их соберем и используем для снабжения нашего [войска]» [5, цз. 153, 18б] [29].

11 июня маньчжурские командующие прибыли на Амур и, разделив свои войска на две группы, двинули их на Албазин по воде и по суше.

6 июля войска маньчжуров соединились вместе в местности Чакэдань, неподалеку от Албазина, который на этот раз был значительно лучше снабжен боеприпасами и продовольствием [см. 216, 124]. Маньчжурский отряд, засланный к городу для «увещевания» его защитников, был встречен ружейной и пушечной стрельбой. Неоднократные попытки маньчжуров овладеть Албазином не имели успеха. Маньчжурские войска вынуждены были начать длительную осаду города, но она не принесла им заметного успеха, несмотря на их численное превосходство.

Много интересных подробностей относительно хода военных действий встречается в «Биографии Лантаня» [см. 5, цз. 153, 19а—20а; 173, 693—694]. Этот источник утверждает, что после нападения русских 18 августа на батареи маньчжуров с целью их захвата защитники Албазина якобы больше не совершали вылазок из города. Маньчжуры же после нескольких неудачных приступов стали подвергать город обстрелу из пушек, чем их активность в основном, по-видимому, и ограничивалась [5, цз. 153, 19б—20а].

Под 10 сентября маньчжуро-цинские источники отмечают: «Наше войско осадило город Албазин. Русские оказались в тяжелом положении» [12, цз. 127, 8б].

Для маньчжурских войск потребовалось дополнительное количество военного снаряжения, и император направил указ военному ведомству и Управлению внешних сношений, поручив им организовать подготовку снаряжения силами местных солонов и дауров, освободив последних на один год от несения всех других повинностей, в частности поставок в качестве дани фуража для лошадей [см. 12, цз. 127, 8б—9а].

Строительство почтового тракта от Моргэня до Албазина не было завершено, не хватало фуража для рабочего скота, не были определены число станций и штаты на них. Именно в этот период (сентябрь 1686 г.) на местных солонов и дауров была дополнительно возложена ямщицкая повинность. Их обязали при этом работать на собственных лошадях. За выполнением всех этих обременительных повинностей предписывалось следить главнокомандующему над солонами — Хунцзи [см. 12, цз. 124, 8б—9а]. Обслуживание маньчжурского войска на Амуре ложилось огромной тяжестью на местное население, безусловно, вызывая его недовольство.

В этот период Канси продолжал настаивать на своих территориальных претензиях к Русскому государству. В своем указе Государственному совету от 14 сентября 1686 г. он, не утруждая себя приведением каких-либо доказательств, вновь утверждал, что Албазин и Нерчинск принадлежали ранее маньчжурам. В указе вновь присутствовала фраза, что русские якобы захватили эти два пункта у Цинской империи; в нем упоминалось о пересылке с голландским посланником грамоты в Россию. В грамоте сообщалось о намерении цинского правительства «вернуть» обратно Албазин и Нерчинск и содержалось предложение об установлении границы между двумя государствами «по Якутской области». Границу эту ни одна из сторон не должна впредь нарушать [см. 12, цз. 127, 10а—11а] [30].

Однако это были лишь одни слова. Делая «миролюбивые» предложения, маньчжурская сторона в то же время продолжала развертывать агрессию против административного центра Русского государства на Амуре — г. Албазина. К осаждающей город маньчжурской армии, численность которой, по маньчжурским источникам, была 2100 человек (только одних воинов, не считая слуг и оруженосцев), постоянно прибывало подкрепление. Так, в октябре 1686 г. источник помещает следующую запись: «Ранее фудутун Бодин предлагал взять 200 офицеров и воинов, занятых строительством городских стен (в Моргэне. — *Г. М.*), для похода на русских. Данный вопрос по высочайшему повелению был

передан для обсуждения цзянцзюню Сабсу и другим. Ныне Сабсу с товарищами докладывают: „Мы, верноподданные, имеем под своим командованием 2100 человек, и все же при обороне чувствуется нехватка сил. Прибытие воинов Бодина было бы весьма кстати". Император приказал Бодину отобрать 200 воинов, занятых на постройке городской стены и в земледелии, снабдить их двухмесячным запасом провианта и срочно отправить в армию Сабсу. Кроме того, приказал Бодину помогать Сабсу вести военные действия» [см. 12, цз. 127, 15б—16а].

Затянувшаяся осада Албазина, приближение морозов поставили перед маньчжурской армией на Амуре ряд весьма серьезных проблем. Эти трудности находили свое отражение как в императорских указах, так и в донесениях с мест от хэйлунцзянского командующего. Для их характеристики достаточно привести хотя бы два таких документа из официальной переписки того времени, относящихся к октябрю 1686 г.

В указе Канси хэйлунцзянскому цзянцзюню говорилось: «Постепенно приближаются холода, скоро станут реки. В связи с этим вы должны тщательно и заблаговременно все обдумать. Очевидно, что после возвращения в Албазин русские будут ждать подхода подкрепления; они надеются, что наше войско уйдет, как только замерзнет река. В настоящее время, кроме того что вы копаете рвы для обороны, надлежит также тщательно разработать мероприятия, необходимые для охраны наших кораблей после того, как станет река, для обеспечения фуражом лошадей и отражения нападения противника в случае подхода к нему [из Нерчинска] подкрепления» [12, цз. 127, 15а].

Вскоре Сабсу доложил: «Мы, верноподданные, строго выполняем высокое повеление. В настоящее время вокруг крепости с трех ее сторон вырыты рвы и воздвигнуты стены. За рвами поставлены деревянный частокол и рогатки. Повсюду расставлены сторожевые посты. К западу от города, на противоположном берегу реки, размещен отряд. Если держать наши суда у восточного или у западного берега реки, то здесь быстрое течение и их может снести вниз. Мы опасаемся, что пока река не замерзла, к русским может подойти подкрепление из Нерчинска. Поэтому мы разместили воинов по обоим берегам, у которых поставлены наши суда. В 6—7 ли от города вверх по течению реки имеются удобные бухты, где мы можем оставить наши суда после того, как река станет. Для охраны судов выделен специальный отряд, которому вменено в обязанность пресечь дорогу русским, если они выступят [из Нерчинска] на помощь своим. Половину истощенных лошадей следует отправить в г. Хэйлунцзян, а остальных — в Моргэнь и приказать мукденским офицерам и воинам содержать их» [12, цз. 127, 15а—15б] [31].

На просьбу о размещении лошадей Канси ответил, что если поступить, как предлагают, то значительно будут перерасходованы и фураж, и провиант, поэтому следует отправить истощенных лошадей на содержание главнокомандующему над солонами Хунцзи. Таким образом, Канси опять-таки рассчитывал переложить расходы по содержанию этих лошадей на местных солонов. Мукденских же офицеров и воинов предлагалось отправить из Хэйлунцзяна обратно. Лошадей, направленных в амурское войско, предписывалось содержать за счет средств офицеров и воинов на местах [см. 12, цз. 127, 15б].

Из приведенных документов ясно, что в центре внимания маньчжуров по-прежнему оставались вопросы защиты от возможного нападения русских, снабжения проводольствием и фуражом. В октябре — ноябре 1686 г. особенно тяжелым было положение с фуражом. Об этом неоднократно упоминалось в указах Канси.

Маньчжурская армия, размещенная на Амуре, постоянно требовала подкрепления. На непрерывно поступавшие из Государственного совета и из военного ведомства предложения об увеличении для нужд обороны численности маньчжурских войск в Мукдене из-за «обширности этих мест», а также о выделении и перемещении на Амур дополнительно 1500 воинов из Нингуты и Гирина [см. 12, цз. 127, 18а—18б] Канси отвечал отказом. На последнее из таких присланных ходатайств император наложил резолюцию: «Подождать с исполнением до осени и тогда доложить вновь» [12, цз. 127, 18а—18б].

Передислоцировать войска, безусловно, было насущно необходимо, однако все упиралось в первую очередь в нехватку продовольствия и фуража. С наступлением осени советники вновь обратились к Канси с просьбой разрешить перемещение войск, на что цинский правитель повелел: «В Мукдене, хотя, как утверждают некоторые, почвы тучные, население же редкое и отнюдь нет избытка продовольствия. Опасаюсь, что, если здесь разместить большое войско, цены на зерно резко поднимутся. Предложения членов Государственного совета далеки от совершенства. Повелеваю шилану Гопи и сюеши Чаньбу срочно отправиться к цзянцзюню Мингаю и фудутунам для совета и о результатах доложить» [12, цз. 127, 18б—19а].

Вскоре Гопи и другие донесли: «Мы, подданные, встретились и посовещались с Мингаем. Дополнительные войска из Гирина и Нингуты должны быть немедленно посланы для обороны. Выделять дополнительное войско из Мукдена нет необходимости... Совершенно очевидно, что провианта будет недостаточно, а развитие земледелия отстает. Следует приказать упомянутому цзянцзюню и другим изыскать возмож-

ность заблаговременно закупить необходимый провиант в Синцзине и других местах» [12, цз. 127, 18б—19а].

На это конкретное предложение снова был получен отказ. Канси ответил: «В настоящее время стоят холода и следует временно отложить отправление воинов в гарнизоны. Следует подождать до уборки урожая в будущем году и тогда отправлять войска. Повелеваю совместно обсудить меры по [развитию] земледелия и доложить военному ведомству и ведомству финансов» [12, цз. 127, 19а].

Приведенная переписка позволяет судить об остроте продовольственной проблемы и свидетельствует о чрезвычайно слабом развитии маньчжурского земледелия в Хэйлунцзяне и вообще на Северо-Востоке. Приведенный выше материал позволяет также сделать заключение о значительных трудностях, которые испытывала маньчжурская армия, осаждавшая Албазин. Отсутствие заметных военных успехов, затянувшаяся четырехмесячная осада, постоянное опасение нападения русских со стороны Нерчинска, наконец, вспыхнувшие в маньчжурском войске эпидемии — все это подрывало боевой дух маньчжурских воинов.

Во многих указах цинского императора в конце 1686 — начале 1687 г. настоятельно подчеркивалась важность развития земледелия в Приамурье и с особым вниманием отмечались все, даже самые небольшие, успехи в этой области. Так, например, специальным указом отмечался хороший урожай, собранный на землях, находившихся в ведении Боци, заслугу которого в связи с этим предлагалось записать в реестр [см. 12, цз. 128, 12б].

Нараставшие трудности со снабжением войска, сконцентрированного на Северо-Востоке, вынудили Канси 19 января 1687 г. издать указ, запрещающий вывозить зерно с этой территории. В указе говорилось: «Мы получили сведения, что имеют место случаи перевозки зерна из Шэнцзина за Шаньхайгуань (на территорию собственно Китая.— *Г. М.*); иногда зерно перевозят морем в Шаньдун. Создание продовольственных запасов всегда представляло для нас важную проблему, тем более это важно теперь, когда численность войск гарнизонов [Северо-Востока] возросла, и, дабы не возникло нехваток, необходимо увеличить количество продовольствия. Надлежит запретить торговлю зерном. Вам (дасюеши и др.— *Г. М.*) следует приказать своим подчиненным направить письма шилану ведомства финансов и прочим, чтобы они провели эти указания в жизнь» [12, цз. 127, 23б—24б].

В «Шэнцзу шилу» отмечено, что 13 ноября 1686 г. прибыла грамота от московского правительства (грамота от 10 декабря 1685 г.). В переводе с китайского языка текст этой грамоты звучит следующим образом:

«Русский царь прислал посланника с донесением: „Пожа-

лованную [цинским] императором грамоту в нижестоящей стране (Русском государстве.— *Г. М.*) не могли прочитать. Когда Николай [Гаврилович Спафарий] вернулся, мы расспросили его. [Тот] ответил, что сановники Цинской империи [сообщили], что русские не возвращают беглеца Гантимура, устраивают на границах смуту; последнее время русское пограничное население сеет вражду и создает беспорядки. Цинский император послал на границу войска. Мы со всей настойчивостью просим выявить тех, кто виновен в смуте и прислать к нам [в Русское государство] для наказания по закону. Вместе с тем мы посылаем посланника для обсуждения и установления государственных границ между нашими странами. Прежде этого посылаем Никифора Венюкова, Ивана Фаворова и других срочно ехать [в Китай] с грамотой. Просим снять осаду Албазина, а также [надеемся, что Император] пришлет подробную грамоту, содержащую ясное повеление нашей стране"» [12, цз. 127, 23б—24б] [32].

Язык перевода дает понятие о характере и стиле обработки поступающих иностранных дипломатических документов, присылавшихся в цинский Китай, их беззастенчивом искажении и переделке под стандартный образец чиновниками соответствующих цинских ведомств.

Под этой же датой в «шилу» приводится ответ Канси на эту грамоту: «Русский царь, соблюдая этикет, говорит о мире и посылает гонца с просьбой снять осаду Албазина. Мы не намеревались уничтожить город и теперь желаем проявить великодушие. Приказываю Сабсу и другим: „Отведите войско от Албазина и сконцентрируйте его в одном месте. Разбейте [свой] лагерь поблизости от боевых кораблей. Зачитайте просвещенный указ русским, находящимся в городе, разрешите им выходить из города и входить обратно, не допускайте произвола и захватов"» [12, цз. 127, 23б—24б]. Затянувшаяся осада Албазина, назревавшая напряженность во взаимоотношениях между Джунгарским ханством и Халхой глубоко тревожили Канси. Именно они послужили подлинной причиной немедленного согласия цинского императора на мирные переговоры с русским послом.

Дело было не в каком-то «великодушии» Канси, а в том, что затянувшаяся осада срывала все планы императора Цин. Маньчжурское войско оказалось под Албазином в крайне тяжелом положении. Не добившись быстрой победы, маньчжуры начали жестоко страдать от голода. От «хлебной скудости» у них начался мор. Общие потери маньчжуров достигли свыше 2500 человек [35, 144].

Получив указ Канси о снятии осады Албазина, Сабсу, видимо, некоторое время выжидал. Маньчжуры по-прежнему оставались в непосредственной близости от Албазина. Только 13 мая 1687 г. войска отошли от города на 20 ли в местность

Чакэдань [см. 5, цз. 153, 20б]. Фактическое снятие маньчжурами блокады Албазина последовало только 19 августа, когда маньчжурские войска были отведены в Айхунь и Моргэнь [см. 17, цз. 3, 83—84].

Канси продолжал без устали подчеркивать настоятельную важность проблемы продовольствия для войск в Приамурье, указывал на то, что необходимое зерно обеспечивается только за счет поставок с территории Мукдена, требовал установить твердые нормы снабжения и не допускать перерасхода [см. 12, цз. 131, 12а—12б]. Новым моментом в инструкции от 5 ноября 1687 г. было указание на необходимость создания из местных людей без определенных занятий казенных поселений, которые должны приняться за поднятие целинных земель [см. 12, цз. 131, 12а—12б].

Проблемы обеспечения войск продовольствием в течение всего 1687 г. продолжали серьезно беспокоить Цинов. Оценка состояния маньчжурских войск, остававшихся на Амуре, приводится в указе Канси от 28 ноября 1687 г. начальнику военного ведомства. В этом указе отмечалось:

«Хэйлунцзян очень важен для нас. Размещенные там войска испытывают большие трудности. Это нам хорошо известно. Русские, вторгшись в эти места, захватили земли наших дауров и солонов и таким образом тревожили наши границы более 40 лет; порядок здесь не был установлен. Позднее мы заготовили достаточно провианта, чтобы разместить в Хэйлунцзяне постоянное пограничное войско, которое могло бы оттеснить русских. Оказавшись в критическом положении, русские много раз обращались к нам с просьбой о мире. В настоящее время [для переговоров] едет русский посланник, но он еще не прибыл.

Если у нас не будет достаточного запаса продовольствия, мы не сможем добиться победы, как это и было при походах на русских Шархуды и Тахая [33]. Эти события произошли совсем недавно, и всем хорошо об этом известно. Мы предприняли все меры, чтобы в результате доставки зерна с земель Мукдена и развития земледелия на местах обеспечить продовольствием наше войско. Однако местные чиновники не заботятся об экономном расходовании продовольствия. Они раздают его тем, кто бесполезен [для дела], относятся к своим обязанностям спустя рукава, рассчитывая на то, что когда запасы провианта иссякнут, то в связи со сложившимся положением они будут отозваны обратно. Если бы эти местные чиновники могли бы поручиться своей жизнью и жизнью своих родных, что русские не вторгнутся в наши [земли], то мы, действительно, могли бы отозвать их обратно, Если наши войска будут отозваны, русские все равно не смогут сразу же продвинуть [на Амур] большие силы. Об этом наши местные военачальники хорошо знают. Но русские вполне могут

поступить и так: постепенно скапливаясь группами по одному-два или до десяти человек в районе Хэйлунцзяна и Сунгари, начнут возводить там бревенчатые крепости и укрепятся в этих местах. Тогда нам уже будет трудно одолеть их, потому что русские войска займут положение хозяев, а наши войска окажутся в положении гостей [пришельцев] (разрядка наша.— *Г. М.*).

Если же мы постараемся создать большие запасы продовольствия и разместить постоянные гарнизоны, то положение наших войск будет прочным, а русские, напротив, будут испытывать затруднения. Отсюда ясно, что русские не смогут пробиться малыми силами, а если же они пришлют большие силы, то как они перевезут продовольствие для такой большой армии! Если же в районе Хэйлунцзяна мы не оставим постоянные гарнизоны, то бассейны Сунгари, Амура и земли вне их, равно как и население этих районов, мы не сможем удержать в подчинении (разрядка наша.— *Г. М.*).

На вас возлагается особая миссия. После прибытия на место вам надлежит тщательно и серьезно обдумать, как добиться того, чтобы в течение длительного времени здесь была необходимая армия и достаточно продовольствия. Посоветуйтесь по этому вопросу, чтобы не пришлось посылать вас вторично» [12, цз. 131, 16б—18а] [34].

Этот указ представляет несомненный интерес. В нем совершенно четко и недвусмысленно Канси признает отсутствие в 1687 г. маньчжурских населенных пунктов или постов и маньчжурских гарнизонов не только в Приамурье, но и на р. Сунгари. Из указа вытекает, что владение бассейном Сунгари Канси ставил в непосредственную зависимость от закрепления маньчжуров на Амуре, что объясняет стратегическую важность Приамурья в расчетах цинских политиков.

Признание императора Канси имеет, на наш взгляд, чрезвычайно важное значение в связи с теми значительными территориальными притязаниями к Русскому государству, которые были выдвинуты маньчжуро-цинской стороной в указах императора и на нерчинских переговорах, и является еще одним ясным доказательством (представленным к тому же маньчжурской стороной) полной безосновательности таких притязаний.

Из указа ясно также, какое огромное и даже решающее значение имела проблема обеспечения продовольствием маньчжурского войска, направленного в 80-х годах на Амур. Именно в прямую зависимость от состояния дел с продовольствием Канси ставил вопрос о прочности положения маньчжуров на территории правобережья Амура и его среднего течения, о возможности их закрепления на берегах Амура. В указе также признается, что проблема продовольствия, все

больше осложнявшаяся с удалением маньчжуров от их опорных баз на Северо-Востоке, представляла к концу 1687 г. весьма реальную угрозу и являлась основной причиной, которая могла вынудить маньчжурские войска уйти с Амура и нижнего течения Сунгари, т. е. оставить те позиции, которые были ими с неимоверным трудом достигнуты к этому времени. Все это объективно отражает общую слабость прежде всего маньчжурских позиций за тогдашним рубежом Цинской империи — Ивовым палисадом.

В этой же связи небезынтересно отметить признаваемые в указе упадочнические настроения и низкий боевой дух многочисленного маньчжурского войска, длительное время безуспешно осаждавшего Албазин, а также неоднократные указания Канси на наличие у маньчжурских военачальников стремления вообще поскорее уйти с Амура, оставив дальнейшую осаду Албазина. Об аналогичных фактах мы уже говорили выше.

В указе отмечается, что войска, находящиеся на Амуре, испытывают большие трудности, которые еще больше усугубились возникшими в начале 1687 г. эпидемическими заболеваниями [35]. Все это и явилось подлинными причинами, обусловившими немедленное согласие Канси на прекращение военных действий в Приамурье, маскируемое фразеологией о каком-то «великодушии». Воспользовавшись мирной инициативой Русского государства, Канси отдал приказ об отступлении маньчжуро-цинских войск от Албазина после безуспешной пятимесячной осады города и более чем трех лет подготовки к войне в Приамурье.

Наконец, заслуживает внимания и то отмеченное в указе обстоятельство, что Канси не только допускал реальную возможность оставления маньчжурами этого района, но и ясно представлял себе возможность, вслед за уходом маньчжуров, возвращения и дальнейшего продвижения русских не только по Амуру, но и в бассейн Сунгари, где на огромной территории вплоть до Гирина маньчжуры не имели никаких опорных баз и фактически ничего не смогли бы противопоставить этому русскому продвижению.

Указ Канси еще раз является важным доказательством того, что земли по Амуру и Сунгари и их притокам являлись до прихода сюда русских нейтральной территорией, совершенно не освоенной и не включенной в состав Цинской империи.

Однако, несмотря на наличие всех этих признаний, в указе по-прежнему встречается противоречащая им терминология. Например, утверждения о «вторжении» русских, «захвате» ими мест жительства «наших дауров и солонов» и пр.

Такова воссозданная исключительно по официальным маньчжуро-цинским источникам картина трехлетней подго-

товки и развязывания Цинской империей захватнических действий в Приамурье в 80-х годах XVII в., а также результатов этой экспансионистской политики Цинов к моменту снятия маньчжурскими войсками второй осады Албазина. Следующим актом амурской эпопеи в XVII в. была Нерчинская мирная конференция, на которой маньчжурские дипломаты, опираясь на силу цинской армии, оккупировавшей территорию Албазинского уезда и стоявшей под стенами Нерчинска, навязали русской стороне тяжелые территориальные условия мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После отвода маньчжуро-цинских войск из-под Албазина начался этап подготовки мирных переговоров по территориальному разграничению в Приамурье владений Русского государства и Цинской империи. Эти переговоры состоялись в 1689 г. в Нерчинске в условиях продолжавшейся агрессии маньчжуро-цинской стороны на Амуре.

Присоединяясь к уже имеющейся в советской исторической науке оценке военных действий, развязанных в 1683—1686 гг. Цинской империей в Приамурье, как захватнической войны и агрессии, мы вполне согласны и с высказанной нашими предшественниками — Л. И. Думаном, В. А. Александровым, В. С. Мясниковым, П. Т. Яковлевой [96; 35; 173; 216] точкой зрения, что Нерчинский договор был заключен в обстановке шантажа и военного давления маньчжуро-цинской стороны на русское посольство, обусловивших значительные территориальные уступки со стороны Русского государства в пользу Цинской империи.

В этой связи следует отметить, что русско-китайский Нерчинский договор 1689 г. явился отражением того соотношения сил, которое было достигнуто в Приамурье ко второй половине 80-х годов XVII в.

Нам представляется совершенно правильной точка зрения В. С. Мясникова о том, что главной фактологической базой для изучения истории Нерчинской конференции должны явиться русские архивные документы. История этого первого русско-китайского договора 1689 г. и его оценка, которым в советской исторической литературе последних лет уже была посвящена специальная монография, безусловно, являются предметом особого исследования [см. 173, 5—54].

Мы позволим себе коснуться здесь только некоторых аспектов этой проблемы, непосредственно связанных с темой нашей работы. Материалы, выявленные нами в использованных маньчжуро-цинских источниках, позволяют сделать некоторые важные дополнения к работам наших предшественников. Например, уточнить состав цинского посольства на нерчинских переговорах, в течение длительного времени формировавшегося цинским правительством. Несмотря на официальное согласие Канси включить в состав посольства равное число китайцев и маньчжуров, последние составляли в нем абсолютное большинство. Первым послом был назна-

чен князь Сонготу (китайская транскрипция его имени — Соэту), член Государственного совета, крупнейший сановник Цинской империи, командующий личной гвардией императора Канси. Вторым послом — дядя Канси, высший командир одного из знамен (корпусов) — Тунгоган [см. 5, цз. 153, 21б; 12, цз. 134, 15а] [1]. Третьим — командующий одним из восьми монгольских знамен — Лантань.

Помимо этих трех главных послов в состав посольства входили также Алинай (Арни), Маци, Баньдарша, Мала, Сабсу, китайцы Чжан Пэй-юй и Чэнь Ши-ань и др.[2].

П. Т. Яковлева высказала сомнение в наличии у цинских послов на нерчинских переговорах письменной инструкции [см. 216, 159]. Материалы же маньчжуро-цинских источников позволяют утверждать, что маньчжуры имели две инструкции. Маньчжурские источники не только упоминают об этих документах, но и приводят их текст. Перед официальными проводами посольства, по данным «шилу», 30 мая 1688 г. главе цинской делегации Сонготу был вручен императорский наказ, содержавший инструкцию для маньчжурской стороны на переговорах.

Представляет определенный интерес повторенная в этой инструкции мысль о стратегической важности района Амура для Цинов. Документ гласил:

«Император приказал указом шивэю нэйдачэню Сонготу с товарищами следующее: „Русские вторглись в наши границы (? — *Г. М.*) и начали военные действия на реках Амур, Сунхуацзян и Кумаре, заняли наши земли Нерчинска и Албазина [3], принимали наших перебежчиков — Гантимура и др. Когда наше войско построило крепость на Амуре, [оно] дважды отправлялось в поход на Албазин и осаждало русский город. Эти [события и] составляют историю [наших] взаимоотношений с русскими.

Земли Амура являются стратегически чрезвычайно важными. Если по Амуру спуститься вниз по течению, то можно достигнуть р. Сунгари, а если плыть по Сунгари вниз — можно достигнуть р. Нуньцзян (Нонни), если же [по Сунгари?] плыть на юг, то можно добраться до р. Курханьцзян (р. Муданьцзян), до мест Ула и Нингуты, [а также до мест жительства] сибо, корцинь, солонов и дауров. Если плыть к устью р. Хэйлунцзян, то можно достигнуть моря. Далее, реки Амгунь, Бурея и Зея [тоже] впадают в Амур. Земли по их берегам (?) все принадлежат подчиненным нам народам: олочунь, цилэр, билар и другим, а также являются местами жительства хэчжэ и фэйяка [4]. Если мы не присоединим к себе все эти места, то окраинное население никогда не обретет спокойствия. Мы считаем, что Нерчинск, Албазин, верхнее и нижнее течение Амура, а также все впадающие в него реки и ручьи целиком принадлежат нам [5]. И нельзя [оставить]

хоть малую часть [этих земель] Русскому [государству]. Мы должны потребовать возвращения перебежчиков с нашей стороны — Гантимура и других трех цзолинов (командиров рот), а также нескольких перебежавших позднее. Если русские повинуются нашему волеизъявлению, мы возвратим им и их перебежчиков, а также пленных, захваченных маньчжурским войском, и людей, привлеченных на нашу сторону, установим с ними границы, разрешим им поддерживать [с нами] торговлю. В противном же случае вы должны немедленно возвратиться и не стоит более вести с ними мирные переговоры"» [12, цз. 135, 14б—15б; 17, цз. 4, 87—89].

В тот же день цинское посольство отправилось в путь [см. 12, цз. 135, 16а]. Однако, как сообщает под этой же датой источник, «вскоре же [после отъезда посольства Сонготу] было получено известие, что началась война между Халхой (Кэркэ) и Джунгарским ханством (олотами) [6]... Император послал шивэев Кусайя и Гуаньбао вслед за Сонготу с товарищами с приказом возвратиться и остановиться в местах размещения [цинских] пограничных караулов, а о причине задержки уведомить русского посланника через отосланного курьера. Вследствие этого Сонготу и другие составили письмо и приказали цаньлину авангарда Солоси с товарищами доставить его к русским. Русский же посол в своем послании сообщил, что [им] из Нерчинска в столицу (Пекин) направлен его представитель. Солоси вручил [ему] указанное донесение» [12, цз. 135, 16а].

Под 21 августа 1688 г. «шилу» сообщает, что Канси отдал новое распоряжение о том, чтобы офицеры и воины, сопровождавшие цинское посольство, не задерживались в местах расположения цинских пограничных караулов, а возвратились в Пекин. Сонготу, Тунгогану и Мала по-прежнему предписывалось оставаться на месте и ожидать последующих распоряжений [см. 12, цз. 136, 16а].

Приказ Канси о возвращении конвоя цинского посольства в столицу был вызван, как объясняет маньчжуро-цинский источник, неподготовленностью маньчжурского войска к зимовке (оно было отправлено летом без теплой одежды), нехваткой продовольствия и фуража [см. 12, цз. 137, 11а—11б]. Других причин задержки посольства, помимо невозможности проезда по району, охваченному военными действиями, использованные нами источники не приводят, и данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Со времени вынужденного снятия маньчжурами осады Албазина до начала нерчинских переговоров (август 1687—август 1689 гг.) маньчжуро-цинские войска не прекращали агрессивных действий на Амуре.

Уже в мае 1688 г. цинское правительство приказало Лантаню, Баньдарша и другим полководцам возглавить 1500 хо-

рошо вооруженных хэйлунцзянских солдат и отправиться «разведать положение русских», находящихся в Албазине [см. 5, цз. 153, 20б].

20 июля маньчжурские войска по воде и по суше прибыли в Чакэдань, откуда с отрядом в 500 легко вооруженных конных латников Лантань открыто подъехал к Албазину, объехал все городские укрепления и высмотрел их состояние. Маньчжуры заметили тогда в окрестностях Албазина более 1000 цинов (один цин=6,14 *га*) засеянной пашни [см. 5, цз. 153, 21а].

На другой день маньчжурское войско, игнорируя протесты русской стороны, прошло мимо Албазина по р. Амуру и по суше по направлению на запад. Маньчжуры разбили свой лагерь в местности Туньсэцинь, а Лантань с несколькими десятками конных латников отправился в местность Элигуно (на Аргунь). После разведки местности маньчжурские войска вернулись к Албазину и разместились у самых стен города, вновь таким образом фактически осадив его.

Маньчжуры предъявили жителям Албазина безосновательные претензии в том, что они якобы «самовольно» засеяли поля в окрестностях города (?!), и под предлогом того, что они подлинно не знают, прибудет ли русский посол или нет, скосили посеянные хлеба и побросали их в Амур [см. 5, цз. 153, 21а—21б]. После этого маньчжурское войско отступило от Албазина.

Когда цинское правительство в Пекине получило известия о том, что Федор Головин прибыл в Нерчинск и готов вести переговоры с цинскими послами[7], Канси повторно направил Сонготу и цинскому посольству распоряжение выехать в Нерчинск и начать переговоры, для ведения которых они и были назначены [см. 12, цз. 140, 30а].

К этому времени пограничная политика Канси по отношению к Русскому государству несколько изменилась. Это нашло свое отражение в переписке между Сонготу и Канси в связи с последним распоряжением. Фактически Сонготу получил в это время второй наказ, которым должен был руководствоваться при переговорах. Источники сообщают: «Сонготу доложил: „Поскольку в Нерчинске и Албазине живут подчиненные [нам] люди, я, верноподданный, прошу [разрешения], как было прежде договорено, установить [с русскими] границу по Нерчинску; земли же до Нерчинска должны принадлежать Цинской империи".

На это Канси ответил: „Если сделать границей Нерчинск, то русским посланцам, приезжающим для торговли, негде будет остановиться (разрядка наша.— *Г. М.*) и это затруднит взаимное общение. В начале переговоров вы должны по-прежнему настаивать на том, чтобы сделать границей Нерчинск. Если же их посланник бу-

дет просить о том, чтобы [оставить Русскому государству] Нерчинск, то можно [согласиться] сделать границей Аргунь"» [12, цз. 140, 30а—30б; 17, цз. 4, 89—90].

Таким образом, этот второй наказ Канси своему чрезвычайному послу свидетельствовал о некотором смягчении территориальных притязаний Цинов к русскому правительству и, казалось бы, открывал перед Сонготу более широкие возможности для ведения переговоров.

Что же заставило императора Канси за период с 30 мая 1688 по 13 июня 1689 г. стать более сдержанным в своих территориальных притязаниях? Напомним, что в первой инструкции Сонготу Канси выдвинул довольно жесткие требования для предстоящих переговоров: Русское государство должно было уступить Цинской империи все левобережье Амура, от его верховьев до устья со всеми впадавшими в Амур реками и речушками, и в случае несогласия русской стороны цинские представители тотчас же должны были прервать мирные переговоры и возвратиться в Пекин.

Основной причиной, безусловно, было происшедшее за этот период существенное изменение в соотношении сил в Монголии: победа Галдана над монгольскими халхаскими ханами. Цинское правительство начало готовиться к войне с Джунгарским ханством. Естественно, что в этих условиях мир с Россией был настоятельно необходим, и для его скорейшего заключения Канси даже был готов пойти на определенные «уступки».

Вместе с тем цинское посольство направлялось на переговоры с русским послом как на войну. Отдавая приказ маньчжуро-цинской делегации отправляться к Нерчинску, Канси одновременно предложил переместить туда огромное маньчжурское войско [12, цз. 140, 30а—30б; 17, цз. 4, 89—90]. Основу этого войска составляли 1500 хэйлунцзянских воинов и конвой посольства, выделенный из Пекина. Сонготу, Тунгоган и Маци должны были вести часть этого войска по суше; Лантаню, Баньдарша, Сабсу и другим было приказано добраться до Нерчинска на судах по Амуру и Шилке с большим маньчжурским флотом из 100 судов, вооруженных артиллерией [5, цз. 153, 21б—22а].

Перед отправлением цинского посольства Канси богато одарил всех его членов. Им был вручен секретный императорский указ о том, чтобы они не пренебрегали возможностью «действовать в соответствии со сложившейся обстановкой», т. е. если к тому представится случай оказать военное давление на русскую сторону. Для этого посольству были специально переданы восемь больших (разноцветных) знамен с изображениями драконов [5, цз. 153, 21б—22а]. «При этом маньчжуры имели определенный план действий, состоявший из ряда военных мероприятий, который дал бы им преиму-

щества по сравнению с русским посольством»,— справедливо отмечает В. С. Мясников [см. 173, 19].

27 мая 1689 г. маньчжурские командующие прибыли на Амур. В течение более чем двух недель производилась погрузка пушек, военного снаряжения и провианта на выделенные для похода более 100 больших судов, и 11 июня маньчжурская военная флотилия отправилась в Нерчинск. Табуны коней для этого войска были несколько ранее отправлены сюда через «местность Нуминь» с офицерами Осэ, Лолибаем и др. [5, цз. 153, 21б].

4 июля маньчжурская флотилия миновала Албазин, вновь пренебрегая протестами русской стороны против этого вооруженного вторжения на русскую территорию [173, 20], и 26 июля на 120 речных судах прибыла к Нерчинску, куда в течение этого же дня подошли остальные маньчжурские войска, двигавшиеся по суше. В город был послан маньчжур Баймодо с двумя товарищами узнать, «приехал ли русский посланник?» [5, цз. 153, 22б].

Это последнее свидетельство доказывает, что маньчжуры, вводя свои вооруженные силы на территорию Русского государства, в полной мере располагали данными о том, что Федор Головин находился еще в пути в Нерчинск. По свидетельству маньчжурских источников, Головин прибыл в Нерчинск только 18 августа 1689 г. (4-го числа седьмой луны), а переговоры начались 22 августа (8-го числа седьмой луны) [см. 5, цз. 153, 22б].

Таким образом, в нарушение всех норм международного права и обычаев маньчжурские представители прибыли на переговоры, происходившие на русской территории, с огромным, великолепно оснащенным по тем временам войском, с большим количеством артиллерии, имея к тому же секретное распоряжение Канси «действовать в соответствии со сложившейся обстановкой». Все эти акции были больше похожи на стремление произвести демонстрацию военного могущества Цинской империи, чем желание вести на равной основе мирные переговоры. В дальнейшем, как показали события, Цины использовали свои войска именно как средство военного давления на русское посольство.

Маньчжуро-цины воспользовались задержкой Федора Головина в пути, чтобы подвести свои войска к Нерчинску под предлогом охраны своего посольства. В. А. Александров отмечает: «В результате наступления маньчжурам удалось захватить все приамурские берега и сконцентрировать около Нерчинска до 15 тыс. солдат с 50 пушками и многочисленный флот. В момент наступления им могли противостоять 100 служилых людей в Албазине и до 600 человек в Нерчинске... После прибытия в Нерчинск Ф. А. Головина русские силы насчитывали около 2000 стрельцов и казаков и неко-

торое количество бурятских и тунгусских воинов... Такова была необычная обстановка, в которой происходили мирные переговоры в Нерчинске» [35, 187].

Несмотря на наличие у цинских послов двух инструкций Канси, определяющих максимальный и минимальный объемы цинских территориальных притязаний, маньчжурская делегация начала переговоры с выдвижения не предусматриваемого ни одной из инструкций требования об установлении границы между двумя государствами по р. Лене, т. е. об уступке Цинской империи не только всей заселенной русскими Даурии, но и Забайкалья и других огромных и давно уже освоенных русскими районов. «[Цинские] сановники предложили русскому послу: „Река Лиянацзян (р. Лена) первоначально являлась нашего государства (Цинской империи.— *Г. М.*) границей (?! — *Г. М.*) [8], и поэтому каково будет, если пограничною межою сделать эту реку?“ Федор [Головин] не согласился» [5, цз. 153, 23а].

Тогда Цины применили тактику демонстрации своей военной мощи. «На третий день [переговоров] Лантань, видя такую неуступчивость Федора, секретно сообщил всем сановникам: „Перед нашим отправлением в поход (!) было дано секретное высочайшее повеление действовать в соответствии со сложившейся обстановкой. Ныне же очевидно, что русских можно принудить [согласиться] только с помощью военной мощи. Сегодня ночью я прикажу отборным воинам из Восьми знамен и нингутаских отрядов незаметно переправиться на противоположный берег и устроить в лесу и в падях засаду близ их, русских, города. С рассветом вы все отправляйтесь на официальные переговоры с ними. [Если их посол] подчинится — на том и конец. Если же снова не подчинится, мы устрашим его нашей военной силой и благополучно завершим [порученное нам] дело“. Той же ночью он переправил все войска и спрятал их в лесу. Утром все сановники по-прежнему явились в шатры [для переговоров]. Толковали до полудня, [но русский посол] продолжал упорствовать. Лантань раздал охранному восьмизнаменному войску и другим войскам пожалованные императором восемь знамен с драконами. Под его командованием это войско стало взад и вперед маршировать в окрестных лесах и падях, с тем чтобы продемонстрировать [перед русскими] свою силу и могущество. Русские очень испугались и стали просить о [заключении] мира» [5, цз. 153, 23а—23б].

Таким образом, и маньчжурские источники свидетельствуют о том военном и политическом нажиме, который был оказан цинскими представителями на русское посольство во время нерчинских переговоров. Версия о насильственном характере подписания Нерчинского договора подтверждается не только русскими [см. 173, 22—29], но и маньчжуро-цинскими

официальными источниками; несмотря на это, факт прямого военного нажима на русского посла в китайской историографии затушевывается [см., например, работы Гу Цзе-гана [220], Чжао Цюань-чэна [243], Дин Мин-наня и других [222], статьи Лю Да-няня [228, 7] и Фань Вэнь-ланя [238, 53].

О необоснованности территориальных претензий Цинов на переговорах в Нерчинске в 1689 г. и успехе политики вымогательства и угроз, проводившейся цинской стороной на этих переговорах, позволяет судить и собственная оценка Нерчинского договора современными ему маньчжуро-цинскими источниками. Эти источники прямо говорят о том, что земли, отошедшие к Цинской империи в результате этого первого этапа процесса территориального размежевания между Цинской империей и Русским государством на Дальнем Востоке, ранее никогда ей не принадлежали. Эти материалы, введенные в научный оборот в работах наших предшественников— М. Д. Храповицкого и В. С. Мясникова, представляют собой оценку итогов этих переговоров маньчжуро-цинской стороной. Дополнительным документом является донесение императору Канси об итогах нерчинских переговоров от членов Государственного совета:

...«Вы, ваше величество, сразу же согласились снять осаду (Албазина.— *Г. М.*) и отдали сановникам распоряжение объяснить русским принципы справедливости (? — *Г. М.*). Только тогда люди Русского государства осознали великие милости вашего величества и стали склоняться к [нашей] цивилизации и целиком [согласились] выполнять достигнутую ранее договоренность. Наши сановники указали [им], где должна быть установлена граница (! — *Г. М.*). Таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Срединному государству, вошли в состав ваших владений. Все это целиком является результатом великой всеохватывающей мудрости вашего императорского величества...

Русское государство никогда не имело связей с Срединным государством. Русские по своему характеру чрезвычайно свирепы и их трудно подчинить. Однако в настоящее время они проявляют покорность и искренне желают обратиться к культуре. Земли, на несколько тысяч ли лежащие на обращенных к Срединному государству [склонах] Хингана, начиная с крайнего Севера, и пустынные целиком станут принадлежать Срединному государству... Из этого видна священная добродетельность вашего величества...

Поэтому слава о ваших деяниях проникнет повсеместно, распространяясь даже на безлюдные пусты-

ни, которые стали отныне принадлежать нам...» (разрядка наша.— *Г. М.*) [17, цз. 4, 93, 99—100; полный перевод на русский см. 173, 686, 688].

В этом одном документе такое признание содержится, как мы видим, трижды.

Все эти данные маньчжуро-цинских источников позволяют в определенной степени вскрыть и выявить на основании более углубленного изучения тенденциозность взглядов некоторых западных и китайских историков, занимавшихся в прошлом вопросами освоения Цинской династией северных районов Маньчжурии (Дунбэя) и русско-китайских отношений в XVII в.

* * *

Изучение материалов маньчжуро-цинских источников по рассматриваемым вопросам позволяет, на наш взгляд, сделать некоторые важные выводы и по-новому осветить ряд изучаемых проблем.

Привлекаемые материалы позволяют прежде всего исчерпывающе судить о той территориальной базе, на которой в конце XVI — первой половине XVII в. активно протекал процесс консолидации северо-восточных чжурчжэньских племен в маньчжурскую народность.

Формирование маньчжурской народности происходило на территории Цзяньчжоу — в непосредственной близости от границ Минской империи на Северо-Востоке, к востоку от г. Фушуня и западу от Чанбошаня — и на землях завоеванного у Китая Ляодуна.

Современная провинция Хэйлунцзян, бассейн Амура в целом, территория Приморья не входили в эту территорию консолидации маньчжурской народности. Ядром складывавшегося маньчжурского племенного объединения явились так называемые цзяньчжоуские чжурчжэни и чжурчжэньские племена, проживавшие к северу и северо-востоку от них — так называемые чжурчжэни Хайси.

Хозяйственные потребности складывавшегося на этих землях племенного объединения, а также обширные военные завоевания Нурхаци и Абахая, многолетняя тяжелая война с минским Китаем настоятельно требовали всемерного увеличения численности войска созданного в 1616 г. Маньчжурского государства. В этом отношении существенный резерв представляли многочисленные соседние племена, на которые маньчжуры совершали набеги. Основной целью набегов маньчжуров на эти племена был угон их людей на территорию, находившуюся под фактическим контролем маньчжуров.

Эти многочисленные военные походы, осуществлявшиеся в 30—40-х годах XVII в. маньчжурами на северо-восточные

народности, не ставили своей целью присоединение к Цинскому государству территорий и земель на северо-восточной окраине. Распространенное в исторической литературе представление об этих маньчжурских набегах именно как о завоевании определенных территорий не подтверждается цинскими источниками и является научно несостоятельным. Официальные границы территории, принадлежавшей Цинской империи в Северо-Восточном Китае, определялись построенной в 1678—1684 гг. пограничной линией Ивового палисада. Маньчжурские походы, массовый насильственный сгон коренного населения с насиженных мест, подрыв хозяйства местных племен, массовое уничтожение и разграбление местных материальных ресурсов явились причиной запустения Северо-Востока и длительной последующей задержки в развитии его производительных сил.

Солонские (и даурские) племена, у которых явственно наметился процесс политической консолидации, были разгромлены маньчжурами и вновь разобщены.

В рассмотренный нами выше период нет возможности говорить о какой-либо колонизации маньчжурами земель за территориальными пределами их племенного объединения. Первой попыткой освоения внешних территорий явилось проникновение маньчжуров в Нингуту, где с 1636 г. был размещен постоянный маньчжурский гарнизон. Однако в источниках отсутствуют какие-либо сведения о колонизации земель Нингуты, несмотря на то что сам факт размещения в Нингуте постоянного гарнизона, необходимость его снабжения, несомненно, предполагали некоторое хозяйственное освоение земель этого района.

До 1645 г. Нингута служила крайним северо-восточным форпостом Маньчжурского государства, откуда организовывались и направлялись на север, северо-восток и северо-запад военные экспедиции для захвата пленных и военной добычи.

Указанные официальными цинскими источниками пределы внешних Нингутаского и Гиринского краев, на которые частично распространялось влияние Цинской империи, свидетельствуют о наличии в 80-е годы XVII в. обширной нейтральной зоны, сохранявшейся между владениями Русского государства в Приамурье (территорией оформленного в 1682 г. Албазинского уезда) и границами цинской сферы влияния на Дальнем Востоке. Эта нейтральная полоса включала в себя бассейны среднего и нижнего течения реки Сунгари, а также рек Нонни, Уссури и Амура.

Различные по своему характеру документы маньчжуро-цинской хроники «шилу» и других официальных цинских источников доказывают, что территория современного Хэйлунцзяна до начала 80-х годов XVII в. маньчжурам не принад-

лежала, а также не входила в сферу управления Цинской империи в качестве внешней территории.

Проникновение маньчжуро-цинов в 80-х годах на территорию Хэйлунцзяна и закрепление их здесь диктовались исключительно военными соображениями. Цинская империя впервые осуществила попытку закрепиться на Амуре только в 80-х годах XVII в., после того, как Приамурье уже было официально включено в состав Русского государства, и пыталась вооруженной рукой утвердить здесь свою власть взамен русской, что объективно нельзя иначе оценить как территориальную экспансию и агрессию. Походы против Албазина были предприняты маньчжурами по хозяйственно неосвоенной и малознакомой стране, в значительном отдалении от тогдашних границ Цинской империи на Северо-Востоке. Весьма характерно, что, по официальным маньчжурским документам, вплоть до конца XVII в. нельзя даже определить пределы территории, подведомственной хэйлунцзянскому цзянцзюню, так как эти данные в источниках отсутствуют.

Слабость военной и колонизационной базы маньчжуров в Приамурье обусловила необходимость трехлетней подготовки Цинов к осуществлению нападения на центр русской колонизации края — г. Албазин. Время, необходимое для этой подготовки, цинская дипломатия обеспечивала путем затягивания установления постоянных дипломатических отношений и переписки с Русским государством. Захватническая война Цинской империи в Приамурье сделала необходимым и осуществление ряда дипломатических маневров Цинов, направленных на оправдание этого захвата. Одним из таких маневров была попытка создания серии документов, которые должны были свидетельствовать о якобы миролюбивой политике цинского правительства в амурском вопросе, а также о факте «принадлежности» Приамурья Цинской империи.

Осуществление военной акции Цинской империи в Приамурье было сопряжено для нее со значительными трудностями. Растянутые коммуникации, перебои со снабжением авангарда маньчжурской армии на Амуре неоднократно ставили ее на грань краха и в немалой степени заставили Цинов согласиться на мирные переговоры с Русским государством. Однако и на этих мирных переговорах маньчжуро-цинская сторона осталась верна своей политике военного шантажа и угроз, что и нашло свое отражение в территориальных статьях Нерчинского договора. Первый предварительный этап длительного процесса территориального разграничения между Русским государством и Цинской империей на Дальнем Востоке, вытекавший из Нерчинского договора 1689 г., явился следствием агрессии маньчжуро-цинского государства в Приамурье и отразил временный перевес в соотношении сил, достигнутый маньчжурами к концу 80-х годов XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Перевод названий и выходные данные всех источников и литературы см. в Библиографии к данной работе.

[2] Мы считаем вполне правомерной установившуюся как в западной, так и в советской синологии традицию называть маньчжуро-цинских государей не по их официальному имени, ни тем более по так называемому храмовому имени, присваиваемому каждому императору после его смерти, и называем ниже в своей работе первых маньчжурских правителей по их именам — Нурхаци и Абахай, а последующих — по девизам их правления, например император Шуньчжи, император Канси и т. д.

[3] Подробнее этот источник характеризуется в работе Г. В. Ефимова [101] и в нашей статье [138].

[4] Здесь и ниже перевод дат китайского календаря на общеевропейское летосчисление был сделан по таблицам и методике, предложенной Сюе Чжун-санем и Оуян И [236].

[5] Подробнее об этом источнике см. нашу статью [137, 54—62]. Наш перевод «Биографии Лантаня» из цзюаня 153 см. [173].

[6] Наш полный перевод источника на русский язык см. [173].

[7] Изложение постраничного содержания источника и сведения об его авторе см. в нашей статье [142].

[8] Ср. с текстом доклада, приведенным в «Шэнцзу шилу» [12, цз. 115, 19б—20б].

[9] К этому остается добавить, что не имеется и каких-либо данных о том, что эти народы считали маньчжурского хана своим «сюзереном».

Глава I

[1] Относительно характера этих создаваемых в землях чжурчжэней минских «округов» см. нашу статью [141].

[2] До 1616 г., когда созданное Нурхаци объединение чжурчжэньских племен впервые приняло название «маньчжуры», этот термин может применяться только условно.

[3] Китайский историк Вэй Юань неправомерно классифицирует племена чжурчжэней за пределами Ляодуна как «Хайси вэй» и «Ежэнь вэй», так как таких чжурчжэньских «вэев» («округов») не существовало [см. 219, цз. 1, 4а]. На эту ошибку Вэй Юаня обратил внимание и Мо Дун-инь [см. 232, 79].

Однако с «легкой руки» Вэй Юаня эти «термины» проникли как в некоторые работы китайских исследователей, так и во многие работы русских синологов (см., например, В. Горский [79, т. 1, 39; т. 1, 426 и др.]).

[4] Дж. Росс тоже отмечает чрезвычайную раздробленность и слабость чжурчжэньских племен [336, 4—5].

[5] Монгольское завоевание нанесло сокрушительный удар консолидации чжурчжэньской народности, разрушило созданную чжурчжэнями культуру, вернув чжурчжэньские племена в состояние прежней раздробленности и разобщенности. См. об этом нашу работу [143].

[6] «Бэйлэ» — по-маньчжурски «князь» или «великий князь». Это титул чжурчжэньских владетелей начального периода формирования маньчжур-

ской народности [см. 103, 484], «амбань» в переводе значит «вельможа», «министр» [103, 484]. «Гашань» можно перевести как «староста, начальник селения» [103, 305].

[7] «Мукуни» — маньчжурское «мукунь и да» — «главы родов», «старшие в роде» [см. 103, 900].

[8] Переводы материалов официальных маньчжурских источников «Маньчжоу юаньлю као» и «Кайго фанлюе» приведены в статьях В. Горского [см. 79, 26, 28; 80, 189—244].

[9] Ли — китайская мера длины, равная приблизительно 0,5 *км*.

Хэтуала — это современный город Лаочэн, расположенный южнее г. Синьбиня в провинции Ляонин в Северо-Восточном Китае (см. карту 1). Дж. Росс дает весьма верное и прозаическое объяснение как вычурной маньчжурской легенде о происхождении родоначальников правившей династии, так и утверждениям об их мнимой родине. Он пишет, что маньчжурские правители указывали на Одоли как на свою родину «только потому, что это место находится к северу от Белых гор... (Чанбошаня. — *Г. М.*), где зародились в свое время три могущественные династии — Мохэ, Бохай и Цзинь», и маньчжуры пытались таким образом приобщить и свою династию к их славе. «Однако, — продолжает он, — подлинные истоки маньчжуров находились в маленькой, но прелестной долине Хэтуалы, где ныне стоит Синцзин и которая находится к востоку от Мукдена (Шэньяна). Маньчжуры образовали могущественное государство, прежде чем им стал принадлежать Одоли» [336, 5].

[10] Идентификация всех географических названий, а также населенных пунктов на территории всех трех основных и других групп соседних северо-восточных племен, на которые при Нурхаци и Абахае в период 1583—1645 гг. совершались военные походы, приводится нами в Приложении, а результаты ее отражены на прилагаемых исторических картах расселения отдельных групп народностей и племен Дальнего Востока в конце XVI — первой половине XVII в. Следует отметить, что проблемы исторической географии Китая (в том числе и Северо-Востока) вплоть до настоящего времени незаслуженно остаются вне поля зрения советского китаеведения.

[11] Еще в 1575 г. Никан-вайлан — старшина г. Тулунь — для устранения своих соперников воспользовался военной поддержкой Минской империи. Китайские войска, направленные для оказания ему помощи, захватили чжурчжэньские крепости Гулэ и Шацзи, уничтожили основных соперников Никан-вайлана, а вместе с ними и Цзюечанъаня (Цзинцзу) и Такэши, т. е. деда и отца Нурхаци (Нурхаци в то время только что исполнилось 16 лет). После этих событий Никан-вайлан с помощью Минов стал вождем Маньчжурского объединения племен.

[12] В связи с отождествлением местоположения Эрхуня Хэ Цю-тао пишет: «Я провел исследование и выяснил, что город Эрхунь находился в десяти с лишним ли к юго-западу от Цицикара (? — *Г. М.*) и [захват этого города Нурхаци] является началом завоевания великой Цинской империей Хэйлунцзяна (земель Амура. — *Г. М.*)» [241, цз. 2, 4б]. Хэ Цю-тао допустил здесь грубую ошибку. Лю Сюань-минь, первый подметивший ее, язвительно заметил: «Он (Нурхаци. — *Г. М.*) мог попасть сюда не иначе, как только перелетев по воздуху через земли враждебного ему ехэ, преграждавшего путь в эти места» [230, 157]. Судя по этому факту, можно сделать вывод о характере «исследований», проведенных Хэ Цю-тао в угоду его промонархическим концепциям.

На термине «Хэйлунцзян» в маньчжурских источниках XVII в. следует остановиться особо. «Хэйлунцзян», как известно, это китайское название Амура. В цинских сочинениях этого периода встречаются также словосочетания «Хэйлунцзян-ди», или «Хэйлунцзян-дифан», т. е. «места (или земли) Хэйлунцзяна», «приамурские земли».

Нечего и говорить, что в XVII в. под этим термином маньчжуры, слабо знавшие географию и даже систему водных путей северной части современного Северо-Востока (об этом подробнее см. гл. II настоящей

работы), понимали прежде всего территорию, находящуюся к югу от собственно Амура, примерно в пределах современной провинции Хэйлунцзян по новейшему административно-территориальному делению КНР.

Для XVII в. это была чрезвычайно обширная (до нескольких сот километров) ничейная полоса, куда осуществлялось взаимное проникновение Цинской империи и Русского государства, включавшая на западе земли монголов, а на востоке — места жительства других многочисленных северо-восточных племен (в первую очередь нанайских).

[13] Мо Дун-инь пишет, что к 1582 г. все крупные племена вокруг Маньчжоу были усмирены, а к 1591 г. Нурхаци объединил территорию Цзяньчжоу [см. 232, 73]. Приведенные выше факты позволяют уточнить год объединения Нурхаци чжурчжэньских племен Цзяньчжоу.

[14] И. Захаров считает, что «чжушэри» — это «название одного из маньчжурских родов» [103, 1006]. О том, что в районе Чанбошаня в этот период проживало именно три племени, свидетельствуют данные источников [см. 25, цз. 1, 9а; 31, цз. 3, 44; 16, цз. 8, 4а; 24, цз. 12, 17б]. Вэй Юань и Хэ Цю-тао упоминают в своих работах только о племенах ялуцзян и нэинь.

[15] Лю Сюань-минь ошибочно указывает 11-ю луну 21-го года Ваньли (1593 г.) [см. 230, 153].

[16] Подробнее об этом см. в нашей статье [144].

[17] О включении представителей местных чжурчжэньских племен в нюру маньчжурских Восьми знамен см. нашу статью [140, 77—97].

[18] Здесь и далее к маньчжурским цифровым данным о количестве захваченных пленных и другим следует относиться осторожно, ибо все они несколько преувеличены.

[19] Это первое в «Нурхаци шилу» упоминание о местности Нингута, которая дала название построенной здесь позднее маньчжурской крепости, сыгравшей важную роль в истории развития северо-восточной окраины Цинской империи.

[20] Необходимо отметить, что все источники упоминают только три племени Восточного моря — варка, воцзи и хурха. Только в «Нурхаци шилу» встречается племя сахалянь. Название племени передано такими же иероглифами, как и название р. Сахалянь-ула. В более поздний период маньчжурские источники так называли Амур. Таким образом, если согласиться с той точкой зрения, что под этим термином уже в 1616 г. понимался Амур, то название «племя сахалянь» можно перевести просто как «амурское племя (племена)», т. е. в источниках ему дается самое общее собирательное название. Очевидно, поэтому Е. П. Лебедева не приводит этого названия в своем обширном списке «маньчжурских» родов.

Даже Хэ Цю-тао отмечает, что в источнике племя сахалянь «по ошибке отнесено к Восточному морю» [см. 241, цз. 2, 1б]. Места расселения этого племени он не указывает, однако иньдахунь местности Такулала, ноло и силасинь, о которых пойдет речь ниже, он относит к ближайшим соседям «сахалянь» (там же).

[21] Шицюань го — дословный перевод «владение, где [ездят] на собаках», т. е., вероятно, имеются в виду сунгарийские или уссурийские нанайцы (гольды), использующие зимой нарты с собачьими упряжками.

[22] При чрезвычайно тщательном фиксировании в китайских источниках каждого такого посольства этот факт, во всяком случае, свидетельствует, что во взаимоотношениях маньчжуров с шицюань го имели место многолетние перерывы.

[23] Подробнее см. статью В. Горского [79, 47—49].

[24] Хэ Цю-тао к племенам Восточного моря относит племена охотников и рыболовов, во второй половине XIX в. проживавших на территории Гиринской провинции и находившихся в ведении саньсинского фудутуна. Автор при этом отмечает, что в «Шэн у цзи» Вэй Юаня нет специальной главы, посвященной истории «завоевания» маньчжурами «всех племен Восточного моря», и его работа стремится восполнить этот пробел [см. 241, цз. 1, 6б].

[25] Китайский этнограф Лин Чунь-шэн в историческом разделе своего труда приходит к выводу, что названия многих народностей Северо-Востока, в том числе хэчжэ (как он называет нанайцев), удэге и хурха, восходят к слову «во цзи» — собственное значение — «лесные заросли», «тайга» [см. 226, 47]. В. П. Васильев переводит «во цзи» как «гористые земли, поросшие лесом» [63, 25].

[26] Корни этой ошибки идут еще от авторов XIX в. Клапрота и Плата. Заимствуя их высказывания, Л. И. Шренк тоже писал: «Не подлежит сомнению, что дючеры были маньчжурское племя и именно, как уже доказывает их название, потомки юйчжэй, нюйчжэй или чжурчжэней... словом, одно из тех племен, слияние которых положило начало маньчжурам», — ссылаясь при этом именно на работы этих двух авторов [202, т. 1, 154—155]. Л. И. Шренк и нивхов — палеоазиатов — считал тунгусо-маньчжурами [см. 184, 75].

[27] Даже такой националистический автор, как Хэ Цю-тао, и то правильно отделяет в своих работах три племени «Восточного моря» (в том числе и хурха) и солонов Хэйлунцзяна от собственно пяти «маньчжурских» племен Цзяньчжоу, двух (? — *Г. М.*) чанбошаньских и четырех хулуньских.

Вся приводимая им система «доказательства» полной принадлежности Приамурья Цинской империи строится исключительно на основе маньчжурских военных походов сюда в 40-х годах XVII в., т. е. на попытке представить дело так, что Цины якобы завоевали Приамурье, но отнюдь не на каких-то фактах проживания маньчжуров на берегах Амура.

[28] И продолжали оставаться ими по крайней мере до середины XVIII в., как свидетельствуют, например, работы У Чжэнь-чэня «Записки о Нингуте», Ян Биня «Любянь цзилюе» и др.

[29] Нам известен только один автор — В. Чэнь, утверждавший, что «солоны — дауры и дючеры — на Амуре и Сунгари принадлежат к тому же роду, что и маньчжуры» [см. 285, 76].

[30] Донесение Лантаня (см. стр. 137 настоящей работы).

[31] Отметим, что и этот безусловно нанайский род, на который, по свидетельству «Тайцзун шилу», в 1633 и 1640 гг. маньчжуры совершали жестокие набеги, был назван в цинском источнике 1744 г. уже «маньчжурским» [см. 128, 75].

[32] В источнике ошибочно указывается, что последний поход был совершен на «племя хурха, пограничное с Кореей». Здесь под «хурха» явно следует иметь в виду варка.

[33] Как образец высочайшей мудрости данный указ цитируется «Баци тунчжи чуцзи» [см. 5, цз. 65, 11б—13а].

[34] О результатах похода см. [8, цз. 39, 29б—30а; цз. 41, 22а].

[35] Мэйрени-чжангинь — чин начальника бригады или крыла (фланга) — «мэйрени» в маньчжурских и монгольских Восьми знаменах (корпусах); этот чин разделялся на три степени, низшую из которых — третью — и получил Убахай.

[36] Убахай впервые построил на южном берегу р. Хайланьхэ крепость с каменными стенами высотой в 1 чжан (3,2 *м*) и длиной по окружности в 1 ли (около 600 *м*) [28, цз. 10, 19а]. Позднее к северу от этой крепости начал строиться старый город Нингута (см. там же).

[37] Источник сообщает об этом так: «И еще примкнувших прежде и сдавшихся, платившихся дань 149 человек курка, а также вновь захваченных 292 человека — всех оставить в селении Яньчжу. Приказать им ежегодно приносить дань соболями, каланами и другими (местными) товарами» [8, цз. 52, 12б—13а].

[38] «Местность Хэйлунцзян» — это «приамурские земли», «земли Амура», под которыми в китайских источниках XVII в. подразумевались в первую очередь обширные территории к югу от реки. См. подробнее комментарий 12 к настоящей главе.

[39] Никаких походов сюда в «Тайцзун шилу» ранее не отмечалось.

[40] По выводам Б. О. Долгих, работавшего над русскими архивными документами, острожек даурского князька Балдачи стоял на р. Зее, на полпути от устья р. Томи к устью р. Зеи. По р. Зее до ее устья жили пашенные дауры, а по р. Томи — тунгусы, которые входили в улус этого князька. В его «княжестве» было всего 400 взрослых мужчин. Это свидетельствовало, по мнению Б. О. Долгих, о том, что Балдача был довольно значительным (по местным масштабам) князьком [см. 94, 585, 597].

[41] Вскоре имя Балдачи снова встречается в маньчжурских источниках, но теперь в связи с известием об уходе от маньчжуров большой группы монгольских вождей аймака Корцинь. Источники сообщают, что корциньские вожди Гэрчжусайтэр, Хэйлай, Буяндай, Бугулуй и Сайбулуй под предлогом похода на северное племя солонов (бэйфан солунь було) подняли людей своего аймака, затем взяли с солонов дань и, изменив, бежали. Получив известие об этом, маньчжуры приняли некоторые меры предосторожности, и Абахай дал аудиенцию находившемуся в это время у маньчжурского двора Балдаче и посоветовал ему немедленно вернуться в свое владение, так как, возможно, что во время его отсутствия изменившие корциньские вожди могут захватить его земли. Корциньским бэйлэ был передан указ Абахая о необходимости захватить Гэрчжусайтэра, казнить его или превратить в раба [см. 8, цз. 18, 34а—35а].

[42] Здесь мы имеем также проявление общей тенденции маньчжурских источников называть какую-либо местность по протекающей по ней реке (в данном случае Сунгари) [см. 8, цз. 21, 14а].

[43] Такие утверждения Абахая относительно «общих предков» у маньчжуров и приамурских племен, а также нахождения их «раньше» в «одном государстве» ставили прежде всего очевидные для нас военно-политические цели, т. е. стремились ослабить сопротивление противника и деморализовать его. Они могли основываться лишь на притязаниях маньчжурских ханов на родство с правителями бывшей чжурчжэньской династии Цзинь (1115—1234 гг.). Однако, как свидетельствует приведенная нами выше родословная Нурхаци (стр. 30), правители Маньчжоу, хотя и стремились подчеркнуть свое родство с цзиньскими императорами (и даже, как известно, назвали свою династию Поздняя Цзинь), в действительности не имели никаких родственных связей с цзиньским домом, правившим почти за 400 лет до описываемых событий.

Подобный пропагандистский прием явно рассчитан на «дикие» племена чжурчжэней, смутно представлявших собственную историю. См. также концовку указа (стр. 60).

[44] Хэ Цю-тао вполне серьезно рассматривает эти утверждения Абахая в качестве «доказательства» политических прав Маньчжурского государства на Хэйлунцзян [см. 241, цз. 1, 1б], несмотря на то что сам утверждал, что коренным населением Хэйлунцзяна являются именно солоны (см. 241, цз. 1, 1а) — монголоязычная народность совершенно другой этнической группы, чем маньчжуры.

[45] Данный указ цитируется в «Баци тунчжи» как образец высочайшей мудрости [см. 5, цз. 65, 6а—8б].

[46] Здесь под «исчислением лет», очевидно, имеется в виду не только календарь, т. е. указание на общую культурную отсталость этих племен, но, вероятно, и «единственное истинное летосчисление», т. е. по годам правления владыки Маньчжурского государства; таким образом, эта фраза Абахая может иметь дополнительный политический смысл и выражать притязание на господство над этими народами. На это обстоятельство обратил наше внимание А. А. Бокщанин.

[47] Элочунь, по-видимому, орчунь — эвенкийское племя «оленных людей» Приамурья.

[48] Под «племенем шилу Кэмунихаяя» следует понимать одно из эвенкийских племен верхнего Амура.

[49] Составление указанного отрывка текста памятника относится к периоду не ранее 1686 г.

[50] Несмотря на явную тенденциозность Хэ Цю-тао, вплоть до наших дней у этого автора находятся последователи. Вот что писал, например, в 1966 г. В. Чэнь: «В 1636 г. маньчжуры достигли Охотского моря, которое было названо ими Северным морем (?! — *Г. М.*). Последующие экспедиции в 1639—1640, 1641, 1643—1644 гг. упрочили маньчжурский контроль над Приамурьем» (?! — *Г. М.*) [см. 285, 20].

[51] Гуарча проживали на р. Сунгари в районе современного города Бодунэ. Помимо свидетельства о походе приблизительно в тот же период (май 1637 г.) отмечено, что гуарча, находящиеся в подчинении монголов дурбот, явились ко двору и поднесли соболей [8, цз. 41, 15а—15б].

[52] Из местности Сахарча к маньчжурам всего месяц назад дважды приезжал Балдача. Учитывая прекрасные отношения в тот период с Балдачей, только что уехавшим от двора Абахая с богатыми подарками, совершенно непонятны ни причины, ни цели данного маньчжурского похода. Возможно, правда, что его объектом вовсе не была собственно «местность Сахарча», а маньчжуры только дошли до владений Балдачи. Следует также отметить путаницу в источнике относительно названия племени — объекта похода.

[53] Якса (маньчж. — «обрывистый берег», «яр») — солонский городок 40-х годов XVII в. Название его бездоказательно стало отождествляться в официальных цинских документах с отстроенным в 1651 г. русскими поселенцами на Амуре г. Албазином, который в этих маньчжурских документах первой трети 80-х годов XVII в. тоже получил название «Якса».

Неправомерность попыток отождествлять эти два населенных пункта тем более очевидна, что после 1640 г. название «Якса» совершенно исчезло из маньчжуро-цинских источников и в течение последующего более чем 42-летнего периода (с 1640 по 1682 г.) в них ни разу не появлялось. Примечательно, что широкий круг маньчжуро-цинских источников XVII в. не содержит абсолютно никаких доказательств того, что старое маньчжурское название солонского городка Якса соответствует построенному русскими на месте городка амурского князя Албазы г. Албазину. Такого рода попытки давать русским населенным пунктам произвольное маньчжурское или китайское название отражали лишь определенную тактику в выдвижении цинскими властями территориальных притязаний к соседним государствам.

[54] Хэ Цю-тао, до этого абзаца буквально следовавший китайским источникам, при цитировании отрывка «солоны Бомбогора из селения Улусу» пропускает слово «Бомбогор»; «эртунь» и «цилэли» он комментирует как названия местных племен [см. 241, цз. 14, 11а].

[55] Хэ Цю-тао за этой последней фразой источника добавляет: «Бомбогор, а с ним 200 человек бежали» [241, цз. 14, 11а].

[56] Хэ Цю-тао приводит цифру семь человек [241, цз. 14, 11б], — возможно, опечатка.

[57] Точную численность нападавших установить, однако, не представляется возможным ввиду того, что маньчжурские знамена, цзяла и нюру никогда не выступали в походы и не принимали участия в боевых действиях в своем полном составе. Из того или иного подразделения выставлялось лишь необходимое число пеших или конных латников.

[58] Весь этот абзац Хэ Цю-тао опускает, видимо не желая акцентировать внимание на масштабах ограбления маньчжурами приамурских племен и фактах угона их из родных мест.

[59] В источнике сказано: «...ци тунь чжи жэнь и гуй эфу бардаци». Дословно цитируя эту фразу, Хэ Цю-тао опускает иероглифы «эфу» и намеренно добавляет к «и гуй» еще один иероглиф «фу» («и гуй фу»), что не меняет смысла сочетания («присоединились», «примкнули»), но придает предложению завершенный характер действия [см. 241, цз. 14, 12а]. Таким образом, находящееся за «присоединились» слово «Балдачи», по Хэ Цю-тао, должно быть отнесено к следующей фразе: «Люди же других селений Балдачи...». Это серьезно искажает смысл документа, так как получается, что солонские вожди из семи селений «присоединились» не к Балдаче (т. е. не

вернулись под управление своего местного вождя), а к маньчжурам, что, видно, и стремился показать автор «Шофан бэйчэн». Это нельзя оценивать иначе, как намеренную фальсификацию данных источника.

[60] Слова «как утверждает Балдача» у Хэ Цю-тао также опущены, что меняет смысл отрывка.

[61] Факумынь — бывшая застава в минской пограничной стене, через которую шел основной путь в Монголию, т. е. Абахай приказывал своим войскам возвращаться через Монголию, а не через северные земли (бывшие земли племени ехэ).

[62] Эти данные у Хэ Цю-тао пропущены; он дает только итоговую цифру — 6950 человек [241, цз. 14, 12б].

[63] Так в источнике.

[64] Еще до этих событий, в октябре 1642 г., полководцы Шархуда и Чжумара были отправлены в поход на племя хурха, расселявшееся по р. Сунгари. 2 января 1643 г. они донесли, что 10 селений этого племени добровольно «перешли на сторону маньчжуров» — всего 1480 мужчин, женщин и детей [8, цз. 63, 34б]. Комментируя результаты этого похода, Хэ Цю-тао пытался сделать вывод о том, что будто бы к 1642 г. все племена Восточного моря в результате маньчжурских военных походов были завоеваны маньчжурами, а территория их проживания якобы включена в территорию Маньчжурского государства [см. 241, цз. 1, 6б]. Но ведь очевидно, что тогда отпала бы и необходимость совершения сюда каких-либо дополнительных военных походов.

[65] Русский перевод отрывка об этом факте см. [196, т. 1, 600].

[66] Подробнее об этом см. стр. 82—84 настоящей работы.

[67] О точке зрения Б. О. Долгих см. примечание 40 к этой главе. Маньчжурские же источники весьма по-разному обозначали как племя, так и район, из которого приезжал Балдача: в 1634 г. они называли «местность Хэйлунцзян» [см. 8, цз, 18, 20б]; в 1635 г. — «племя солонов Хэйлунцзяна» [8, цз. 23, 20б]; в том же году — «племя сахарча» [8, цз. 23, 29б—30а]; в 1636 г. — «племя солонов местности Сахарча» [8, цз. 28, 17а]; в 1637 г. — снова «местность Хэйлунцзян» [8, цз. 39, 2а]; в 1643 г. — «хэйлунцзянский эфу Балдача» [8, цз. 64, 24б—25а] и т. п. Тем не менее «род сахарча» тоже позднее был включен цинской историографией в список «коренных маньчжурских родов» [128, 75].

[68] Все племена, населявшие верхний и средний Амур, упоминаемые в источниках селения, племя Бомбогора и других вождей Хэ Цю-тао неверно относит только к различным родам племени солонов и солонским поселениям, ни словом не упоминая о существовании коренного населения этих мест — дауров, наиболее стойкого этнически населения Амура. К солонам же Хэ Цю-тао относит и племя или род Кэмуниханя [см. 241, цз. 2, 1а—1б].

[69] Относительно включения солонов в маньчжурские знамена источники сообщают, что из солонов в 1640 г. была создана одна нюру, и то половинная — это первая нюру пятого полка Желтого с каймой знамени, еще в одной нюру, год создания которой не указывается, солоны составляли пятую часть, — это пятнадцатая нюру пятого полка Синего с каймой знамени [см. 5, цз. 3, 27а; цз. 5, 5б, 27а; цз. 10, 29б].

Глава II

[1] Китайский автор Чжао Цюань-чэн заявляет, что после 1644 г. Нингута якобы находилась в введении шэнцзинского амбань-чжангиня. При этом автор ссылается именно на цзюани 7 и 26 из «Шицзу шилу». Однако в цзюане 7 названы лишь указанные выше 15 пунктов. Среди них отсутствует Нингута. Помимо этого указания, в данном цзюане не содержится других материалов о статусе каких-либо населенных пунктов на территории Северо-Востока. В цзюане 26 помещен единственный документ, свя-

занный с управлением Северо-Востоком: назначение маньчжура Экэшу для охраны Мукдена в качестве амбань-чжангиня [см. 11, цз. 26, 11а], и тоже не приводится каких-либо свидетельств о статусе Нингуты. В связи с этой попыткой грубой фальсификации истории мы должны указать на научную недобросовестность Чжао Цюань-чэна. Такая же фальсификация допущена автором в отношении Хэйлунцзяна (напомним, кстати, что редактором этой книги был Гу Цзе-ган) [см. 243, 21, 27 (о Хэйлунцзяне)].

[2] Сообщения о жертвоприношениях предкам маньчжурского царствовавшего дома регулярно встречаются в «Шицзу шилу». Гробницы предков Нурхаци и Абахая носят название Юнлин (в 5 *км* к северо-западу от г. Синцзина); гробница Нурхаци называется Фулин (в 10 *км* к северо-востоку от Мукдена), а Абахая — Бэйлин (в 5 *км* к северо-западу от Мукдена).

[3] В 1657 г. название Ляоянфу было упразднено; был образован округ Фэнтяньфу (собственно говоря, «Мукденский округ») и учреждена должность фуиня — окружного гражданского администратора.

[4] Первым нингутаским амбань-чжангинем становится известный Шархуда (Сарудай) из Синего с каймой знамени [11, цз. 107, 25а].

[5] «Да Цин хуэйдянь шили» сообщает, что в период Шуньчжи и Канси (1644—1679 гг.) местом ссылок в Мукденской провинции были Шанъянпу, Телин, Фушунь, позднее — Нингута, а с 19-го года Канси (1680 г.) — Ула (Гирин), а затем уже — Хэйлунцзян, Цицикар, Бодунэ, Саньсин [см. 10, цз. 774 без указания страницы].

[6] Несколько ранее, в мае того же года, Чжан Шан-сянь представил двору географическую карту Мукдена, одну из первых, составленных в цинскую эпоху. Доклад, по-видимому, является описанием, поясняющим эту карту [11, цз. 2, 14а].

[7] Ли равна приблизительно 0,5 *км*.

[8] Цзолин (нюру-чжангинь) — командир низшей воинской единицы восьмизнаменного корпуса — нюру (условно роты). Упоминание о цзолине в источнике свидетельствует о наличии здесь небольшого маньчжурского гарнизона.

[9] О невнимании Цинов к северо-восточной окраине свидетельствует, в частности, также тот факт, что маньчжурские военные, служившие на Северо-Востоке, пользовались меньшими привилегиями и получали меньшее жалованье, чем маньчжуры, расквартированные в Пекине. В 1662 г. маньчжур Укури представил двору доклад о том, что расквартированные в Мукдене маньчжурские военные, «служа в таком месте, которое открыло всем маньчжурам счастье и благополучие», живут весьма бедно и чрезмерно утруждены «военною службою и работою по пересылке [почтовых донесений]» [2, т. 9, 216]. Укури просил уравнять привилегии и жалованье пекинским и северо-восточным маньчжурам-военным.

[10] Цзянцзюнь являлся командующим всеми маньчжурскими восьмизнаменными войсками на подведомственной ему территории; одновременно он был начальником местной военной и гражданской администрации и обладал практически неограниченной властью; к тому же в его руках находилось и осуществление судебных функций.

Как отмечает Е. Ф. Желоховцева, «сфера деятельности цзянцзюня была близка компетенции русских разрядных воевод конца XVII в., в руках которых сосредоточивалось все гражданское и военное управление» [102, 178]. В. П. Васильев переводит «цзянцзюнь» как «воевода», а управляемые ими территории — «воеводства» [63, 5]. Нам представляется, что эти термины лучше переводить как «наместник», «наместничество».

[11] Как уже указывалось выше, маньчжуры были плохо осведомлены о соседних племенах Северо-Востока, и в данном случае под хэчжэ имелись в виду, как это доказано Л. И. Шренком, не один, а несколько народов Амура — прежде всего нанайцы (гольды), орочи и нивхи (гиляки) [см. 202, т. 1, 146].

[12] Совершенно демагогическое утверждение, не подкрепленное даже какими-либо военными походами маньчжуров на эти племена. В соприкосновение с фэйяка, например, маньчжуры вошли только в мае 1659 г.— уже

после того, как фэйяка начали платить ясак Онуфрию Степанову (см. стр. 97, 98, 101 настоящей работы). Название «хэчжэ» вообще встречается в источниках впервые.

[13] Отсюда и второе название Гирина — Чуаньчан (досл. «верфи для строительства судов»).

[14] Об изобилии в Приамурье хлеба стало известно в результате похода Ивана Квашнина с товарищами, нашедшими иной путь к Амуру, чем тот, которым шел В. Поярков.

[15] Именно к этому времени относится укрепление русскими г. Албазина в устье р. Албазихи, правого верхнего притока Амура [см. 50, кн. 2, 306].

[16] Для сравнения можно указать, что по всему Якутскому воеводству за год собиралось ясака на 29 тыс. рублей [см. 176, 34].

[17] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, лл. 31—45; см. также [94, 592].

[18] См. ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, «Ясачная книга Онуфрия Степанова 163 г.», лл. 31—45; см. также [94, 593—595].

[19] Название «фэйяка» встречается здесь в цинских источниках впервые. Л. И. Шренк убедительно доказал, что это название употреблялось маньчжурами для коллективного обозначения нескольких народов Амурского края или их языка, в том числе и нивхов (гиляков), но отнюдь не для одних последних [см. 202, т. 1, 102—104].

[20] В указе император повелел: «Данное племя примкнуло впервые, и тем, кто желает явиться в Пекин ко двору, [следует] разрешить это для удовлетворения их потребностей» [11, цз. 124, 6б]. Это может служить доказательством экономической заинтересованности представителей местных племен в приезде в столицу для товарообмена с маньчжурами.

[21] В «Шилу» это донесение, как и многие другие, отсутствует. Оно свидетельствует, что даже в укрепленной Нингуте маньчжуры боялись русских казаков и чувствовали себя в это время весьма неуверенно.

[22] Это заявление Канси является, на наш взгляд, реакцией Цинов на миссию С. Аблина в 1669 г. и его согласие исполнить церемониал «коутоу».

[23] Такого рода утверждения как русской, так и маньчжурской стороны [см. также 11, цз. 91, 20б—21а; 172, 553] представляются весьма странными. Очевидно, бюрократическая машина каждой из сторон временами давала осечки.

[24] «Обращаемся к вашей цивилизации» — вполне определенный цинский политический термин, обозначающий установление вассалитета или зависимости «обращающегося» к Цинской империи. В отношении Русского государства применен ошибочно и не правомерен.

[25] Чжан равен 3,2 *м*.

[26] В последующий период сюда, в Чанбошань, неоднократно посылались экспедиции, ставившие целью выяснение некоторых практических проблем. Так, в 1684 г. в Чанбошань был послан чжуфан-селин Минлэчу, достигший местности Саньдаогоу в верховьях Ялуцзяна [см. 256, т. 4, 121. Однако только в 1691 г. шаншу ведомства общественных работ Туна было поручено императорским указом составить карту всех рек, берущих начало на Чанбошане [31, цз. 1, 10]. Ян Бинь уже перечисляет их все: «Из вод озера вытекают на юг и впадают в море три реки: Тумыньцзян, Ялуцзян и Дунцзяцзян. На север текут пять: Сайиньэиньхэ, Эхэнэиньхэ, Анбань-тулакухэ, Нянмунянкухэ и Ацзигэ-тулакухэ. Все они сливаются вместе в Хуньтунцзян (р. Сунгари. — *Г. М.*) [см. 31, цз. 1, 10].

[27] Цифу — название столичной (пекинской) провинции.

[28] Здесь и ниже «рубеж Восточного моря» ни в коем случае не может рассматриваться как государственная граница Цинской империи. Это самые общие географические ареалы территории, смутно представляемой маньчжурами.

[29] Шаньхайгуань находится не западнее Мукдена, а юго-западнее.

[30] В действительности границы Цинской империи и Кореи проходили не по Сихотэ-Алиню.

[31] «Шэнцзин тунчжи» сообщает об этом районе: «Пределы района, подведомственного [собственно] фэнтяньскому цзянцзюню, [простираются]: на

восток — до Синцзина более чем на 280 ли, рубеж с Ула; на запад — до Шаньхайгуаня более чем на 800 ли, рубеж с Шаньхайгуанем; на юг — до Цзиньчжоу на морском побережье более чем на 730 ли, морские рубежи; на север — до границы более чем на 260 ли, [государственная] граница; на юго-восток — до Чжэньцзянчэна более чем на 540 ли, граница с Кореей; на северо-восток — до Вэйюаньпу Кайюаня более чем на 230 ли, рубеж с Улой; на юго-запад — более чем на 800 ли, морские рубежи; на северо-запад — до пограничных ворот Цзюгунтай более чем на 450 ли, граница с монголами» [см. 28, цз. 8, 2а]. Приведя сведения об этой территории Мукдена, Ян Бинь конкретно сообщает: «Указанные выше земли все включены в [состав] территории [Цинской] империи» [см. 31, цз. 1, 5].

[32] Источник сообщает о них: «Земли, находящиеся под управлением нингутаского цзянцзюня, [простираются]: на восток — до Восточного моря более чем на 3 тыс. ли, морские рубежи; на запад — до Вэйюаньпу Кайюаня более чем на 590 ли, рубеж с Фэнтяньфу; на юг — до Чанбошаня более чем на 1300 ли, граница с Кореей; на север — до пограничной заставы Фатэха более чем на 600 ли, [государственная] граница; на юго-восток — до Сикэташань более чем на 2300 ли, морские рубежи; на северо-восток — до [мест жительства племени] фэйяка более чем на 3 тыс. ли, морские рубежи; на юго-запад — до пограничных ворот Инъэбяньмынь более чем на 700 ли, рубеж с Фэнтяньфу; на северо-западной границе в Хэйэрсу более чем на 450 ли, [государственная] граница. От Нингуты до Шэнцзина — более чем 1350 ли; от Улы до Шэнцзина — более чем 820 ли (все расстояния здесь указаны от Нингуты. — *Г. М.*)» [28, цз. 8, 2а—2б].

[33] «Шэнцзин тунчжи» сообщает о них: «Земли, находящиеся под управлением Улы, [простираются]: на восток — до [станции почтового тракта] Эмохэсолочжань на 280 ли (комментарий: рубеж с Нингутой); на запад — до Вэйюаньпу на 590 ли (комментарий: рубеж с Фэнтяньфу); на юг — до Чанбошаня более чем на 1300 ли (комментарий: южнее его проходит граница с Кореей); на север — до пограничной заставы Фатэха более чем на 600 ли (комментарий: граница с монголами); на юго-восток — до р. Тумыньцзян на 720 ли (комментарий: граница с Кореей); на северо-восток — до Арчука-тунь более чем на 920 ли (комментарий: граница с монголами); на юго-запад — до Инъэ на 695 ли (комментарий: рубеж с Фэнтяньфу); на северо-запад — до Хэйэрсу более чем на 430 ли (комментарий: граница с монголами); на юго-запад — до г. Шэнцзина более чем на 820 ли (все расстояния даются от Нингуты. — *Г. М.*)» [28, цз. 8, 12а].

[34] «Земли, находящиеся под управлением Нингуты, [простираются]: на восток — до Восточного моря более чем на 3 тыс. ли (комментарий: морские рубежи); на запад — до Эмохэсолочжань на 250 ли (комментарий: рубеж с Улой); на юг — до Тумыньцзяна на 600 ли (комментарий: граница с Кореей); на север — до Хуньтунцзяна (Сунгари. — *Г. М.*) на 600 ли (комментарий: граница с монголами); на юго-восток — до Сикэташань на 1570 ли (комментарий: морские рубежи); на северо-восток — до [места жительства племени] фэйяка более чем на 3 тыс. ли (комментарий: морские рубежи); на юго-запад — до Лэфучаньхэ на 500 ли (комментарий: рубеж с Улой); на северо-запад — до [селения] Арчукатунь более чем на 700 ли (комментарий: граница с монголами); на запад — до г. Шэнцзина более чем на 1350 ли (все расстояния даются от Нингуты. — *Г. М.*)» [28, цз. 8, 12а—13а].

[35] Здесь же следует отметить неудачное выражение автора, что Россия якобы столкнулась на Амуре с сильным Китайским государством [см. 216, 126].

[36] Первые два: мукденское и нингутаское.

[37] Цзими — средневековый китайский термин, дословный перевод его: «земли связывания (сковывания) сил», которым в минскую эпоху обозначались, в частности, северо-восточные территории за границами Минской империи, никогда не входившие в ее состав и управлявшиеся исключительно местными вождями. Ян Бинь с полным основанием воспользовался этим термином для обозначения статуса окраинных земель Северо-Востока и в

цинскую эпоху. Земли местных северо-восточных племен, не говоря уже о землях племен более отдаленных, оставались под началом своих племенных вождей, не знали цинской администрации, и их территория не входила в территорию империи [см. 141].

[38] Высказывание о том, что поход на «племя сахалянь» 1616 г. был совершен именно на район, где спустя почти 70 лет после отмеченных событий маньчжурами была построена крепость Айхунь, является личной точкой зрения Ян Биня.

По нашему мнению, этот поход был совершен на район слияния Сунгари и Амура.

[39] Эти факты ставят под определенное сомнение выводы японского автора Фунакоси Акинару относительно датировки маньчжурской карты Сибири (?), относящего описываемую им карту к 1673—1676 гг. В этот период цинские картографы не могли еще составить такую карту; упоминание на ней пункта Бу(фа)тэхаула свидетельствует о ее составлении в первой половине XVIII в. [см. 248, 199—218].

[40] Данных о таких приездах маньчжурские источники почти не приводят, однако в русских архивных документах мы встречаем интересное упоминание о мирной встрече Е. Хабарова с «богдойскими людьми», по-видимому маньчжурскими купцами или сборщиками ясака, в даурском Гуйгударовом городке [95, т. III, № 102, 359—371; 172, 135]. Из сообщений об этой встрече совершенно ясно, что здесь мы имеем дело отнюдь не с какими-либо зачатками маньчжурской администрации в землях амурских народов.

[41] Подробнее о системе «номинального вассалитета», которую нельзя считать какой-либо формой политической зависимости, см. [58, 41—42 и др.].

Глава III

[1] Освоение приамурских земель предпринимали еще Е. Хабаров и Д. Зиновьев в начале 50-х годов XVII в. [208, 193; 216, 59—61; 34, 49—52].

[2] Это название племени цилэр, под которым следует понимать современных орочей и нивхов, до сих пор не упоминалось в маньчжурских источниках.

[3] Этот текст точно воспроизводится также в «Баци тунчжи чуцзи» [см. 5, цз. 153, 13а—13б].

[4] Дауры — это основное население верхнего течения Амура. Название «дауры» впервые встречается здесь, в этом важнейшем официальном маньчжурском источнике. Этот факт говорит весьма о многом. Даже если согласиться с утверждением некоторых исследователей о том, что местное население Амура часто и охотно называло себя «солонами» (благодаря храбрости и мужеству, присущим этим представителям таежных племен охотников и рыбаков), незнание маньчжурами точного наименования коренного амурского населения представляется весьма многозначительным.

[5] «Пиндин лоча фанлюе» открывает этим событием начало изложения истории подготовки Цинами войны в Приамурье в 80-х годах XVII в. [см. 17, цз. 1, 1—2].

[6] Переводя этот отрывок, А. Чэнь и В. Чэнь, по-видимому, не поняли его. Здесь речь идет не о р. Уссури, а о географическом пункте, селении Эсули, находившемся на Амуре между Албазином и Айхунем. Эта ошибка привела к тому, что В. Чэнь в своей работе пишет, что Канси поручил Лантаню «исследовать водные пути от Нингуты через Уссури на Амур» [см. 284, 151—152; 285, 77]. Если взглянуть на географическую карту, то такое утверждение выглядит по меньшей мере странно.

[7] Дань равен приблизительно 103,5 *л*.

[8] Чжан равен 3,2 *м*.

[9] Хэ Цю-тао при цитировании этого материала допускает огромное количество ошибок [см. 241, цз. 14, 20б—21а].

[10] В устье Хуньхэ находились верфи.

[71] Это, по-видимому, Монгодей, имя которого упоминается в ряде русских архивных документов. В этих документах его иногда называют «воеводой наунским» [см., например, ЦГАДА, КД, д. 3, лл. 165—166; 216, 109]. Цинские источники такого звания Мэнъэдэ, естественно, не упоминают, так как никакого «наунского воеводства» в тот период на Северо-Востоке не существовало.

[72] Характер же прошлых взаимоотношений Цинской империи с местными народами — постоянные нападения маньчжуров и массовый увод местных жителей, принуждение их к насильственной мене с захватчиками, поборы мехами, взимаемые маньчжурскими наместниками по нескольку раз в год, — все это заставляет серьезно сомневаться в самой возможности обращения к маньчжурам за такой помощью.

[73] «Пиндин лоча фанлюе» называет эту реку Бурмадохэ [17, цз. 2, 3].

[74] Ниже Хэ Цю-тао приводит из «Баци тунчжи чуцзи» вставку, которая в тексте «шилу» отсутствует.

[75] На этом вставка в «Пиндин лоча фанлюе» кончается, и далее вновь следует текст «шилу».

[76] В маньчжурских источниках это сообщение пленного Федора отсутствует.

[77] В маньчжурских источниках этот указ тоже отсутствует.

[78] Любопытно, что при изложении этих же событий несколько позднее, 25 февраля 1685 г., тот же источник перед цитированием поступившего с места донесения Вашаня и Сабсу пишет: «Император повелел своим указом дутуну гуну Вашаню и шилану Гопи поехать в Хэйлунцзян, где они должны были совместно с Сабсу тщательно обсудить вопрос о том, нужно ли осуществить на Албазин нападение (разрядка наша. — *Г. М.*) и какие шаги должны быть предприняты. Нужно выработать мероприятия, осуществление которых принесло бы наибольшую пользу» [см. 12, цз. 119, 4а—4б], т. е. было снова подчеркнуто основное содержание наставления Канси.

[79] Имеется в виду неудачная осада Минъаньдали русского Кумарского острога в 1655 г.

[80] Хэ Цю-тао дает краткий и неполный пересказ этого документа [см. 241, цз. 14, 25б—26б].

[81] Эти данные, сообщенные русским пленником, были значительно завышены. В 1685 г. в Албазине было 450 человек, способных носить оружие, 3 пушки и всего 4 ядра к ним [см. 216, 122].

[82] «Пиндин лоча фанлюе» вместо крепости Хэйлунцзян везде дает «Айхунь», «айхуньское войско» [см. 17, цз. 2, 51].

[83] Переведена впервые Алексеем Леонтиевым [2]. Известна также под названием «Китайский журнал о войне с русскими» (см. ЦГАДА, фонд «Сношения России с Китаем», оп. 2, 1682 г., д. № 1). Отрывки перевода А. Леонтиева были опубликованы Ю. Бартеневым [см. 50, кн. 1, 329—336]. Перевод в настоящее время несколько устарел.

[84] П. Т. Яковлева на основании одной известной ей биографии Лантаня приписывает только ему командование первой осадой Албазина [см. 216, 122].

[85] «Гуаньбао докладывал нам: „Намечалось, что наше войско выступит одновременно по воде и по суше 28 числа четвертой луны (20 мая 1685 г.— *Г. М.*). Перед этим были сильные грозы и прошли ливни. К 26 числу (18 мая 1685 г.— *Г. М.*) вода в Амуре начала прибывать. К тому же подул встречный ветер, очень затруднявший продвижение судов. К 27 числу (19 мая 1685 г.— *Г. М.*) небо прояснилось и вода пошла на убыль. 28 числа (20 мая 1685 г. — *Г. М.*) ветер с утра внезапно переменился на попутный. Наши воины подняли на своих судах паруса и поплыли против течения. Путь, для которого требуется три дня, проделан был за один день. Войско, отправленное сухим путем, даже двигаясь ускоренным маршем, не успело прибыть на место.

В войсках, размещенных в Айхуне, ощущался недостаток в мясе. Вдруг с гор побежало стадо оленей, насчитывавшее несколько десятков тысяч го-

лов. Конные воины открыли стрельбу по оленям из луков, пешие били их дубинами. Помогали им даже те, кто шел на судах и плотах. Всего было добыто 5 тыс. оленей.

Зная об этих двух случаях, мы предчувствовали, что будет одержана военная победа. Однако, так как дело еще не было закончено, мы предпочитали молчать. Ныне же усмирение завершено, поэтому мы специально издаем указ, дабы эти случаи стали всем вам известны» [173, 678; 18, цз. 2, 19а—19б].

[26] А. В. Рудаков в этой связи приводит цифры: 30 тягловых людей и 30 бошику на каждой станции, что безусловно является опечаткой [см. 168, 543].

[27] До октября 1685 г. хэйлунцзянский цзянцзюнь и его заместители назначались неофициально, эти назначения имели временный характер и были связаны исключительно с военной необходимостью.

[28] Цзяоцисяо — младший офицерский чин в маньчжурских восьмизнаменных войсках.

[29] Ср. с переводом А. Леонтиева в «Обстоятельном описании...» [12, т. 10, 140].

[30] Полный перевод этого указа приведен А. Е. Любимовым [см. 131]. Предложение об установлении границы по землям Якутска повторено Канси трижды [см. 131, 89, 90 и 91].

[31] «Пиндин лоча фанлюе» называет вместо Хэйлунцзяна пункт Айхунь.

[32] Ср. с действительным содержанием грамоты из Русского государства [48, 40—42].

[33] По-видимому, в документе описка. Вероятно, не Тахая, а Бахая, походы которого на русских были ранее описаны в источниках. Однако маньчжурские источники ничего не говорили о поражениях этих двух полководцев.

[34] В «Пиндин лоча фанлюе» этот указ не приводится.

[35] 20 февраля 1687 г. Канси издал указ, в котором говорилось о присылке в маньчжурские войска на Амуре врачей в связи с вспыхнувшими эпидемиями [см. 12, цз. 129, 2а—2б].

Заключение

[1] П. Т. Яковлева, основываясь на переводе из китайского журнала, неточно транскрибирует его имя как Тун Гуе-ган [см. 216, 153]. Ср. с транскрипцией Ю. П. Бартенева [50, кн. 1, вып. 2, 304—336].

[2] П. Т. Яковлева называет также имена Унеда и Аюси [см. 216, 154]. Кроме того, в состав посольства входили два иезуита — Томас Перейра и Жан Франсуа Жербийон, имена которых ни в одном из этих китайских источников не упоминаются.

[3] См. комментарий к указу Канси от 5 февраля 1685 г. (стр. 163 настоящей работы).

[4] Следует обратить внимание на эту формулировку указа: народности хэчжэ и фэйяка выделены отдельно без указания на их подчинение Цинской империи.

[5] Довольно откровенное выражение сущности захватнических планов цинской правящей верхушки и масштабов территориальной экспансии. Вместе с тем не надо упускать из виду, что открыто экспансионистская программа была теми требованиями, которые маньчжурские послы реально собирались предъявить русской стороне на нерчинских переговорах, подкрепляя их прямым военным нажимом.

[6] В «Пиндин лоча фанлюе» говорится в этой связи: «Когда Соэту с товарищами еще не достиг Селенгинска» [17, цз. 4, 89].

[7] По данным «Баци тунчжи чуцзи», об этом сообщил ланчжун Идао в апреле 1689 г. [см. 5, цз. 153, 21б]; по свидетельству «Шэнцзу шилу»: «Русский посол Федор [Головин] прибыл в Нерчинск и просит обсудить

вопрос об установлении границ». Это сообщение датируется 13 июля 1689 г. [12, цз. 140, 30а]; «Пиндин лоча фанлюе» сообщает, не указывая даты: «В это время прибыл присланный русским послом гонец, сообщивший, что русский великий посол Федор [Головин] с товарищами ранее [уже] прибыл в Нерчинск» [см. 17, цз. 3, 89].

[8] Цинские послы для начала «запросили» значительно больше, чем предусматривалось даже по самой максималистской инструкции Канси. Очевидно, в этом проявляется основная черта дипломатии маньчжуро-китайцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отождествление населенных пунктов на территории северо-восточных племен

Племя ванцзя

Ванцзя, город — был расположен на северном берегу верхнего течения р. Хадахэ (совр. Цинхэ), восточнее г. Хада [см. 230, 148].

Племя варка

Авань, местность — отождествить ее не представляется возможным.
Акули, местность — земли бассейна р. Акулихэ, притока р. Уссури в ее верхнем течении [см. 29, 3, 2а].
Аньчулаку, город — находился в окрестностях современного г. Ачэна, бывшего Алэчукэчэна [см. 29, 3, 3б].
Нимань, местность — р. Ниманьхэ показана в китайском атласе как один из притоков р. Уссури, в верхнем ее течении, а «местность Нимань» обозначена в ее бассейне [см. 29, 3, 2а].
Нолэй, местность — отождествить ее не представляется возможным.
Нэйхэ, город — находился, по-видимому, к юго-востоку от г. Аньчулаку.
Саймукэлэ, местность — точное местоположение неизвестно.
Урцзи, местность — точное местоположение неизвестно.
Фэйю, город — как отмечает Ивакити Инаба, находился вблизи современного города Хуньчуня [см. 265, т. 2, 644].
Элэюэсо (Элэ), местность — точное местоположение неизвестно. Лю Сюаньминь предполагает, что она была расположена к востоку от верховьев р. Уссури [230, 169].
Эхэйкулунь, местность — расположение ее отождествить не представляется возможным. Лю Сюань-минь считает, что она находилась к востоку от верховьев р. Уссури [см. 230, 169].

Племя воцзи

Дунъэхэйкулунь, город — отождествить его местоположение не представляется возможным.
Мулунь, местность — получила свое название от р. Мулинхэ, левого притока Уссури, протекающего северо-западнее оз. Ханка. Можно предположить, что земли Мулунь занимали бассейн современной реки Мулинхэ, неподалеку от ее впадения в Уссури [см. 16, цз. 13, 14а].
Намдулу, местность — находилась в верховьях современной реки Суйфунь, по-видимому ближе к р. Хуньчунь [см. 5, цз. 152, 16а—16б].
Нимача, местность — по-видимому, располагалась к югу от верховьев р. Уссури и оз. Ханка и к северу от р. Суйфунь [см. 29, 3, 2а].
Нингута, город — современный город Нинъань.
Нингута, местность — находилась севернее местности Суйфэнь, южнее современного города Нинъаня.

Силинь, местность — находилась в бассейне р. Силинь, впадающей на юге в Японское море, западнее р. Ялань [см. 29, 3, 2а]. Река Силинь протекала юго-восточнее Хуньчуня [см. 24, цз. 2, 23б].

Суйфэнь, местность — находилась в верховьях р. Суйфунь [см. 29, 3, 2а].

Ургучэнь, местность — отождествить ее не представляется возможным. «Шэнцзин тунчжи» издания 1684 г. уже не приводит о ней сведений.

Фонэхэтокэсо, местность — находилась к юго-западу от современного города Нинъаня, к северу от р. Фодохэхэ и населенного пункта Эмохэчжань [см. 24, цз. 12, 10а, 20б]. По свидетельству «Шэнцзин... чжаньцзи юйту», эта местность находилась в верховьях р. Муданьцзян, к востоку от оз. Цзинбоху и к юго-западу от Нинъаня [см. 29, 3, 3а].

Хуабочунь, Шаньчапу и другие пять городков — отождествить их местонахождение не представляется возможным; по-видимому, все они находились в окрестностях г. Чжакуты.

Хуе, местность — находилась к востоку от Хуньчуня [см. 24, цз. 12, 13б].

Хэсихэй, местность — район современного Дуньхуа [см. 24, цз. 12, л. 6а].

Чжакута, город — «Цзилинь тунчжи» сообщает, что г. Чжакута был расположен в 120 ли к западу от Хуньчуня [см. 24, цз. 24, 28б]. В «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» Чжакута помещен на северном берегу р. Тумыньцзян, западнее р. Хайлань [см. 29, 2, 3а].

Шаньчапу см. Хуабочунь.

Эмохэсулу, местность — «Цзилинь тунчжи» отождествляет ее с современным Эмохэсолочжань [см. 24, цз. 12, 20б]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает эту местность к западу от р. Фодохэхэ (верхнего притока р. Муданьцзян), севернее селения Хэшихэтунь [см. 29, 3, 3а].

Ялань, местность — название, по-видимому, от р. Ялань [см. 29, 3, 2а]. Источники XVII в., к сожалению, не сообщают никаких аутентичных сведений о местонахождении этой реки.

Племя дунъо

Вэнголо, город — местоположение его отождествить не удалось. О принадлежности его племени дунъо свидетельствует «Маньчжоу юаньлю као» [см. 16, цз. 8, 84а].

Дунъо, город — «Шэнцзин тунчжи» * сообщает: «Дунъэчэн — в 520 ли к юго-западу от Юнцзичжоу... Прежде был резиденцией верховного вождя дунъэ — Лукэсу» [см. 28, цз. 15, 9а]; «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает этот город к северу от р. Аньба-ярхухэ, к югу от гор Дунъошань и к западу от современной реки Хуньцзян [29, 2, 4а].

Цицзида, город — находился южнее места слияния р. Ванцинхэ и р. Кэшихэ и западнее р. Хуньцзян [см. 29, 2, 38].

Яргу, селение — находилось к юго-востоку от г. Дунъо, на западном берегу Хуньцзяна [см. 29, 1, 3а].

Племя ехэ

Ацилань, город — находился на юго-восточной границе ехэ [см. 230, 162].

Ехэчэн, город — встречается в источнике еще под названием Дунчэн (Восточный город). Являлся резиденцией вождя ехэ — Цзинь-тайши. «Шэнцзин тунчжи» указывает, что г. Ехэчэн находился в 495 ли к западу от Гирина [см. 28, цз. 15, 9б] и в 40 ли к востоку от гор Мэнгуюй [см. 28, цз. 13, 20а]; «Цзилинь тунчжи» уточняет: этот город находился юго-западнее гор Хуланьфэн, приблизительно в 400 ли от Гирина, северо-западнее гор Байшишань и северо-восточнее подножья гор Баньцзайташань [см. 24, цз. 18, 21а, 22а, 22б]; «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его юго-западнее верхнего течения р. Ехэхэ (современная река Тунхэ) [см. 29, 3, 4а].

* Здесь и ниже ссылки приведены на издание 1736 г.

Ехэшаньчэн, город — расположен на южном берегу р. Ехэхэ [230, 165], встречается в источнике также под названием Сичэн (Западный город), упоминается как место жительства вождя ехэ — Буянгу. «Шэнцзин тунчжи» определяет его местонахождение в 3 ли к северо-западу от г. Ехэчэна [см. 28, цз. 15, 9б].

Кэбуцилай см. Хэдунь.

Кэитэ, город — находился в 10 ли к востоку от г. Ехэчэна и западнее г. Хэйэрсу.

Усу, город — современный город Итун [см. 24, цз. 12, 6а]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его на территории племени нэинь Чанбошаня, в район слияния рек Эхэнэинь и Сунгари [см. 29, 2, 3а]. Ошибка этого утверждения, как отмечает Лю Сюань-минь, очевидна, так как племя нэинь было завоевано Нурхаци уже в 1591 г. [230, 162].

Хэдунь, Кэбуцилай, Эцзитай и «другие 19 мест» — отождествить не представляется возможным.

Хэйэрсу, город — «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его между р. Хэйэрсухэ и р. Ацзигэ-яхахэ («Малая Яхахэ») [см. 29, 2, 4а]. «Шэнцзин тунчжи» называет р. Хэйэрсухэ верхним течением р. Дунляохэ и сообщает, что она расположена в 400 с лишним ли к западу от г. Гирина [см. 28, цз. 13, 26б].

Цзиданъа, город — расположен между г. Чжанчэн и г. Усу [см. 230, 163].

Чжанчэн, город — находился на юго-восточной границе племени ехэ [см. 230, 162].

Чжаньхай, селение — находилось в 10 ли к востоку от г. Ехэчэна и западнее г. Хэйэрсу.

Эцзитай см. Хэдунь.

Яха, город — находился северо-восточнее р. Аньба-яхахэ («Большая Яхахэ») [см. 29, 2, 4а], которая, согласно «Шэнцзин тунчжи», под названием Анбань-яхахэ протекала в 320 с лишним ли к западу от Гирина [см. 28, цз. 17, 26б].

Племя курка

Лафа, местность — отождествить ее не представляется возможным.

Хойкэ, местность — местоположение неизвестно.

Яньчжу, селение — отождествить его не представляется возможным.

Племя маньчжоу

Синцзин, город — современный Синьбинь в провинции Ляонин. Улин («Пять горных хребтов»). «Шэнцзин тунчжи» отождествляет их с горами, находящимися соответственно в 5, 21, 36, 56 и 71 ли к юго-западу от Синцзина [см. 28, цз. 13, 1б].

Хэтуала, город — современный Лаочэн в провинции Ляонин.

Племя нэинь

Фодохэшань, горы — определение их местонахождения осложняется тем, что на Северо-Востоке протекает три реки Фодохэхэ. По мнению Лю Сюань-миня, эта местность должна находиться в бассейне р. Фодохэхэ, впадающей в Эхэнэиньхэ [см. 230, 153—164].

Племя сахалянь

«Одиннадцать селений», захваченных войсками Нурхаци, — очевидно, это были главным образом прибрежные селения по правому южному берегу р. Амура, в районе впадения в него Сунгари.

Урцзянхэ, река — отождествить эту реку не представляется возможным.
Фодолокунь, селение — местоположение неясно.

Племена солонов и хурха

Алидай см. Сайбуци.
Аличань см. Улайбудин.
Асацзинь, городок — очевидно, находился к северо-востоку от г. Укура, на берегу Амура [см. 29, 5, 4а].
Бахана см. Улайбудин.
Большое Гэрдасу см. Бохэли.
Бохэли, Нортэр, Дули, Большое Гэрдасу, Малое Гэрдасу, Чокучань и Нэнцзир, селения — их местоположение не совсем ясно. «Шэнцзин тунчжи» называет р. Бохэлихэ правым (южным) притоком Амура в 150 ли к югу от г. Хэйлунцзянчэна [см. 241, цз. 14, 8а]. Возможно, селение Бохэли находилось в бассейне этой реки. Другие селения, по-видимому, размещались неподалеку от него.
Вацици, селение — находилось восточнее селения Шукэтэку и южнее р. Сунтари [см. 29, 4, 2б—3а].
Вэньдохэ, река — отождествить ее не представляется возможным.
Гань, местность — отождествить ее местонахождение не удается.
Гэбор, селение — Хэ Цю-тао отождествляет его с г. Гобугэр, упоминаемым в «Шэнцзин тунчжи», в 100 ли к северо-западу от Хэйлунцзянчэна (Айхуня) [см. 240, цз. 14, 7б].
Гэрдасу см. Сайбуци.
Гэрдасунь см. Докэ.
Добоку, местность — расположение ее неизвестно.
Докэ, Гэрдасунь, Мудань, Дусунь, Улакэ, Дэдур, селения — точное их местонахождение установить пока не удалось, но, по-видимому, они находились в пределах или поблизости от владений Балдачи.
Досунь см. Докэ.
Доцзинь, город — находился юго-западнее Яксы, на правом берегу Амура, к востоку от р. Пинъухэ [см. 29, 5, 4а].
Дочэнь, город — находился восточнее г. Асацзиня [см. 29, 5, 4а].
Дули см. Бохэли.
Дэдур см. Докэ.
Кулумута см. Уиньтунь.
Кумара (Хумалихэ), река — современная река Хумархэ, правый приток Амура.
Кубачала, селение — находилось северо-восточнее селения Футиси и северо-западнее Кэркэму, на южном берегу Сунгари [см. 29, 4, 2б—3а].
Кэинь см. Сайбуци.
Кэркэму, селение — размещалось на южном берегу Сунгари, к северо-востоку от г. Саньсина [см. 29, 4, 2б—3а].
Лаличань, селение — местоположение его остается неясным.
Малое Гэрдасу см. Бохэли.
Мудань см. Докэ.
Натунь см. Уиньтунь.
Ниербо, селение — юго-западнее селения Сали [см. 29, 4, 2б—3а].
Нортэр см. Бохэли.
Нэнцзир см. Бохэли.
Орхунь, селение — находилось северо-восточнее от места слияния Сунгари с Амуром [см. 29, 4, 2б—3а].
Сайбуци, Гэрдасу, Алидай, Кэинь, Юйэргэнь, селения — их местоположение неизвестно.
Сали, селение — находилось юго-западнее Этици, на правом (восточном) берегу Сунгари [см. 29, 4, 2б—3а].
Тухурчань, городок — местоположение установить невозможно.
Уиньтунь, Кулумуту и Натунь, селения — местоположение их остается неясным.

Укур, городок — располагался вблизи устья р. Укурхэ, впадающей в Амур, и к востоку от г. Доцзинь [см. 29, 5, 4а].

Улайбудин, Умунакэ, Бахана, Аличань, селения — местоположение их неизвестно.

Улакэ см. Докэ.

Уланьхайлунь, селение — местоположение его неясно.

Улусу, селение — Хэ Цю-тао, на наш взгляд, необоснованно отождествляет его с г. Улусумуданьчэном, находившимся якобы в 300 ли к северо-западу от Хэйлунцзянчэна, и называет местом жительства вождя солонов Бомбогора [см. 240, цз. 14, 7б].

Умунакэ см. Улайбудин.

Футиси, селение — находилось к северо-западу от селения Кэркэму, на южном берегу Сунгари [см. 29, 4, 2б—3а].

Хайлунь, селение — Хэ Цю-тао отождествил с районом Хулуньбуира, называемым обычно Хайлар [см. 240, цз. 14, 8а—8б], это предположение не выдерживает критики и не может быть принято [см. 244, 435].

Цилотай, местность — отождествить ее не удалось.

Чокучань см. Бохэли.

Чормынь, местность — по-видимому, находилась в бассейне р. Чорхэ (Чол), которая является притоком р. Нуньцзян (Нонни) [см. 244, 118].

Шукэтэку, селение — находилось восточнее р. Аньбахэ и южнее Сунгари [см. 29, 4, 2б—3а]

Эрдэмур, местность — расположение ее неизвестно.

Эрту, селение — Хэ Цю-тао необоснованно связывает его с р. Элэгэхэ в 1300 ли к северо-западу от Хэйлунцзянчэна [см. 240, цз. 14, 8б]. Местонахождение их неизвестно.

Этици, селение — находилось юго-восточнее места слияния Сунгари и Амура [см. 29, 4, 2б—3а].

Юйэргэнь см. Сайбуци.

Якса, солонский городок — точное местонахождение его по источникам XVII в. установить невозможно. В 80-х годах XVII в. стал бездоказательно отождествляться маньчжуро-цинами с г. Албазином. Данная историческая фальсификация получила закрепление и в «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» [см. 29, 5, 4а], где городок показан как современные руины Албазина.

Племя суань

Суань, местность — «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает ее в верховья Сунгари, между Фодохэхэ и р. Сайчжулуньхэ [см. 29, 2, 3а]. По мнению Лю Сюань-миня, это является ошибкой [см. 230, 151]. Однако, по нашему мнению, вопрос о расположении Суань недостаточно ясен и потребует дальнейшего уточнения.

Племя суксухухэ

Аньтугуарцзя, город — Лю Сюань-минь указывает на ошибку «Дунбэй бяньфан цзияо», идентифицирующего этот пункт с Хэтуалой [см. 230, 139]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает этот город на северном берегу Суксухухэ, к западу от заставы Чжакэгуань и юго-востоку от гор Дахэйшань [см. 29, 2, 4а].

Гулэ, город — находился у подножия хребта Гулэшань. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его на южный берег Суцзыхэ, к юго-западу от Чжакэгуань и юго-востоку от Тулуня [см. 29, 2, 4а].

Мардунь, селение — местоположение его неясно. О принадлежности селения племени суксухухэ см. [16, цз. 8, 24а].

Сарху, город — «Шэнцзин тунчжи» считает, что он находился в 120 ли к западу от Синцзина [см. 28, цз. 15, 2а]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его к востоку от р. Сархухэ, к западу от Тулуня и юго-западу от слияния Сархухэ с Суцзыхэ [см. 29, 2, 4а].

Тулунь, город — находился юго-восточнее места слияния р. Суцзыхэ с р. Хуньхэ, северо-восточнее г. Гулэ, восточнее Сарху и южнее переправы у г. Цзефань [см. 29, 2, 4а].

Хэйцзигэ, город — находился к западу от заставы Чжакэгуань и северу от Гулэ [230, 140—141].

Цзямуху, селение — было расположено восточнее гор Дахэйшань и северо-западнее г. Аньтугуарцзя, на северном берегу Суцзыхэ [см. 29, 2, 4а].

Чжакэ, город — находился к востоку или юго-востоку от заставы Чжакэгуань, располагавшейся, по сведениям «Шэнцзин тунчжи» в 63 ли к западу от Синцзина [см. 28, цз. 16, 1б].

Чжаньхэ, селение — местоположение этого пункта источники не отмечают, но, по-видимому, он находился недалеко от селения Цзямуху.

Шацзи, город — точное местоположение его неизвестно, но, судя по записям «шилу», он находился недалеко от Гулэ [см. 25, цз. 1, 4а].

Племя ула

Годо, город — находился недалеко от г. Эхань.

Иханьшань (Иханьалинь), город — находился к северо-востоку от Гирина, на северном берегу р. Иханьхэ, на горах Иханьшань (совр. хребет Западный Лаоелин или его отроги) [см. 28, цз. 15, 10а; 29, 3, 3б].

«Пять прибрежных селений племени ула» — точные названия каждого из этих пяти мест утрачены. Располагались по течению р. Улахэ (верхнее течение р. Сунгари) [см. 230, 159].

Суньчжатай, город — находился южнее и юго-западнее г. Эхань [см. 29, 3, 3б].

Ула, город — служил главной резиденцией вождя ула Бучжаньтая. Его местоположение «Шэнцзин тунчжи» определяет в 70 ли севернее г. Гирина [28, цз. 15, 9б]. «Нурхаци шилу» свидетельствует, что город находился к востоку от Улахэ, в 2 ли от г. Цзиньчжоу [25, цз. 2, 5а]. «Цзилинь тунчжи» ошибочно отождествляет его с современным г. Дашэнъулачэном [см. 24, цз. 15, 18б], построенным в 1703 г. в связи с тем, что старый г. Ула часто затоплялся при разливах реки, отчего и был перенесен на восток. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает г. Ула восточнее р. Улахэ, западнее Дашэнъулачэна, на северном берегу р. Чжэсунъэхэ [см. 29, 3, 3а].

Фурха — городов с таким названием в источниках встречается два: в 500 ли к юго-западу от Гирина и в 33 ли к северу от Гирина [см. 16, цз. 13, 37а]. К племени ула, по всей вероятности, относится второй город, служивший прежде резиденцией бэйлэ Фосоно [см. 28, цз. 15, 9б]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» показывает его местоположение восточнее р. Улахэ, западнее г. Иханьшань, на северном берегу р. Иханьхэ [см. 29, 3, 3б].

Цзиньчжоу, город — по данным «Нурхаци шилу», можно судить, что этот город находился к западу от г. Ула, на левом (западном) берегу Улахэ [см. 25, цз. 2, 5а]. Ивакити Инаба считает, что город находился на берегу р. Иханьхэ, около Цзинъэньфолочжаня [см. 265, т. 2, 637]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» располагает его южнее г. Ула, на северном берегу р. Иханьхэ и на восточном берегу Улахэ [см. 29, 3, 3б]. Лю Сюань-минь считает, что Ивакити Инаба допустил ошибку [см. 230, 159].

Эхань, город — «Шэнцзин тунчжи» помещает его в 30 ли к северо-востоку от г. Гирина [см. 28, цз. 15, 10а].

Племя учжала

Учжала, селение — руины его отмечены к югу от места слияния рек Мулинхэ и Уссури [см. 29, 4, 2б]. По донесению засланных Канси в 1682 г. под Албазин маньчжурских лазутчиков Лантаня и Пэнчуня, в котором тоже упоминается «местность Учжала», можно связать ее с тем районом, где в 1652 г. Е. Хабаровым был поставлен Ачанский острог и имело место первое столкновение с маньчжурами.

Племя хада

Суйха, город — «Маньчжоу юаньлю као» определяет его местонахождение в 40 ли к западу от Цзилиньчэна [см. 16, цз. 13, 46б]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» показывает его между реками Суйхахэ и Соудэнхэ [см. 29, 3, 3б].

Фуцзярци, селение — находилось на границе с племенем Нурхаци [см. 25, цз. 1, 10а].

Хада, город — городов с таким названием три: Хада-синьчэн (Хада-Новый город), Хада-цзючэн (Хада-Старый город) — бывшая резиденция вождя племени и Хада-шичэн (Хада-Каменный город). «Шэнцзин тунчжи» сообщает: «Хада-синьчэн, резиденция вождя, находится на горах Ичэфэн; бэйлэ племени хада перенес сюда свою столицу из старого города на внутренней территории Кайюаня» [28, цз. 15, 9а]. «Цзилинь тунчжи» сообщает: «Хада-синьчэн построен на гребне хребта Ичэфэн, а Хада-шичэн — у подножия хребта Ичэфэн» [24, цз. 18, 25а]. Хада-цзючэн показан в «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» к юго-западу от Хада-шичэн, на северном берегу р. Цинхэ [см. 29, 2, 4а].

Хадахэ, река — совр. Цинхэ. Протекала через земли племени хада [см. 16, цз. 13, 14а; 28, цз. 13, 14а].

Чайхэ, селение — по-видимому, находилось в бассейне р. Чайхэ, которую «Шэнцзин тунчжи» определяет как протекающую в 2 ли к северу от г. Телина [см. 28, цз. 13, 16б].

Племя хойфа

Доби, город — местоположение неясно, по-видимому, в пограничной полосе.

Хойфа, город — источники упоминают о трех городах Хойфа: Хойфа-сячэн — к северо-западу от гор Хойфафэн; Хойфа-хэчэн — в 300 ли к югу от Гирина, на берегу р. Хойфахэ; Хойфачэн — в 370 ли к западу от Гирина, на горах Цзилиньфэн [см. 24, цз. 12, 18б; 28, цз. 15, 8б]. Резиденцией вождя племени Байиньдали, по-видимому, был Хойфачэн. По «Нурхаци шилу», его предок Ванцзи построил крепость в горах Хурцишань, в 370 ли к западу от Гирина, в непосредственной близости от г. Хойфачэн, на горах Цзилиньфэн [см. 25, цз. 1, 3б—4а]. «Цзилинь тунчжи» сообщает, что р. Хуньхэ огибает северную часть г. Хойфачэн и, следовательно, город находился на ее южном берегу [см. 24, цз. 22, 6б]. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его к югу от Хуньхэ, между реками Саньтуньхэ и Тосиньхэ [см. 29, 2, 3б].

Племя хуньхэ

Боихунь, селение — по мнению Лю Сюань-миня, оно находилось между г. Аньтугуарцзя и Томохэ [см. 230, 142—143].

Дунцзя, город — находился на северном берегу р. Илэдэнхэ в ее верхнем течении, к юго-западу от г. Чжаоцзя [см. 29, 2, 4б].

Ханцзялу, селение — местоположение его неясно; «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» показывает его к югу от гор Суншаньпуфэн на северном берегу Хуньхэ, к востоку от Гаолиина [см. 29, 4, 4б].

Цзябань, город — находился недалеко от Фушуня. «Шэнцзин... чжаньцзи юйту» помещает его к востоку от Фушуня [см. 29, 2, 4а].

Чжакумулу, селение — на южном берегу р. Илэдэнхэ в ее верхнем течении, к юго-западу от г. Дунцзя [см. 29, 2, 4а].

Чжаоцзя, город — расположен к северо-западу от гор Гулэшань, к юго-западу от г. Гулэ [см. 29, 2, 4б].

Эрхунь, город — по направлению движения войск Нурхаци можно заключить, что этот город находился к северо-западу от Томохэ и, вероятно, севернее Цзябаня, недалеко от минской пограничной стены Ляодуна [см. 25, цз. 1, 4б—5а, 8а].

Племя хурха см. *Племена солонов и хурха*

Племя чжэчэнь

Барда, город — находился на северном берегу р. Хуньхэ [см. 230, 147]. Этот город, как и Цзефань, «Любянь цзилюе» относит к племени хуньхэ [см. 31, цз. 3, 44].

Дунчэн, город — был взят Нурхаци сразу же после захвата Барда, поэтому можно заключить, что он располагался очень близко от Барда.

Томохэ, город — находился в междуречье Хуньхэ и Суцзыхэ, к востоку от г. Цзефань и северо-западу от Аньтугуарцзя [см. 29, 2, 4а].

Цзефань, город — находился на северном берегу р. Хуньхэ [см. 230, 148].

Шаньчэн, город — местоположение неясно.

Племя шицюань («племя, ездящее на собаках»)

Иньдахунь, местность — Вэй Юань, китайский автор XIX в., высказывает предположение, что она находилась в бассейне р. Иньдамухэ, притока Амура [см. 219, цз. 1, 7а].

Ноло, местность — Вэй Юань относит ее в бассейн р. Нолохэ [см. 230, цз. 1, 7а]. К сожалению, это утверждение ничем не аргументировано.

Силасинь, местность — располагалась, по-видимому, в бассейне одноименной реки, притока Нолохэ, впадающей в Уссури [см. 29, 4, 2а].

Такулала, местность — расположение ее неизвестно.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

На русском языке

1. «Записки о Нингуте», перевод с китайского В. П. Васильева, — в кн.: «Описание Маньчжурии», отдельный оттиск из «Записок императорского Русского географического общества», СПб., 1857, кн. XII.
2. «Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурского народа и войска, осми знаменах состоящего». Перевел с манджурского Алексей Леонтиев, т. 1—17, СПб., 1784.
3. «Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то-есть все законы и установления Китаиского (а ныне Манчжурского) правительства». Перевел с манчжурского... Алексей Леонтиев, т. 1—3, СПб., 1781—1783.

На китайском языке

4. «Баци маньчжоу шицзу тунпу» («Общее обозрение всех родов, вошедших в маньчжурские восемь знамен»), сост. Агуем и др., ксилограф, б. м., 1744.
5. «Баци тунчжи чуцзи» («Первоначальное издание Всеобщего описания восьми знамен»), ксилограф, б. м., 1739.
6. «Да Цин личао шилу цзинъинь бэнь» («Правдивые записи о правлении всех императоров великой Цинской династии, фотолитографическое издание»), [Токио, 1937].
7. «Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу» («Правдивые записи о правлении Возвышенного императора Тайцзу великой Цин»), — «Да Цин личао шилу цзинъинь бэнь» («Правдивые записи о правлении всех императоров великой Цинской династии, фотолитографическое издание»), [Токио, 1937], папка 1, т. 1—2, цз. 1—10.
8. «Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении Просвещенного императора Тайцзуна великой Цин»),— «Да Цин личао шилу цзинъинь бэнь» («Правдивые записи о правлении всех императоров великой Цинской династии, фотолитографическое издание»), [Токио, 1937], папки 2—3, гл. 1—65.
9. «Да Цин хуэйдянь ту» («Иллюстративный материал к Сборнику законов великой династии Цин»), б. м., [1899], цз. 1—270.
10. «Да Цин хуэйдянь шили» («Сборник узаконений великой династии Цин»), б. м., [1899].
11. «Да Цин Шицзу Чжанхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении Величественного императора Шицзу великой Цин»), — «Да Цин личао шилу цзинъинь бэнь» («Правдивые записи о правлении всех императоров великой Цинской династии, фотолитографическое издание»), [Токио, 1937], папки 5—7, цз. 1—144.
12. «Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении Гуманного императора Шэнцзу великой Цин»), — «Да Цин личао шилу цзинъинь бэнь» («Правдивые записи о правлении всех императоров великой Цинской династии, фотолитографическое издание»), [Токио,1937], папки 8—14, цз. 1—300.

13. «Да Цин Шицзу Чжанхуанди шэнсюнь» («Священные поучения (указы) Величественного императора Шицзу великой Цин»), ксилограф, б. м., б. г., т. 1—6.
14. «Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шэнсюнь» («Священные поучения (указы) Гуманного императора Шэнцзу великой Цин»), ксилограф, б. м., б. г., т. 1—4.
15. «Кайго фанлюе» («Описание [история] создания [маньчжурского] государства»), ксилограф, б. м., б. г.
16. «Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжуров»), ксилограф, б. м., 1777.
17. «Пиндин лоча фанлюе» («Высочайшая стратегия усмирения русских»), сост. Чан Шу и др., ксилограф, б. м., б. г.
18. То же, в кн.: Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн (Полное описание Северной границы), б. м., 1881, цз. V—VIII, вводные.
19. Саинъэ, Цзилинь вайцзи, ши цзюань (Неофициальное описание Гирина, 10 цз.),— сб. «Хуанчао фаньшу юйди цуншу», б. м., б. г., кн. 2.
20. Сицин, Хэйлунцзян вайцзи, ба цзюань (Неофициальная история Хэйлунцзяна, 8 цз.), — сб. «Хуанчао фаньшу юйди цуншу», кн. 2.
21. У Чжэнь-чэнь, Нингута цзилюе, и цзюань (Записки о Нингуте, 1 цзюань), — сб. «Хуанчао фаньшу юйди цуншу», кн. 2.
22. «Хуанчао итунчжи шэн фу тин чжоу сянь цюань ту» («Полное собрание карт провинций, округов, комиссарских округов, областей и уездов ко Всеобщему географическому описанию Китайской империи»), б. м., 1734.
23. «Хэйлунцзян тунчжи» («Описание Хэйлунцзяна») — рукопись. Отдел рукописей ЛО ИВАН, № С-89, по инвентаризации 1953 г. № 223, т. 1—6.
24. «Цзилинь тунчжи» («Всеобщее описание земель Гирина»), б. м., 1898, цз. 1—122.
25. «Цин Тайцзу Ухуанди Нурхаци шилу» («Правдивые записи о правлении Цинского Воинственного императора Тайцзу Нурхаци»), Бэйпин, издание музея Гугун, 1932, т. 1, цз. 1—10.
26. «Циньдин баци тунчжи» («Высочайше утвержденное Всеобщее описание восьми знамен»), ксилограф, б. м., 1799.
27. «Циньдин шэнцзин тунчжи» («Высочайше утвержденное Всеобщее описание [земель] Мукдена»), б. м., 1782.
28. «Шэнцзин тунчжи» («Всеобщее описание земель Мукдена»), ксилограф, б. м., издание 1684 г.
29. «Шэнцзин Цзилинь Хэйлунцзян дэн чу бяо чжу чжаньцзи юйту» («Атлас боевых действий в Мукдене, Гирине, Хэйлунцзяне и других местах с комментариями»), опубликован Сиро Сато, Дайрен, 1935.
30. «Юйчжи Да Цин хуэйдянь» («Свод законов великой Цинской династии, составленный по императорскому повелению»), ксилограф, б. м., 1732.
31. Ян Бинь, Любянь цзилюе (Описание земель внутри и вне Ивового палисада), 5 цзюаней, Шанхай, 1936.

Литература

На русском языке

32. «Акты исторические», т. IV, 1861, № 5.
33. Александров В. А., Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г., — «Вопросы истории», 1957, № 5.
34. Александров В. А., Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.), — «История СССР», 1968, № 2.
35. Александров В. А., Россия на Дальневосточных рубежах, М., 1969.
36. Алексеев М. П., Сибирь в известиях западноевропейских путеше-

ственников и писателей. Введение, тексты и комментарий. Второе издание, Иркутск, 1941.
37. «Амур и Уссурийский край», б. м., 1885.
38. Андреев А. И., Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII в. Издание второе, М.—Л., 1960.
39. Андреев Г. И., Материалы по Приамурскому краю, Оренбург, 1866.
40. Андреев М., Из истории сношений России с Китаем (XVII—XX вв.), — «Северная Азия», 1925, № 5—6.
41. Андриевич В. К., Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г., СПб., 1887.
42. Арсеньев В. К., Быт и характер народностей Дальневосточного края, Владивосток, 1928.
43. Арсеньев Ю. В., О происхождении сказания о реке Амуре, — «Известия Русского географического общества», 1882, № 4.
44. «Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца. Письма, полученные из России в годы царствований Кан-си и Цянь-лун», Бэйпин, 1936.
45. Базилевич К. В., В гостях у богдыхана (Путешествия русских в Китай в XVII в.), Л., 1927.
46. Базилевич К. В., История СССР от древнейших времен до конца XVII века, М., 1950.
47. Банников А. Г., Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. Издание второе, М., 1954.
48. Бантыш-Каменский Н. Ф., Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составлено по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792—1803 году, Казань, 1882.
49. Баранов А., Изучение памятников древности в Маньчжурии, — «Бюллетень Музея Общества изучения Маньчжурского края», № 1, Харбин, 1923.
50. Бартенев Ю. П., Герои Албазина и Даурской земли,— «Русский архив», 1899, кн. 1—4.
51. Бахрушин С. В., Казаки на Амуре, Л., 1925.
52. Бахрушин С. В., Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928.
53. Берх В. Н., Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах реки Амура, — «Сын Отечества», 1821, № IX—XII
54. [Бичурин Н. Я.], Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом, СПб., 1828, т. 1—2.
55. Бичурин Н. Я., Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван, Чебоксары, 1960.
56. Бичурин Н. Я., Статистическое описание китайской империи. В двух частях, Пекин, 1910.
57. Богданов Н. Н., Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1927.
58. Бокщанин А. А., Китай и страны Южных морей, М., 1968.
59. Болобан А. П., Колонизационные проблемы Китая, Маньчжурии и Монголии, Харбин, 1910.
60. Бруннерт И. С., Гагельстром В. В., Современная политическая организация Китая, Пекин, 1910.
61. Васильев А. П., Забайкальские казаки (Исторический очерк), Чита, 1917, т. 1.
62. Васильев В. П., История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах, СПб., 1857.
63. Васильев В. П., Описание Маньчжурии, отд. оттиск из «Записок императорского Русского географического общества», СПб., 1857, кн. XII.

64. Васильев В. П., Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из Шен-у-цзи), СПб., 1883.
65. Васильев В. П., Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, СПб., 1896.
66. Васильев В. П., Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин, СПб., 1883.
67. Васютинский В., О русских посольствах в XVII в., СПб., 1860.
68. Венюков М., Обозрение реки Уссури, — «Вестник императорского Русского географического общества», 1859, ч. XXV, отд. 2.
69. Вилков О. Н., Китайские товары на Тобольском рынке в XVII в., — «История СССР», 1958, № 1.
70. Воробьев В. В., Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки), Иркутск, 1959.
71. Воробьев П. И., К истории русско-китайских отношений в XVII веке, — «Труды Института востоковедения АН СССР», 1936, т. XVII.
72. Вяткин Р. В., Мясников В. С., Документы по истории русско-китайских отношений, — «Вестник Академии наук», 1959, № 10.
73. Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л., О некоторых вопросах исторической науки в КНР, — «Вопросы истории», 1963, № 10.
74. Г. С., Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре, — «Сибирский вестник», 1824, ч. 1—3.
75. Гамель И. Х., Англичане в России в XVI—XVII столетиях, — «Записки императорской Академии наук», т. VIII, 1865, СПб., № 1.
76. Гербиллон [Жербийон], Описание и известие о великой Татарии, — «Календарь, или месяцеслов», СПб., 1744, 1745, 1746, 1747.
77. [Годунов П. И.], Ведомость о китайской земле и о глубокой Индеи, — «Памятники письменности и искусства», CXXXIII, 1899.
78. Головачев П. М., Россия на Дальнем Востоке, СПб., 1904.
79. Горский В., Начало и первые дела маньчжурского дома, — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб., 1852, т. 1.
80. Горский В., О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу, — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 1, СПб., 1852.
81. Горяинов С., Материалы для исследования Бутхаского фудутунства, Владивосток, 1903.
82. Граве В. В., Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье, СПб., 1912.
83. Гребенщиков А. В., Дальний Восток (исторический очерк), — «Северная Азия», 1926, № 5—6.
84. Гребенщиков А. В., Заселение Маньчжурии, — «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1929, № 7—8, № 44.
85. Гребенщиков А. В., К изучению истории Амурского края по данным археологии, — «Юбилейный сборник Общества изучения Амурского края», 1916.
86. Гребенщиков А. В., Маньчжуры, их язык и письменность. С приложением фотоцинкографической и фотолитографической таблиц, Владивосток, 1912.
87. Гребенщиков А. В., Очерк заселения китайского Приамурья, — «Вестник Азии», 1911, № 7.
88. Гребенщиков А. В., Основы китайской колонизации Маньчжурии, — «Труды Российского колонизационного института», М., 1926, ч. 2.
89. Грум-Гржимайло Г. Е., Описание Амурской области, СПб., 1894.
90. Демидова Н. Ф., Мясников В. С., О датировке грамот императоров Минской династии царю Михаилу Федоровичу, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.
91. Демидова Н. Ф., Мясников В. С., Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова), М., 1966.
92. Л. А. Дербов, Начало дипломатических и торговых отношений Рос-

сии с Китаем, — «Ученые записки Саратовского государственного университета имени Чернышевского», исторический выпуск, т. 68, 1960.
93. Долгих Б. О., Расселение народов Сибири в XVII в.,— «Советская этнография», 1952, № 3.
94. Долгих Б. О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 55. М., 1960.
95. «Дополнения к Актам историческим», т. VI, СПб., 1857.
96. Думан Л. И., Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., М.—Л., 1936.
97. [Думан Л. И.], Новая история Китая. Лекции, читанные доцентом Л. И. Думан, ч. II. Китай в XVII—XVIII вв., Л., 1938.
98. Дюгальд Ж. Б., Географическое, историческое, хронологическое описание Китайской империи и Татарии Китайския, [СПб.], 1774, т. 1, ч. 1—2.
99. Ермаченко И. С., Политика маньчжурской династии Цин в отношении Южной и Северной Монголии в XVII веке, М., 1973.
100. Ефимов Г. В., История международных отношений Китая в конце XIX в. в китайских источниках и литературе, — «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского», Л., 1958.
101. Ефимов Г. В., Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая, Л., 1965.
102. Желоховцева Е. Ф., Материалы местных учреждений Северо-Восточного Китая XVII—XIX вв. в «Маньчжурском архиве», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
103. Захаров И. И., Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875.
104. Зензинов, Исторические воспоминания о реке Амуре. Шесть исторических документов, подтверждающих, что в конце XVII столетия течение нижнего Амура принадлежало русским, — «Москвитянин», 1843, вып. VII.
105. Златкин И. Я., История Джунгарского ханства (1635—1758), М., 1964.
106. Златкин И. Я., О роли России в борьбе монголов за независимость против маньчжурских завоевателей во второй половине XVII — первой половине XVIII в., — «Краткие сообщения Института востоковедения», 1952, вып. VI.
107. Золотарев А. М., Из истории народов Амура, — «Исторический журнал», 1937, № 7.
108. Золотарев А. М., Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.
109. [Ивановский А.], Конспект истории Маньчжурии (лекции преп. А. Ивановского за 2-ое полугодие 1886/87 академич. года). Курс I, СПб., 1887.
110. «Исторические акты о подвигах Е. Хабарова на Амуре в 1649—1651 гг.», — «Журнал для воспитанников военно-учебных заведений», 1840, № VIII.
111. «История дипломатии», М., 1959, т. 1.
112. «История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Том первый. Древняя Сибирь», Л., 1968.
113. Кабанов П. И., Амурский вопрос, Благовещенск, 1959.
114. Кафаров (Палладий), Извлечения из китайской книги «Шенву-цзи», Пекин, 1907.
115. Кафаров (Палладий), Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии, — «Записки императорского Русского географического общества по общей географии», 1879, VIII, вып. 2.
116. Кириллов А., Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1884.
117. К[омаров] М[атвей], Старинные письма китайского императора к Российскому государю, М., 1787.

118. Копылов А. Н., Мясников В. С. Яковлева П. Т., Первый русско-китайский договор 1689 г., — «История СССР», 1959, № 4.
119. Корсак А. К., Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем, Казань, 1857.
120. Кречетова М. Н., Из истории торговых отношений России и Китая в XVII—XVIII веках, — «Культура и искусство античного мира и Востока», М.—Л., 1958.
121. Кудрявцев Ф., А., Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в., Иркутск, 1939.
122. Курдюков И. Ф., Из истории русско-китайских отношений (1695—1720 гг.), — «Исторический архив», 1957, № 3.
123. Курц Б. Г., Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII вв.,— «Новый Восток», 1927, № 19.
124. Курц Б. Г., Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929.
125. Кюнер Н. В., Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
126. Кюнер Н. В., Китайские исторические данные о народах Севера,— «Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия востоковедческих наук», вып. 1, Л., 1949.
127. Кюнер Н. В., Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых, издание второе, Владивосток, 1914.
128. Лебедева Е. П., Расселение маньчжурских родов в конце XVI — начале XVII веков, — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 132, 1957.
129. Липский А. Н., Маньчжуро-тунгусы русской части бассейна Амура, Хабаровск, 1926.
130. Лопатин И. А., Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские, Владивосток, 1922.
131. Любимов А. Е., Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских отношений в XVII веке, — «Записки Восточного отделения русского археологического общества», т. XXI, 1912, вып. II—III.
132. Любимов А. Е., Новые маньчжурские материалы для истории Амурского края с 1680 по 1812 г., — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 19, 1909.
133. Мамышев Вс., Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал граф Федор Алексеевич Головин, СПб., 1910.
134. [Мартенс Ф. Ф.], Россия и Китай. Историко-политическое исследование Ф. Ф. Мартенса. С изменениями и дополнениями автора перевел В. Телесницкий, СПб., 1881.
135. «Международное право», под ред. Д. Б. Левина и Г. П. Калюжной, М., 1962.
136. «Международные отношения на Дальнем Востоке», кн. 1—2, М., 1973.
137. Мелихов Г. В., «Баци тунчжи» как основной источник по военной организации маньчжуров,— сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История. Экономика», М., 1967.
138. Мелихов Г. В., «Да Цин личао шилу» как исторический источник, — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопросы истории и экономики», М., 1969.
139. Мелихов Г. В., К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в., — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
140. Мелихов Г. В., Некоторые вопросы консолидации маньчжурской народности при Нурхаци и Абахае (1591—1644 гг.), — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
141. Мелихов Г. В., Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1403—1413 гг.), — сб. «Китай и соседи», М., 1969.
142. Мелихов Г. В., Ян Бинь и его труд «Любянь цзилюе», — сб. «Стра-

ны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История. Экономика», М., 1967.
143. Мелихов Г. В., Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае, — в кн.: «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970.
144. Мелихов Г. В., Система военного и гражданского управления Восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров, — в кн.: «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вопросы истории и экономики)», М., 1970.
145. Миллер Г. Ф., История Сибири, т. 1, М., 1937.
146. Мясников В. С., Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина, — «Советское китаеведение», 1958, № 1.
147. Мясников В. С., Русские архивные источники о завоевании Китая маньчжурами (1618—1690 гг.), — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
148. Назаров А. Ю., Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области, — «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», т. XIV, 1883, вып. 1—2.
149. «Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина» (Публикация, вступительная статья и примечания А. М. Филиппова), — «Советское китаеведение», 1958, № 2.
150. Оглоблин Н. Н., Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768), М., 1898, ч. I—IV.
151. Оглоблин Н. Н., Сибирские дипломаты XVII в. (Посольские статейные списки), СПб., 1891.
152. Огородников В. И., Очерки истории Сибири до начала XIX столетия, ч. 1, Иркутск, 1920—1924; ч. 2, вып. 1. Завоевание русскими Сибири, Владивосток, 1924.
153. Огородников В. И., Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., — «Труды государственного Дальневосточного университета», серия III, № 4, Владивосток, 1927.
154. Окладников А. П., Далекое прошлое Приморья, Владивосток, 1959.
155. Окладников А. П., История советского Дальнего Востока (от эпохи первобытных отношений до наших дней), т. 1—2, Владивосток, 1967.
156. «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, М., 1959.
157. Паршин В., Поездка в Забайкальский край, ч. 1—2, М., 1844.
158. Патканов С. К., Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1—2, СПб., 1906.
159. Позднеев А. М., Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ», СПб., 1883.
160. Потапов Л. П., Народы Южной Сибири, Новосибирск, 1953.
161. Потоцкий С. П., Из истории торговых и экономических отношений России с Синьцзяном в XVII—XX столетии, М., 1948.
162. «Приамурье. Факты, цифры, наблюдения», М., 1909.
163. Путята, Походы родоначальников Да-цинской династии (с картою), — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», 1890.
164. Пуцилло М., Указатель статьям и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву Министерства иностранных дел, М., 1879.
165. Рабич Г., К вопросу о русско-китайских отношениях XIII—XVII вв., — «Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета», вып. XV, серия историческая, Ташкент, 1956.
166. [Риттер К.], Землеведение Азии Карла Риттера, перевод и дополнения П. Семенова, ч. 1, СПб., 1856.
167. Рудаков А. В., История развития военных сил в Гириньской провинции, — «Известия (Владивостокского) Восточного института», Владивосток, т. V, 1902; т. VI, 1903.

168. Рудаков А. В., Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644—1902 гг.), т. 1. Перевод Цзи-линь тун-чжи с дополнениями по новейшим китайским официальным данным, Владивосток, 1903.
169. Рудаков А. В., Политическая организация Маньчжурии, стеклограф, б. м., б. г.
170. «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов», М.—Л., 1952.
171. «Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы». Сост. П. Е. Скачков и В. С. Мясников, М., 1958.
172. «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т 1, 1608—1683», М., 1969.
173. «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. 2, 1686—1691», М., 1972.
174. «Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов», М., 1959.
175. Рябов Н. И., Очерки по истории Дальнего Востока (XVII—XIX вв.), Хабаровск, 1939.
176. Рябов Н. И., Штейн М. Г., Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII — начало XX в., Хабаровск, 1958.
177. Саввин В. П., Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем, М.—Л., 1930.
178. Селезнев М. С., Документы на русском языке в Пекинском архиве древних актов, — «Исторический архив», 1959, № 2.
179. Сельский И., Последняя осада Албазина маньчжуро-китайцами в 1687 г. (Из древних списков Восточной Сибири и китайских источников),— «Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества», V, 1858, отд. 1.
180. Скалон В. Н., Русские землепроходцы — исследователи Сибири в XVII в., М., 1951.
180а. Сладковский М. И., Очерки экономических отношений СССР с Китаем, М., 1957.
181. Спасский Г. И., Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии,— «Вестник императорского Русского географического общества», ч. VII, 1853, отд. 11.
182. [Спафарий Н. Г.], Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник, СПб., 1882.
183. Спафарий Николай Милеску, Сибирь и Китай, Кишинев, 1960.
184. Таксами И. М., Нивхи, Л., 1967.
185. Тихвинский С. Л., Маньчжурское владычество в Китае,— сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
186. Титов А., Сибирь в XVII в., М., 1890.
187. Титов А., Из маньчжурской старины, — «Вестник Азии», № 3, 1910.
188. Трусевич Х., Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.), М., 1882.
189. [Тулишень], Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану с описанием земель и обычаев российских. Перевел Алексей Леонтиев, СПб., 1782.
190. Фишер И. Э., Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, СПб., 1774.
191. Хаптаев П. Т., Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, Улан-Удэ, 1942.
192. Хариский К. А., Китай с древнейших времен до наших дней, Хабаровск — Владивосток, 1927.
193. Хвостов В. М., Китайский «счет по реестру» и правда истории, — «Международная жизнь», 1964, № 10.
194. Храповицкий М. Д., Несколько замечаний касательно давности и законности обладания Маньчжурскою династиею левым берегом Аму-

ра, рукопись, — Рукописный отдел Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, фонд 273, картон № 22, ед. хр. № 6.
195. «Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV—XVIII вв.)», М., 1960.
196. «Хрестоматия по новой истории», т. 1, М., 1963.
197. Чебоксаров Н. Н., Северные китайцы и их соседи, — «Краткие сообщения Института этнографии», вып. 5, 1949.
198. Чжан Му, Хэ Цю-тао, Мэнгу ю му цзи. Перевод с китайского П. С. Попова, СПб., 1896.
199. Чулков Н., Хабаров Е. П., — «Русский архив», 1898, № 1.
200. Шавкунов Э. В., Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Л., 1968.
201. Шастина Н. П., Русско-монгольские посольские отношения XVII в., М., 1958.
202. Шренк Л. И., Об инородцах Амурского края, т. 1—3, СПб., 1883—1885.
203. Штейнфельд Д. Н., Русское дело в Маньчжурии с XVII века до наших дней, Харбин, 1910.
204. Штернберг Л. Я., Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск, 1933.
205. Шумахер П. В., К истории приобретения Амура. Наши сношения с Китаем. 1848—1860, — «Русский архив», 1878, № 11.
206. Шумахер П. В., Наши сношения с Китаем (1567—1805). Исторический очерк, — «Русский архив», 1879, № 6.
207. Шумахер П. В., Первые русские поселения на Сибирском Востоке, — «Русский архив», 1879, № 5.
208. Шунков В. И., Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), М., 1956.
209. Шунков В. И., Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков, М.—Л., 1946.
210. Щебеньков В. Г., Об источниковедении и историографии русско-китайских отношений XVII в., — «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958.
211. Щебеньков В. Г., Русско-китайские отношения в XVII в., М., 1960.
212. Щукин Н., История реки Амура, составленная из обнародованных источников, отдельный оттиск из «Санкт-Петербургских ведомостей», 1856, № 19, 21, 26 и 30.
213. Энгельфельд В. В., К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII и XVIII вв. (Историческая справка), — «Вестник Маньчжурии», 1929, № 3.
214. Юзефович Г., Договоры России с Востоком, политические и торговые, СПб., 1869.
215. Яковлев Л. М., Задачи и проблемы маньчжурской антропологии в связи с историко-этнологическим изучением страны, — «Записки Харбинского Общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 1.
216. Яковлева П. Т., Первый русско-китайский договор 1689 г., М., 1958.
217. Яковлева П. Т., Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.), — сб. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966.

На китайском языке

218. Ван Чжун-хань, Цинши цза као (Разные исследования по истории династии Цин), Пекин, 1957.
219. Вэй Юань, Шэн у цзи (Записки о священных войнах), б. м., б. г.
220. Гу Цзе-ган, Чжунго цзянъюй ши (История изменений границ Китая), Бэйпин, 1938.

221. Дай И, Чжунго цзиньдай ши гао (Наброски по новой истории Китая), т. 1, Пекин, 1958.
222. Дин Мин-нань и др., Диточжуи циньхуа ши (История империалистической агрессии в Китае), т. 1, Пекин, 1961.
223. «Дунбэй шиган» («Очерки истории Северо-Востока»), б. м., стеклографическое издание, 1932—1933 гг.
224. Ли Сюнь, Мин Цин ши (История династий Мин и Цин), Пекин, 1956.
225. Ли Тин-юй, Дун сань шэн бяньу цзияо (Важнейшие записи об охране границ в трех восточных провинциях), б. м., 1917.
226. Лин Чунь-шэн, Сунхуацзян сяюды хэчжэцзу (О народности хэчжэ нижнего течения Сунгари) [заглавие также на англ. яз.] Ling, Johnson, The Goldi tribe on the Lower Sungari River, Nanking, 1934.
227. Ло Чжэнь-юй, Тайцзу Гаохуанди шилу хуэйбэнь саньчжун (Предисловие к трем версиям собрания правдивых записей о правлении Тайцзу Гаохуанди), [Бэйпин], 1933.
228. Лю Да-нянь, Чжунго цзиньдайши чжу вэньти (Вопросы новой истории Китая), сборник статей, Пекин, 1965.
229. Лю Сюань-минь, Мин чу чжи цзинъин Дунбэй (Управление Северо-Востоком в начале правления Мин), — «Дагунбао», 25.XII.1936.
230. Лю Сюань-минь, Цин кайго чу чжэнфу чжубу цзянъюй као (К вопросу о местах проживания различных племен, покоренных в начале образования государства династией Цин),— «Яньцзин сюебао», 1938, № 23.
231. Люй Чжэнь-юй, Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история национальностей Китая), Далянь, 1947.
232. Мо Дун-инь, Маньцзу ши луньцун (К истории маньчжурской народности), Пекин, 1958.
233. Се Го-чжэнь, Мин Цин шиляо яньцзю (Изучение исторических материалов периодов Мин и Цин),— «Цзиньлин сюебао», т. 3, 1933, № 2.
234. Се Го-чжэнь, Цин кайго шиляо као (Исследование исторических материалов начала династии Цин), Бэйпин, 1931.
235. Се Го-чжэнь, Цинчу люжэнь кайфа Дунбэй ши (История освоения Северо-Востока ссыльными поселенцами в начале эпохи Цин), Шанхай, 1948.
236. Сюе Чжун-сань, Оуян И, Лянцяньнянь чжун си ли дуйчжао бяо (Таблицы перевода дат китайского календаря на общеевропейское летоисчисление за две тысячи лет) [название также на английском языке] A Sino-Western Calendar for Two Thousand Years 1—2000 AD, Пекин, 1956.
237. Сюй Чжао-куй, Циндай Хэйлунцзян лююй ды цзинцзи фачжань (Экономическое развитие бассейна реки Хэйлунцзян в период династии Цин), Пекин, 1959.
238. Фань Вэнь-лань, Дуй уханьды ши юе гунцзочжэ-ды баогао (Доклад о деятельности историков Ухани),— «Синь цзяньшэ», 1962, № 1.
239. Хэ Хань-вэнь, Чжун э вайцзяоши (История дипломатических отношений Китая и России), Шанхай, 1935.
240. Хэ Цю-тао, Бэйцзяо хуэйбянь (Сборник материалов по Северной границе), б. м., б. г.
241. Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн (Описание Северной границы), б. м., 1881.
242. Цзян Тин-фу, Цзуй цзинь саньбайнянь Дунбэй вайхуань ши (История иностранной агрессии на Северо-Востоке за последние 300 лет), Бэйпин, 1932.
243. Чжао Цюань-чэн, Циндай дили яньгэ бяо (Таблицы изменений в территориально-административном делении Цинской империи), Шанхай, 1955; с предисл. и под ред. Гу Цзе-гана.
244. «Чжунго гуцзинь димин да цыдянь», Цзан Ли-хэ дэн бянь («Большой

словарь древних и современных географических названий Китая», сост. Цзан Ли-хэ и др., Шанхай, 1935.
245. «Чжунго лиши ганъяо» («Очерки истории Китая»), Пекин, 1954.
246. «Чжунго цзиньдайши луньцун» («Сборник статей по новой истории Китая»), вып. 1, Тайбэй, 1959.
247. Шэнь Пэй-лань, Эрбай ушиняньлайды чжун су вайцзяо гуаньси сяоши (Краткий очерк истории дипломатических отношений Китая и СССР за последние 250 лет), Шанхай, 1947.

На японском языке

248. Акинару Фунакоси, Карта Сибири эпохи Канси (1662—1722). О старинной карте из коллекции Ло Чжэнь-юя,— «То: хо: гакухо», 1963, № 33.
249. Вада Сэй, То:аси кэнкю:. Мансю:хэн (То:ё бунко ронсо: № 37) [Изучение истории Восточной Азии. Маньчжурия (Публикация Востоковедческой библиотеки. Серия А, № 37)], Токио, 1955.
250. Идзуми Рэндзи, Ню: кан дзэн-но синтё: (Цинская династия до вторжения во Внутренний Китай), Дайрэн, 1924.
251. Иицука Сю, Ро рё: энкокурю: ко:тихо: ни окэру но:гё (Сельское хозяйство в занятом Россией Приамурье), — «Тоё:», т. 27, 1924, № 3.
252. Инаба Ивакити, Маммо: сэн то сина хонбу-то-но канкэй (Отношения Маньчжурии, Монголии и Кореи с собственно Китаем), — «Маммо:», т. 5, 1924, № 1, 2.
253. Инаба Ивакити, Мансю:коку си цу:рон (Общий очерк истории Маньчжоу-го), Токио, 1935.
254. Инаба Ивакити, Миндай рё:дун-но хэнсё (Пограничная стена в Ляодуне в Минскую эпоху),— в сб. «Мансю: тири рэкиси кэнкю: хо:коку» («Научные сообщения по географии и истории Маньчжурии»), вып. 2, б. м., 1913.
255. Инаба Ивакити, Синсё:-но кё:ики (Границы [Маньчжурского государства] в начале периода Цин), — в сб. «Мансю: тири рэкиси кэнкю: хо:коку» («Научные сообщения по географии и истории Маньчжурии»), вып. 2, б. м., 1913.
256. Инаба Ивакити, Синтё: дзэнси (Полная история Цинской династии), т. 1—3, Токио, 1914.
257. Инаба Ивакити, Дзо:тэй Мансю: хаттацу си (Исправленная и дополненная история развития Маньчжурии), Токио, 1935.
258. Инаба Ивакити, Тё:сэн рицзунтё:-ни окэру рё:ди-но мансю: сюппэй (О двух военных походах маньчжуров на Корею в период правления короля Ли-цзуна), — «Аокю: гакусо:», 1934, № 15—16.
259. Инаба Ивакити, Яно Дзинъити, Тё:сэн. Мансю:си (История Кореи и Маньчжурии), — в кн.: «Сэкай рэкиси тайкэй», № 11 («Всемирная история», № 11), Токио, 1935.
260. Исида Канносукэ, Ро Син канкэй-но дайити ки (Начальный период русско-китайских отношений), — «Гайко: дзихо:», т. 29, 1914, № 1—4.
261. Исимура Тэйити, Гэн Мин Син сиряку (Очерки по истории династий Юань, Мин и Цин), Токио, 1877.
262. Ито Есикацу, Гайкан мансю:си (Очерки истории Маньчжурии), Токио, 1942.
263. Кодама Ёити, Сорэн Эй Бэй Фуцу синряку-но ато-о каэримитэ (История проникновения России, Англии, США, Франции на Дальний Восток), Токио, 1938.
264. Комура Хансё:, Син-но сисо-то дэнсэцу (Легенды о предках династии Цин), — «Маммо:», т. 12, 1931, № 1.
265. «Мансю: рэкиси тири» («Историческая география Маньчжурии»), под ред. Куракити Сиратори, т. 1—2, Токио, 1913.

266. Масуда Ко:, Мансин сиряку (Краткая история маньчжуро-цинской династии), Токио, 1880.
267. Нумада Ёрисука, Нитиман-но кодай кокко: (Дипломатические отношения между Японией и Маньчжурией в древние времена), Токио, 1933.
268. Огава Такудзи, Сина рэкиси тири кэнкю (Изучение исторической географии Китая), Киото, 1928, т. 1—2.
269. Омори Гансэки, Тё:ман хаттати си. Хокусан оёби то: ман хэн. О:мори Гансэки хэн (История развития Кореи и Маньчжурии. Северная Корея и Восточная Маньчжурия. Сост. Омори Гансэки), Осака, 1933.
270. Отаги Мацуо, Нибучу дзё:яку-о цу: дзитэ митаро сё:ки-но росин канкэй (Русско-китайские отношения начального периода через призму Нерчинского договора), — «То:а кэнкю:сё хо:», 1943, № 24.
271. Сиратори Куракити, Мансю: миндзоку-но како (Прошлое маньчжурской народности), — «То:ё дзихо:», 1909, № 133.
272. Танабэ Райдзо, Синтё: хассё:ти-но дэнсэцу (Предания относительно места возникновения Цинской династии), — «Маммо:», т. 7, 1926, № 1.
273. Харуаки Имаиси, Мансю: гобу-но ити (Местонахождение пяти племен Маньчжоу), — «Сисэн», 1956, № 4.
274. Янай Ватари, Вада Сэй хэн, То:ё докуси тидзу (Исторический атлас по истории Дальнего Востока), Токио, 1941.
275. Яно Дзинъити, Киндай сина гайко:си (История международных отношений Китая в новейший период), Токио, 1930.
276. Яно Дзинъити, Киндай сина си (Новейшая история Китая), Киото, 1926.
277. Яно Дзинъити, Мансю:киндай си (Новейшая история Маньчжурии), Токио, 1941.
278. Яно Дзинъити, Мансю:коку рэкиси (История Маньчжоу-го), Токио, 1933.
279. Яно Дзинъити, Синтё:си (История Цинской династии), [Токио], б. г.

На западноевропейских языках

280. Baddeley J. F., Russia, Mongolia, China, vol. I, II, London, 1919.
281. Biggerstaff K., Some Notes on the Tung-Hua Lu and the Shih-lu, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», July 1939, vol. 4, № 2.
282. Cahen G., Histoire des relations de la Russe avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), Paris, 1912.
283. Cahen G., Some Early Russo-Chinese Relations by Gaston Cahen, Shanghai, 1914.
284. Chen Agnes Fang-chih, Chinese Frontier Diplomacy: 1) The Coming of the Russians and the Treaty of Nerchinsk; 2) Kiakhta Boundary Treaties and Agreements,— «The Yenching Journal of Social Studies», IV (February 1949).
285. Chen Vincent, Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century, Hague, 1966.
286. Ch'eng T'ien-Fang, A history of Sino-Russian Relations. Introduction by J. L. Stuart, Washington, 1957.
287. Childe V. Gordon, Lecture: Discoveries in Siberia and Eastern Russia in Relation to Prehistoric Connections between China and the West, Cambridge, 1952.
288. «Ch'ing administrative terms. A translation of the terminology of the six boards with explanatory notes», Cambridge, 1961.
289. Clyde P. H., International Rivalries in Manchuria 1689—1922, s. l., 1928.
290. Crofts A., Buchanan P., A History of the Far East, New York, 1958.

291. Dallin D. J., The rise of Russia in Asia, New Haven, Yale University Press, 1949.
292. Doolin Dennis J., Territorial Claims in Sino-Soviet Conflict. Documents and Analysis, Stanford, 1965.
293. Douglas R., Europe and the Far East 1506—1912, Cambridge, 1913.
294. Drew W. J., Sino-Russian Relations in the 17th Century,— «Central Asian Review», vol. XVI, 1968, № 2.
295. Dudgeon J. H., Historical Sketch of the Ecclesiastical, Political and Commercial Relations of Russia with China, Drawn Chiefly from Original Sources, Peking, 1872.
296. Eckel P. E., The Far East Since 1500, New York, 1947.
297. Evans J. E., Russia on the Amur, 1643—89, Washington, 1952.
298. A History of East Asian Civilization, vol. 1, Fairbank J., Reischauer E., East Asia. The Great Tradition, Boston, 1960; vol. 2, J. Fairbank, E. Reischauer, A. Craig, East Asia. The Modern Transformation, Boston, 1965.
299. Fairbank J. K., Teng S. Y., On the Ch'ing Tributary System,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1941. vol. 6, № 2.
300. Fairbank J. K., Teng S. Y., The Types and Uses of Ch'ing Documents,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 5, January, 1940, № 1.
301. Fuchs W., Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur, Tokyo, 1936.
302. Fuchs W., Der Tod des Kaisers Abahai in J. 1626, «Monumenta Serica», 1, 1935.
303. Fuchs W., The Long White Mountain in Manchuria,— «China Journal», 1933, № 18.
304. Fuchs W., The Personal Chronicle of the First Manchu Emperor,— «Pacific Affairs», 9 (1936).
305. Fuchs W., Manjurica, vol .1, Peking, 1942.
306. Fuchs W., Zur Druckausgabe der Shih-lu der Manju-Dynastie,— «Monumenta Serica», 3, 1938.
307. Gale Esson M., Some Chinese Sources for the Study of the North-Eastern Asia,— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. LXIV [1933].
308. Gardner C. S., Chinese Traditional Historiography, Cambridge Mass.), 1938.
309. Gibert Lucien, Dictionnaire historique et géographique de la Mandchourie, Hongkong, 1934.
310. Giles H. A., China and the Manchus, Cambridge University Press, 1912.
311. Golder F. A., Russian Expansion on Pacific 1641—1850, Cleveland, 1914.
312. Harrison E. J., Peace or War East of Baikal? 1910.
313. Du Halde J. B., Description géographique, historique, chronologique, Politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinois, vol. 1—4, s. l., 1736.
314. Hsien Pao Chao, The Government of China (1644—1911), Baltimore, 1925.
315. Hummel Arthur W. (ed.), Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912), vol. 1—2, Washington, 1943.
316. Jackson W. A. D., The Russo-Chinese Borderlands Zone of Peaceful Contact or Potential Conflict, Princeton, 1962.
317. Ken Shen Weigh, Ph. D., Russo-Chinese diplomacy, Shanghai, 1928.
318. Klaproth M. J., Mémoires relatifs a l'Asie, contenant des recherches historiques, geographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient, Paris, 1824, vol. 1—3.
319. Korff S. A., Russia in the Far East, Washington, 1921.

320. Krausse A., Russia in Asia. A Record and a Study 1558—1899, New York, 1899.
321. Lattimore O., Inner Asian Frontiers of China, London — New York, 1940.
322. Lattimore O., The Mongols of Manchuria, New York, 1934.
323. Lattimore O., Studies in Frontier History,— Collected Papers, 1925—1958, Paris — La Haye, 1962.
324. Lattimore O., The Unknown Frontier of Manchuria, — «Foreign Affairs», January 1933.
325. Li Chi Ph. D., Manchuria in History, Peiping, 1932.
326. Lobanov-Rostovsky A., Russia and Asia, New York, 1933.
327. Michael F., The Origin of Manchu Rule in China. Frontier and Bureaucracy as Interacting Forces in the Chinese Empire, Baltimore, 1942.
328. Morgan Evan, Times and Manners in the Age of the Emperor K'ang Hsi, — «Journal of the North China Branch of Royal Asiatic Society», 69 (1938).
329. Morse H. B., The International Relations of the Chinese Empire, vol. 1—3, London, 1910.
330. Parker E. H., A Thousand Years of the Tartars, Shanghai — Hongkong — Yokohama, 1895.
331. Pavlovsky M. N., Chinese-Russian Relations, New York, 1949.
332. Penkala M., A Correlated History of the Far East: China, Corea, Japan, Tuttle, 1966.
333. Petrov V. P., Manchuria as an Objective of Russian Foreign Policy, Washington, 1954.
334. Ravenstein, The Russians of the Amur, its Discovery, Conquest and Colonisation, London, 1861.
335. Rockhill W. W., Diplomatic Audiences at the Court of China, London, 1905.
336. Ross J., The Manchus or the Reigning Dynasty of China. Their Rise and Progress, London, 1880.
337. Sebes J., The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689). The Diary of Thomas Pereira, S. J., Rome, 1961.
338. Shirokogoroff S. M., Social Organisation of the Manchus, Shanghai, 1924.
339. Shirokogoroff S. M., Social Organization of the Northern Tugus, Shanghai, 1929.
340. Stauffer R. B., Manchuria as a Political Entity: Government and Politics of a Major Region of China, Including its Relations to China Proper, Minneapolis, 1954.
341. Wada Sei, The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Records, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», 1938, № 1.
342. Tung Chi-ming, An Outline History of China, Peking, 1959, 1965.
343. Wales H. G. Q., The Sacred Mountain in the Old Asiatic Religion, — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1953, 23.
344. Yakhontoff V. A., Russia and the Soviet Union in the Far East, New York, 1931.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абай 46
Абатай 61
Абахай (Тайцзун Вэньхуанди) 4—6, 15, 17, 32, 42, 44—47, 54—57, 59, 60, 61, 63, 64, 68, 71, 72, 75, 76, 79, 80, 122, 125, 128, 138, 193, 196, 197, 200—203
Аблин Сеиткул 102
Акинару Фунакоси 206
Аксёнка (О-кэ-со-му-кэ) 174
Алайдархань 64
Албаза 84, 201
Александров В. А. 13, 14, 131, 185, 190
Алексей Михайлович, царь 96, 103
Алексей, см. Толбузин Алексей
Алинай см. Арни
Амухулан 146
Аньчжуху 106, 124, 172
Арни (Алинай) 168, 186
Арсеньев В. К. 11
Аханикань 69, 70
Аюка-хан 122
Аюси 208

Базилевич К. В. 11
Бай 69
Байиньдали 38, 216
Байков Ф. И. 13, 98
Байкэ см. Бокэ
Баймодо 190
Балдача (Бардаци) 58, 61, 63, 70, 72, 81, 129, 200—202, 213
Баньдарша (Баньдалиша) 168, 173—175, 186, 187, 189
Баодай 67
Баоланъа 30
Баоци 152, 153
Баоши 30
Бардаци см. Балдача
Бартеньев Ю. П. 207, 208
Бахай (Тахай) 79, 89, 92, 101, 102, 123, 124, 136, 138, 144, 146, 169, 181, 208
Бахрушин С. В. 11
Бацилань 59—61, 63
Башаньланту 70
Бодин 171, 176, 177
Бойгонь 96
Бокщанин А. А. 78, 200
Бокэ (Байкэ) 167
Болицю 167
Бомбогор 15, 65—71, 201, 202, 214
Бохай 197
Боци 179
Бочжоху 70
Бугулуй 200
Бухэда 155
Бучжаньтай 38—40, 215
Буянгу 44, 45, 212
Буяндай 200
Бэддли Дж. 19
Бэйлэр 156, 165

Вадай 68, 72
Валиху 138, 142, 144
Вангао 29
Ванцзи 216
Ваньли 198
Васильев В. П. 9, 10, 199, 203
Вахана 167
Вашань 159, 160, 167, 207
Венюков Никифор 180
Власов Иван 170, 174
Вэй Юань 50, 106, 125, 196, 198, 217
Вэньбутэ 70
Вэньдай 152, 167, 168, 171
Вэньду 67
Вяткин Р. В. 13

Гаврила 165
Галдан 135, 189
Гантимур 20, 67, 96, 103, 121 147, 148, 155, 180, 186, 187
Голдер Ф. А. 18, 20, 21
Головин Ф. А. 21, 188, 190, 191, 208, 209
Гопи 159, 178, 207
Гордунь 59—60
Горский В. 11, 104, 196—198
Гребенщиков А. В. 12

Гуансюй 50, 158, 187, 207
Гурцзида 59
Гу Цзе-ган 16, 17, **74**, **192**, 203
Гэлинъа 68
Гэрту 142, 143
Гэрцзю 64
Гэрци 33
Гэрчжусайтэр 200

Дархань 117
Дарханься 43
Дачжуху 56
Демидова Н. Ф. 13, 98
Дербов Л. А. 13
Джайльс Х. 19
Дин Мин-нань 192
Долгих Б. О. 11, 12, 51—53, 93, 97, 200, 202
Доргонь 72, 73
Думан Л. И. 11, 185
Думона 59
Дунбао 160, 173
Дунъо 56
Дэшику 30

Екэшу 68, 69, 203
Елэй 64—67
Ефимов Г. В. 196

Желоховцева Е. Ф. 203
Жербийон Жан Франсуа (Гербиллон) 125, 208

Захаров И. И. 198
Зиновьев Дмитрий 96, 206

Ибахань 146, 147
Иванов Андрей 95
Идао 208
Инаба Ивакити 22, 23, 66, 69, 101, 105, 111, 210, 215
Иньту 57, 151
Исанъа 136, 153
Исиней 95
Исунь 69, 70
Ито Есикацу 25
Ицзина 58
Ичанъа 142

Кабанов П. И. 13, 97, 131
Канси (Шэнцзу Жэньхуанди) 4, 6—8, 15—17, 19—**22**, 25, 52, 91—93, 100, 102—**104**, 113, 114, 116, 122, 124, 125, 128, 129, 132, 134—164, 166—**183**, 185—192, 196, 203, **204**, 206—209, **216**
Каэн Г. 19, 140
Квашнин Иван 204
Клапрот 199
Копылов А. Н. 13
Крайг А. 20
Куймань 56
Кулмаметов Сейдяш 102
Кусай 187
Кэбай 59—60
Кэгэданъа 154
Кэда 58
Кэмунихань 64, 67, 200, 202
Кэнабулу-дархань 67
Кэргэсунь 101
Кэрчжу 56
Кэцина 70
Кэчжу 58
Кэюэбулу 70
Кюнер Н. В. 14

Лавкай 84
Ладунгэ 59
Лайдаку (Лайтаку) 83
Лантань 8, 21, 22, 54, 100, **135—137**, **141**, **142**, 145, 149, 167, 168, 173—175, 186, 187—189, 191, 196, 199, 206, 207, 215
Ланьбай 69
Латтимор О. 20, 111
Лебедева Е. П. 12, 52, 53, 198
Леонтьев (Леонтиев) А. 207, 208
Лидунь см. Лидунь-батуру
Лидунь-батуру 30, 32
Лин Чунь-шэн 48, 53, 199
Линь Син-чжу 136, 166
Ли Цзы-чэн 73
Лолибай 190
Лукэсу 211
Лэдэхун см. Цзиоло Лэдэхун
Любимов А. Е. 208
Лю Да-нянь 192
Лю Сюань-минь 18, 19, 28, 29, 34, 43, 50, 51, 54, **74**, 111, 112, 197, 198, 210, 212, 214—216
Лючань 30
Лю Чжао-ци 167

Майкл Ф. 43
Мала 146, 154—158, 164—167, 172, 175, 186, 187
Маньдай 80
Маньпи 174
Маргань 58
Маци 186, 189
Милованов Иван 25
Мингай 178
Минлэчу 204
Минъай 132, 166
Минъаньдали 97, 100, 137, 161, 169, 207

Михаил Федорович, царь 13
Мо Дун-инь 18, 30, 196, 198
Монгодей см. Мэнъэдэ
Москвитин Иван 94
Мутай 150
Мучэнгэ 60
Мэнгэ-темур (Мэнтэму-дуду, Чжаоцзи Юаньхуанди) 29, 30
Мэнсайр 72
Мэнтэму-дуду см. Мэнгэ-темур
Мэнъэдэ (Монгодей) 147, 207
Мясников В. С. 13, 79, 134, 185, 190, 192

Намияр 155
Наньдию 59
Нара 41
Нартай 57
Нацинь 171
Нигэли (Нихали) 101
Никан-вайлан 32, 33, 197
Никань 46
Николай см. Спафарий
Нихали см. Нигэли
Ноцини 70
Нурхаци (Тайцзу, Тайцзу Гаохуанди, Тайцзу Ухуанди, Хуанкао Тайцзу) 4, 5, 15, 17, 19, 22, 26, 28—30, 32—47, 62, 65, 66, 75, 79, 85, 117, 122, 125, 138, 193, 196—198, 200 203, 212, 216, 217
Нэнтэ 152

Огородников В. И. 12, 51
О-кэ-со-му-кэ см. Аксёнка
Осэ 164, 190
Оуян И 196

Пашков Афанасий 97
Перейра Томас 208
Петлин Иван 13
Плат 199
Поцзили 58
Поярков Василий 17, 94, 204
Пэнчунь 8, 54, 100, 135—137, 142, 159, 167, 169, 170, 173, 215

Рабич Г. 13
Равенштейн Ф. 21
Рейшауэр Э. 20
Росс Дж. 19, 29, 196, 197
Рудаков А. В. 9, 121, 122, 208
Рябов Н. И. 13

Сабиту 70
Сабсу 52, 105, 136, 138, 143, 144, 146, 148—151, 153—155, 157—161, 164, 165, 167, 169—171, 173—175, 177, 180, 186, 189, 207
Садай 63
Саинъэ 4, 10
Сайбулуй 200
Салу 70
Самшика 59—61, 63, 69—71
Сарудай см. Шархуда
Сарцзю 57
Сахай 160
Сахалянь 81
Се Го-чжэнь 88
Сергудай см. Шархуда
Сибаосибяньчу 30
Сидали 64
Синна 68
Синцзу-дуду (Синцзу Чжихуанди, Фумань-дуду) 30
Ситу 57
Ситэку 64—66, 71, 72, 143
Сифу 99, 100
Сицин 4, 10
Сладковский М. И. 13
Солоси 187
Сонготу (Соэту) 25, 186—189, 208
Сосокэ 80
Сохай 69—71
Сочанъа 30
Соэту см. Сонготу
Спафарий Н. Г. (Николай Милеску, Николай) 25, 103, 180
Степанов Онуфрий 12, 96, 97, 99—101, 125, 134, 204
Сурдунъа 36
Сэнгэ 79, 80
Сюань-хуанхоу 29
Сюе Чжун-сань 196
Сюй Чжао-куй 18
Сюнькэло 43
Ся 59
Сяньцзу Ихуанди см. Такэши
Сяокэсэ 174

Табутану 101
Тайцзу см. Нурхаци
Тайцзу Гаохуанди см. Нурхаци
Тайцзун Вэньхуанди см. Абахай
Тайцзу Ухуанди см. Нурхаци
Таксами Ч. М. 11
Такэши (Сяньцзу Ихуанди) 30, 197
Таньбу 69
Тахай см. Бахай
Тачабяньгу 30
Тогодай 65
Тоймо 30

Толбузин Алексей 165, 168, 174
Толга 84
Толо 30
Туйдохунь 67, 96
Тун Гуе-ган, см. Тунгоган
Туна 204
Тунгоган 186, 187, 189, 208
Туронча 84
Тяньмин 42, 117
Тяньцун 58

Убахай (Убахай-батуру) 55—57, 64—66, 69, 199
Укури 203
Умубурдай 174
Умуна 103—105, 109
Унеда 208
У Сань-гуй 73
У Чжэнь-чэнь 4, 9, 10, 102, 199
Уша 167

Фаворов Иван 180
Федор 157, 207
Фань Вэнь-лань 192
Фобао 142
Фокэто 160
Фолунь 168
Фосоно 215
Фукс В. 119
Фумань-дуду см. Синцзу-дуду
Фэйянгу 80
Фэньдали 55
Фэрбэнк Дж. 20

Хабаров Е. П. 17, 54, 95, 96, 206, 216
Хайсэ 95, 99, 100, 137
Хайта 101
Ханаур 147
Харнский К. А. 11
Храповицкий М. Д. 113, 132, 192
Хуанкао Тайцзу см. Нурхаци
Хубуно 167
Хунь-батуру 38
Хунцзи 176, 178
Хэйлай 200
Хэто 69
Хэ Цю-тао 14—16, 66, 74, 197—202, 206, 207, 213, 214
Хэ Ю 161, 166, 167

Цзекань 30
Цзингурдай 55, 56
Цзинцзу см. Цзюечанъань
Цзинь-тайши 44, 45, 211
Цзиоло Лэдэхун 141, 142
Цзиргалан 38
Цзисыха 71, 72
Цзюечанъань (Цзинцзу, Цзинцзу Ихуанди) 30, 32, 197
Цзян Тин-фу 17, 18, 21, 74, 140
Цилудэ 70
Цилэли 69
Цинцзир 174
Цэцэн-хан (Чэчэнь-хан) 155, 156
Цянтули 58, 83
Цяньлун (Цянь-лун) 53

Чаннин 168
Чан Шу 7
Чаньбу 178
Черниговский Никифор 102, 134
Чжан Пэй-юй 186
Чжанхуанди см. Шуньчжи
Чжан Шан-сянь 89, 91, 105, 109, 203
Чжаоцзи Юаньхуанди см. Мэнгэ-темур
Чжао Цюань-чэн 17, 192, 202, 203
Чжаци 79
Чжихуанди см. Синцзу-дуду
Чжобутуй 70
Чжумара 69, 202
Чингисхан 28
Чукуни 68
Чундэ 23, 66, 68
Чуншань 30
Чуянь 30
Чэнь А. Фан-чжи 17, 20, 22, 112, 206
Чэнь В. 17, 20—22, 112, 140, 199, 200, 206
Чэнь Цзин-инь 88
Чэнь Ши-ань 186
Чэчэнь-хан см. Цэцэн-хан

Шархуда (Сарудай, Сергудай) 15, 60, 89, 99, 100, 123, 169, 181, 202, 203
Шицзу Чжанхуанди см. Шуньчжи
Шренк Л. И. 12, 51, 199, 203, 204
Штейн М. Г. 13
Шунков В. И. 130
Шунькэло-батуру 117
Шуньчжи (Шицзу Чжанхуанди) 4, 6, 72, 85, 87, 89, 98, 101, 102, 122, 127—129, 196, 203, 204
Шэнцзу Жэньхуанди см. Канси

Эйду 38, 39
Элуньчжаргуци 67

Эргунь 30
Эрдому 65, 66
Эрпэнь 70
Эрсай 150, 152
Эртунь 69

Юнчжэн 7

Яковлева П. Т. 13, 94, 99, 114, 131, 132, 185, 186, 207, 208
Ян Бинь 4, 9, 10, 85, 86, 88, 117, 125, 199, 204—206
Яно Дзинъити 22—25, 111
Ярофейко см. Хабаров Ерофей
Ярыжкин Петр 98
Яцина 152, 167
Яцинь 167

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авань 210
Автономный округ Внутренняя Монголия 3
Авунское 97
Азия 111
Айху см. Айхунь
Айхунь (Айху, Хэйлунцзянчэн) 8, 65, 113, 116—118, 120, 132, 137, 138, 144, 145, 150, 152, 153, 166, 170—172, 177, 181, 206—208, 213, 214
Айхуцзян см. Тумыньцзян
Акули 210
Акулихэ 210
Албазин («Якса», Албазинский острог) 6, 8, 15, 16, 23, 52, 54, 73, 93, 95, 100, 102, 116, 130—132, 135—137, 139—142, 144—151, 153—170, 172—177, 179—181, 183—188, 190, 192, 195, 201, 204, 206, 207, 214, 215
Албазинский уезд 131, 184, 194
Албазинское воеводство 131
Албазиха 204
Алидай 63, 213
Аличань 70, 214
Альчука см. Ачэн
Алэчукэчэн см. Ачэн
Амгунь (Хэнгунь, Хэнкунь) 131, 132, 134, 154, 186
Амноккан см. **Ялуцзян**
Амур (Сахалянь, Сахалянь-ула, Сахаляньхэ, Хэйлунцзян) 6, 8, 11—13, 15, 16, 19—25, 27, 43, 44, 51—54, 61, 66, 69, 70, 72, 73, 75, 77, 83, 84, 92—103, 106, 111, 113, 114, 116, 118—120, 125, 128, 130—140, 143—148, 150—154, 157—164, 166, 168, 170—178, 181—183, 185—190, 193—195, 197—202, 204, 206—208, 212, 214, 217
Амурская область (Амурский край) 11, 12, 204
Анбань-тулакухэ 204
Андрошкина 130
Аньбахэ 214
Аньба-яхахэ (Аньбань-яхахэ, Большая Яхахэ) 212
Аньба-ярхухэ 211
Аньтугуарцзя 214—216, 217
Аньчулаку см. Ачэн
Аньшань 85
Аргунский острог 130
Аргунь (Элигуна) 16, 131, 133, 155, 168, 188, 189
Арчукатунь см. Ачэн
Асацзинь 69, 70, 213
Ауминский улус 97
Ацзигэ-тулакухэ 204
Ацзигэ-яхахэ (Малая Яхахэ) 212
Ацзинахэ 33
Ацилань 211
Ачанский городок (Ачанский острог) 54, 95, 96, 99, 100, 216
Ачэн (Аньчулаку, Арчукатунь, Алэчукэчэн, Альчука) 36, 113, 205, 210

Байкал 66, 131
Байча 168
Байшишань 211
Бандинский улус 98
Баньцзайташань 211
Баоитунь 154
Барда 217
Бахана 69, 214
Белые горы см. Чанбошань
Бодунэ 113, 118, 201, 203
Боихунь 216
Большая пустыня 108, 116
Большая Яхахэ см. Аньба-Яхахэ
Большое Гэрдасу (Да Гэрдасу) 213
Бохэли 70, 213
Бохэлихэ 213
Бражнов улус 97
Бурея (Нюмань) 43, 132, 154, 186

Буринсков улус 98
Бурмадохэ см. Бурмафухэ
Бурмафухэ (Бурмадохэ) 155, 207
Бу[фа]тэхаула 206
Буян улус 98
Бык 98
Бэйгуань 41
Бэйлин 203
Бэйпин см. Пекин

Вайсинъаньлин см. Становой хребет
Ванцзя 210
Ванцихэ 211
Вацици 213
Великая китайская стена (Великая стена) 45, 112
Верхне-Монастырская 130
Верхозейский острог 130, 131
Внутренний Китай 73, 85, 87, 88, 93
Вонаньхэ см. Онон
Восточная Монголия 21
Восточная Сибирь 94
Восточное море см. Японское море
Восточно-Сибирское воеводство 94
Восточный Хамалин хр. (Дахэйшань) 214, 215
Вохэйхэ 55
Вэйюаньпу 37, 41, 106, 107, 205
Вэнголо 211
Вэньдохэ 65, 213

Гайпинсянь 92, 115
Гайцин 80
Гайчжоу 85, 89, 90
Гань 71, 213
Гаолиин 216
Гаопиншалин 90
Гирин (Ула, Улачэн, Ула-Гирин, Цзилинь, Цзилинь-ула, Цзилиньчэн, Чуаньчан, Юнцзичжоу) 3, 4, 8—10, 22, 50, 52, 53, 88, 93, 102, 104, 105, 107, 111—117, 119, 123—125, 135—138, 141—145, 149—153, 166, 171, 175, 178, 186, 194, 203, 205, 211, 212, 215, 216
Гиринская провинция 103, 108, 198
Гобжайское 97
Гобор 70
Гобугэр см. Гэбор
Годо 215
Горлос 41, 82, 152
Граница ивовых тычин (Лютяобянь) 108, 115, 117, 118
«Граница отдельных тычин» 89
Гуалар 70
Гуаннин 89—91
Гуаннинсянь 91, 115
Гуаннинфу 91
Гуаннинчжоу 91
Гуанчэн 85
Гуйгударов городок 206
Гуйфу 89
Гулэ 197, 215, 217
Гулэшань 214, 217
Гунун 63
Гэбор (Гобугэр) 63, 213
Гэньхэ 155
Гэрдасу 63, 213
Гэрдасунь 70, 213

Да-Гэрдасу см. Большое Гэрдасу
Далинхэ 89
Далинхэ, р., см. Цинхэ
Дальний Восток 3, 4, 11—14, 16, 18, 26, 28, 48, 50, 54, 66, 74, 78, 93, 94, 99, 110, 120, 139, 140, 164, 173, 192, 194, 195, 197
Дамулушань 41
Дамынь 65
Даурская земля см. Даурия
Даурия (Даурская земля) 13, 101, 132, 159, 170, 191
Дахэйшань см. Восточный Хамалин хребет
Дачкиево 97
Дашэнъулачэн 215
Джаори 95
Джунгарское ханство 180, 187, 189
Доби (Добичэн) 216
Добоку 64, 213
Докэ 70, 213, 214
Долонский острог 130, 131
Доцзинь 69, 214
Дочэнь 69, 70, 213
Дули 213
Дунбэй см. Северо-Восточный Китай
Дунляохэ (Хэйэрсухэ) 212
Дунцзин 85
Дунцзя 33, 216, 217
Дунцзяцзян 204
Дунчэн 217
Дунчэн см. Ехэчэн 45
Дунъо (Дунъэ) 211
Дунъохэ см. Хуньцзян
Дунъошань 211
Дунъэ см. Дунъо
Дунъэхэйкулунь 42, 210

Дуншахэ 115, 116
Дуньхуа 211
Дурбот 152, 166
Дусунь 70, 213
Дэдур 70, 213
Дэлинбай 155
Дэнсэтунь 141, 142

«Ежэнь-вэй» 196
Ендонский улус 98
Ерулусков улус 98
Ефофдергиево 97
Ехэнэинь 104
Ехэнэиньхэ 204
Ехэйхэ см. Тунхэ
Ехэхэ см. Тунхэ
Ехэчэн (Дунчэн) 45, 211, 212
Ехэшаньчэн (Сичэн) 212

Желтое море 66
Жунхэ 115

Забайкалье 14, 97, 130, 131, 191
Западно-Корейский залив (Южное море) 66
Западный Лаоелин, (Иханьшань) 38, 215
Зейское зимовье 131
Зея (Цзинцилицзян) 23, 51, 54, 66, 69, 70, 94, 131—133, 138, 139, 147, 148, 186, 200, 213

Ивовая граница см. Ивовый палисад
Ивовый палисад (Ивовая граница, Любянь) 4, 9, 10, 20, 23, 24, 49, 106, 108, 111, 115, 116, 118, 121, 125, 141, 170, 183, 194
Игнашино 130
Ильинское 130
Илэдэнхэ 33, 216, 217
Интай 142
Иньдамухэ 217
Иньдахунь 44, 217
Инъэ см. Инъэбяньмынь
Инъэбяньмынь 205
Ирмыньхэ 142
Итун (Усу) 41, 212
Итунькоу 142, 143
Итуньмынь 118, 141—143
Итуньхэ 141, 143
Иулюйшань 116, 118
Иханьалинь (Иханьшань) 38, 215
Иханьхэ 215
Иханьшань, г. см. Иханьалинь
Иханьшань см. Западный Лаоелин
Ичжоу 85
Ичэфэн 216

Кайюань 26, 44, 89, 91, 205, 216
Кайюаньсянь 92, 108, 115
Камлымский улус 98
Касукин улус 98
Киронский улус 98
Киртинское 97
Китай (Срединное государство) 3, 5, 6, 9, 11, 13, 16—21, 27, 33, 40—42, 44, 45, 47, 73, 78, 85, 86, 88, 97, 98, 103, 104, 106, 112—114, 119, 126, 132, 134, 135, 139, 140, 157, 171, 175, 179, 180, 192, 193, 197, 205, 207
Китайская Народная Республика 3, 198
Комара см. Кумара
Комарский острог см. Кумарский острог
Корея 26, 33, 45, 47, 54, 55, 57, 64, 103, 104, 108—112, 126, 127, 138, 139, 199, 204, 205
Корцинь 41, 63, 65, 112, 200
Куанцзоу 146
Куаньдянь 35
Кубачала 213
Куби 98
Куедао см. Сахалин
Кулумуту 59, 213
Кумара (Комара, Хумалихэ, Хумархэ) 51, 69, 96, 100, 130, 137, 138, 144, 145, 150, 186, 213
Кумарский острог (Комарский острог) 96, 97, 99, 100, 130, 207
Куньдулунь 63
Куркэхэ 51
Курханьцзян см. Муданьцзян
Кэбуцилай 212
Кэинь 63, 213
Кэитэ 45, 212
Кэркэ см. Халха
Кэркэму 213, 214
Кэшихэ 211

Лаличань 69, 213
Ламское море см. Охотское море
Лаоелин Западный см. Западный Лаоелин
Лаочэн см. Хэтуала
Лафа 57, 212
Лена (Лиянацзян) 93, 191
Лицзякоу 146

Лиянацзян см. Лена
Лунтигирское 97
Лэфучаньхэ 205
Любянь см. Ивовый палисад
Люйшунь 89
Люйянъи 90
Лютяобянь см. Граница ивовых тычин
Люцю см. Рюкю
Лючжоухэ 115
Ляньшань 89
Ляодун 26—28, 32, 33, 37, 40, 44, 45, 51, 62, 85, 87, 107, 112, 193, 196, 217
Ляодунский полуостров 40, 115
Ляонин 3, 26, 197, 212
Ляоси 45, 85, 87
Ляохэ 18, 75, 89, 108, 115, 116, 141, 143
Ляоян (Ляоянчжоу, Ляоянфу) 45, 62, 87, 90, 115, 203
Ляоянчжоу см. Ляоян
Ляоянфу см. Ляоян

Маги улус 98
Маканских улус 98
Маканьское 97
Малая Яхахэ см. Ацзигэ-яхахэ
Малое Гэрдасу (Сяо-Гэрдасу) 213
Манзинский улус 98
Маньчжоу, владение (Маньчжоу-го) 5, 28, 29, 32—38, 42, 44, 46, 47, 54, 57, 111, 198, 200
Маньчжоу-го, империя 5
Маньчжурская империя см. Цинская империя
Маньчжурское государство 5, 11, 15, 19, 21, 22, 24, 34, 40, 44, 45, 54, 57, 62, 67, 73—77, 80—82, 84, 86, 101, 109, 111, 127, 139, 193, 194, 200, 202
Маньчжурское объединение 27, 31—33, 47, 197
Маньчжурия 3, 73, 111, 193
Маолинь 26
Маоминъань 64
Мардунь 214
Марицкое 97
Меенский улус 98
Минская империя 18, 26, 29, 43—45, 54, 72, 75, 76, 89, 193, 197, 205
Могженский улус 97
Мокэдин 144, 145
Молэгэнь см. Нуньцзян
Монастырщина 130
Монголия 20, 21, 71, 82, 111, 112, 145, 189, 202
Моргэнь см. Нуньцзян
Морхуньтунь 154
Морчавинское 97
Московское государство 131
Мошино 97
Мудань 70, 213
Муданьцзян (Курханьцзян, Урха, Холохэ, Хурхахэ) 27, 48, 50, 51, 73, 83, 92, 99, 113, 134, 186, 211
Муйра 98
Мукден (Фэнтянь, Фэнтяньфу, Шэнцзин, Шэньян) 4, 5, 8, 9, 19, 45, 61, 62, 71, 81, 85—87, 89—93, 97, 105, 106, 108—110, 112, 114—119, 121—124, 126—128, 132, 142, 143, 150, 161, 170, 178, 179, 181, 197, 203, 205
Мукденский округ (Фэнтяньфу) 205
Мулинхэ 210, 216
Мулунь 39, 210
Мулусусу 51
Мэнгуюй 211
Мэргэнь, г. см. Нуньцзян

На 59
Намдорское 97
Намдулу 38, 48, 79, 210
Нанайский район 95
Наньгуань 37
Наньшахэ 116
Натунь 213
Нелбицкое 97
Перча 97
Нерчинск 13, 15, 16, 18, 24, 25, 116, 130, 131, 135, 136, 139, 140, 144, 154—157, 163, 168, 170, 173—177, 179, 184—192, 208, 209
Нерчинский острог 97
Нерчинский уезд 173
Нерчинское воеводство 130
Ниербо 213
Нимань 55, 210
Ниманьхэ 210
Нимача 38, 79, 210
Нингута, г. 4, 8—10, 17, 19, 22, 50, 52, 55—57, 65, 85—89, 91—93, 99—102, 104, 107, 112, 113, 115—118, 120—128, 136—138, 143—145, 149—151, 153, 171, 175, 178, 186, 194, 198, 199, 202—206, 210
Нингута, местность 38, 48, 79, 210
Нинъань 17, 210, 211
Нинъюань 85, 89, 90, 147

Нинъянчжоу 115
Ноло 44, 217
Нолохэ 217
Нолэй 210
Ноницзян см. Нуньцзян
Нонни см. Нуньцзян
Ноньцзян см. Нуньцзян
Нора 98
Норгэр 213
Нуминь 190
Нуньцзян, г. (Моргэнь, Молэгэнь, Мэргэнь) 113, 118, 120, 137, 170—173, 176, 177, 181
Нуньцзян, р. (Ноницзян, Нонни, Ноньцзян) 52, 54, 73, 99, 111, 113—116, 118, 119, 170, 186, 194, 214
Нэйхэ 36, 210
Нэнцзир (Нэнцзилэтунь) 213
Нэнцзилэтунь, селение см. Нэнцзир
Нюйэрхэ 115
Нюмань см. Бурея
Нючжуан 85, 89, 115
Нянмунянкухэ 204

Одоли 197
Озерная 130
Онон (Вонаньхэ) 76
Ордо 32, 33
Орхунь 213
Охотское море (Ламское море, Северное море) 65, 76, 94, 112, 154, 201

Паново 130
Паньшаньи 90
Пекин (Бэйпин) 17, 73, 85, 89, 91, 93, 98, 101—105, 122, 128, 149, 150, 154, 157, 162, 174, 187—189, 203, 204
Пинъухэ 213
Погадаева 130
Покровская 130
Приамурье (Даурская земля) 3, 6, 10—14, 18, 20, 21, 24, 25, 27, 52, 53, 67, 70, 77, 81, 82, 85, 93—99, 101—103, 106, 107, 113, 114, 116, 121, 122, 129—131, 134, 135, 137, 139, 141, 143, 145, 148, 151, 153, 157, 159, 161, 162, 166, 167, 170—172, 179, 181—185; 194, 195, 199—201, 204, 206
Прибайкалье 97
Приморье 6, 11, 12, 20, 77, 193

Россия см. Русское государство
Русское государство (Россия) 3, 11, 13, 14, 17—19, 21, 23—25, 52, 66, 99, 100, 102, 103, 106, 110, 114, 117, 131, 132, 134, 135, 139, 140, 150, 159, 162, 163, 165, 167, 172, 173, 176, 180, 182, 183, 185, 186, 188—190, 192, 194, 195, 198, 204, 205, 207, 208
Рухцамисков улус 48
Рюкю (Люцю) 127

Сайбуци 63, 213, 214
Сайиньнэиньхэ 204
Саймукэлэ 210
Сайчжулуньхэ 34, 214
Сали 213
Саньдаогоу 204
Саньсин, местность 83
Саньсин, г. 50, 83, 118, 203, 213
Саньтуньхэ 216
Саньчахэ, г. 89
Саньчахэ, р. 90
Сарху 215
Сархухэ 215
Сахалин (Куедао) 94, 112, 119
Сахалянь см. Амур
Сахаляньхэ см. Амур
Сахалянь-ула см. Амур
Сахарча 68, 80, 201, 202
Северная Маньчжурия 20
«Северное море» 66
Северное море см. Охотское море
Северный Китай 26, 45
Северо-Восток см. Северо-Восточный Китай
Северо-Восточное море 75
Северо-Восточный Китай (Дунбэй, Северо-Восток КНР) 3, 4, 6, 8—13, 17—20, 22—24, 26, 27, 29, 33, 44, 45, 47, 52—54, 75, 76, 84—88, 91, 96, 103, 105—108, 110, 112, 114, 119, 125, 136, 137, 143, 146, 170, 179, 183, 193—195, 197, 199, 202, 203, 205, 214
Северо-Западное море 75, 76, 135
Селемджа 43
Селемджинский острог 130, 131
Селенгинск 208
Сибирь 11, 12, 14, 24, 25, 66, 140, 163, 206
Сикэташань см. Сихотэ-Алинь
Силасинь 44, 217
Силасиньхэ 217
Силинь 42, 211
Силинь, р. 211
Синкайху см. Ханка
Синлин 33
Синцзин см. Синьбинь

Синшань 89
Синьбинь (Синцзин) 19, 85, 89, 91, 107, 115, 179, 197, 203, 205, 212, 215
Синъань см. Синъаньлин
Синъаньлин (Синъань, Хинганский хребет) 137, 192
Синьчэн 85
Сихотэ-Алинь (Сикэташань) 108—110, 204, 205
Сичэн см. Ехэшаньчэн 212
Солдатово 130
Сорко 146
Соудэн 146
Соудэнхэ 216
Спасский монастырь 130
Срединное государство см. Китай
СССР 13
Становой хребет (Вайсинъаньлин) 43, 54, 112
Суань, м. 214
Суйфунь 48, 53, 73, 210, 211
Суйфэнь 38, 79, 210, 211
Суйха 216
Суйхахэ 216
Суксухухэ см. Суцзыхэ
Сунгари (Сунгари-ула, Сунгэли, Сунхуацзян, Сунъали, Улахэ, Улацзян, Шингал) 15, 22, 27, 39, 46, 48, 50—52, 59, 61, 65, 73, 75, 83, 93, 97—101, 105, 113, 114, 116—119, 123, 125, 134, 137, 141—143, 168, 182, 183, 186, 194, 199—202, 204, 206, 212—215
Сунгари-ула см. Сунгари
Сунгэли см. Сунгари
Сунхуацзян см. Сунгари
Суншань 89
Суншаньпуфэн 216
Сунъали, местность 59
Сунъали см. Сунгари
Суньчжатай 40, 215
Суцзыхэ (Суксухухэ) 29, 32, 33, 146, 214, 215, 217
Сюнъяо 85
Сюньдао 24
Сюянь 85
Сяо-Гэрдасу см. Малое Гэрдасу
Сяолинхэ 115
Сяо-Синъаньлин, хр. см. Хинган Большой хребет

Тайвань 161
Тайцзыхэ 115, 146
Такулала 44, 198, 217
Танхэ 115
Татарский пролив 51, 65, 120
Ташань 89
Телин 44, 90, 203, 216
Телинсянь 92, 108, 115
Тихий океан 94, 110
Томохэ 32, 216, 217
Томь 43, 200, 213
Тосиньхэ 216
Троицкое 95
Тудунь 32, 197, 214, 215
Тумалинский улус 98
Тумот 41, 112
Тумыньцзян (Айхуцзян) 48, 66, 105, 204, 205, 211
Тунхэ (Ехэйхэ, Ехэхэ) 41, 211, 212
Тунчжоу 142
Туньсэцинь 188
Тухурчань 213

Уда 110
Уиньтунь, Уинь 59, 213
Уксин улус 97
Укур 69, 214
Укурхэ 214
Укшиминское 97
Ула, г. 215
Ула, см. Гирин
Ула-Гирин см. Гирин
Улайбудин 69, 214
Улакэ 70, 213, 214
Улань 63
Уланьхайлунь 69, 214
Улахэ см. Сунгари
Улацзян см. Сунгари
Улачэн см. Гирин
Улиево 97
Улин, Улиншань 32, 212
Улунакэ 69
Улунцзян 102
Улусу 51, 63, 65, 69, 201, 214
Улусумуданьчэн 214
Улья 94
Уми 98
Умунакэ 214
Ургучэнь 39, 211
Урка см. Уркан
Уркан (Урка) 95
Урха см. Муданьцзян
Урцзи 210
Урцзянхэ 43, 213
Успов 97
Уссури (Уссулицзян, Ушур) 22, 48, 50—52, 73, 95, 97, 98, 114, 119, 120, 125, 194, 206, 210, 216, 217
Усть-Стрелочный острог 97, 130
Усть-Улья 94
Усу см. Итун
Усулицзян см. Уссури

Учжала 50, 54, 55, 73, 79, 100, 137, 216
Учжумуцинь 145, 146
Ушур см. Уссури

Факумынь (Факу) 71, 111, 202
Фанский улус 98
Фатэха 107, 113, 118, 205
Фендерский улус 98
Фодолокунь 43, 213
Фодохэ 36
Фодохэхэ 36, 211, 212, 214
Фодохэшань 212
Фонэхэтокэсо 38, 211
Фулин 116, 203
Фурха 40, 215
Футиев улус 97
Футиси 214
Фуцзянь 136, 160, 166
Фуцзярци 216
Фучжоу 89
Фушунь 26, 29, 52, 90, 91, 193, 203, 217
Фэйю 38, 210
Фэнтянь см. Мукден
Фэнтяньфу см. Мукден
Фэнтяньфу см. Мукденский округ
Фэнхуан (Фэнхуанчэн) 85, 89, 90, 115
Фэнхуаншань 107, 116

Хада см. Хадасиньчэн
Хадасиньчэн (Хада, Хадачэн, Хада-Новый город) 37, 210, 216
Хадахэ см. Цинхэ
Хадацзючэн (Хада-Старый город) 216
Хадашичэн (Хада-Каменный город) 216
Хайланьхэ (Хайлань) 199, 211
Хайлар см. Хулунь-буир
Хайлунь 63, 214
Хайси 26, 27, 37, 41, 193
«Хайси-вэй» 196
Хайчжоу 85
Хайчэн 87, 90
Хайчэнсянь 115
Халгиево 97
Халха (Кэркэ) 68, 112, 156, 180, 187
Ханка (Синкайху) 119, 210
Ханцзялу 33, 216
Харшань 146
Хинган, Большой хребет (Сяо-Синъаньлин) 51
Хинганский хребет см. Синъаньлин
Хойкэ 212
Хойфасячэн 216
Хойфафэн 216
Хойфахэ 38
Хойфахэчэн 216
Хойфачэн 38, 216
Холохэ см. Муданьцзян
Хотунский улус 97
Хоусо 89
Хуабочунь 211
Хуангудао 89
Хуаннива 89
Хуе 38, 211
Хулань 113
Хуланьфэн 211
Хулунь 37, 41
Хулуньбуир (Хайлар) 113, 214
Хулуньское объединение 27, 35, 37, 40, 41, 44, 46, 47
Хумалихэ см. Кумара
Хумар 51
Хумархэ см. Кумара
Хунлошань 116
Хунцзуй 89
Хуньтунцзян 50, 65, 113, 115, 118, 119, 204, 205
Хуньхэ 29, 32, 33, 115, 146, 206, 215—217
Хуньцзян (Дунъохэ) 33, 211
Хуньчунь г. 210, 211
Хуньчунь, р. 210
Хурха 39, 46, 50
Хурхахэ см. Муданьцзян
Хурцишань 216
Хэдунь 212
Хэйлунцзян, местность 18, 23, 50, 58, 59, 61—64, 66—68, 72, 74, 76, 80, 81, 83, 87, 100, 117, 118, 120, 136, 149, 150, 159—162, 164—168, 170—173, 178, 179, 181, 182, 197, 199, 200, 202, 203, 207
Хэйлунцзян, р. см. Амур
Хэйлунцзян, провинция КНР 3, 4, 8, 10, 18, 23, 50, 113, 116, 117, 119, 193—195, 198, 203
Хэйлунцзянчэн см. Айхунь
Хэйцзигэ 215
Хэйэрсу 113, 205, 212
Хэйэрсухэ см. Дунляохэ
Хэнань 160, 161
Хэнгунь см. Амгунь
Хэнкунь см. Амгунь
Хэсихэй 38, 211
Хэтуала (Лаочэн) 29, 197, 212, 214
Хэтуала, долина 29
Хэшихэтунь 211

Цзефань 146, 215, 217
Цзиданъа 212

Цзилинь см. Гирин
Цзилинь-ула см. Гирин
Цзилиньфэн 216
Цзилиньчэн см. Гирин
Цзинбоху 211
Цзинцилицзян см. Зея
Цзинъэньфолочжань 215
Цзинь, империя 28
Цзиньчжоу, креп. 40, 215
Цзиньчжоу, г. 85, 89—91, 115, 118, 147, 205
Цзиньсянь 91
Цзюгунтай 108, 205
Цзюйлюхэ 142, 143, 147
Цзябань 32, 217
Цзямуху 215
Цзяньчжоу 26—29, 36, 52, 107, 111, 193, 198, 199
Цзяньчжоу-вэй (округ Цзяньчжоу) 26, 33
Цилотай 71, 214
Цинская империя (Цин, Цинское государство, Маньчжурская империя) 3—6, 8—11, 13, 16, 17, 19, 20, 22—25, 52, 53, 75—77, 81, 82, 91, 92, 101, 103—117, 119, 122, 124—126, 128—130, 134, 135, 139, 141, 143, 147, 156, 163, 172, 176, 180, 183—186, 188—195, 197—199, 204, 205, 207, 208
Цинхэ (Далинхэ, Хадахэ) 33, 37, 115, 210, 216
Цифу 108, 204
Цицзида 211
Цицикар (Цицихар) 52, 113, 118, 120, 197, 203
Цицихар см. Цицикар
Цяньвэй 89
Цяньшань 118

Чагда 98
Чайхэ, селение 216
Чайхэ, р. 37, 216
Чакэдань 175, 181, 188
Чанбошань (Белые горы, Чанпэксан) **28, 36, 65, 75, 103**—105, 109, 117, 118, 193, 197, 198, 204, 205, 212
Чанбошаньское объединение 27, 34, 35
Чанпэксан см. Чанбошань
Чахарское ханство 45, 54
Чжакумулу 33, 217
Чжакута 39, 48, 211
Чжакэ 215
Чжакэгуань 214, 215
Чжалайтэ 166
Чжангуанцайлин 38
Чжанчэн 212
Чжаньхай 212
Чжаньхань 45
Чжаньхэ 215
Чжаоцзя 33, 216, 217
Чжили 160, 161
Чжуан 101
Чжуащяньсо 89
Чжэньцзян (Чжэньцзянчэн) 89, 205
Чжэсунъэхэ 215
Чокучань 213
Чол (Чорхэ) 214
Чолтурский улус 98
Чормынь 59, 214
Чорхэ см. Чол
Чуаньчан см. Гирин
Чэндэсянь 92

Шалинь 116
Шантарские острова 94, 110
Шанъянпу 203
Шаньдун 26, 160, 161, 165, 179
Шаньмучан 146
Шаньси 160, 161
Шаньхайгуань (Шаньхайгуаньская застава) **26, 73, 85, 89,** 106, 108, 112, 114, 115, 129, 179, 205
Шаньчапу 211
Шаньчэн 217
Шаолин 116
Шара-Мурэнь 75
Шахэ 89
Шацзи 197, 215
Шербадаев улус 97
Шилка 67, 97, 130, 189
Шингал см. Сунгари
Шингалова 130
Шишаньчжань 90
Шукэтэку 213, 214
Шэнцзин см. Мукден
Шэньян см. Мукден

Ыркунское 97
Ылгиево 97

Элигуна (Элигуно) см. Аргунь
Элэ см. Элэюэсо
Элэгэхэ 214
Элэюэсо (Элэ) 73, 210
Эмохэсолочжань (Эмохэсулу, Эмохэчжань) 38, 205, 211
Эмохэсулу см. Эмохэсолочжань
Эмохэчжань см. Эмохэсолочжань
Эрдэмур 67, 214
Эрту 70, 71, 213, 214
Эрхунь 33, 197, 217

Эсули 51, 63, 67, 71, 136, 145 147—149, 154, 158, 165, 166, 206
Этици 213, 214
Эхань 215
Эхэ, р. 141
Эхэ см. Эхэйкулунь
Эхэйкулунь (Эхэ) 73
Эхэнэинь 212
Эхэнэиньхэ 36, 204, 212
Эцзитай 212

Юаньтайхэ 115
Южная Монголия 26
Южное море см. Западно-Корейский залив
Юйшань 116
Юйэргэнь 63, 213, 214
Юнлин 116, 203
Юнцзичжоу см. Гирин
Юркунское 97
Ютуньвэй 90

Яблоновый хребет 112
Ягуский улус 97
Якса, г. 17, 69, 73, 201, 213, 214
«Якса» см. Албазин
Якутия 131
Якутск (Якутский острог) 94, 139, 163, 164, 208
Якутская область 176
Якутский острог см. Якутск
Якутское воеводство 131, 204
Ялань, местность 42
Ялань (Яланьхэ), р. 211
Ялуцзян (Амноккан) 26, 35, 65, 89, 105, 204
Янцзихэ 116
Яншэнмухэ 115
Яньчжу 199, 212
Яочжо 85
Япония 5
Японские острова 110
Японское море (Восточное море) 15, 28, 42, 43, 46, 50, 53, 56, 64—66, 76, 108, 109, 114, 119, 198, 199, 202, 204, 205, 211
Яргу 211
Яха 212

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Военные походы маньчжуров на племена и народности Северо-Востока (1583—1644 гг.)** 26

Завоевание и объединение Нурхаци соседних чжурчжэньских племен (1583—1626 гг.) 26

Расселение племен и народностей Северо-Востока в первой половине XVII в. 47

Военные походы Абахая на народности Северо-Востока . . 54

Походы маньчжуров на восток и северо-восток . . . 55

Маньчжурские походы на север и северо-запад . . . 58

Глава II. **Северо-Восток и Приамурье в 1645—1682 гг.** 85

Статус Северо-Востока после вторжения маньчжуров в Китай 85

Первые русские землепроходцы на Амуре и начало хозяйственного освоения русскими Приамурья 93

Географические представления маньчжуров о Северо-Востоке и северо-восточные границы Цинской империи 103

Взаимоотношения Цинов с местными северо-восточными племенами 121

Глава III. **Территориальная экспансия Цинской империи в Приамурье (1682—1689 гг.)** 130

Успехи хозяйственного освоения русскими Приамурья и вторжения на Амур маньчжурских войск 130

Трудности разрешения проблемы снабжения и подготовка маньчжуров к первой осаде Албазина 141

Первая осада Албазина и последующие мероприятия Цинов в Хэйлунцзяне 167

Подготовка маньчжуров к вторичному нападению на Албазин и его безуспешная осада 173

Заключение 185

Примечания 196

Приложение 210

Отождествление населенных пунктов на территории северо-восточных племен 210

Библиография 218

Указатель имен 232

Указатель географических названий 237

Георгий Васильевич Мелихов

МАНЬЧЖУРЫ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ
(XVII в.)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *О. Л. Горбунова*
Младший редактор *Р. Г. Селивачова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *Р. М. Каликштейн* и *Л. И. Письман*

Сдано в набор 31/I 1974 г. Подписано к печати 8/VII 1974 г. А-09437. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 17,22. Тираж 4000 экз. Изд. № 3404. Зак. № 122. Цена 1 р. 08 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут в 1974 году

Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы. 416 стр.

Малухин А. М. Китайское крестьянство в революции 1925—1927 гг. 200 стр.

Фомина Н. И. Антицинская борьба на юго-востоке Китая в середине XVII века. 256 стр.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Исправление

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
63	3 св.	принадлежавшего ему имущества	земель Хэйлунцзяна, в нем говорится только о необходимости увода населения и захвата принадлежавшего ему имущества.

Зак. 719

Цена 1 р. 08 к.